

Ежемесячный
литературно-художественный журнал

ПОДЪЁМ

Издается
с января 1931 года

Главный редактор
Иван ЩЁЛОКОВ

Редколлегия:

АВРУТИН А.Ю. (Минск, Беларусь)
АГЕЕВ Б.П. (Курск)
АКАТКИН В.М.
АРШАНСКИЙ В.С. (Мичуринск)
БОНДАРЕВ Ю.В. (Москва)
ГОЛУБЕВ А.А.
ЖИХАРЕВ В.И.
ИВАНОВ Г.В. (Москва)
ИЩЕНКО Е.Н.
КАН Д.Е. (Новокуйбышевск)
КОНДРАТЕНКО А.И. (Орел)
ЛАПИН А.А.
ЛЮТЫЙ В.Д. — заместитель главного редактора
МИЗГУЛИН Д.А. (Ханты-Мансийск)
МОЛЧАНОВ В.Е. (Белгород)
НЕСТРУГИН А.Г.
НИКИТИН В.Н.
НОВИЧИХИН Е.Г.
НОВОХАТСКИЙ В.Е. — ответственный секретарь
ПАВЛОВ Ю.М. (Армавир)
ПЕРМИНОВ Ю.П. (Омск)
ПОНОМАРЁВ А.А. (Липецк)
РОМАНОВСКИЙ А.Г. (Харьков, Украина)
СЫРНЕВА С.А. (Киров)
СЫЧЁВА Л.А. (Москва)
ШАЦКОВ А.В. (Москва)
ШЕМШУЧЕНКО В.И. (Санкт-Петербург)
ЯКУНИНА Г.П. (Владивосток)

Воронеж

3 ■ 2014

ПРЯМАЯ РЕЧЬ	Сергей БЫЧУТКИН, глава администрации Эртильского муниципального района. По запросам времени и жизни 5
ПРОЗА	Анатолий САНЖАРОВСКИЙ. Колокола весны, или Герой из Книги рекордов Гиннеса . Роман..... 13 Виктор ЧЕКИРОВ. Как нарисовать птицу . Рассказ..... 90 Про меня эта песня . Бабушкины истории. (Публикация Дины ПОЛУЭКТОВОЙ)..... 101 Валерий ПЛАТОНОВ. Веселые люди . Рассказ..... 125 Виктор АЛЁХИН. Только три слова . Рассказ..... 130 Пятирим ВАРФОЛОМЕЕВ. Дай лапу на счастье . Непридуманные рассказы о собаках..... 136
ПОЭЗИЯ	Николай БОЕВ. Бесхитрый странник . Стихи..... 8 Василий БОКОВ. Серебряные травы . Стихи..... 87 Павел ПОВОРОВ. Воронцы . Стихи..... 98 Виталий АПЕВАЛОВ. На холодном ветру . Стихи..... 121 Виктор ЮРОВ. Утро . Стихи..... 134 У крутой излучины . Стихи эртильских поэтов..... 151
ИСТОКИ	Эдуард ЕФРЕМОВ. Поле неделимое . (Завьяловская школа духовности)..... 156
ПАМЯТЬ	Иван ЧУРИЛОВ. Атака на крейсер . (Герой Советского Союза, заслуженный штурман Евгений Кабанов)..... 179
ДАЛЕКОЕ- БЛИЗКОЕ	Валерий ПЛАТОНОВ. Страницы прошлого ластая ... (Заметки историка-краеведа). Трагедии крестьянских бунтов. Люди и сахар. Как «находили» врагов. Прифронтовой Эртиль. Два художника 193
ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС	Дмитрий ВАСИЛЕНКО. Экспедиция воеводы . (Поход И.И. Тевяшова на реки Битюг и Осередь)..... 208 Василий РАЗУМОВ. Ничего необычного 212 Федор ПОНЯТОВСКИЙ. Жили-были рядом села 224 Год за годом, век за веком ... (Историческая хроника)... 210
ОТЧИЙ КРАЙ	Леонид СЕМАГО. Оазис в степи 231
СУДЬБЫ	Эдуард ЕФРЕМОВ, Андрей МАРЧЕНКО. До боли близкий голос 234 Оксана СОТНИКОВА. Мы у него учились 236

Орел с лазоревым мечом

В золотом поле, над зеленой оконечностью, обремененной тремя серебряными поставленными на угол кубами, - червлёный, с серебряными глазами, клювом, языком и лапами, орел с распростертыми крыльями, держащий в лапах лазоревый меч (древний акинак).

Золотое поле щита с зеленой оконечностью аллегорически показывает эртильскую степь, изменяющую свои цвета с весны до осени. Позднее ее называли степью князя Орлова, по фамилии владельцев обширных земельных угодий. Червлёный орел – указывает на владельцев этих земель. Появление города Эртиля связано с хозяйственной деятельностью князей Орловых... Воздетые крылья орла аллегорически означают устремленность в будущее... Древний меч (акинак) в лапах у орла показывает на одну из интереснейших археологических находок – железный меч скифского времени, найденный в одном из курганов у села Борщевские Пески и хранящийся в Эртильском краеведческом музее... Серебряные кубики символически указывают на традиционное для района производство сахара...

Герб утвержден решением Совета народных депутатов Эртильского муниципального района от 5 декабря 2007 года.

Александр Гольшев. Притяжение памяти

Сергей Бычуткин,
*глава администрации
Эртильского
муниципального района*

ПО ЗАПРОСАМ ВРЕМЕНИ И ЖИЗНИ

Наш край по всем параметрам – типичная черноземная глубинка. Эртильский район расположен на северо-востоке области в 140 километрах от Воронежа. На площади в 1458 квадратных километров проживает более 25 тысяч человек. Соседями являются верхнехавцы, панинцы, аннинцы, терновчане и жители южных районов Тамбовской и Липецкой областей. Это обстоятельство мои земляки отмечают особо. Жители села Вязковка так и утверждают: «У нас петухи сразу три области будят!»

В природно-географическом отношении здешняя местность – лесостепная зона, которую питают живописные речки Битюг, Эртиль, Токай, Малая Речка, а также многочисленные пруды. Почти 80 процентов территории приходится под черноземные пашни, способные давать богатые урожаи свеклы, кукурузы, подсолнечника, сои и зерновых культур.

Наше прошлое – это трудное закрепление русских семей в краю кочевников, производство хлеба и молока, а несколько позднее сахара и растительного масла. Наше прошлое – это преобразование самой природы, развитие земледелия и переработка плодов крестьянского труда. Она имеет и героические страницы, и драматичные, являя нам самим многочисленные факты необыкновенного трудолюбия, природной стойкости и силы духа прадедов. Наше прошлое – это история формирования православия, как основы поступков и нравственного выбора наших предков и всех людей, ныне называющих себя эртильцами.

Не только обильные урожаи, но и восприимчивых к добру, свободе и справедливости людей давала Родине наша степь. Шесть Героев Советского Союза, шесть полных кавалеров орденов Славы, десять Героев Социалистического Труда, тысячи награжденных орденами и медалями за трудовые и воинские подвиги – яркое тому подтверждение.

Появление и развитие Эртиля из небольшого поселка при заводе князей Орловых до города с соответствующей статусу инфраструктурой –

тоже весьма богатый на события и поступки отрезок времени. А в него впрессованы памятные исторические вехи, которыми эртильцы по праву гордятся. Среди важнейших, конечно же, строительство сахарного завода, одного из самых крупных в Советском Союзе. Возведение объекта находилось под личным патронатом наркома А.И. Микояна. Еще один повод для гордости – интеллектуальный труд земляков. Именно здесь, в Эртиле, на экспериментально-механическом заводе под руководством заслуженного изобретателя СССР, лауреата Государственной премии, Героя Социалистического Труда М.Д. Обрывко были созданы опытные образцы техники и механизмов для сахарной промышленности. На механическом заводе тоже производили продукцию для сахарной промышленности Советского Союза. А еще здесь изготавливали очень редкую по тем временам, а по нынешним, можно сказать, диковинную продукцию – оборудование и механизмы для зверосовхозов. На Эртильской земле накоплен интересный опыт облесения степных и пойменных участков. Историческая, а в какой-то мере и культурно-духовная заслуга в этом, безусловно, принадлежит нашей лесомелиоративной станции. И, конечно же, самая большая наша гордость – это достижения в создании уникальной системы воспитания личности. Разработал ее со своим коллективом директор Соколовской школы А.И. Завьялов, удивительно талантливый педагог, энтузиаст и неутомимый организатор. К числу ярких достижений жителей Эртильского края следует также отнести многочисленные спортивные и культурные достижения разных лет.

Успехи и достижения прошлых лет – фундамент настоящего и достойного будущего.

Настоящее – это производство высококачественной продукции с устойчивым зарубежным экспортом на современном заводе растительных масел «Эртильский», высокий уровень производства и применения современных технологий на сахарном и литейно-механическом заводах, а также производителями различной сельскохозяйственной продукции в сельхозартелях «Маяк» и «Эртильская», ЗАО «Восток», в обществах с ограниченной ответственностью «Агрокультура Эртиль», «Агротех-Гарант «Ростошинский», «Агрокультура-животноводство», ООО «Ленинский путь».

Настоящее – это улучшение социальной инфраструктуры и благоустройство города. Гости Эртиля видят и отмечают результаты нашего участия в целевых программах капитального ремонта жилья, дорог и тротуаров, переселения из ветхого жилья, благоустройства дворовых территорий и парковых зон. Серьезным шагом в цивилизацию стало завершение газификации всех населенных пунктов городского поселения.

Настоящее – это капитально отремонтированный корпус стационара районной больницы и реконструкция фельдшерских пунктов в сельской местности. Поступление и обновление лечебного и диагностического оборудования последних лет создает потенциал современной медицины и улучшения возможностей при оказании качественных медицинских услуг нашему населению.

Настоящее – это качественная работа коллектива районной библиотеки, в стенах которой постоянно проходят конференции с читателями, встречи с ветеранами и молодежью, воронежскими писателями и поэтами, проводятся творческие встречи поэтического объединения «Эртильская волна». При финансовой поддержке районного и городского бюджетов только в 2013 году издано 4 книги местных авторов, альманахи, дай-

джесты и сборники. В течение пяти лет каждое поселение участвует в творческих отчетах с рассказом о себе и показами лучших номеров песенного творчества, танцами и поэзией. Радуют эртильцев и гостей района хор ветеранов, песенные коллективы «Весенние зори», «Околица», «Аккорд», рок-группа «Версия», танцевальные коллективы «Радуга» и «Непоседы», школьные ансамбли и творческие коллективы при сельских домах культуры. Четыре года подряд село Ростоши принимает фестиваль «Шансон».

Настоящее – это развитие спорта и физической культуры в районе. Спартакиады поселений и отдельно школьников, турниры дворовых команд «Двор без наркотиков», первенство района по футболу, минифутболу и шахматные турниры, участие в соревнованиях по русской лапте, гандболу, баскетболу и настольному теннису, которые привлекательны для молодежи. Все более популярной становится вольная борьба. Успешно участвуют наши подростки в турнирах школьной баскетбольной лиги «КЭС-Баскет».

Стоять на месте, утратить способность развиваться – губительно во все времена. Важно оперативно отвечать запросам времени и жизни. Свое дальнейшее развитие мы связываем с окончанием газификации сел и поселков, с продолжением реконструкции и строительства водопроводов, строительством и ремонтом дорог и тротуаров, с модернизацией школ и клубов. Новый импульс в развитии спорта район получит вместе с новым физкультурно-спортивным комплексом и многофункциональными спортивными площадками на открытом воздухе.

Наше будущее – в детских садах и школах. В 2011-2013 годах нам удалось открыть 11 групп дошколят с общим числом в 185 детей. Строительство современного детского сада в городе позволит полностью решить проблему с дошкольным образованием. Давние связи с вузами Воронежа Эртильской средней школы с углубленным изучением отдельных предметов, Эртильской школы №1 и Ростошинской средней школы дают ощутимые результаты. Инновационной школой совсем недавно была признана Соколовская средняя школа. Эртильская средняя школа №1 стала лауреатом солидного конкурса «100 лучших школ России» сразу в двух номинациях. Старейшее учебное заведение района много лет успешно сотрудничает с ВГУ, участвует в научных международных конкурсах. Несмотря на серьезные трудности, развивается Эртильское профессиональное училище №16. Есть будущее у детской музыкальной школы и Дома пионеров и школьников.

Одним словом, район живет созидательной, напряженной, непростой, но интересной жизнью. Испытывая множество проблем и трудностей, мы думаем о своем развитии, определяем приоритеты и находим поддержку у руководителей области. Район открыт для честного бизнеса, для партнерского сотрудничества, для каждого, кто на Эртильской земле всерьез и надолго.

Николай Ильич Боев родился в 1937 году в селе Шукавка Эртильского района Воронежской области. Окончил горно-промышленное училище в городе Узловая Тульской области, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Работал на машиностроительном заводе, в редакциях радио и газет, преподавателем гуманитарных дисциплин. Автор девяти книг стихотворений и прозы. Лауреат литературной премии им. Л.Н. Толстого. Член Союза писателей России. Живет в городе Узловая Тульской области.

Николай Боев

БЕСХИТРОСТНЫЙ СТРАННИК

В РОДНОМ КРАЮ

Отец отца по прозвищу Петруха
Слыл чудаком, но в меру был богат.
Петруху уважала вся округа,
Легенды умножая во стократ.

Держал медведя для крестьянской блажи:
Любил он шkodить и растить хлеба...
Ах, время-время, растворилась даже
Старинной кладки прочная изба.

Я посетил свое село Шукавка.
Со смерти деда минуло сто лет.
Сидит старик. Пригрета солнцем лавка,
Да и глаза пока что видят свет.

Ты чей, коль говоришь, родился тута?
А буду я Петрухи младший внук.
Петрухи? Ишь ты, корень не запутал
И не забился в угол, как паук.

Приехал повидать места родные,
Хотя уже позаросли следы
Родни моей – все стали городские
По воле раскулаченной судьбы.

Кхе-кхе! Опять шумят-шумят в России,
Последний люд ударился в бега.
А вон особняки стоят какие!
Кхе-кхе! То – власть, а мы – вокруг в долгах.

– Выходит, зря чинили вы колхозы,
За палочки наращивая горб?
– Да нам одно: что солнце, что морозы,
А прибыль вся – лишь на сосновый гроб.

Так, значит, счастливцем стал Петруха,
Не видел разоренное село?
Счастливец тот, чья не ворчит старуха,
Считай тогда, что в жизни повезло.

Достал кисет, потрогал кончик уха,
– А жизнь есть жизнь.
И сплюнул так, не зло...

С годами явственнее вижу
Сиянье дня, разлив полей,
С годами явственнее слышу,
Как в роще плачет соловей.
Душа моя!
Раскройся шире,
Впусти и бережно согрей
Всех, кто продрог в подлунном мире
В дороге праведной своей.

ГРУСТНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ

Жизнь и смерть – очертания круга
До последнего вздоха судьбы.
Унесется январская вьюга
За пределы моей городьбы.

Миг последний – нацеленный выстрел.
Облегченно хулителю вслед,
Растеряв нерожденные мысли,
Проскользнут, словно поздний рассвет.

Здравствуй, здравствуй, прощальная бездна!
Сколько вас миновал по пути, –
Знал, что счастье искать бесполезно, –
Я его не пытался найти.

Прямо шел я к заманчивой цели,
Шел туда, где шумела страна,
Разрывая звенящие цепи,
Погружаясь в озера до дна.

Попытайтесь взглядеться в пространство,
Посмотрите на тень вдалеке,
Это я – ваш бесхитростный странник –
По Вселенной иду налегке...

В ДОРОГЕ «НОВОЛЬВОВСК-ЕПИФАНЬ»

1

Я потер висок седеющий,
Отгоняя мрачный сон, –
Едут пожилые женщины,
Говор слушает салон.
Говорят слова хорошие,
Мысли не берут взаймы.
Легким снегом припорошены
Монастырщины холмы.
Вновь прикрыл глаза.
Притихшие Голоса извне слышны:
«Здесь, у древней
Монастырщины,
Захоронены сыны,
Что на поле Куликовом
Отстояли честь земли...»
Отчего же к бедам новым
Нас, пропащих, привели?
Бились мы мечом-железом,
Как эпоха – так излом.
Словно овцы, снова лезем
Мы на бойню за козлом ...
За изгибами дорожными
Древний город-старина.
Все слова пустопорожние,
Если Родина больна.
Посиделки (раньше – супрянки)
Въехали в ночную рань.
Сквозь зашторенные сумерки
Месяц, словно Божья длань,
Осняет Епифань.

2

Епифань – моя провинция.
Я в тебе и кровь, и плоть.
Сквозь века твой облик видится
С вечным: «Помоги, Господь!»
Здесь казаки да посадские,
Вольным воздухом дыша,
Укрепляли узы братские,

Супостатов всех круша,
По-над Доном песни времени
Оглашали берега.
Епифань...
Цари доверили
Русь беречь – ты берегла!
Унеслись былые подвиги
Вместе с вешнею водой.
Отчего ж, столица подлая,
Нас обходишь стороной?
Постарели наши улицы
И, как Родины укор,
В просветленье горько хмурится
Оживающий собор...

3

Пыль веков стоит за Епифанью...
Тысяча и тысяча годов...
Вдоль Оки и Дона степь пахали
Балты, что с балтийских берегов.
Но еще древнее балтов древних
Наши предки – вятичи-народ,
Вольнолюбцы из породы верных,
Неподкупных в мор и недород.
Охраняли рубежи святые,
Презирая черной смерти страх.
Уважал их рати боевые
Даже сам Владимир Мономах.
Балтов растворила даль земная.
Шел еще не раз коварный тать,
Но разбиты всякие мамаи
И следов в округе не видать.
Вот и нынче столько
шума-гвалта:
«Кто мы, что мы?»
Но ответ простой...
Я кричу сквозь время:
«Где вы, балты?»
Пыль веков...
Да вятичи со мной...

ОЗВУЧЕННОЕ ВРЕМЯ

В. Пахомову

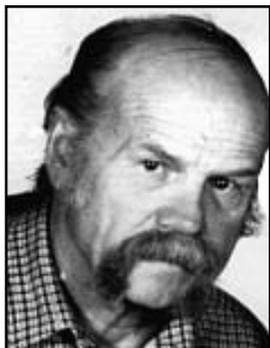
Обеззвучило время слова,
Зло до взрыва зажало пространство,
Где тонка над землей синева,
Зыбко держится непостоянство.

Блуд ползет, как трава-мурава,
Разгулялись незваные гости, –
На гробы подошли деревья
И на пашни шагнули погосты.

Но озвучивать время пора:
С нас взыскующе спросят утраты
За излишнюю мягкость пера
И за легкость могильной лопаты...

ТАЙНЫЙ ЗНАК

Все-таки мой век проходит так,
Как и должен проходить, наверно.
Но порой восходит тайный знак,
Слышу чей-то голос неизменно.
Он беззвучен, но неотвратим,
И сопротивление невозможно, –
Резко поворачивал за ним,
Убеждаясь в том, что шел я ложно.
Не проехать, не пройти порой –
Колея двоилась и троилась,
И не видно, что там за горой
Поджидает – кара или милость?
И тогда являлся тайный знак,
Голос возникал вдруг ниоткуда,
Уводил через опасный мрак,
Ну а все твердили: «Это – чудо!»
Избегая мистик и крестов,
Не стремился я идти в монахи.
Будет тайный знак, и я готов
Принять схиму, раздарив рубахи...

Анатолий Никифорович Санжаровский родился в 1938 году в селе Ковда Кандалакшского района Мурманской области. Окончил факультет журналистики Ростовского государственного университета. В конце 50-х – начале 60-х годов работал в щученской районной газете «За социализм», сотрудничал со многими центральными газетами и журналами, трудился в ТАСС редактором. Автор многих прозаических произведений, среди которых повести «Оренбургский платок», «Жених и невеста», «В Батум, к отцу», роман «Сибирская роза» и другие. Член Союза писателей Москвы. Живет в Москве.

Анатолий Санжаровский

**КОЛОКОЛА ВЕСНЫ,
ИЛИ
ГЕРОЙ ИЗ КНИГИ
РЕКОРДОВ ГИННЕССА**

Роман

В окно постучали. Тихо. Несмело. Будто поскреблись.

Сквозь дрему Гордей услышал это. Но значения не придал. Посчитал, что это ветер каштановым листом в ласке потерялся по стеклу.

Минуты через три поскреблись еще. Ясней.

Гордей смахнул с себя газету – от мух он всегда прикрывал лицо газетой – схватился с дивана на веранде, резко откинул занавеску. Что за черт! И мухи, и люди как сговорились. Заснуть не дадут! За окном мялся Валерка.

Увидев Гордея, Валерка торопливо-потерянно поманил его пальцем выйти во двор.

По обычаю, Валерка никогда не заходил в дом. Не решался. Все конфузился. И когда объявлялся с чем-то важным, непременно вызывал Гордея на лавку под окно.

Зверовато хмурясь, Гордей вышел.

Журнальный вариант

– Ну, ненаглядное Нурукопожатное Лицо, ты чего? – мрачно спросил он.
– Наше вашим с огурцом и с кисточкой! Кончай, Годя, сон-тренаж. Садись, вечный чемпион по спанью. Будут маленькие Фили под твоим каштаном у порога. Расчехлись, думак, на совет. Ты у нас все мудрости прошел. Все знаешь. Давай пошепчемся.

– Слушай! – захлебисто зашептал Валерка, приваливаясь плечом к плечу Гордея. – Кимоно-то хреновато! Откололась мне беда! Амба. Не знаю, куда и бежать листовки клеить¹. Ко мне ж нагряд...

– ... ревизор! – с ленивым смешком подсказал Гордей.

– Хуже, боль ты задави! Ну, прям... Увидал – ровно камень на сердце налег. Раиска Бухтоярова! Корреспондентша из самой из Москвы! К чему бы это?.. Достает из дипломата нашу районку, хлоп сине-крашенным коготочком в писульку про мои велопробеги: «Это про вас написано?»

– Да, говорю.

– Растете. Теперь вот будет и в нашем журнале очерк.

– А что такое, – валяю ваньку, – очерк? От слова очернить?

– Очертить!

– Не легче. За что ж меня чертить чертом каким?

Смеется. Изливает бодрость. А у самой лицо грустное-прегрустное. Ну, застоялое какое-то: «Очерк – штука положительная. Прочитают девчата. Со всей страны письмами закидают».

– Недурственно, – щелкнул Гордей пальцами. – Не жанили тебя районом. Так, можь, что интересно, всей державой женим на крайняк?

Валерка обреченно молчит с минуту.

Опасливо шевельнулся.

– Иль мою звезду сшибила шальная комета? Ты знаешь, что она поет? Не в масть мне ее песенки. «Человек вы, – говорит, – грамотный. Напишите о себе все сами. У меня такая метода. Я боюсь неточностей». Видал, блин горелый, у нее метода! Да нужна мне ее метода, как собаке боковой карман! А ну сфилонила эта большеухая лиса? Наша разведка слегка догадывается, подо что она заточена. Не слишком ли горячо повела дело? Нету ли за этой за методой чего такого-этаковского?

Поднимая над головой руку с выставленным вверх указательным пальцем, Валерка неопределенно-замысловато вертит им. Будто ввинчивает во что-то невидимое.

– Мне, конечно, – продолжал он, – пасты не жалко. Пожалуйста! С картинками могу расписать свои велосипедные страсти. Только думка скребет меня. Вон был до нее один из нашей районки. Попросту! Минутку побазарили под лозинкой у моего недоскреба, и привет семье! А эта, вишь, с методой... Нужна мне ее метода, как кенгуру авоська. Однако... Что там ни толкуй, а такие красули ко мне в юрту никогда не заплывали. Я только завидел эту краплю поверх лопухов, так и ни с места. Как стоял у себя в розах, так и стою пнем... Краснею розою.

– Можно? – говорит она.

– А чего ж нельзя? Без заборов, без калиток живем. У нас все можно. Подошла она, на розы не наахается. Я сообразил – талан варит! – голыми ручищами наломал вязанку роз. Отдал. Тут она мне всякие слова благодарности. А сама лица не отнимет от роз. Так уж они ей к сердцу легли. Ахала, ахала и промежду прочим шлет-засылает на засыпушку такой вопросец: «А чего это соседи так удивленно на вас смотрят?»

¹. См. примечания в конце текста

Я и отпусти свое больное:

– А у меня соседи – как папуасы. Коровьими глазами воззирают на мои розы. Удивляются. У них всегда глаза в пучок. Мы тут все удивленные. Вся Гусевка удивленная.

Они удивляются, и чего это я сажаю цветы, а не сажаю картошку. Удивляются, и чего это я, большой любитель варенья, компотов, фруктов, таскаю мешками это добро из магазина да с базара. Мог бы, говорят, насадить малинки, клубнички, смородинки. Огород же, говорят, это наша кладовка! А я вместо всего того забил огород, видите, розами, гладиолусами, подсолнухами. Люблю, грешник, подсолнух в цвету.

Каркалыги удивляются мне. А я ответно удивляюсь им. Утыкают всю землю луком, чесноком, картошкой, хреном, а цветку у них места нет. Они удивляются, что я катаюсь на велосипеде, обскакал полдержавы. А я удивляюсь, что они спяну валяются под заборами. Они удивляются, что ж я ем, у меня ж в хозяйстве лишь пять кошек да педальный мерседес. А я удивляюсь, что у них никогда не бывает голода увидеть новое место, свежего человека. У них один голод – на обжорство и питье. Рассядутся, как кули с мукой, и садят не червивку, так пучеглазку², и садят... Понастроили вон хоромы! А в тех хоромых не живут. Берегут! Сами все по временкам толкутся... В серали свои лишь по утрам в окошки заглядывают. Не стащил ли кто чего за ночь? Не наследил ли кто на лакированном полу?.. Обложились кувалды миллионами, как подушками!.. А Гоголь вон умер – имущества было всего-то лишь на сорок три рубля восемьдесят три копейки. Так то Гоголь!..

Тут она хорошо так улыбается в мои розы. А мне говорит: «Вы уж, пожалуйста, не все выкладывайте». И представляется, кто она да что она. Бож-же! У меня морозяка по позвонкам на тройке пролетел. Ко мне! Корреспондентка! Из самой из Московушки! Опешил я. Слова не доищусь. Не знаю, что и сказать. Ну да, надо бы вести к себе в палаццо, чего ж держать дорогую гостьюшку средь огорода. И было уже повел, да загородил собой дверку с лазом для кошек:

– Я весь глубоко извиняюсь! Но в свою хибарину, в этот вигвам, сейчас я не допущу вас! У меня там на неделе Мамай пробег! Вот приберусь...

– А если я вам помогу?

– Нет и нет! Что за радость чужой сор... Часам к семи выведу я все в блеск. А вы пока погуляли б по селу... Вот такая моя раскомандировка...

– Ну что ж, – говорит, – в чужой монастырь со своим уставом не бегают. Не побегу и я в ваш теремок. Я принимаю ваше пожелание. Пойду поброжу...

Неловко, вижу, ей. Да что ж делать?

Розы ее в хорошее ведро с моей колодезной водой поставил. Проводил в прогулку.

Прибрал кровать...

– Вот это дельно, Нурукопожатый! – похвалил Глеб. – Кровать всегда содержи в порядке. Это ж важнейший стратегический объект! Помни святое: «Кровать – это не существительное, а место имения»!

– Отдохни с советом... Ну, прибрал кроватку. Помыл стол, окна. Надернул на окна свежие веселушки-занавесочки, от покойницы матери остались. Посыпал земляной пол молодыми стружками... Фу-у, насилу уморился!

Смотрю, черна у меня печь. Было немного известки в черепашке, в германской каске, – с войны все служит – кинулся белить.

Белю, а сам думаю. Не за розочками ж она ехала. Она ж будет что спрашивать. Она-то, понятно, знает, что спросить. Да я, дурий лобешник, я-то что стану отвечать? Сам знаешь, язык у меня без контроля. Под раз могу наговорить и на себя, и под себя. Ну раз дурее пьяного ежика... Да только на что ж мне про себя славушку пропускать? Не-е, дополнительно думаю, не кинусь я гнать пургу от себя. А выйду-ка я на отца Гордея. Подсовтуюсь.

– Какой же я тебе отец? – морщится Гордей. – Всего на пять лет старше. Ты где-нибудь видел пятилетних отцов?

Некоторое время Валерка молчит. Потом спрашивает:

– И как ты присоветуешь? Писать?.. Не писать?..

– Не тупи! С какой стати за нее арабить? – сердится Гордей. – Ты перед нею особо не проседай. Что, тебе с нею своих тараканов крестить? Не в твою кассу несет она свою галиматуру... Она будет экскаваторным ковшом башли грести. А ты за нее рисуй? Ты ей так, словесно, рубани, что ты не бюрократ, писанину не любишь разводиться, да и не обучен. Ты все-навсего скромный токарек-химдымочка³. Интересуетесь чем, спрашивайте. Отвечу на словах.

– А ну заинтересуется моими двумя институтами?

– С институтов ссаживай сразу. И вообще к институтам разговор не подпускай. Или у тебя киселек в черепушке? Разве тебе нечего ей спеть? Изобрази грудь колесом и шпарь про свои подвиги. Где еще не был?

– В Одессе. В Минске.

– Так, пузочес, и руби. Я, такой-то, развернул собственную инициативу, выполняю важное патриотическое дело. Каждую весну я на своем костотрае во время своих отпусков и на свои кушилки отправляюсь в один из городов-героев. Оттуда к каждому Дню Победы, что интересно, привожу в мешочках или в стеклянных ампулах для нашего районного музея священную, героическую землю. За пятнадцать лет облетел все города-герои. Осталось вот доскочить в Минск да в Одессу. А так везде побывал... Да-а, вел – цацка царская... Вон сам мэр Лондона десять лет не пользуется автомобилем. А ездит везде только на велосипеде. И ты везде только на своем веле. Развони, как тебе ездится. Как ночуешь в канавах и на городских скамейках, раз со своим педальным мерсом в гостиницу не вотрешься. Как кормишься у сердобольных старушонок. Не забудь горячий пример, как приняли тебя в Бресте за лазутчика... Разве нечего спеть? Да. Вон в Тулу ездил! Лило, как из ковша. Кирзовые сапоги полны воды. Вода выплескивалась наружу. В гостиницу нигде не пускали. За двое суток без сна, без остановок пятьсот кэмэ сшиб! Блин блинский, подвиг! Пошарь по мозгам, навспоминай ей вагонышко таких подвигов. У тебя ж их было черт на печку не вскинет!

– Это точно...

– К 50-летию Победы над Германией поднял вес в 1418 центнеров за 17725 раз? Поднял.

– Поднимал без отдыха с девяти утра до шести вечера. Продолжение следовало и на второй день с восьми до двенадцати.

– Выточил ты, токарек, на своем станке за час 1418 шайб для автомобилей?

– Ну!

– Тебе еще не выточить с твоими пятнадцатью ремеслами... Вскапывал огород на скорость?

– Само собой.

– Был у тебя и один подвиг-отдых. Отстоял в почетном карауле у нас в скверике у памятника Герою Советского Союза 1418 секунд. Чуть не заснул... А еще?

– Забыл, что ли? 1418 секунд показывал приемы самбо. За один час восьмикилограммовыми гантелями выжал 1418 пудов.

– Вспомнил! 1418 секунд продержался на воде поплавком!

– Что поплавком... Это и любой тупарик сможет. А я там, в Воронеже, в досафовском дворце подводного спорта, без остановки, без отдыха даже на обед проплыл при комиссии десять километров за восемь часов. Двести раз перемахнул бассейн! Плыл стоя, работал одними ножками. В руках же держал плакат «50 лет Победы»!

– А плавать со связанными черпалками, что интересно, учился у нас в Двориках, на деревенском пруду. Вот тебе и дярвеня! Рванул наш чухарик рекорд имени дорогого товарища Гиннеса!

– Да пока рановато тако разоряться. Материалы все отправил в ту Книгу рекордов Гиннеса... Молчат... Конечно, молчание тоже ответ. Но пока неполный.

– А ну про семью спросит? – трусовато шепчет Валерка.

– За-пом-ни, – назидательно чеканит Гордей. – Ты холостунчик. Одинокий. Невинный. Нецелованный. Одним словом, багажок нераспакованный. Семья? Однако есть семья. Кто в семье? Киси, мерс плюс ты. И все!

– Опять ври? Были ж еще жены. Целых три штуки! Целых три кувалды! Гордей скучно смотрит на Валерку.

– Ляпонул! На ухо не натянешь! Послушай, ты, пустая расписная ложка! Знай, про что петь. Вон даже колоколу необходимо иметь хорошо повешенный язык. Про свой гаремчик язычок прикуси! Не то она не очерк – клеветон накрутит! Про значок смалкивай. Не вздумай доказывать, что в жизни ты достиг всего, о чем мечталось. Это невозможно. Чем больше имеешь, тем больше хочется. Такая вот скотинка человек...

Гордей качнулся верхом к Валерке. Кривясь, потянул ноздрями воздух и, демонстративно разгоняя руками духи малиновые, отсел на край лавки.

– Ты чего? – насторожился Валерка.

– Теперь я знаю, почему она сама не пишет о тебе. С тобой, друг, надо разговаривать в противогазе. От тебя ж, как от цапа, прет. Ты когда последний раз бегал в баню?

– Ну, ты совсем меня оконфузил. Неладно получается...

– Вот и я про то! У меня идея. Я только что со смены. Тоже грязней арапа. Думалось поспать. Да разве ты с мухами дашь? По случаю воскресенья дунем на пруд! Поплескаемся. Освежимся. Прихвачу я мыла. Подмоешься, как следует. На связь с прессой, мой миланя, надо выходить чистеньким. Ну?.. Сворачиваем базар и айдаюшки!

Валерка pokrивился.

Ему надо за картошкой, кормится ж только из магазина. Своей огородины он никогда и не знал, хотя и королевствует перед его окнами протяжной, продолговатый участок жирного воронежского чернозема, самого богатого в мире⁴. (В войну немцы хотели эшелонами вывозить его в Германию). Передний клочок делянки ушел под цветы да подсолнух. А остальная вся земля гулевая. Тесно забита лопухом, крапивой, лебедой и прочей живучей растительной анархией.

Край нужно Валерке в магазин и сразу назад. Домой. Вовсе неохота на пруд. Но Валерка не смеет отказаться и соглашается.

От излома, от поворота улицы, где жил Гордей, они проходят дворов пять и за крайним, стародубцевским, двором берут по тропинке вправо, к вечно строящейся больнице с выбитыми мертвыми окнами и почернелыми обветшалыми переплетами.

За больничкой открывается бескрайний чистый горизонт полей.

Любуясь открывшимся радостным простором, шаловатый Гордей основательно потягивается и начинает мурлыкать прилипчивую леонид-соковскую серенаду:

Тянет меня к Тане,
 Как кота к сметане.
 Тянет меня к Нине,
 Как сапера к mine.
 Тянет также к Лене,
 Как огонь к поленьям.
 И, конечно, к Зине
 Тянет, как к перине...
 Тянет также к Рае...

– Стоп! Стоп! Стоп! – грозит Валерка кулаком Гордею. – Знай, много-станочник, край да не забегай за межу. Попрошу мой эректорат не трогать! Раиска приехала ко мне! А не к тебе! Так что попрошу мою Раюню не трогать!

– Пока, – котовато ухмыльнулся Гордей. – А там товарищ Случай разведет всех по своим местам...

– Никаких товарищей! Никаких случаев! Никаких разводов! Чем намыливать лезть в чужой огород, лучше б в своем навел хозяйский порядок! – на подкрике востребовал Валерка, указывая на унылые, приконченные колорадским жуком картофельные рядки, что по обе стороны тропинки сливались по бугру к Чуракову рву.

– Ты что-то имеешь против моей дорогой недвижимости? – в печали обводит Гордей взглядом свою деляночку у стежки.

– Имею, Го-одь! – дурашливо выкрикивает Валерка. – Гля! По-ударному домолачивает твоё имение!

Валерка заливается тонким, лающим смехом. Смех у Валерки неприятный. Какой-то пустой, сухой, отталкивающе-трескучий.

«Козлиный хохот», – раздражаясь, думает Гордей о Валеркином смехе.

– Силе-е-ен, бродяга! – сквозь затухающий смех выталкивает Валерка из себя слова. – Силе-е-он... Читал сам... Так и написано... Само легло в память. «Катастрофическое размножение этого вредителя привело к тому, что в отдельных местах на побережье Атлантического океана жуки образовали слой до 50 сантиметров толщиной, препятствуя движению транспорта, и даже вынудили жителей Бостона в 1874 году на время покинуть город». Что вытворял! А? А что вытворяет сейчас? Уже у нас? Что ты сажал – в зиму пойдешь без картошки, что я не сажал. Еще не хватало, чтобы я персонально колорадскому гаду картошку сажал! Уравнял нас, жучина! Уравня-ял!..

– Уравнял-уравнял... – вязко, с тяжелым ядом соглашается Гордей. – Захлопнул бы, ек-макарек, свое жевало!

Гордея забирает злость. Какой-то Валерка с колокольчиками в башне подскиливает! И самое нелепое то, что этот Нерукопожатый прав. Все слопал жучина! Уныло торчит картофельная ботва без листа. Одни пониклые, изъеденные во многих местах голые палочки.

Гордей подкопал один куст, другой – нету даже и завязи! Где не добил жук, допекла жара несусветная.

– Ехать в зиму без своей картошечки, – подавленно роняет Гордей.

– Что без, то без, – соглашается Валерка. – Вот что творит твоя лень! Тебе ли мечтать о мешке картошки на зиму? Сидишь же на золотой жиле! Ты чего тянешь с приватизацией земли?

– Отвянь!

– Ну, ты свои микробы не раскидывай на моем огороде! – осадил его Гордей.

Какое-то время они, обнаженные по пояс, бредут молча.

Внешне они прямая противоположность друг другу. Насколько легок, подтянут, подчигарист (сухощав), упруг, спортивен Валерка, настолько тяжел и неуклюж Гордей, со сна сыто заплывший жиром. Раскисли бока широкие. Бочковитый бледный живот перекатился через ремень.

У Валерки, как у ежа, короткие, колючие и совершенно седые волосы. Валерка постоянно бреет голову. Гордей вовсе не трогает на себе волоса. Поповская грива холодит плечи. Развалистая борода черным болотцем разлилась по груди.

Во всякое погодистое утро Валерка на первом свету вскакивает на велосипед. Летом летит куда глаза глядят и к работе в своей райхимии успевают Бог весть где покрутиться.

Откукарекал смену, опять на свой ногокрут, и из села в село, из села в село носит его до самой глухой ночи.

В непогоду Валерка переходит на бег.

Выйдет из своего недоскреба, что сиротски примерз к подошве долгого, медленно поднимавшегося косогора, на гиревой замок закроет дверь с особым лазом для кошек, поприседает на одной ножке и голый по пояс, с рубахой на кулаке, пожег в гору. Вот уже нарезает по бугру, по улице. Только охает под сапожищами земляца. И в Гусевке, и в Синих Двориках всякий знает без откидки занавески: бежит орловский⁵. Дождь на дворе.

В будни Валерка пробегает по два километра. От своего вигвама до столовой. У столовской двери намахнет на себя рубаху, позавтракает и последние полкилометра до работы идет пешком. В выходные он отматывает в беге уже по десятку верст.

Гордей же... Гордей делит сутки на два сна. Предварительный и генеральный. Утром туго поест, как поп на Рождество. Наискоску от дома перечеркнул улочку и он уже на своем маслозаводе.

Работа у Гордея, по словам Валерки, мозоляная: мозоли себе на кардахе⁶ натирает. Машинист компрессорной установки.

Это, конечно, не вагоны разгружать. Поглядывай, чтоб холод на охлаждение молока да масла бежал. И все. Гордей изредка поглядывает и дремлет на лавчонке у компрессорной. Эта его рабочая смена, этот перекур с дремотой – первый сон, предварительный, неглубокий, сопряженный с досадным отлучением к самому компрессору и даже порой с тычками в плечо и похлопываниями по лицу, когда по нечаянке неглубокий сон плавно перетечет до срока, до домашней поры, в генеральный, и компрессор вдруг забудет подавать холод, – прискачет тогда поммастера, та-

кого толкача задаст, что плюнуть да послать не меньше матери так и по-зывает.

После работы Гордей долго, прочно и как-то мстительно ест. Ест сначала одно поджаренное старушкой матерью мясо с лучком, свиное ли, куриное ли. Наберется до воли мяса; убедится, что все-таки выдавится еще место и для борща, примет в угоду матери несколько ложечек и тут же прямо из-за стола валится, – как с корня срезан – на диван, прикрывается газетой.

Летом газета нужна. Заслон от мух.

В прочие времена газета вроде и ни к чему, но без газеты Гордей уже не уснет. Привычка. Без газеты вроде как чего не хватает. А чего именно, никак не поймет. И такое чувство особенно донимало по понедельникам, когда газета не приходила. Отсюда, как он считает, и произошло известное выражение: понедельник у него был самый тяжелый день.

А зато во все остальные дни...

Поел, перекинулся, натянул на лицо газету и мгновенно, будто под наркозом, уснул. Спит он, не разуваясь, не раздеваясь, сронив ноги на пол. Спит мертвецки крепко и сладостно. И снятся ему сны, и в тех снах ничегошеньки другого ему не хочется, кроме одного: спа-ать, спа-а-а-ать, спа-а-а-а-а-а-атушки... Валерка так и называет его – вечный чемпион мира по спанью.

– За шо ж ты, бедолага, и мучишься? Колы ж ты, чортяка, и выпсишься? – ворчит старушка мать, ладясь к ночи поднять с дивана глыбистого Гордея, чтоб разделся да лег по-людски в постель. Но поднять великанистого Гордея все равно, что спихнуть со своего корня Эверест. И Гордей, одетый, обутый, в тяжелой позе мнет, давит ребра до нового дня. И снова, отойдя от генерального сна, пролупив едва глаза, долго и скучно ест, готовясь к новому, уже сидячему, сну на лавке у компрессорной...

Гордей вышагивает босиком, вращая локтями. Косится на Валерку.

Валерка держит за сиденье велосипед, знай, поталкивает рядом с собой. Плечи, руки, спина, живот у Валерки вымазаны в одинаково густой шоколадный цвет. Совсем не сравнить с погребным загаром у Гордея.

– Слышь, – Гордей тычет пальцем Валерке на его толстые ватные штаны и на сапоги, – сегодня всего-то лишь плюс тридцать пять. Ты не замерз?

– Да вроде нет, – простодушно отвечает Валерка, не поймав яда в голосе Гордея.

– Как же нет?! – пыхнул Гордей. – У тебя ж вон, – скосил глаза на портянку, которая выглядывала из кирзового сапога, – обмотка зачем лезет наружу? Со-греть-ся! А ну-ка, разувайсь! Ходи, как я, босиком!

– Не могу... Колется.

– А ты через не могу, все равно ходи. Укрепляет нервы. Гниль счищает меж пальцев. Наши предки, обезьяны, не носили ни хромовых сапог, ни лакированных туфель. Все босиком да босиком.

– Так то обезьяны... Я тебе не какой-нибудь там Петя Кантропов. Не могу.

Гордей настаивает. Наседает.

Уступает Валерка. Разувается.

Впригибку, словно крадучись, шаговито, побыстро, в срыве на бег простриг с десятка метров на бровях ступней и снова обувается.

– Не могу. Больно уж колкий это подвиг.

Гордей доволен, что отыскалось уязвимое место у Валерки. Чудик картонный, не может вот так просто идти босиком! А он, Гордей, может хоть по колкой дороге, усыпанной мелкими сечеными камешками, хоть по свежей полевой стерне. Все нипочем!

– Валер! Ну, у тебя и видок, как у турка, – с мягким, отеческим укором подпекает Гордей. – Ты, – тянет Валерку за коричневый ботиночный шнурок, который служил Валерке вместо ремня, стягивал на боку две соседние шлевки теплых штанов, – ты что же, и с корреспондентшей разговаривал в таком виде?

– Ну, а в каком еще? Вечером она снова придет. К вечеру я, ух, и приготавлиюсь! Надену выходной пиджачок со всеми значками. Надену выходные брюки, выходные хромовые сапожики. Да-а... Пана видно по халявам! Прифасониться надо. А как ты думал? На выходных брюках – низ брюк я застирал, кинул даве на веревку, во дворе сохнут, – есть хороший ремень. Я богатый. А шнурком ловчей-таки стянешь штаны.

3

Воскресенье. Предвечерье.

Ярая, ликующая жара едва ли не все село согнала на воду.

По закраинке Синих Двориков блестя простегивала всю лощину речушка Битюг. Не шире девичьей ладошки. Не глубже пальца. Воробьи вброд переходили. И вот пруд! Всамделишный. Утонуть можно! Вот это – утонуть можно! – было самой высокой похвалой пруду, так что даже весть о первом утопленнике прошила вчера село не столько горем, сколько шальным изумлением, пожалуй, еще и оттого, что утопленник был не из здешних, а проезжий.

Надо же! Эвона какой прудище сочинили – утоп живой человек! – сокрушались в Двориках и в прижавшейся к ним Гусевке. Спяну полез целую версту вплавь одолеть. Судорога посреди пруда прищемила и утонул.

Не одно лето всем миром ладили через лощину запруду. И старый и малый потели на воскресниках. Только Валерка с Гордеем и разу не высунулись. И когда их звали, друзьяки надвое усмехались, чистосердечно уверяли, что никак не могут.

Одному, Валерке, оказывается, срочно надо лететь на велосипеде то куда-то за какой-то землей для музея, то в Воронеж – до Воронежа шесть десятков километров – за свежей, именно за воронежской колбасой для кошек, поскольку, видите ли, местная колбаса плоха и у кошек от той колбасы изжога и революционное волнение в животе. Но, случалось, и от воронежской «докторской» отпрядывали кошки, хотя поначалу, в тридцатых, докторская предназначалась исключительно для «больных, имеющих подорванное здоровье в результате гражданской войны и царского деспотизма».

Пускай с царизмом давно покончено, так деспотизма разве поубавилось?

И за этой «докторской» Валерка скакал по выходным в сам Воронеж.

Гордей же считал, что воскресенье на то в численнике и дано красным, чтоб отдыхать, и всякий раз он наискивал мешок причин не ходить на воскресник.

Без них построили дамбу. Без них обиходили пруд. Обтыкали голыми

ивовыми прутиками. Принялись прутики. Пустили из себя лист. И зажили вокруг пруда молодые деревца. Веселят глаз нарядными зелеными шапчонками.

С двух сторон пруд черно окаймлял раскисший от жары асфальт дорог. Одна дорога лилась к ближнему городку. Другая – отбегала под прямым углом на Синие Дворики.

На плотине народ не задерживался.

Все тек дальше, на противоположный берег, что был покрыт жухлой игольчато-колкой травой и косо взбегал к молодой золотистой стерне сжатого поля.

И вот берег – народу там набилось тесно – был настолько крут, что лежать на нем невозможно. Люди съезжали со своих подстилок, как зимой на санках, и потому большинство предпочитало загорать стоя.

Однако утомительно торчать долго столбиками на крутизне, отчего, завидев свежее лицо, все устремляло к нему взоры.

Валерку и Гордея облепили знакомые парни, подростки. С шумом здоровались за руку и с тем, и с другим.

Правда, Валерка и Гордей не вдвое ли старше против них. Да что из того, что старше? Главное – свои, свои в доску. Раз неженатые. Это женатики уже не водятся с холостой мелюзгой. Валерка снял один сапог и, не разгибаясь, потянул ногу из второго.

Подошла Раиса. Тронула за плечо.

– Вы что, собираетесь купаться?

– Само собой.

Валерка почему-то оконфуженно снова пихнул ногу назад в снятый наполовину сапог.

– Вы уж, пожалуйста, поосторожней. А то я слышала, вчера вечером утонул кто-то...

– Не кто-то, – в тесный кружок готовно вдавился верткий парнишка лет шестнадцати, Ростик, – а какой-то закопченный. С юга. И с припеком... Вроде грузин по фамилии Вермутидзе... Вез свои «перви аромат яблук» в сам Курск. Выскочил из «жигуля», распаренный, лохмогрудый. И к нам, пацанве. Машет: «Айда, да! Пиливи на ту бэрэг!» Ему говорят, что никто из нас еще на тот берег не плавал и тебе не советуем.

А, кацо: «Сто говоришь! Я Серни мор перепиливи – давал! А сто мне, генацвале, твой прудио!»

«Как ты, – говорят ему, – там свое Черное море переплывал, мы не видали. А раз на то дело побежало, ты переплыви наш прудишко. Первый будешь геройка!..»

Посейчас герой еще не всплыл. Весь пруд баграми с лодок истыкали. Не нашли. Капиталиш затонул!

– Вы слышали? – сказала Валерке Раиса. – Поосторожней... Не забывайте, – голос у нее улыбнулся. – Вы еще нужны для интервью.

– Будет вам ваше это самое ин... – Валерка обидно помрачнел. – Думаете, я не переплыву?

– Вот и нет! – подкусил Ростик.

– На спор! Елы-палы!

Валерка выбросил парнишке руку. Но перехватил ее Гордей.

Выставил Гордей свое условие:

– На бутылку коньячелли грузинского!

– Расплев со значением, – хмыкнул кто-то.

– Валерий! Послушайте! – всполошилась Раиса. – Да не ввязывайтесь вы в эту авантюру!

Валерка отшатнулся.

– А вы что? Не верите мне? – нервно зашептал он. – Вы меня, извините, оскорбляете... Да я! Со связанными ковырялками! Без передышку! Туда и обратно! Да!.. Мухой! Туда и обратно! Ту-у.

В бешенстве подставил Гордею сложенные вместе, запястье к запястью, руки.

– Вяжи!

– Пожалуйста.

Гордей лениво усмехнулся и с видимой неохотой принялся тонкой надежной бечевкой, услужливо поданной кем-то из парней, вязать Валерке руки. Гордеев вид при этом говорил: мне это ни к чему, я бы и не стал вязать, мне это надо как мертвому припарка, но раз человек просит, чего же хорошего человека не уважить?

– Не связывайте ему руки! – вскрикнула Раиса. – Он может утонуть!

– Всяк может только свое, – вяло проговорил Гордей. – Что вы разоряетесь? Убивают кого? Топят? Отвечаю: «А – никого не убивают. Бэ – никого не топят». А вы, между прочим-с, мешаете, – кивнул на Валерку, – товарищу взять ставку. А товарищ, что интересно, просто желает честно пить мой коньяк. Толечко и всего...

Тут же Гордей и спохватись:

– Да-а! Валер, проиграй я, естественно, я и покупаю. Но если проиграешь ты, кто мне купит? – спросил вкрадчиво, подтрунивая. В его тоне были одновременно и ирония, и яд, и трудно скрываемое беспокойство за возможный проигрыш.

Гордей устало сложил руки на груди. Скорбно уставился на Валерку.

– Не переживай вчерняк, – корильно ответил Валерка. – На той неделе я привозил вам из Воронежа на пятнадцать рубчонков колбасы. Да и в прошлые разы привозил. Набежало полста долга. Но мать пока так и не отслюнила мне мой пятихатник. Обещала отдать потом. В твой аванс. Так что, если что-та, полташка твоя.

– Не возражаю, – уступчиво согласился Гордей.

4

Когда Гордей связал Валерке руки, Валерка как-то внезапно обмяк. Присмирел и сиротой обвел всех долгим взглядом.

Были в том взгляде укор и мольба, вызов и кротость, тоска и беспокойство.

В замешательстве стихал веселый базар.

Все почему-то почти разом почувствовали себя неловко. При них, при живых свидетелях, заседалось злое дело, и ни одна душа не подумала отвести беду!

Валерка тяжело посмотрел на Гордеев узел у себя на запястьях. Посмотрел на воду.

Ему вдруг стало страшно.

Опало подумалось: ну пойдя он сам босиком в воду, может уколется травой, может поскользнуться, может упасть, и уже тогда ничто не сподвигнет его, суеверного, плыть к тому берегу.

– Для полноты счастья вы б меня метнули, что ли... – будто самому себе глухо пробормотал Валерка.

С диким улюлюканьем, с воплями толпа подхватила его за руки, за ноги, раскачала и, невольно сделав с ним короткую пробежку к воде, бросила.

Бросали его лицом вперед. Но тех коротких мгновений, покуда он был в воздухе, ему, как кошке, хватило на то, чтоб в страхе повернуться всем телом назад. К берегу.

Все решили, что он, как только вынырнет, непременно рванет назад.

Но время шло.

А Валерка все не прорезался из воды.

Все тревожно запереглядывались.

– Хор-рошо лапоть плавает, лишь пузыри прядают! – дуром гаркнул кто-то. – Во! Вон!..

И верно. От берега наискоску уходила дорожка из редких лопающихся на воде пузырей.

– Между прочим, – Раиса с укором глянула на Гордея, – вы хоть знаете, что бывает за подстрекательство?

– Всякое. В данном случае бутылка коньяка.

Равнодушные, с которым это было сказано, зацепило ее.

– Его нет почти пять минут! – ударила синим длинным ногтем по часам у себя на руке.

– Лично я не удивлюсь, если его не будет и все девять минут и девять секунд.

– То есть?

– То и есть, что есть. Девять минут и восемь секунд – мировой рекорд пребывания человека под водой. А он у нас на мелочи не разменивается. Мировой рекорд он спокойнушко сорвет с наварцем! Вот вам успокоительная пилюля. Плавает же он – я тебе дам! Не чета мне или любому кто здесь.

Наконец-то выдернулся Валерка из воды далече уже от берега.

– У-ух... – посветлела лицом Раиса.

Она почувствовала, что устала стоять, отходчиво, примирительно села на газету рядом с Гордеем, надернув на колени край расклешенной юбки в крупную коричневую клетку. Села преднамеренно так близко, чтоб познакомиться с Гордеем.

Конечно, они познакомились. На это знакомство Раиса пошла единственно из профессионального любопытства, замешанного на необходимости.

В самом деле. Покуда герой ее будущего очерка гоняется в пруду за бутылкой коньяка ли, за славой ли, за честью ли, за позором ли в случае проигрыша, за смертью ли, что вовсе не исключено, не сидеть же ей сложа лапки. Почему бы не поговорить с тем же Гордеем? Глядишь, какую занятую детальку, фактик из жизни друга и выщелкнет. Разве это помешает делу?

А потом, и это самое главное, ее страшно заинтриговало, до какой степени они друзья и друзья ли вообще, коль с такой легкостью на невозможных условиях один ставит на карту жизнь другого?

Раиса задумалась, как бы ей поделикатней подступиться к Гордею со своими каверзными расспросами, когда Валерка, грозя берегу вместе сложенными кулаками, прокричал:

– Что ж вы, козлы, махнули меня в ватных штанах да в одном сапоге?!

Берег мертво уставился на Гордея: чего ему, Валерке, надо?

– Мне кажется, – сказал Гордей, – он желает обуться по всей форме. Отправьте ему второй сапог.

До Валерки сапог не долетел. Плюхнулся метрах в двадцати от берега и сразу пропал утюгом в темноте воды.

– Мало того, что связали руки, еще и кинули одетым, – выпевала Гордею Раиса, стараясь не привлекать постороннего внимания. – Это жестоко. И эта жестокость шла прежде всего от вас.

– Ну, прилипли тапочки к дивану! Не спешите меня терпужить. Вот мантия!.. Вы ж его не знаете. А про какую-то жестокость... Да при вас, при незнакомке, он ни за какие блага не разделся бы. До такой меры стеснительный. А показать себя на воде незнакомой мармеладке хочется. Каким образом прикажете спустить его на воду?.. Да-а! – вспомнил Гордей. – Он же сам просил бросить!

5

Щепко всматривалась Раиса в детски-радостного Валерку и не верила собственным глазам. Боже! Да как это он плывет?! Не то плывет, не то идет... Клешни в недвижении подняты над головой, будто в плен идет сдаваться. Плывет и не плывет. Похоже, что на месте стоит. Не-ет. Вроде двигается. Но почему ему воды по грудки?

– Там что, мель? Он просто идет? – не без восторга спрашивает Раиса у Гордея.

– Если хорошо плаваете, разденьтесь и проверьте там сами ту мель. А насчет идет...

Гордей невольно залюбовался Валеркой. Воскликнул:

– На красотень, я тебе дам, идет! На красотень! Так он еще никогда не ходил. Сейчас, наверно, придумал этот способ. Строго вертикально идет. Перебирает одними ножками. Плясун! Воду толчет в ступе. Да ступа – окинул беглым взором далеко и широко размахнувшийся пруд, – больно уж велика. Тяжело-о так идти. Тяжело-о...

Валерка оглянулся. По сияющему его лицу не было видно, что ему тяжело. Совсем напротив!

Гордей и Валерка встретились глазами.

Кивком головы указав на Раису, Валерка погрозил Гордею указательным пальцем и сразу, как только Раиса посмотрела на него, на Валерку, Валерка прижал оттопыренный указательный палец к среднему и завалился на спину, словно со стыда прятался за щитком поднятых рук. За Гордеевым узлом.

– Ну вот. Пришла почта. Валерка начал читать свою газету, – сказал кто-то на берегу.

– Нет. Он вернулся из библиотеки, – уточнил другой голос. – И читает что-нибудь про Наполеона или про Суворова. Любит про великих читать!

Валерка легко плыл на спине, держал перед собой тесно сдвинутые скобки ладоней. Действительно, можно было подумать, что он читает.

Сквозь пальцы он увидел Раису. Увидел Гордея. Но тут же перевел взгляд с Гордея на Раису и больше не убирал с нее глаз. Так удобно, так ловко было подсматривать. Она не видит твоего лица. Зато ты видишь ее всю. Еще удобней оказалось наблюдать в щелку меж бечевочными витками Гордеева узла на запястьях. Щелка эта была ниже. Как раз у самых глаз и безо всяких усилий позволяла видеть все на берегу.

Он отходил все дальше и дальше. Мамлели черты красивого Раисино-

го лица. Тоньше, меньше становилась она сама, потому и менее привлекательной, отчего в конце концов Валерка и перестал пялиться на нее, простодушно отдался мыслям про то, как они вдвоем пойдут на закате прямиком с пруда к нему домой через все село. Представил, какие взгляды будут метаться в них из-за занавесок. Представил, как он будет угощать ее чаем... А может и...

Никогда он не курил. Но нарочно держал про девчат пачку шикарных гаванских сигар; никогда не пил, но хранил на всякий случай не червивку, не бормотуху, не «чернила», а нарядную высокую бутылочку дорогого заграничного вина. Из самого Бреста на велике вез.

А потом они пойдут к нему в сад и там, на маленькой скамеечке среди роз, станет он рассказывать ей свою жизнь. Расскажет про свою мать, уже покоенку. Как она впустила его в жизнь, подняла на ноги и, вообще, души в нем не чаяла...

Валерке становится грустно.

«А про отца ты, – в мыслях обращается Валерка к Раисе, – и не спрашивай. Не стану рассказывать. Да и что я расскажу? Как ночевал от его войн в скирде? Как этот батый капризами забил мать? До поры свел в землю?..»

Бывало, помоем она пол. Он – высоко себя ставил – не спеша достанет из кармана платочек, поплюет на уголок, смочит и тернет. Мажется грязь – в нос тем платочком ей тычет: «Помыла?! Помыла?!» Она моет снова... То не так ложку этому прибурелому хану перед обедом на стол положит. То не так причешется. То не так улыбнется... Интеллиго чертов был. Зоотехник. Скотий генсек!

После смерти матери отец привел другую. Не ему ли ровесницу. Он и часу не стал жить с мачехой. Ушел на койку к соседям. А отцу сказал:

– Сдохнешь – на похороны не пойду. Буду умирать я первый – напишу в милицию, чтоб не пускали тебя на мои похороны. С ним я совсем не знаюсь. Прохожу – не здороваюсь...

Пускай этот папоротник знает, что и за мертвых есть кому постоять. Как же так? До старости дошел с матерью. Жизнь с нею изжил. Так до конца и неси ей верность свою... А он... Да ну его! Что на него слова терять! Только в позор втоптал. Не ему ли знать, что значит жениться старику на молодой. Сначала она крутила пуговицы одному из Сычовки. А потом и вовсе уплясала от батечки. Теперь вот куликает один.

«Звал меня, – рассуждал Валерий. – Да не побежал я. Ну, чего я побегу? У меня у самого свое дупло. Не спущу я ему его измену матери, пускай уже и неживой...»

Тебе, наверное, интересно будет знать, откуда взялось мне имя Валерий. Сильный. Крепкий. Не Николай, не Михаил, не Иван. А именно вот Валерий, и ничего другого.

Нашелся я в четвертую годовщину громкого чкаловского перелета⁷ и захотелось матери назвать меня именно как Чкалова. Валерий. Благо, отчество у меня было чкаловское. Будто на заказ припасенное. Захотела мать и склонила к тому отца. Нехай, мол, малый растет Чкаловым. Нехай вершит по-чкаловски знатно дела. Нехай летит по жизни так же высоко, как сам Чкалов.

Это уж как я по жизни летал и куда, в какие высокие хоромы залетал, я-то, конечно, расскажу. Обязательно расскажу.

Но про это после.

А сначала про детство. Про первые годы.

В детстве мне хорошо.

Про детство мне вспоминается светло.

Детство, милая Раиска, – это та пора, когда человеку за себя еще не стыдно. Не совестно. Весь он еще чист. Все в нем честно. Он еще не успел наложить себе на хвост и на загривок...

Эка незадача...

Вся жизнь будто на то и подается человеку, чтоб сумел чисто пронести через все хитрости земные, пронести от одного берега до второго, до последнего, пронести и ничего святого не потерять из того, с чем снарядило тебя в дорогу детство.

6

Валерке понравилась мысль про берега.

Один берег, думалось, – это детство, начало жизни, и второй – конец ее. Этими берегами, как обручами, держится река твоей жизни, закованная в железные крепи. И не выскочить тебе из своих обручей. Не вырваться из своего железа. Не сменить своих обручей. Не сменить раз и навсегда положенного тебе судьбой пути.

Валерке удивленно подумалось, что вот это его плавание со связанными руками – это же сжатая до часу-двух вся его жизнь! Не правда ли?

Он даже покосился вправо, влево. словно ожидал услышать подтверждение своей мысли.

Но по сторонам было безлюдно, пусто. Вокруг как-то заброшенно и бесконечно лежала лишь черная и тихая, как в ведре, вода.

Не то, что на море.

Прочна морская вода. Хорошо держит.

Но море он все равно не любил. Бывать бывал, а ни разу не купался. Не тянуло. Постоит по щиколотку в воде и на берег. Не сказать, чтоб боялся. Однако неприятно себя чувствовал, когда входил в морскую воду. Непokoйную.

«Там волны. Необъятная стихия... Не приспособлен я к этим волнам. А в теплом уютном пруду в своем я чувствую себя, как в люльке. Видать макушки затопленных лозинков. Иногда смутно угадывается местами шаткое дно. Не знаю, чего тут и бояться...»

Проходит с полчаса.

Усталость в ногах подает о себе знак. Плыть в этом омуте с мертвой, стоячей водой все трудней. Конечно, никакая утомленность не навалилась бы на него так быстро, будь он в одних плавках. А то ж... Вата штанов налилась свинцом. Задеревенела нога в сапоге.

Может, сбросить сапог, штаны?

Не-е, протестует он, эдако скоро пробросаешься...

Безмерно потяжелели ватные штаны. Тянут книзу. Так сильно тянут, даже лопнул шнурок, что крепил их. Штаны съехали на колени. Вывернулись. Навовсе не дают развести ноги.

Вмельк глянул он на берег, куда шел, и страх забрал его всего. До земли было Бог весть как далеко.

Как дотянуть? Что делать? Что делать?

На помощь не позовешь. Засмеют. Да и нет смысла звать. Никто сюда не доплывет. Полоса, куда продирались-таки отчаяюги, осталась позади. Теперь уже шла никому не доступная в Синих зона.

Что же делать? Что?

Он ничего не может придумать и сломленно смиряется. Отдается во власть случая. А! Будь что будет! Авось вывезет, авось вынесет... А не вынесет, значит, так Богу угодно. Не к чему тогда и выносить. По крайности, в претензии к Боженке не буду...

Он жертвенно роняет руки на низ живота. Перестает ворочать неподъемными ногами.

С берега замечают, что Валерка не толкается ногами, опустил руки. Бросил «читать». Весь он в воде. На поверхности лишь блестящая точка его лица. Вот пропадает и эта блестка.

И с берега летит требовательное:

– Вале-ер!.. Чита-ай!!..

– Рабо-ота-ай!!!..

Стоймя опускается он на близкое, метрах в трех, дно, покрытое мягким, ласковым илом. Сильно отпихивается ногами от шелка вязкого дна и чувствует, что необутая нога выдернулась из штанины.

На воле!

«Ну-у! Теперько я героец!»

7

Он шел на спинке. Хоть и до крайности устал, аж извилины задымились. А все ж равно негоже опускать ковырялки. А ну заметят, что я лежу отдыхаю против уговора? Я ж наобещался туда и обратно без передышки! Подметят мой отдых и я – в проигрыше! Что Раиса-то подумает?

Однако он не мог и плыть назад без отдышки.

С горькой завистью ему вспомнилось, где-то читал...

Озеро Развал под Оренбургом образовалось в соляном карьере – настолько соленое, что в него нельзя нырнуть. Нельзя в нем и утонуть. Даже если очень захочешь. Зато можно на воде сидеть, как на диване, и читать. Сильная вода. Нашему б пруду такую.

Надо, решает он, полежать с поднятыми руками.

Он пробует поднять руки и не может.

Поискал вокруг глазами. Увидел корягу. Подтащил. Стараясь не подыматься, воткнул меж ног в ил и оперся на ее верх Гордеевым узлом на запястьях, взялся медленно водить руками из стороны в сторону.

«Из такой дали кто различит, плыву ли я, лежу ли на месте. Главное, кегли маячат. Плыву!»

Помалу усталость вытекала из него; крепнущая бодрость накинута блеску на глаза. Пробудилось любопытство, сподвигнуло оглядеться.

Прибрежная мутная, слегка пахлая, вода была с зеленцой и местами покрыта ряской. Невдалеке, в углу пруда, сыто спали на воде гуси. Ничто не нарушало их покоя.

За молодой ивовой полоской по черному гляncy дороги все реже мелькивали машины. Все реже слышались шаги. Был тот предзакатный вечерний час, когда люди уже завершили, изладили свои воскресные дела.

Было тихо-натихо. Стояла какая-то глухая, заброшенная тишина.

В этой тишине, в этом тепле ила, куда, казалось, Валерка врос, было так хорошо, словно в детстве на печке.

Он свободно вытянулся. С минуту разморенно смотрел в белесое, выгорелое небо и задремал. Хорошо ему, легко ему. Спит рука, спит нога...

Мимо шла девушка.

Цокаяще уходящие шаги разбудили его. Загорелся он, было, посмотреть манилке вслед, но не смог выдернуть голову, спину из ила; в следующее мгновение ему расхотелось подыматься, ему даже понравилось, что цепкое тепло ила не отпускало его и на короткий миг. И он, довольный этим, с ленивым восторгом подумал про то, что вот скажут люди за девять земель на грязевые курорты. Да чего ж в этакую далищу забираться? Разве в стакане, дома, грязи не найти? Чем этот наш прудишко не курорт?

Валерка вслушивался в тишину. Точно ждал ответа.

Но ему не отвечали на его вопросы, и он почему-то удивленно покосился по сторонам.

Взбулгаченный ил все не садился, ореольным изломанным черным кругом стоял вокруг и покрывал его. Коряга, на которую он вешал руки, торчала меж ног внаклонку к нему. Руки покоились на животе.

«Ч-черт! Еще заметят!»

Он вскинул руки, с опаской вперился в щелку меж витками бечевки на тот берег.

Под газетой блаженно спал Гордей. Рядом толклась ребятня.

Но где Раиса? Ушла?.. Одна?.. Куда?

Невспех принялся он изучать берег. Радость мягко толкнулась в душу, когда на самом бугре увидел Раису. Она стояла одиноко и взмахами рук звала его к себе.

– Хорошо, хорошо зовешь, Раюня! – засветился счастьем Валерка. – Ты зови, зови. А я полюбуюсь на тебя, на милую. Славная ты. Есть на чем глаз согреть. Зови. Я приду... Я обязательно приду к тебе.

Будь кто другая, я, может, и не стал бы в обстоятельный разговор входить. А как же с тобой молчать? Как же к твоему к сердчишку не подкатить колесики? Может статься, – тяжело, с захватывающей дух тревогой ворочает Валерка мысли, – пойдешь за меня?

И тут же пугается этой своей мысли. Разбежался! Да кому я, маргышка, нужен? Земля лопнула – маргышка выскочила! И бесприютно болтается по белу свету. Вечный неустрой. Надоела мне эта одинокая болтанка. Один и один. Почему один? Хотя, ну разве я намного страшней иных-прочих? Иди за меня. А чего!? Ты человек, и я не пугало какое, лоб в два шнурка. Не котка на дороге, не обсевок в поле. К обсевку корреспондентов не засылают! Знаешь, я не стану тебе за так про себя петь. Я дам тебе свое это самое ин...тер...вью. А ты отдашь мне его назад согласием быть моей? Согласна? Чего мужественно молчишь, как партизанка на допросе, очень гордая за свои героические дела? Или ты не можешь читать мысли на отдалении? Я извиняюсь... Каждый молотит свою копну. Я так думаю, хватит тебе мотаться по шарикю. Какая ты москвичка? Ты беспризорная великомученица! Все кочуешь, все кочуешь! Оставалась бы у меня. Места хватит. Живи – не хочу! И нетульки заботушки летать искать, про кого писать! Они всегда будут рядом. А ты, знай, рисуй да кидай в Москву. Вон тебе я первый на зачин. Расчехлю душу! Как на духу поведаю свое житие с самой началки.

8

Он начал вспоминать свою жизнь.

Он никогда прежде не вспоминал свою жизнь. Считал ее никому не нужной. Считал ни хорошей, ни плохой. Какую подала судьба, такую и жил. Что отгоревшее беспокоить?

Он не то чтоб боялся ее вспоминать – избегал ее вспоминать, не хотел, не отваживался-таки вспоминать, как не решаются робкие люди с кладки смотреть в клокочущую реку. Поспешно отворачивался от себя вчерашнего, подобно дурнушке, которая, проходя мимо зеркала, в спехе отводила лицо.

Но вот, оказалось, понадобилась кому-то его жизнь, прикомандировали на беседу человека...

Лет так с десяти стал я слабкий, хиловатый.

Достались детству моему война, послевоенье. Ну жизнь... Тогда все сводили концы с концами. Только, конечно, концы у всех разные. Откуда взяться достатку? То и богатства было в дому, что бельевая веревка во дворе. Жили бедно, нахватались голоду. Одно слово, не на сахарах возростал.

С той поры и...

На дворе лето. Жарынь.

А я в валенках. В пальто. И все равно холодно мне. Зябну. Почки допекали меня порядком.

Был я толстый, неразворотистый, медвежковатый. Не мог играть в футбол. Последним был в беге, на гимнастических снарядах.

Наконец, меня вовсе отчеркнули от физкультуры.

Мир отгородился от меня.

Соседские девчонки-сокласки раздружились со мной, извинительно говоря: «С тобой, Поросюша, стыдно ходить». К ребятам я сам боялся приближаться. Потому что, завидев меня, они начинали дразниться: «Бочка! Бочка!» – и кидались толкаться. Я и впрямь был круглый, как бочка.

Я ушел в себя.

Я старался не высовываться. Всегда держался на отшибе. Жался в угол. У меня такое чувство, что я и вырос в углу. У меня не стало друзей. Я ни с кем не разговаривал, кроме как с одной матерью. Случались дни, я не произносил ни слова.

Вот оттуда, из горького одинокого детства, такого жестокого, ко мне пришел страх перед всяким незнакомым человеком. Даже и сейчас, если очень надо заговорить, бухнешь что, не думая – он бледнеет, а ты краснеешь... Я не знаю, как к человеку подойти. Я не знаю, как к нему обратиться. Я вовсе не могу держаться свободно даже в знакомой братии. Меня всегда кто-то жмет, давит, оттирает в угол, к двери. За дверь. Я понимаю, что эту чертовщину нужно и можно перебороть в себе. Но я не знаю, как это сделать.

Однако я отвлекся...

Три раза меня выписывали из районной лечилки и – боль врача ищет – кляли обратно. Так как я опять сильно распухал.

В больнице у меня завелись большие друзья. Ма-аленький, ста-аренький дедушка Кирила Кленов. Я звал его просто дединька Кирик. И была еще тетя Нина Дробышева.

Нас слила одна боль.

Мы целыми днями не расставались. Сидим, жалеем друг дружку. Жалеем, жалеем да вдруг и ударимся в слезы иль в шебутной смех.

В последний раз меня положили именно на ту койку, где лежал дедушка Кирик.

Значит, лежу я и думаю, как ему там-то, дома, расхорошо.

А соседец мне и посмейся:

– Ну что, думовладелец, ты горячий заместитель Кленова? Съявился, задохлик, амбразуру закрывать?

– Какую еще амбразуру?

– А такую, – он угробно сложил синюшные лапки на дыплячьей грудке, на секунду закрыл печальные глаза. – В ту амбразуру, голубок, как в трубу дым, все человечество вылетело. А так и не закрыло. Вот твой дедука и...

– Ты хочешь сказать... Дединька Кирик помер?!

– Еще на той, больнуша, неделе отнесли в расфасовку⁸. Наглуха, Загиб Иваныч⁹, угреб и не охнул.

Эта весть засекала мне сердце. Замутилось у меня в голове. Я встал и побрел зачем-то к двери. Меня шатало.

Тут дверь сама мне встречно распахивается. В палату набивается обход.

Упал я перед своей докторицей на колени, обнял за ноги и заплакал:

– Я не хочу умирать, как дедушка Кирик! Я не хочу умирать! Переведите меня, пожалуйста, с его койки!

Свободных коек не было. Поменяться со мной никто в палате не захотел. В коридоре класть не решились. Зима.

– Горе ты мое горькое, – утешает лечилка. – Потерпи денешек-другой. Как кого выпишем, так и уважу твою просьбушку. А ты уважь мою. Иди ложись.

– Не могу...

Дождался у двери, пока ушел обход, и кинулся к нянечке. Неслышно вытащил у нее ключи из широко раскрытого кармана на боку халата, натянутого поверх душегрейки, забрал свою одежду. Ключи честь честью тишком вкинул назад нянечке в карман, переоделся в уборной и благополучно выскользнул из лечебки.

Дома я объявил, что у меня ничего страшного. А потому и выписан по обычаю на домашнее лечение.

Трудно мне поверили. Никаких справок наводить не побежали.

Слилось, может, так с полгода.

Иду я как-то раз из школы. Уже напротив своей калитки увидел почтальонку. Машет мне. Широко кидает руку из стороны в сторону. Такое впечатление, точно гонит от себя настоящий, тяжкий дух. Была она с глушиной. Подхожу я к ней вплоть. Она и шумит мне с попреком:

– Слухай, Валера. Ты вон, орелик, как всегда, все за наукой гоняисси! А товаронька твоя, Нинок-то, совсемко заскучала. Примерла! Царствие ей небесное.

Я оцепенел. Выходит, следующий я? Конечно. Кто же еще?

Веревка...¹⁰

Из оцепенения меня вывели нарастающий жалобный стон и шлепоток полуторки. По осенней плыла хляби.

Что же делать? Чего еще ждать? И на черта ждать? Какой смысл ждать? Сегодня... завтра... велика ль разница?

До машины оставалось всего несколько шагов.

Я выскочил ей наперерезку. Заслонил лицо брезентовой сумкой с книжками, повалился наземь.

Как потом я понял, машина вильнула, будто отпрянула от меня, толсто накрыла мне грязью голову, плечи, спину. Она с корня снесла нашу калитку, плетень и по самое брюхо вряхалась в нашу же грядку с чесноком под зиму.

Обложив меня незнамо каким этажом и поминая богову мать, шофер

за ухо выдернул меня из грязюки и, не выпуская, мертвой хваткой держал за ухо, поволок к отцу на правый бой.

– У тебя что, все батарейки сели?! – хрипло пришепetyвал он. – Со всем раздолбай повредился разумом! Прибитый на завязи. Тоже нашел игрушку – под колеса кидаться! Пускай батечка кре-е-пенько смажет тебе мозги! Чтoбушки не скрыпели...

Отец все видел в окно. Он готов был разнести меня на молекулы. Моя выходка была ему чем-то вроде красной тряпки для быка. Батый отбучал меня мокрыми вожжами.

Я захлебывался от обиды и слез, убрел из хаты. Ночевал я тогда первый раз в скирде соломы.

Я возненавидел все!

Возненавидел родителя! Возненавидел сокласников! Возненавидел больницу! Возненавидел врачей!

О, эти врачи! Залечили эти таблетологи дедушку Кирика. Все пихали в бедрo какой-то трынтравин... Залечили тетю Нину. А тоже к диете привязывали! Да плевать я хочу на вашу диету с высокой кучи! Буду мять все подряд! Хоть перед смертью наемся вволюшку!

Я стал наворачивать все.

– Ты чего все взаподрядку лопаешь, как свиненок? – пытается за столом родитель. – Иль думаешь, что в рот полезло, то и полезно?

Мамушка и заступись за меня:

– А ему, Павлуша, врачи разогрешили, – заикалась и жалко моргала она.

– Чему этих врачейцев и учат! – хищно обсасывал наш хан лошадиные зубки. – У этих халатов по семь пятниц на неделе! То строго держи диету. Все молочное. Все несоленое. Соки. А то... – скопил на меня угрюмый взгляд. – Ишь ты! Рвет селедку, как шакаленок козе горло!

– Голодом, Павлуша, еще никто от болезни не откупился. Хочется малому есть. Значит, дело к поправке мажется.

А когда мы остались одни, мамушка и плесни:

– Ты, сынок, ешь, ешь, что душеньке мило. Ешь, да не ленись пройтись-пробежаться когда. Когда побегаешь, по себе знаю, оно вкусней естся. Ты бегай. Мне сдается, это к пользе. Стрясывай с себя больную пухлоту.

Я начал много ходить. Стал по утрам обливаться холодной водой в тазике. Зуб на зуб не приходит. А я, знай, полощусь. Но бегать-таки не отваживался.

Сам по себе я не мог бегать. Мне надо за кем-нибудь бежать. И без видимой причины по деревне неловко пластаться. Скажут, сбился с ума. И надумал я из школы и в школу пришпоривать за грузовиками, за тракторами, за повозками. Оденусь, бывало, и к окну. Время идти. Я стою. Выжидаю. Завидел что на колесах – и задал бежака следом.

Раз за вечерей родитель и накатывается:

– Ты чего за машинами гоняешься, как бобик? Только что не обгавкиваешь...

Мамушка и тут поверни дело ясным лицом ко мне:

– Врачея, Павлуша, велела. Бегать ему надушко.

– А за аэропланом скоро повелит скакать?

– Да обскачет и аэропланий твой, будь у малого велосипедка. Давай-ко купим... Парубец у нас счастливуха. Что да, то да. Проверял вон облигацию и выиграл.

– Ну, коли самолично облапошил государство, возьми ему в премию этот хвостотряс.

На дворе еще первый толчется свет. А я на своем новом конике и зайвись куда-нибудь километришков за двадцать к черту на кулички. К урокам я поспеваю обернуться. И так изо дня в день.

Велосипед, бег и вода отпихнули от меня врачей. Здоровому врач не надобен!

К концу школы я окреп. Забросил валенки.

9

Намечтал я шатнуться в сельский институт да вернуться в Синие, как мамушка, агрономом. Свой растить хлеб – горел.

А дружки и подкуси:

– Или ты, товарищ, пупканутый?¹¹ Ну, какой из тебя студент прохладной жизни? Да иди ты пустыню пылесось!¹² Тебя ж по здоровью к институту не подпустят на ракетный выстрел!

Я и фукни им всем в глаза:

– На спор! Да я по здоровью вломлюсь даже в само ракетное военное училище!

И проскочил, курий мой лоб! Не ударил в грязь яйцом.

Делать нечего. Надо учиться!

В грамоте я был не в последних. В школе на второй год не отсаживали. Тройков не хватывал. Из четверок да из пятерок никогда не выпрыгивал.

То да се. Вот уже на носу и распределитовка. Первый раз в жизни задумался я, горелый колышек. За голову схватился.

Мамушка родная! Да какой из меня вояка?! Какой из меня службист? Воротничок вечно застегнут! Встань по команде! За стол по команде! Ложись по команде!.. Даже, пардонушко, на горшок и то по команде! Всю житуху по команде! Не-е... Не гожо. Не хлебать мне эти щи!

Что же предпринять?

Сесть за рапорт? Глупо. Отстегнут, отчислят под фанфары ни с чем. А мне надо слиться с военной сцены красиво. По лавру. С почетом. С дипломом то есть.

Надо схитрить.

Через месяцок выпускные. Сдам. Дождусь присвоения лейтенанта и тогда с поплавком, непотопляемый, просись, пожалуйста, в запас!

Экзамены я сдавал ни шатко, ни валко. Это был мой маневр. Начальству после легче будет отпустить меня домой. На экзамене по литературе любопытный дедок пристал с дополнительным вопросом: «Что вы скажете о замужестве Татьяны Лариной?» Не стал я распинаться по учебнику. От себя отломил:

– А что я новенького скажу? Надоело ей, где и когда, она и порх за муж.

Думал, лебеда врежет. А он тройка на вздохе отстегнул. Своих не топим!

На физподготовке надо было перепрыгнуть обложенную кирпичом яму в два с половиной метра. Лоб мне свой еще дорог. Я предусмотрительно обежал яму.

Дальше заскакиваешь на лестницу. С нее идешь по доске.

На земле хватаешь ящик с песком, бежишь по траншее. Дальше окоп, там две имитационные гранаты. Швыряешь в пулеметное гнездо. Первой

гранатой я попал в цель. А вторая с моей помощью сорвалась и надежно улетела в гости к госкомиссии.

Гордая комиссия благополучно разбежалась.

Ни в кого я не попал.

И вот экзамены позади.

Приказом министра обороны Малиновского мне присвоено звание лейтенанта. Диплом в кармане!

Теперь можно и за рапорт.

Я припомнил родной армии все! И то, что зимой курсанты ходили без верхней одежды. На морозе зуб по зубу автоматной очередью строчил! По всяк день почки настукивали мне о себе! Припомнил и то, что тайком от товарищей я носил под гимнастеркой теплый свитер и обливался холодной водой. Этим и спасался. Больше, писал я, не могу скрывать свою болезнь.

Раскипелся – целую тетрадь измазал рапортом. Так раскатал себя, такой пасквиль навел на свое здоровье, что министр без звука уволил.

Мамушка, не знай как, обрадовалась моему приезду.

А Батон (отец) – высоко себя ставил – даже руки не подал. Побелел. Набычился. Желваки дрожат.

– Хоть ты мое роженое дите. Руки я тебе не дам. Еще мараться. Ты дезертир! Ты дезертировал не только из армии. Из самой из жизни дезертировал! Государство панькалось с тобой. Так утратилось! Все учило, учило, учило! А ты?

– К твоему сведению, я по болезни пришел.

– По дурусти да по лени! У тебя ж планка съехала! На таких больных целину пахать! Испугался труда, ответственности. Лодыряка! Привык гонять вальта! Попомни мое отцово слово. До те, пока ты не вернешься назад в армию, я не считаю тебя своим сыном.

– А я и без твоих условий вернусь солдаперить. В том твоём училище совсем задолбали науками. Отдышусь, отосплюсь, откатаюсь, откупаюсь, отбегаюсь, отгуляюсь, отлюблюсь, отразведусь раза три, еще женюсь и с семьей сам вернусь тащить службу. Мне необходима семья, чтоб снять всякие подозрения на болезнь. Я считаю, женат человек – здоров, а не женат – нездоров.

Жизнь у нас не заладилась.

Батюня не разговаривал со мной. В презрении вообще не видел меня, топтал землю пяткой.

Я исправно платил ему той же звонкой монетиной.

Бедная мамушка слабым огонечком на ветру металась меж нами, ловчила присмирить нас с отцом и день ото дня все гасла, гасла, гасла...

С полгода я на измор косил изюмишко да прилежно читал храпницкого. Плотно отдохнул и прикопался в школе в воеводах¹³. В серпентарии¹⁴ только у меня не было своего стола. Подоконник заменял мне стол.

А через неделю пристегнули мне и уроки по труду. Бывший трудила серьезно заболел. Впрягли меня сразу в две тележки. Ну, впрягли, я исправно тащу свои возки. Видит директор такое мое пионерское прилежание и говорит: «Бог любит троицу. А чем ты хуже Бога? Кидаю я тебе и кнутик. Будешь еще и физкультурником. Чего тебе? Денежки не нужны?» Я ничего принципиального не имел против шуршалок.

Месяцок так отпустя, директор Баян Баяныч (этот бугор вел музыку) великодушно воззывает меня на первую подковуерную бучу.

– Липягин, *lumen mundi*¹⁵ вы наш! Если желаете остаться в школе, пре-

кратите с учениками здороваться за ручку да потрудитесь уж заставить их величать вас не Валеркой или Валерио-холерио, а Валерием Павловичем. Что за панибратство? Еще чего доброго такого, станут просить заку- рить!

– Не выпросят. Я не куритель.

– Ну, станут угощать. Вы же не откажетесь!

– Может быть...

Я смотрел на дурика, не понимал его и думал: темная лошадка, чинов- ничье начальство. К чему оно? Чтоб держать в вожжах подчиненных? Чтоб-с портить людям жизнь? Чтоб бить по протянутой детской руке толь- ко потому, что ты учитель, а он ученик? Глядя на старшого, не примется ли он по нашему образцу обижать младших, слабых? Кого мы так воспи- таем?

Эха! Сеем, сеем вроде разумное, доброе. А нивка-то камень, вечно не пахана! Что взойдет-то, господа сеятелечки?

Тут, конечно, не нужно большого ума, чтоб уловить существенную раз- ницу в моих и директорских взглядах на педагогику.

И мы, понятно, расстались без горьких слезолитий.

«Обида, как ни тяжела, а поскулила и ушла».

Я переметнулся на почту.

Правда, не ямщиком. Прилип письмоноосцем.

– Э-эх... Был учителем – и несчастный почтальонишка! – Гордей соло- но выматерился. Обругал меня.

Я был, естественно, другого мнения о себе. Не мог согласиться с Горде- ем и снова залез в спор.

– Хочешь, я, тупак, в твоей СХИ на спор поступлю?! И будет тики-таки!

– Ха! На рак бы не сел!¹⁶ Да ты, мозгодуй, хоть бы в морковкину акаде- мию¹⁷ впрыгнул! Тебе даже наш кембридж¹⁸ не светит!

Я доказал, что я вовсе не какой там дурилка картонный, не глупей его. На спор жикнул именно в тот СХИ, где уже заочно мучился Гордей.

И мы вместе стали ездить в Воронеж на сессии.

Будущие агрономы...

Гордей нацелился разводить сады. Метил во внука Мичурина.

Да снесло во внука Обломова.

Весь ералашка в том, что, окончив институт, я не стал агрономом.

Парадокс.

Видишь ли...

Покуда я заочно мучился именно на агронома, дома меня постоянно крутило в учениках, будто щепку в омуте, и потом уже, как самостоятельно взял дело в руки – во всякую работу я был въедливый – кем только ни терпужил! И пекарем, и каменщиком, и маляром, и стропальщиком, и плотником, и слесарем, и токарем, и охранником, и милиционером, и лесником, и линотипистом... За шесть институтских лет я добросовестно изучил-прощупал до глубины все эти ремесла. Ну не богатство ли это мое?

Тут нужно немного отойти назад.

Как я уже говорил, после матери отец поджанился на другой, и я от- был из дому чужие считать углы. Наверно, совестно стало батю. Выку- пил мне отдельную поганенькую хатешку. Так, одно название. Под соло- менкой. Всеми ветрами прожигалась.

Навалилась зима. Мне и вовсе худо.

Была у меня тоскливая постель, как у курсанта. Ни пуха ни пера. Даже теплого одеяла не заводил. Конечно, я б наискал тугриков на одеяло. Но

я из принципа не покупал его. Еще разоспишься в тепле. А долго спать вредно. На стенке у изголовья у меня сидела под ржавой кнопкой вот эта газетная вырезка. О том, что здоровый крепкий сон приводит к тяжелым заболеваниям, что именно во сне человек может приобрести целый букет болезней и т.д.

В каком же варианте спать безвредно?

Только в одном. Совсем не спать! Совсем не получится. Ну, по минимуму надо ехать. А минимум удобств гарантировал минимум сна.

Унырну под одеяла – у меня было целых два байковых – обложусь для согрева всеми пятью кошками и до утра бедное сердце с холода дрожит. Дрожью я грелся и не давал себе разоспаться. Берег себя для долгой жизни.

Воскресенья я ждал. Как Пасхи!

По воскресеньям были мужские банные дни. В эти дни прилетал я в баню к открытию. К десяти. Уходил последним. И так всю зиму. Делал я это не потому, что был большой чистоба, а потому, что я не мог вынести дома морозину. Бегал в баню греться.

За весну и лето рядом с отцовым чумом я поднял новый королевский домик, чем привел в невозможное замешательство отца, соседей.

Об этом своем подвиге я не стыжусь сказать под момент.

Вот тут-то, на постройке своего дупла, мне и понадобилось все то, что на всяких ремеслах я твердо набил руку. Работал я в ремстрое, выписал кирпича. Мне, как ударнику труда, выписали без митинга. Сам стены клал. Верх сгондобил. Двери с лазом для кошек навесил. Сам печку выложил на чистую душу. Окна вставил. Одно слово, все, все, все сам. Руки у меня все же правильно пришиты. А кому талант, тому все. Как видишь, не на засолку собирал я себе эти пятнадцать ремесел. Нужда заставит сопатую любить...

Итак, учился я на агронома.

К этой главной своей идее я подлаживал всего себя. Уж к чему, к чему, а к учебе отношение у меня всегда почтенное. Коллекционировать тройки меня не прельщало. Такую зачетку стыдно поднести кому. Хотелось все как посолидней сдать.

А хочешь сдать хорошо, готовься к сессии по серьезке.

Я старался выклась душу. Да разве одновременно ладом готовиться к сессии и работать возможно? Учеба первой всего!

За месяц-полтора до сессии я увольнялся, мертво брался за учебу, сдавал экзамены и зачеты. А после сессии шел уже проситься на новую работу. Отсюда и набежало столько ремесел мне в сети.

А самое важное дело, ради чего пускай и на спор весь сыр-бор я затевал, так и не далось мне.

Не-е, по бумажной части полный абазур. Диплом почти с отличием мне честь честью отдали. Ромбик такой красивый тоже отжаловали.

Ветром радости несло меня домой к мамушке. Была мамушка уже в больнице. Ну, думаю, увидит диплом почти с отличием, сразу поднимется!

Мамушка меня не узнала.

Я ласково поднес поближе диплом почти с отличием, значок. Она как-то сморщилась, изморно замахала на меня руками. Надернула одеяло на лицо и жертвенно, с надрывом заплакала. До самого конца мамушка не узнавала меня. Только устало и угрюмо смотрела на диплом из моих рук, вовсе не понимала, что это такое.

Да понимал ли я сам?

Я уходил от мамушки...

Диплом почти с отличием топорщился в кармане. Мешал...
И с ним я так и не стал агрономом.
Не дошел до своего полюшка...

10

И для Гордея, и для меня третий курс оказался завальным.

На третьем курсе деканат требует справку, что ты, такой-то, арбайтен унд копайтен по избранной специальности.

Не постеснялись, спросили справку у Гордея. Гордей был богаче меня двумя курсами.

К той поре Гордей раскушал, что ему выгодней доспать до бабьей пенсии на лавочке под дверью у компрессорной¹⁹, чем менять все, ставить все кверху тормашками и начинать новое, садоводово, житие, Бог весть, где? И Бог весть, как? Тут ты воздаешь храпуна, и сны идут тебе в зачет, как вредные. По вредности выскочишь на пенсион еще крепеньким петушком. Это раз.

Во-вторых, прибился он к мнению – хватил выше Ивана Великого – что способней и спокойней покупать яблоки-груши в ларьке, нежели самому их растить. Вследствие всех этих умствований Гордей заленился соскользнуть на колею садоводческую и ему не послали вызов на сессию.

Неслышной, сухой веточкой отпал Гордей от института.

Но вот звонит мой час.

Я раскланялся с почтой и уваялся на практику в ближний колхоз, в село Малиновые Бугры, или, как их еще звали, Вязники.

Там-то я и увяз.

Ни с того ни с сего кинули мне сразу вожжи от целой бригады. Иди направляй! От такого навального доверия стало жутковато. А тут посевная. Первая моя посевная... Что за народ сбежался в поле?! Мат на мате. Шатнулся я в просвещение.

– Мужики! – кричу. – Не смей ругаться на севе! Урожая не будет!

Они ржут.

Я свои вожжишки не роняю:

– Один вон уральский ученый двадцать лет изучал силу бранных слов. И доказал... «Зерна, политые водой, которую ругали трехэтажной бранью, проросли лишь на 49 процентов. Вода, заряженная вялым матом, показала результат получше – 53 процента проросшей пшеницы. Затем ученый полил зерна водой, над которой читал молитвы. И она проросла на 96 процентов».

Меня крепенько просмеяли на все боки и я притих со своей гипотезой «О влиянии ненормативной лексики на психофизическое состояние живых организмов».

Не дождался я своей первой уборки. Под матюжок сломала меня моя же первая посевная... Первый блин, на то он и первый, чтоб просвистеть комом.

Один сменишил норму высева семян, ловчит побольше намотать гектаров на колесо. Второй архаровец в менялы заделался. Чувал семенного зерна при мне меняет на бутылку бормотухи или кисленького. Надирается по-черному и горит с вина. Умом просекаю, надо бы мне этого менялу за хвост да к участковому. А я не могу.

Душа умирает...

Все тащат живым и мертвым. Я не могу видеть эти страхи. Не то чтоб

на дыбы всплыть – боюсь, ядрена марш, голос поднять. Сбегаю! Абы не видеть. Абы не быть свидетелем. А то еще прибьют да закопают... В каждой избушке свои погрешушки.

Или...

Погодистый день. Позднее, старое утро. А у меня еще не все на работе. Иду, погонюч, гнать в толчки. Приворачиваю к уваловатой, раскормленной бабенке. Она будто ждала. Моментом на стол дымных щец, сметанки, мяска.

Буркнул про работу. Надо бы и уходить – ногим поднять не могу. Знамо, голодная блошка выше прыгает. И до таких степеней я напрыгался, что нету моей моченьки подошвы от пола оторвать. Приварило! Как тут уйти? Столбом торчу на порожке. Молчу. А у самого голова с голода кругом идет. А в животе некормленные медведи ревут. А она, ахрютка, заводит свою сахарную песнь песней:

– Жаль каковоцекая! Поди, Валер Палыч, устали, бегамши по дворам да гоняючи черных коммунаров²⁰ в поле? Не поевши, сами гляди? Женка-то, хоть какая, значится в наличности? Есть ли кому подкормить?

– Откуда... Я еще студент. А студенту нельзя жениться. Если он будет уделять основное внимание жене, вырастут хвосты, а если учебе – рога. А ежесть разом хватнется с жаром за то и за другое – отбросит копыта... Получается кислый пшик...

– А Господи! – похлоливо и дробно крестится она. – Это ж куда такая ига бегить?! А... Совсема вышла из толку, совсема вылезла из ума. Пирожки ноне хорошо пеклись! Не зябли!

И выносит, смертушка верная моя, на полотенечке цельную горушку еще теплых пирожков со смородинкой! Знает, продувная бестия, чем добить! Я стою и вижу, как пирожок сам заворочался в сметане, сам только ско-о-ок мне в самовольно распахнутую настезь варезку!

Я даже пожевал. Но проглотил лишь язык.

– Да что ж вы, Валер вы наш дорогой цветочек Павлович, стоимте? – всплескивает руками. – Садитесь! Пожалейте полы. Нехай не висят. Нехай трошки отдохнут! Покуда полы отдохнут, и вы ж, Валер вы наш цветочек Павлович, подзавтрикайте, чем Господь послал. А то што ж на пустой желудок об дело язык бить?

Я, шпендик, отнекиваюсь. А колеса сами несут к столу. А цапалки сами хватают большую ложку. А бункер сам уже раскрывается!

Смотрела, смотрела жалобно тетеха, как я, не жевавши, заглатываю пирожки, подперла пухнявой ладошкой розовую щеку. Пожалела по-матерински:

– Худы, худы-то што! Впряме ходячая смертонька!

За работу хоть меня и не хвалили, так зато не корили за еду.

Отпустил я ремень дырочки на три. Наперся, как поп на Пасху!

Какую тут работенцию спрашивать?! Поклонился поясню да на разболешом спасибо и выкатился.

Расписал я Гордею первую свою бригадирскую неделю.

Гордей и насыпья на меня:

– Хорош же ты, гусик! Хор-ро-ош! Вот только не летаешь! Или у тебя болты посрывало? Не с того ж конца погнал ты, дураха, свою практику. Не с того. Надо было, Нерукопожатый, начинать с председателюги. И тогда б все твои бугровские страдания сами собой рассосались бы, как нечаянная девичья беременность. Надо было... Хо-оп председателюка за жаберки, бумажулю в зубы. Хоть яловая, телись! Давай, дружок, по гос-

цене мясо, картошку, млеко. Набрал и пускай хозяйка готовит. Тогда бы ты чужие куски не сшибал! Был бы круголя независимый. Сам бы кусал!

– Не могу я... Люди же!

– Ой... я! Как говорил один: «Да тебя даже послать некуда. Всюдушку ты уже был!» Или у тебя кисель в коробке?.. Что ты брякнешь, на кулак не натянешь! Видите, благородство его закушало! Святоша! Не про тебя ли сама Цветаева всплакнула: «Не стыдись, страна Россия! Ангелы всегда босые»? Боженька ни у кого не отымал право на глупость. Но зачем ты злоупотребляешь? Думаешь, они тебя пощадят? Ты что же, хочешь прожить, как сурок в норке? Чтоб-с никто мимо не прошел? Чтоб-с никто не спугнул? Чтобушко никто, наконец, не пукнул тебе в норку?.. Ты бригадир! Шишкар! А быть давилкой²¹ и не кусать нельзя. Тогда тебя слопают! Вот что... Хочешь королевствовать в агрономах, дуй в рейхстаг²². Прямоком к первому. К самому партайгеноссе Стружкину! Распиши, что за безобразия в тех Буграх. Эта твоя неделя – экзамен на зрелость, на добротность! Экзамен на право быть настоящим человеком, если хочешь. Всякое дело начинай чисто!

– Я что, тормозной? Ты чему учишь маленьких? Выносить сор из избы?

– Выноси, милоч. Чище изба будет.

Я рванул в райком. Прямой наводкой к нашему бобру Стружкину.

Но пока бежал я проклятые полкилометра, никакого запала во мне не осталось. Вместо молний и грома, на что поджег меня Гордей, я развесил юни, расплакался самым препасквильным образом.

– Заберите меня из Бугров... Я там помру с голода. Не могу я там. Не хочу, Виктор Семеныч, миленький.

Меня отозвали.

Однако Бугры не отпустили меня с миром.

За неделю моего командирства у меня в бригаде скоммуниздили сто сорок мешков семенного зерна. Так лепнуться родным кокосом в грязь! За зерно я не отвечал, я отвечал за мешки. Один мешок стоил рублевик. Мешки пустили как бывшие в употреблении за полцены, и при расчете с меня вычистили семьдесят рэ. Рупий таких я не успел заработать. Пришлось родительскими откупаться.

В институте лежала моя справка, что я бригадирствую в колхозе. Мне аккуратно подбрасывали вызовы на сессии. Я аккуратно сдавал. Но Гордею я признался, что агрономом, наверное, не буду.

– А зачем учишься?

– Чтоб-с умнее быть, пожалуй... Докажу тебе, что не такой уж я путолобик.

– Ну-у, братец, глупее не придумать. На что мне твои жертвы? Вон я... Почувствовал, что выпал из меня садовод, я честно и брось институт. Чего зря тянуть с государства? А ты, плужок... Кто ты сейчас? Маляришка? Маляр тоже нужен. Но нужен ли стране маляр с двумя высшими образованиями? Хапанул ты у родной державушки сверх полной меры. А кто за тебя будет отдавать?

Этот разговор долго не отпускал меня.

Как-то подспудно я чувствовал, что в ту бригадирскую неделю разминулся я, пробежал мимо чего-то очень большого и важного в самом себе,

в своей жизни, но именно мимо чего – я не мог и себе сказать. Не знал. И это незнание тревожило, дергало меня не во всякий ли день.

Задолго до диплома, не за полгода ли, засуетился я панически, завертелся. Примчался в районное управление, открытым текстом прошу с ним на службу.

– А опыт у вас какой-нибудь есть?

– Ну, зачем же какой-нибудь? У меня хорро-оший есть! Я в Буграх бригадирил. Мно-огому научился! Мне б подале от материальной ответственности. Обжегся на этих мешках. Как смерти боюсь этой матьответственности. Возьмите на самый бедненький окладушко. Ну что вам? Лишь бы только в управление. Лишь бы ни за что не отвечать.

А мне почему-то весело отстегивают:

– Нет у нас такой должности, чтоб ни за что не отвечать.

Ладно.

Уже с дипломом беру я этажом ниже:

– Помогите устроиться агрономом хоть куда. В любой колхоз иду!

В управлении мне сулят помочь. Твердят, нужен я. Заявляюсь на место, оказывается – не нужен.

И что поразительно, на местах везде поют одинаково.

– Нам нужен на бригадира, на управляющего агроном со средним образованием. А у тебя высшая подготовка. Тебе подай главного агронома. А главный у нас есть. Так что ты нам не подходишь.

Мне тогда и подумалось, а не круговой ли заговор тут? Может, покуда доберусь я от районного кабинета до колхозного, из районного десять раз позвонят и накажут, чтоб не брали, расхорошо помня мой препасквильный скандал в Буграх?

Вот так клюква!

На родной сторонке места себе не найти...

А может, родная сторонка заколдована от меня?

Ну и пускай!

Не пропаду, не отброшу копылки в любом другом месте. Лишь бы при земле служить! Мне б только прикопаться хоть в самом захудалом колхозишке «Красное дышло». Но и там та же песня. Так нигде и не прижился.

12

Я не нужен...

Тогда на что я учился? Да нет. Не может того быть... Вот так и не нужен? Неужели совсем нигде и никому не нужен на своей земле?

А может?..

Неужели у меня завелся персональный «коричневый карлик»?²³ И кидает против меня все эти козни? Тогда мои дела совсем швах. Да что я?.. Я ль один? Эта ж отморозенная «Немесис» тащит смерть всей Земле!!! В том числе персонально и мне. Без исключения. Так надо что-то предпринимать, тундрак!

Что ж мне... Постой...

Другие ученые вон тоже нашли в космосе кольцо пыли, в котором может существовать планета, похожая на Землю. Закатиться б туда! Да далековато. На отстоянии 424 световых лет от Земли.

Неужели весь свет восстал против меня?

Со стыда я готов был провалиться на три тарары. Воистину, удалой долго не думает: сядет да воет.

Земля, земля...

Если не принимаешь в свои работники, так расступись. Сокрой.

Уеду!

Закачусь куда-нибудь к чертям на кулички. На чужих дрожжах, глядишь, еще подымусь!

– Дай, – прошу Гордея, – любой адрес. Уеду. Так мне все в Синих постыло!

– Кати колеса в цветущую Грузию. Может статься, вернешься с шахматешками.

– Тебе б все выгибаться.

– И не думал. Кочеток ты молодой. В силе. Не исключено, положишь на какую грузиночку глаз. А у грузин обычаем дарить невестам шахматы. Думаешь, чего это целых двадцать лет грузинки чемпионничают в мире? Наловчишься еще почище Каспарова править фигурами и на доске, и в жизни. И потом... Там ты будешь в цене. С женками-тетками культурно обходишься. Рук не подымаешь. А в Грузии и пословица есть такая: «Солнце не осмелится взойти, пока муж не побьет свою жену».

Гордей назвал мне совхоз «Насакиральский». Там он жил со своими до армии. Сказал, к кому из хороших его знакомцев шатнуться при случае за поддержкой. Дал даже записки к ним.

А где он, этот «Насакиральский»?

Это туда пониже, пониже, как по карте посмотреть. Не у самой ли границы с турками.

Ехать туда просто.

В Батуме я пересел на пригородный поезд. Общий вагон был забит школьниками. Черноусая гренадерская тетеха с курчавой прореженной бородашкой, как у подлетков на первом усу, простуженной трубой гремела посреди вагона:

– Дэти! Продолжим наш урек на руска езык. Эсчо разик повторяю... Запомнытэ... Слова сол и фасол пишютца с мяжки знак. А вилька и тарелька – бэз мяжки знак.

Припав на минутку к бездонному кладезю грузинского просвещения, я больше не слушал русланку²⁴, а пялился в окно. За полтора часа поезд домчался мимо скал, мимо моря до разопрелого меж гор городка Махарадзе²⁵. А от Махарадзе до совхоза можно уже и пеше дорулить. Не возбраняется.

Стал я собирать чай.

Чаека, конечно, растет там на кустах не теми плотными пачечками по сто граммов в каждой, что берешь в магазине. Дали мне ведра на три корзинищу. Сплетена из тоненьких бамбуковых полосочек. Посадил я ту корзинку на пояс сбоку, переступаю меж рядами боком и дергаю ломкие, хрусткие росточки величиной так с палец. Рву и в корзинку. Рву и в корзинку.

Рву день. Ничего.

Солнышко кавказское. Птички опять же кавказские. Девчошки черненькие, смазливенькие, с дичинкой. Тоже не заводные. Кавказские.

Ну, ладнушко.

Рву два. Рву три.

А надо сказать, не просто рву, а рву, переломившись в поясе надвое. Кусточки-то низковато сидят. То до коленки, то, извиняюсь, до тастика.

Заныла спина. А с плантации не уйди до темноты.

А ударь и чумной дождюха – опять не уйди! На такой переплет таскаешь под поясом клеенку. Обматывайся и рви. А про отдых не моги подумать даже в воскресенье.

Впечатлизмы от таковецкой работехи запечалили меня.

Я рвал чай – чай рвал меня, мое терпение.

Неужели изо дня в день всю жизнь выжариваться раком на большом солнце? И бестолковка²⁶ покруживается, как у куренка. Дождусь, достараюсь, трударек, что обморок свалит! Зачем мне такая ига?

Нетерпение разорвало меня. Не дождался я там первой своей законной полочки, не разбежался даже получить свои шелестелки. Пришлепал в бухгалтерию, тук-тук-тук шоколадиной в локоток Кате Визирской, бывшей Гордеевой сокласнице. Зашептал, хотя в комнате никого не было третьего:

– Катеночка! Светик ты мой ясный! Добудь мне тайком или как... мою трудовую книженцию да и оставайся, чайная лавка, с товаром! Что заработал, жертвую на ваши дожди. Цвети, чаека, кудравее!

– Валера! Не дуракуй! Ты же хороший парень. Не бродяга, чистенький... Не пьешь, не прогуливаешь. Замечаний к тебе нет. Все тебя вываливают. Помнишь?.. Когда я оформляла тебя разнорабочим, я спросила:

– Вы с высшим образованием? Что вас сюда завело? Ты буркнул: так уж сложилось. А что сейчас?

Совестно в глаза глядеть. Я рога в пол.

– Катунчик, я должен уехать. – И пробую раскидать тоску. – Пить так пить, молвил слепой кутенок, которого несли топить.

– Но ты-то не слепыш! Девчата, между прочим, с интересом, с надеждой уже поглядывают на тебя. Еще уберем под венец с тобой такую краleckу! Есть одна на примете.

– И потом всю жизнь кисни на чаю? Не-е, Катюшка, не мешай мне. Я сам смешаюсь. Так уж спеклось... Я должен уехать.

– Должен... Но разве обязан?..

Сухум не принимал.

Наш поезд зацепился за какую-то корягу в Келасури.

Выскочил я из вагона – я на всех остановках выхожу, занятно ж таки посмотреть, что за места проскакиваешь, – бросил глаз вокруг и обомлел. – Господи-и! Красотень-то каковущая!

Слева море, люди. Кто купается, кто на песке поджаривается. Бедолага чуть не дымится! Справа горы фигурные в лесах. Распахнул я рот, потянулся глазами от корени к вышке диковинного дерева. Кепка с меня свалилась.

– Эчто, кацо, красиви? Ух... ух... Я так скажу... Келасури – зэмной пилиал рай! Нэт, да?

– Филиал, филиал, – бормочу я, без охоты поворачиваюсь на голос. Поворачиваюсь и вижу: по-турецки загнав под себя пухлые родные поршни, расселся, как чирей на именинах, короткий толстячок моих лет. Ухает от зноя, обмахивается розовой войлочной шляпой.

На самом верху руки по дужке синеет вязевая надпись: Син Кафкаса. Пожалуй, передо мной не кто иной, как сын Кавказа.

– Ну что, сынок, клапана горят? – подмигиваю я мученику. – Трудно, вломак, загорать?

Он улыбается шире моря.

– Трудни, трудни... Уф... жяра... Плехо... Вино будэт тепли, и мой дэвочка будэт потни...

Тут ко мне заговаривает широкий, надежный в кости благообразный дедок с белым мазком бородки:

– Извините. Я понаблюдал за вами, вижу, нравится вам здесь. А вы, признаюсь, нравитесь мне. Я здешний лесничий. Оставайтесь у меня лесником...

– Батя! Да вы что? Я ж, – веду руку в сторону, – вот с этого милого поездунчика.

Моя рука глупо висает в атмосфере.

Нету ни первого, ни моего последнего вагона! И вообще от поезда уже и след накалился. Спасибо, что вещей у меня-то и было, что на мне.

Денег до Двориков не хватало.

И неволя вжала меня в лесники.

Мой новый старшой, Кирилла Ильич Голубев, детски обрадовался мне.

– Да наши леса – это!.. – высоко начал он и не нашел слов про то, что же такое абхазские леса, продолжал ногой ниже: – Это убежище древних растений! Представьте, близ Сухума уцелели девственные леса с редкими древними породами. Живут только у нас! Да каждое наше дерево, каждый кустик, каждая травка – живая поэма! Я попробую вам рассказать... Одна московская газета с лишним пафосом пела про меня: «С ним войдешь в лес тупицей, а выйдешь академиком». Завидую вам. Вы молоды. В вас сила берет. А мои дни заходят, гроб за задом волочится...

Я грустно покосился ему за спину. Он смутился.

– Лесные университеты будем одолевать по ходу дела. Главное для нас с вами – сберечь нашу кипарисовую рощу. Это вам не сучки сбивать. Придется много штрафовать и вон этих... – взгляд на пестрые палатки меж деревьев, – дикарей, брезентовых самомучителей, и вон этих сынов Кавказа, – качнулся в сторону толстяка с татуировкой. – Придется смотреть в оба. Как говорится, бди одиннадцатую заповедь: не зевай.

Уже на второй вечер в форме и с пачкой квитанций я хозяином шествовал по кипарисовой роще. На своем подворье и петух генералиссимус! Кругом народу, точно колосу в урожайный год. Бродят, как куры. Кой-где курчавятся тягучие дымки. Сыны Кавказа жарят шашлыки!

И первый, на кого я нарываюсь, был вчерашний красунец с расклевенными плечами в гулевой компании таких же ветрогонов. Меж ними шьются пляжные мамзельки.

– Здравствуйте, – говорю я в крайней строгости.

– А-а! Здрати, дорогой! – в сладком поклоне тянет он мне руку. – Садись, генацвале. Сами дорогой гост будэш. Сэчас вмести с наш дэвочка будэм шашлик кушить... Как говорил мая троюродни дядя, ум живет в желудке.

Оно, конечно, доброе слово и карасю радостно. Однако я с подначкой, не в лад бросаю:

– А дядя не учил: не неси свою ложку туда, где нет твоей миски?

И не выхожу из строгости, продолжаю держать свою суровую марку:

– Почему развели костер не в положенном месте?

– Дорогой! Шашлик жарят там, гдэ душа хочэт. А душа хочэт на бэрэг моря! Под кипарис!

Ветки кипариса висят низко. Того и жди пыхнут. Кипарис легко ловит огонь.

- Извиняюсь. С вас штраф.
- Пожалуйста, дорогой. Без извинэни!

Мы обмениваемся «верительными грамотами». Я ему квитанцию, он мне штрафную пятерку.

И не было дня, чтоб мы не обменялись.

Конвейер этот до того у нас отладился, что «син», выше глаз занятый шашлыком и вековыми многостаночницами, загодя накалывал на ветку штрафную пятерку. Я не досаждал веселому гульбарю. Тишком снимал с ветки тугрики, вешал на то место квитанцию.

Но наступили дни, и последний люд радостно повез во все концы света счастливый сухумский загар.

Приугас и мой гладун.

– Что такой грустный? – вхожу в любопытство.

– А, дорогой, – вздыхает, – бэдному толко и остается, эчто уси подкручивать...

– Что так? Какая беда тебя придавила?

– А, генацвале... Мой умни зэмляк Джангули Гвилава хороше сказал: «Отдых на морэ укрэпляет здоровье и расшатывает мораль»... И эщо дорогой Джангули сказал прямо про мэня: «Любовник – это мужчина со знаком качества!» Вот... Знак мой стерся... Сижю весь распатанни... Всэ мой дэвочка, всэ мой птичк уэхал на сэвр... Всэ бросил мэ. Маленьки я козел, зато рог болшие, – он грустно поднял руки, трудно пошатал воображаемыми рогами над головой. – Наставили... Где плэтьень ниже, там и перелезают... Дыалэктыка, дорогой... Да-а.. Джигита, чито упал с осла, нэ сажий на сакуна. Из этого ничего хорошего, – скорбно потыкал себя в жирные грудки, – нэ будэт...

Я не спешил оставить его одного в такую минуту безрадостную.

Посидели молча, значительно поглядели в землю.

Я засобирился вставать.

– Нэ покидаи и ти мне, – тоскливо взмолился он. – Одиноки чалавэк чувствует свой одиночество и во врэмя еды. Вмэстэ будэм кушить мои последни шашлик...

– Нет, дорогой, каждый ест свой шашлык, – зафилософствовал я, глядя на ветку, где на привычном месте не было штрафной пятерки. – Не всякой я дыре гвоздь...

Он сокрушенно протянул мне полный кулак мелочи.

Я пересчитал. Подаю назад пять лишних копеек.

– Взяток не беру.

– О, кацо! – всплыл он в обиде. – Возми сэбэ!

Сказано это было на весь упор, на высочайших тонах и с таким широким жестом, точно он навяливал мне миллион.

Я-таки добросовестно вернул ему его пятак.

Сам дьявол качнулся в его глазах. Со смертельным оскорблением вломился мой син в амбицию:

– Ти не уважаешь мене! – докладывает во весь рот. – За цели месяц ти ни один раз не хочэш кушать мои шашлик! – загнул мизинец. – За цели месяц ти не хочэш взять сэбе ни один мой капек! – загнул безымянный. – За это, дорогой, я зар-рэжу тебе ровно два раз! Приходи завтра, дорогой, посмотри, дорогой, как из тебе я шашлик жарить буду. Приди толко... нэ забуд... Денги у мене нету на барашка. Из тебе тэпэр буду делать шашлик!..

Ну его! Еще ни с чего умолотит в гроб. Только свяжись с этим джиги-

том... Видал, на завтра сулит полный расчетишко. Значит, дает миром уйти. Надо уходить.

Его эта угроза явилась тем лишним перышком, от которого и судно тонет.

Я ушел из лесников.

И не жалею. Все время я чувствовал себя в лесной тарелке неуютно, скользко: не при своем деле кормился.

Может, на третий так сухумский день увидал я на столбе объявление. Звали специалистов на Амур, в совхоз «Надеждинский». Я написал. Мне живой рукой ответили, агроном им нужен, но нету жилья. Из-за жилья я и не поехал.

Наконец брошен вот и лес.

Куда деваться? В Синие возвращаться? Так скоро, не с руки было показываться Гордею на глаза. Неловко...

Тогда, где искать приют бедной головушке?

Шапочный знакомец, сосед по пляжному топчану, шутя помани, я и кипись за ним, как собачонка-голошмяк²⁷.

Задуло меня сухумским ветром аж на КамАЗ. В отдел кадров толкнулись мы уже к закрытию. Трудовую мою с уважением возложили в сейф под ключ. Сказали, оформим с утречка завтра, а сейчас идите отдыхайте с дороги.

Выписали мне бумажку в общежитие. Общежитие мне глянулось. На новом месте спалось легко. Как в детстве.

Парни в комнате мировые. Все! Амба! Хватит метаться, хватит дуrolомить. Прощай, жизнь с дымом! Здравствуй, КамАЗ! Остаюсь по гроб жизни!

Да с моими пятнадцатью ремеслами начальники цехов будут рвать меня на сувениры!

Но утром по пути в кадры я стороной прослышал, что в соседнем общежитии по нечаянности глубокой вроде как бы выронили одного в ночное окно. Была вчера получка. А в получку как объехать буревестник?²⁸ Вот и разыгрались ваньки-в-стельку... Так могут выронить и меня?! Кидаются в окна народом, как пустыми семечками! Ну и ну!..

Выхватил я свою честную трудовую и дай-подай Господь ноженьки!

Прощайте, камазята, веселые козлята! Целоваться не будем. Ну вас! Некогда!

13

В Воронеже я присох к охране завода. Как я считал, на спящей должностенке. Да один черт ей рад.

Ночь.

Добрые люди спят. А ты слоняйся, как дурасек со свистком. Это было противно моему естеству. Об этом я думал все первое дежурство, до бешенства распаял себя тем, что я ничуть не хуже Гордея.

Гордей вон даже в дневную смену безбоязненно спит запоем себе на здоровье на лавочке у компрессорной. А вредный стаж растет.

А тут ночью майся!

Я не стал противиться природе. Тем более, порешил я, глупо. Начальство ж умнявое – на то и начальство – спокойненько задает у себя в серали храпунца. Не подловит.

Едва заступил я на второе дежурство, сон подсек меня прямо на порож-

ках. Даже не дал в караулку войти. Бугор (начальник) смаячил у меня оружие, благоразумно не разбудил меня. А утром пролупил я глаза и обнаружил вложенный мне в руку приказ о моем увольнении. Прощай, спящая красавица!²⁹

Нигде и никому я не нужен... Назад! Назад!! Домой!!!

Весь белый свет слился у меня в одну ясную точку Синие Дворики.

Простите, Дворики, меня. Простите и примите назад своего блудного валушка.

На автовокзале народу, как мурашей на сладкой корке. Еле дотолпил-ся до кассы.

– Милушка! Один до Синих!.. На сейчас!

– Или глаза потерял? Не видишь? – крашеный коготь тукнулся в объявление на стеклянной отгородке. – Все написано. Читай!

– А-а. Я читал... нету. Ну и что? А ты, милаша, все-таки подай один без места. У меня ж и без сдачи. Ровно руб. три!

– Повторяю русским языком. На отходящий ничего нет. Бери на следующий. Через час пойдет.

– На следующий, так на следующий, – бормочу я, соображая свое, и радостно гаркаю: – А на следующий подавай уже два!

Кассирша захлопала метровыми фиолетовыми ресницами:

– Перед кем выхорашиваешься?

– А перед женой! – созоровал я. По плечи вдавился в окошко, совершенно секретно докладываю: – Да за твой час я на всю жизнь жену себе тута такую отхвачу! Малый я добутной... Людей кругом без провороту. Есть из кого искать.

Однако перед глянувшейся подмолодкой в очереди я побоялся распускать перышки. Все же вокзал. На какую еще западешь. Уж лучше дуну я по старому адресочку!

Справа от автовокзала кошачий домик (женское общежитие строителей). Вахтерит там на КПП пожилая грубоватая лосиха. Временами она признает меня за своего. С одной и той же заботой я не раз подтирался к ней.

Она знает, какую мне надо.

Знаю и я, что за так она меня и в упор не заметит. Хоть сядь я перед нею на ее дежурный кривоногий столик.

Я ей, куряке, на лапу бах пачку «Беломора».

После «Беломора» у нее выказывается зябкий интерес ко мне.

– Ну что, Сахар Медович, – лениво надрывает уголок пачки, – грехи душу все моют, да в рай не пускают? Ждешь-пождешь, когда поднесу тебе счастье на листу? Счас попробую, бесталанный ты гуляничик. – Мимо пробегаает в прирастегнутой фуфайке загвазданная белилами канашка килограммов так на шестьдесят. С аккуратненькой фигуркой валторны. Не какая там глиста в скафандре³⁰. И афишкой Господь не обидел. Логарифмы³¹ веселенькие. Средненькая, так. По мне самый раз.

– То-онь!.. Гнилomedова! – окликает вахтерка. – Жми на стоп-кран! Не спеши. Не водой несет. Передохни. Подгребай сюда. Я чтой-то давнешко не видала твоего быка-кадревича. Где он?

Не срезая торопливого шага, Тоня сердито кидает-рисует кулачком перед собой в воздухе крест:

– Помер от счастья!

– Вот и ладненько! – весело смотрит на нее вахтерша. – Вовремя отстегнул валенки. Ты тормозни. Может, тут в самый момент, – кивает на меня,

– прибыла боевая замена. Глянь. Здесь-ко вот этот мормон все пытается, есть ли у нас какая завалящая метелка, чтобушко согласилась поехать к нему в Дворики?

Тоне некогда край. Но послушаться дежурную не осмеливается. Пристыла на месте.

– Да... были случаи, – мнется чужевато. – Ездили к другим, да возвращались назад. А общежитие потеряно...

– Ну, шуршунчик, потолкуй, потолкуй, – глазами вахтерша на меня.

– Ищет, сердешный, хомуток по шее. С шарниров сбился. Может, мимо своего счастья проскочила. Можь, еще подойдет этот чухарик.

Тоня скомканно взглядывает на меня.

Конфузаясь друг дружки, мы знакомимся.

– Эх, старость не радость, а заменушки нету, – то ли с попреком, то ли с завидками роняет вахтерка и закуривает.

– Вы живете, – затягиваю я Тоне свой романс, – в общем житии. В этой кошаре... Дожили до средней поры. А семьи все нету? У меня тоже почти нет.

– Почти? Это как же?

– Ну. Оговорился. Вы... Ты одна, я один... Давай как-нибудь это дело обкашляем... да сойдемся... Вот и все!

– Нет. Я вас не знаю.

– А не то я вас знаю! А весь согласен!

– Вашему брату еще б жаться.

– Добро бы сразу выходить. Через час там какой. А то дня через три! Куплю пиджак, чин чином покрою пол и могу жениться! У меня вавилонь свои. Новые. Дворец съездов! Осталось доской пол накрыть. Катнем ко мне на фазенду? Посмотрим? Союзом достроим! А в перерывах будем слушать песни солнца.

Тоня диковатым зверьком уставилась на меня:

– Чего буровить всяко-разно? Какие песни? Какого солнца?

– А какое на небке! Песни солнца... Это не байка. Астрономы Шеффилдского университета даже записали сверхъестественную музыкальную гармонию, производимую магнитным полем во внешней атмосфере солнца. Так что от всей души приглашаю послушать в Двориках музыку солнца! Ну, так едем? – кидаю я вопрос ребром, и он тут же выходит мне боком.

– Ну, пельмень! Бросай на бегу дело, лети в какие-то Дворики слушать какую-то музыку с солнца!

– А чего не послушать?

– Незнаемый человек. Да куда это ехать. Прилипательный какой-то вы...

– Бойтесь, будто я поврежденный. А хотите, я справку от врача покажу? Все у меня по нормам!

– Ну-у. Справка еще какая-то. Никудашеньки я не поеду.

– Но я на тебя уже билет взял! – кидаю я главный козырь.

– Да, Тоня, нехорошо, – из дыма впрохладь ворчит вахтерка. – Нехорошо отказывать. Человек расчехлился. Затратился. Понадеялся.

– Да про какую вы надежду?! – бледнеет Тоня. – Я этого марамоя впервые вижу и не собираюсь к нему!

– А я думал, – жую слова, – судьбу свою встретил. Место подле себя ослобонял. Я тебе сразу все говорил почистой, не могу я гнать ботву. Да, в паспорте за мной числится женка. Целная школьная директорша! А в

душе никакой директории нет давно. Я-то, утюг, полное лето уже не вижу ее. Я думал как? Приедем с тобой в Синие, в ЗАГСе вычищу директорат из паспорта и спишусь с тобой...

– Нет! Нет!! Нет!!! – в визг закричала Тоня. – Что я, блудиха какая?!

Протяжно и уныло задудела машина.

– Это меня! – обрадовалась Тоня. – Обед к окончовке уже... Я заскочила взять кисть да на новый объект.

И Тонька, эта бесхвостая белобрысая шелупонь, прыгнула в гору по лестнице к себе.

А дежурная накатила жучить меня:

– Не пойму, что ты за шутило, что же ты за фруктик... Ни к лугу, ни к болоту. Не-ет! Ты не дурак – рожден так! Видал, вынь-подай ему запасной самовар! Игрища вчисте затеял. Ну и играй. Да по правилам! Кто ж по нашей поре ляпает от всей души, кто там у тебя в печенках с ножом бегае?..

А теперича что? А чтоб я твоего козлиного духу не слыхала! Во-он отседова к мышам на переделку! Бесклепочный баклушник!.. Ну чего разинул хлеборезку? Брысь с глаз, отрыжка пьяного индуса!..

14

Из всех своих пустых блужданий по чужбине я вынес одну святую радость: нет мне места милей Синих Двориков.

За что Синим такая честь? Разве не Синие согнали меня с земли?

А может, я сам себя согнал, согнал в ту далекую неделю в Малиновых Буграх? Согнал своей трусостью, своей растерянностью, своим неумением постоять за свою землю, когда при мне ей лгали, когда ее при мне обманывали, когда при мне ее обкрадывали?

На что я ей, такой попуститель?

Так оно, пожалуй, ближе к вероятию, оттого во всю разлуку я покаянно думал про Синие Дворики, искал Синие в газетах, а найдя, клал ту газету в потайной кармашек на груди. Про Синие напечатано!

Где только меня не носило...

Где только не ломал я горбушку...

Пускай жизнь спихнула меня с земли. Но напрочь порвать с землей меня не заставишь. Ну, пускай, вот я токаришка. Да при химдыме! А химдым состоит в услужении земле. Вот уже и я, дурнохлеб³², каким-то бочком пристегнут в прислуги к барыньке Земле.

Какой-нибудь погорячливый болтушник, может, и колыхнет, ах, как это слишком скромно для агронома. Да что ж его, разве прыгнешь выше себя? Уж насколько доступно, настолько и служу матушке.

Матушка наша жестока. В солнышко, в лето никого от себя не отпустит. А в зиму какие разъезды? И разъезжает ли деревня? А разве ей не в охоту посмотреть другие места?

И что мне намечталось?

Подамся-ка я в свои отпуска на велике по стране. Буду свозить в районный музей землю с мест боев, из городов-героев. Увидит наш деревенский люд сталинградскую или брестскую землю в ампуле, задумается. Мне большей медали и не надо.

Я – в «Урожай».

Идею мою подхвалили. Я под свою идею и попроси подсыпать тугриков хоть на одну запасную шину.

– Милый ты мой, Дунканчик тире Тушканчик! – взмолился председатель и стиснул за плечи так, будто собирался жать из меня масло.

С лица я до смерти похож на английского пловца Дункана Гудхью, чемпиона московской Олимпиады – 1980. Я «работал» под него. Как и он, брился наголо. Председатель называл меня только Дунканом. Это мне льстило. Ложилось на душу светло.

– Да я! Тебе! Готов! Тут вот смотри. Не пожалели целую, – он щелкнул ногтем по газете и накалится читать: «Житель города Минусинска Юрий Бабаев получил на конкурсе садоводов всего лишь за один помидор новенький автомобиль Lada-2107... Сибирский садовод смог вырастить на своем огороде томат весом в 2,146 кг».

– Что за бредовня? Ты что тут куришь? Да по сараю мне твои томаты! Ты на что намекаешь? До утра я, агроном по диплому, должен тебе вырастить помидорину уже в три кило?

– Ничего я не намекаю. Я просто хочу сказать, что люди, вон, не пожалели за одну помидорину кинуть целую «Ладу». Тебе б я тоже не пожалел «Ладу». Но у меня ее нетульки. Ну, что «Лада»? Да я тебе на чертову дюжину шин сыпану! Мало – повалюсь перед тобой на колени, в пуп поцелую, только ты спервушки спаси меня от выговорешника!

Председатель пододбил пальцем в какую-то бумажку на столе.

– Ну!.. Завтра дорогие областные бега. А выставить некого! Ни на три, ни на десять... За каждый километр – шину! Плохой допинг? Выручай! Сбегай! Что тебе? Молодой, хлесткий на ногу! Ты ж боинга³³ можешь обставить! Ну?

– На что мне все это? – отбиваюсь я. – Ну на фигу волку жилетка?

Но председателя лезть подломила меня. И я замаялся. Запереступал.

– Если бы стрельба... Метание гранаты... Плавание еще... Мне не жалко... Какой разговор! Я тридцать часов держусь на воде. Свободно плаваю... Да на спор сам Ла-Манш перемахну и не замечу как! Или вот велосипед еще... лешегон мой... Двое суток могу не слезать. Накрою шестьсот камэ и ни в одном глазу не мигнет! А...

– Крутишь-то педали, поди, не носом! – с корильной лаской в нетерпении бросает председателишка и зачем-то наклоняется к моим ногам. Наклоняется со своим элеватором в тягостях.

Сердяга на «урожайных» хлебах такую мозоль натер, что под ремень не утолкает. Это же каким тяжеловозом надо быть – без роздыху таскает на ремне свинцовый ком с хор-р-рошую кадушку!

Пощупал он мои рессоры. Похвалил:

– Мускулы твердые. Как пестом набитые. Молодчук, Дунканчик!

И радостно заключил:

– Ой! Видит Боженька, и ты тоже весело пробежишь!

Похвальное слово забирает у меня последнюю волю.

– На марафонском бы просторе, – лепечу я. – На марафоне я всех подомну. Выносливости поверх бровей! А на коротких дистанциях я всегда в битых. Скорости у меня нету... На верный прогар сватаешь.

– Светунец! Или ты обиду на меня какую склеил? Что за крамбамбули ты несешь? Паньмаш, мне не до жиру. Абы выставить кого! Нужна ма-ахонькая, до-охленькая галочка... Знаю, в выходной тебя с велосипеда не сорвешь. Я и не срываю. Наоборот! Может, все ж таки саукаемся? Что тебе... Утречком по холодку вместо разминки, не спеша – «скоро только коммунизм строится» – до Воронежа барабанишь на мозготрясе свою сот-

няру кэмэ. А там – невелика беда – берешь с ходу в компанию и чертову дюжину моих кэмэ. Просто и быстро.

– Гнать телегу³⁴ за столом пупка не надорвешь... А сто километров – это все-таки сто.

– Это для тебя тема для разговора? Да впрохладь пролетишь! Борщево, Панино... И далее вперед! Конечно, не обязательно до Воронежа рвать жилы только на своем веле. Может, удастся какой кусок пути проскочить на попутном автобусе. Иль на грузовике. Велосипед подмышку, скок на подножку и со свистом вперед! Идет?

– Бежит! – окончательно соглашаюсь я.

Выехал я поздновато. Солнце уже в дуб.

Неспешной разминки у меня не вышло.

Летом летел. Еле поспел на стадион прямо к старту.

Дыхание еще не успокоил – пистолет. Надо бежать. Надо ложиться в бег на три километра.

Публика не понравилась мне сразу. Как дубари, извиняюсь, оглашено кинулись вперед табуном. Готовы подавить друг дружку.

Ну, думаю, мне с этими ударниками детей не крестить. Плевал я на них с Останкинской вышувелчки. Я свою тройку без давки, без пота возьму. Да и куда уж нам, маленьким пороссятам, за большими свиньями гоняться?

Взял я свой темп и иду. Иду ровно, благородно. Язык на плечо не выбрасываю.

Иду в гордом одиночестве.

И тут стадионное радио поддает паркэ.

Оказывается, дело мажется к финишу. А впереди у меня никого. Одна поперечная белая черта!

Объявляют, всем слышать, первым идет кандидат в олимпийскую сборную. Правда, фамилию я не разобрал. Да что мне разбираться? Впереди ж меня ни одного хорька! Я – первый! Я, Валерка-холерка – пер-р-вый!

Эге, думаю, я еще не финишировал и уже кандидат! А что будет, как через полосу перескакну?

Трибуны взнялись. В ладоши хлещут.

Я рыскаю глазами. Где телекамера? Ага, вон... Приосанился. Залопатыло.

Я помню, побеждает не тот, кто спешит, а тот, кто не торопится. Мне торопиться некуда. Бег попридержал. Иду степенно. Фундаментально. Иду на красоту. Момент роскошный. Все-таки не каждый день снимают меня на телевизор, не во вред у камеры подольше помаячить. Крупным же планом в Дворики иду!

Тут оператор толкует мне на пальцах. Давай, поживей! А то обгонят!

Оглядываюсь я.

О, Господи! Все то же плотное пылит стадо. Ха-ха! То во всю прыть улепетывали от меня, а теперь мне в загривок сопите, висите на плечах? Так-то! Фирма венники не вяжет!

Оглянулся я еще раз дополнительно потешиться над догонялами. Распаренные, злые! Того и жди, настигнут – разорвут. Не-ет! От этих рыцарей надо во весь мах уходить. Скорей стереться с экрана!

Особенно не понравился мне один, впереди всего табунка пластался, словно скипидаром смазан. Растопырился, как петух, хекает во сто паровозов, а туда же... По надежде конек копытцем бьет! Ишь, раскипелся. Не обскакал бы.

Дунул я изо всех рысей. Глазом не мелькнуть, как оторвался от нагональщика и этаким козелком, с подпрыгом, прынул через черту заветную.

Но гонга почему-то не последовало. Зазевались?

Для надежности пробежал еще метров пять и присох.

Тут ветром подкинуло ко мне малорослого дедка. Видать, из судей.

Велит этот дедок мне, покуда сердце горячее, идти наметом дальше.

Я послал его самого подальше.

– У тебя, – говорю, – или ширма поехала? Что, кто везет, на того и вали? Я и так первый пристыковался!

У него глаза по семь копеек:

– Или вы рухнули на кактус?! Да вам еще два круга бежать до финиша! – взвился дедок. – Хлопайте в ладоши³⁵ поживей! Ну!

– А они побегут? – показываю на всех.

– А зачем им бежать? Они свое отбегали. Бегите же!

– Боже! Да что ж вы пристали ко мне, как листик к горькой яголке?!

Не знаю, как вы там считали, это меня не касается. Но отрываться от коллектива я не собираюсь! Я как все. Мне больше всех не надо. Я добавки не просил! И потом. Чего я один побегу? С кем я буду соревноваться? С самим собой? Или с ветром?

Дедок сморщился, как попелгаген после бани. Плюнул и отпал.

А мне тоже край некогда.

Кинулся я бешеным порядком искать новый старт.

Теперь предстояло бежать десять километров по улицам города.

На этом старте публика покультурней. Не давятся, как хрюши, у пустого корыта. Не толкаются. Уступают друг дружке. Мол, путь долгий, на финише сочтемся.

Чтоб не мешать погорячливым бегунчикам, я из вежливости даже к обочинке взял. Увидал на тротуаре скамейку, хотел было присесть да как следует отдышаться от первого забега.

Но на присест я не раскошелился. Я и на ходу отдохну! Иду себе ни шатко ни валко.

Ну... пока я черепашился...

Без толкучки все уже промигнули. Я немного вроде перевел дух. Пора и мне, думаю, живой пошевелять копытцами, и чуток надал, пошел своим коренным темпом.

Бегу я себе, бегу...

Смотрю, а передо мной сымают – висела поперек улицы – красную широкую ленту со словом ФИНИШ.

Увидали меня, машут:

– Сердешный! Ты все бежишь?! Тормози-и! Глохни-и-и! Поезд ушел, молоко сбежало! Все уже давно кончилось! Ордена все розданы. Все уже Бог знает когда ушли пить чай. Заворачивай оглобельки.

– А я могу еще три раза по столько.

И бегу себе в удовольствии, бегу. Вошел только во вкус. Бегу назад, к старту, где оставил на мороженщицу свой задотряс. Мда-а... Скоростенка у меня аховая. Ну, кому нужна моя выдержка на дальность? Она не уберегла от выговора даже «урожайного» председателя.

Выщелкнулся этот председателек скупой. Крепче стали! Не дал из обещанного ни на одну шину.

И расплев нас развел.

Но от задуманного дела я не отступился.

Каждое лето ездил на свои кровные в новое место. К лету, к теплу старался собраться с деньгами, подкопить. Всегда у меня копейка к рублю лежала, рубль собирала. Ведь чем больше я имел, я дальше ехал.

Прохоровка на Курской дуге. Харьков. Севастополь. Полтава. Краснодар. Волгоград. Брест. Куликово поле. Тула. Бородино. Москва. Ново-российск. Киев. Керчь...

Сколько уже излетал...

На одну Луну не заскакивал! А так везде отбыл. Сколько повидал... Сколько понаслушался всего.

Однажды перед поездкой захожу за подписью на маршрутный лист к одному райначпуцику.

Был такой Понитков.

Конопатый – воробы мордотень обосрала, – капризный, с норкой. Не зря молвится, во всяком чину по сукиному сыну. Бегаёт этот Понитков по своему тупику,³⁶ как маятник, а не расписывается. Ехидно так со смехом цедит сквозь гнилые кривые бивни:

– Слушай! Ты что, паралитик? Да на хрена ты, квадрат, и таскаешь, и таскаешь, и таскаешь эту землю? У нас что, своей грязи мало?

Обожгла мне душу его побранка. Закипел во мне ад.

«Да вы что?! Эта ж земля – как святыня! Как знамя!» – хотел я прокричать в ответ. А молчу. Толку никак не сведу.

И не стал я ни кричать, ни просто говорить. Кому было говорить? Нет, все ж не ту страну назвали Гондурасом. Это – страна дураков и дур. Там эти понитковы!

Напусти Бог смелости, а то и горшки полетят.

Еще смеяться!

Ничего.

Как говорил один генерал, последним смеется тот, кто стреляет первым!

И я выстрелил.

Сваял документишко для Москвы. Так и так, писал, все время я мечтаю объехать все наши города-герои. Места крупных боев. Из поездок я привожу политую кровью наших людей священную землю. А у нас в районе один товарищ Понитков не понимает важности моего дела. Глумится надо мной. Он оскорбил все мои поездки за священной землей матом.

Через пять дней приехал подполковник.

Вижу, стоит у моего оконушка незнакомыш в военном.

Было это рано утром, на коровьем реву. Чего в такущую ранищу? Откуда?

А, думаю, он не корова, я не солома. Не съест!

Напахнул на плечи выходной пиджачишко. Выхожу. Пожал он мне так уважительно руку и долго, не без восхищения, как мне показалось, всматривался в мой значок мастера. Два других значка, за учебу, его не интересовали.

– Откуда у вас значок мастера спорта?

Я слегка трухнул и с пятого на десятое качнулся пояснять.

Рассказал, как размазал...

Подбежало времечко, когда весь смысл жизни я увидел единственно в этом значке.

Ездил я много. Полистай маршрутные листы. За десятерых мастеров

отбарабанил! А значка нет как нет. Как его добыть? По правилам мне к нему не подскребтись. Очень уж скользкие правила. Вчетвером – в группе не должно быть менее четырех кактусов – нужно в одиннадцати походах прошлепать три тысячи сто пятьдесят километров.

Ей-бо, и грустно, и смешно.

Грустно оттого, где я буду искать эту группу? В Двориках же, кроме меня, никто дальше «Улыбаловки» на велосипеде не катается. Даже в Воронеже, где народу мильон, нету велосипедной секции.

С кем ехать? Не с кем. А один, по правилам, ехать не моги: не в зачет твои страдания.

Дальше.

За отпуск я выскочу лишь в один поход. Значит, надо на одиннадцать лет растягивать эту резину? Гхэх! Стать мастером – это вам не в кандидаты наук пробрызнуть!

А смешно оттого, что эти три тыщи надо мусолить одиннадцать лет. Да я в одно лето больше накручиваю!

А мне поют, хочешь стать мастером – всю жизнь посвети. Бросай-де свою деревнюху и дуй, где есть велосекция. Меня сватали в Тулу. Сватали в Рязань. Там добыть мастера мне ничего б не стоило.

Но я не хочу покидать свою землю. Свои Дворики. Не хочу спокидать свои грешные вавилоны. Как-никак сам выводил. Только тут и чувствуешь себя человеком...

Озорною метельною дымкой
Принакрылись поля и луга.
На чужбине мы лишь невидимки,
А на Родине мы – берега.³⁷

И вот вернулся со значком из армии Митя Просветов. По-уличному Дрюша. Хватанул по какому-то виду. Не то по боксу, не то по бегу.

Как больной лился я по пятам за этим Дрюшей. У Дрюши был единственный на весь район значок! Клянчил я хоть на что поменять. Не хочешь меняться, продай. Месячную зарплату суну! А сам... Голь мудрена. На выдумку возьмет – не евши поспит. Митя ни на что не соглашался. Твердил, что значок у него вроде талисмана.

– Вот, – говорил, – гребу я, многоступенчатый долбонавт, мимо база. Культурно стоит дорогая гражданка корова. Я к ней с картинным приплясом:

У моей у молодой
Колокольчик ой-е-ей.
Она ходит, семенит –
Колокольчиком звенит!

Я к ней с прочими дорогими королевскими нежностями. Му-у... Му-у-у-у, моя сладенькая! А она, негодная, от меня. Ну, по какой причине такая неприступность? Отвечаю. По причине отсутствия у Дрюши талисмана. А вот шпадирую на следующий день. Тот же баз. Та же корова. И я тот же. А подхожу – стоит. Погладил за лопушком ушка – стоит. Накинул на шею ремень – стоит. Потянул – покорно зашевелила коньками следки за мной. Отчего она такая вся согласная? Отвечаю. У Дрюши был

талисман. И теперь, сколько б вы ни прохаживались мимо того база, той буренки вам не увидать.

Эх, Митя, Митя!

Всадил в него Бог душу, как в дуплистую грушу!

За волосатую кражу³⁸ чуть не загремел на срок. Еле отстегнулся. Потом все дивился: «Не думал, что за взлом лохматого сейфа так можно жестоко пострадать...»

Да.

Грешные были у Мити руки. Пионерили кур, коров, телят, ковры, мед. Хотел даже в нашем райсуде скамью подсудимых скомсомолить. Считал, раз не на чем будет сидеть подсудимому, так и не посадят.

Наконец, к моему счастью, утолкали Митю в камеру хранения³⁹. Уже перед самым его отбытием на сталинскую дачу я еще раз проведал его. Он так удивился. Расстроился. Подношу я Дрюше пускай не тысячные, а все ж таки дорогие подарки-гостинцы. В глаза заглядываю ласковой собачкой:

– Ты мастер, и я мастер. Только ты со значком, а я без значка. Леший! Хоть на время, до возврата, дай поносить значок. Там он тебе никакой службы не сослужит. А мне – весь смысл жизни в нем!

– Ох! Будешь ведь, кукиш волосатый, барнаулить,⁴⁰ пока не выцыганишь... Ладнушки. Гони десятку. И навсегда получай свой смысл, Иисусик.

Он прислонил свою медальку мне к груди.

– О! Законченный краснознаменный жених!

При Дрюше нацепил я значок на выходной пиджачок.

На полную красоту прошелся по Дворикам!

Я не видел земли под собой. Я почувствовал себя человеком, кто в жизни добился всего, чего только можно достигнуть.

Конечно, с подполковником я держал язычок на коротком поводочке.

Не распространялся про Дрюшу. Зачем самому себе марать хвост? Сказал, что значок мне подарили. Сказал еще, что фактически я имею полное право носить значок, раз норму мастера я выполнил и не одну. Это можно подтвердить моими маршрутными листами.

– А-а. Ну, носи, носи.

А подполковник молодчина-таки. Дал в районе шороху. Не зря этот полкан таскал фамилию Вострокнутов. Произвел этот быстроглазик Вострокнутов полный порядок! Теперь куда б я ни ехал, маршрутные листы подписывают без звучика. Чуть ли не выстраиваются ко мне в очередь, лишь бы поскорей карябнуть свой автограф в мою тарабарскую грамотку.

Вот так их надо воспитывать!

А Пониткова и воспитывать не стали.

Видать, себе дороже.

Отведал наш панок Понитков порохового дыма. Вскоре после отъезда полканчика Вострокнутова он вовсе стерся с экрана, пропал с двориковских глаз.

Жидок оказался на расплатку.

Что тебе, милая Раиска, рассказать еще? Я посмотрю, глаза у тебя грустные. Но это мы исправим... Так что тебе рассказать?

А-а, да...

Я, милая, скрывать, таиться не умею. Не хочу. С человеком меня тянет начинать с полной ясности. С белого листа.

Чтоб пасьянс был полный, доложу про своих жен.

Не расскажу я, расскажет колодезное радио. А это будет, ой да ой, не одно и то же. Ко мне в паспорт слетелось их целых три присоски. Три! Бог любит троицу. А чем я хуже? Я тоже трех любил. Я, может, и посеячас всех трех люблю. Да безответно. Что же они всей артелью спокинули меня? Что им во мне не в масть? Поди, пойми. Наверно, нету у меня того магнита, что человека не пускает от человека.

Первая была.

Вначале... Задружились мы только. Но я был уже вхож в ее хату. Да мне от этого легче не было. Всякий раз, как только пойдем мы на сближение в поцелуе, к нам в светелку невинно входила ее мамунька. Бли-ин... Забомбись! Раз вошла, два вошла... А на десятый раз я сам вышел. И из хаты, и из себя. И больше не вошел. Ни туда, ни туда. Но это ж немыслимо! Мать невесты – самый надежный недремлющий презервуар. Враг детей!

А детей я любил. За детей я и постою, и полежу! И я пошел до конца. Мы все же расписались. И от шатучей тещеньки я теперь мог гордо закрывать дверь на крючок. Ну, живу я со своей лялькой год. Разменял второй. Чего ей не хватало? Вредных же привычек вообще не держу! Не мотыга я.⁴¹ Не пью, не курю, не...

В шутку она как-то плесни: «Вечером минута опоздания – расстрел!» И с работы я – минута в минуту. Как швейцарские часики! По магазинам я. За водой к колодцу я. В огороде я... Ка-ак любил... Трясса над ней, как над комом золота. А с золотом, что с огнем: тепло и страшно.

Убоялся, не под пару я ей. Стирывал за ней! Ножки мыл! Только что воду после тех лебединых ножек не пил.

Вру.

Однажды подожгла, на спор выпил.

На четвереньках тапочки в зубах подавал!

А благодарность какая в конце отвалилась? Я перед нею спину ломал, она и угнездись мне на шею. Ну и, знай, давай сиди!

Так нет. Не сиделось. Стала царскую заботу обо мне метать. Побежала по чужим мужикам. Знай, все меня берегла. Этого ей мало. Попутно пригрозила уложить меня на голодную китайскую диету, по которой супругам дозволено-с строго лишь один раз в месяц разговеться сладкой любовной радостью. Я к ней за законной супружеской данью под бочок, а она давай теперь ногами драться. Я ей и говорю: ты-то ножками особо усердно не маши, целинку порвешь. Чем штопать будешь? Смоляной драгвы с цыганской иголкой я тебе не дам. Дефицит...

Чую, припашет⁴² она меня.

И горькое предчувствие меня не обмануло. К участковому слиняла! Ни струя себе фонтан! Бегали-бегали за один плетень и – на! Стриганула сума переметная к участковому. Это ж какие сладости-мармеладости раскопала в этом милицианте моя клюшка?

Руки, ноги, уши...

Ничего сверх того, из чего собран и я. Но, может, ей форма глянулась? Формы у меня, понятно, нету. Так будет! Вернись только. Все формы одинаковые!

Каждый крутится по-своему.

Один кругом, другой через голову...

Прибился и я к милиционерии.

Прошел курс первоначальной подготовки. Стажировку. Вот и мне пожаловали пистолетию. Вылетаю я на крыльях от хоря в яме,⁴³ вижу: под дверью с бумагами мой разлучник. Черт моей бабы!

– А! Привет, Красная Шапучка!

От полноты чувств в первый раз после того, как слилась к нему моя дурцинеюшка, подал я ему руку.

Без охоты протянул он в обмен свою. Что Бог дал силы давнул я вялую, липкую бульонку. В следующее мгновение следовало бы отпустить его стаканодержатель и уйти. Но я почему-то медлил, не уходил и не отпускал его.

Так мы и торчали у полуоткрытой двери на виду у начальника.

Неловкость росла.

Я уже не мог вот так запросто отпустить его, раздай его в шишки! Что б такое спросить?

– Да! – почти выкрикнул я. Обрадовался свежей мысли, что в таких случаях справляются о погоде, о здоровье: – Как погода?!

Он насторожился.

– Как хозяйка? Ты чего за нашей женьшенихой плохо глядишь? Иссохла вся... Меня это очень беспокоит. Хоть оно и говорят, чужая жена – чужая недвижимость, но я не совсем согласен... Столько я прожил с этой лаларой.⁴⁴ И сейчас переживаю за нее. Была она у меня справная. А чего она так у тебя усохла? Осталась доска, два соска. Всю доску начисто стер! Ты что, половой гангстер? Или целый сексуальный оборотень? Какую мармеладку затиранил! Ты мне, милициант, на поворотах смотри-и. А то я могу и физическое порицание по-свойски удружить.

Он молча стал вывинчивать свою скользкую от пота клешню.

– Здоровье, нервишки, наконец, как, милиция – милые лица?! – млея от восторга, подпускаю я голубца.

– Н... не... ж-ж-жалу...юсь...

– А это мы проверим!

И приставь я заряженную пукалку ему к виску.

У него отвисла чалка.

– Ну! Как самочувствие? – потыкал я дулом в висок.

Доброжелатель мой стороне улыбнулся. Глаза его задернулись, как на отрубленной курьей башке, и козлогвардеец тяжелым мешком мягко повалился через порожек к нашему бугру в кабинет. До предельности размахнул дверь.

– Ни к черту нервы... – растерянно пробормотал я и перевел взгляд с доброжелателя на начальника. – Обморок. С чего? Я ж так. Шутя. С полноты в сердце.

– Липягин! Сдать табельное оружие! – приказал мне начальник трибунала.

Я покорно отдал ему керогазку.⁴⁵ Так я и разу не закатился к своей трале фараоном при кобуре на боку. Радость, что сотворила со мной.

Не поняли моей радости.

Горевал я по первой, пока не нарисовалась на горизонте вторая паранджа.

Козетта Амуровна Гуляева-Вертипорох. Ох, штучка за мое почтеньице-с! Спереди хороша. Сзади еще лучше! Там фигу-уристая. Одно слово, сильный зверь!⁴⁶

Ну, прямо зверюга!

Была она очень раскрашена. Отчаянный раскрас «а-ля амазонка перед

нападением на заплутавшее племя мужчин с соседнего острова» меня сильно ободрил. Срочно нужен матренке бой-мужичонка! Хотя б в моем скромном лице.

У нее дядюня не то Иосиф Абрамович Цукерторт, не то Абрам Иосифович Цукеркекс крепко замещал кого-то не то в райпо, не то в райфо.

Со связями набежала.

Наша она. Гусевская.

А заполучил я эту гордую птичку в жены аж с самого Сахалина. Доблестно отбывала там замужество.

Первый черновичок достался ей борзой.

Однажды раз возвращается ее чубрик с работы загазованный. Коза и разыграй сварливую женку-армяночку.

– Ти чито, – набросилась криком, – под хменицком?!

– А-а-а ти не керчи! А то как дам по харкову, замилитопаешь до бахчисарая, херсон старый! У мне это быстро!

И по пьяни выболтнул. Оказывается, скрывал ревнушка от Козы, что она у него вторая. А что с первой утворил? За измену кухонным тупым ножом хотел отчекрыжить своей звездатой камбале голову и за ненадобностью шваркнуть в форточку. До резни и разбросов дело не дошло, разбежались мирно.

Однако Коза была потрясена.

Коза боялась высоты, боялась лететь хоть частями с девятого этажа. На страхах затаилась Коза. Подмалкивает. Знай, моет свои косточки:

– Ах, раздолба! Ах и раздолбайка! К кому самокруткой⁴⁷ убежала!

И вот ее головометатель отбывает на промысел в море.

Он в свое дальнее плавание, она, крученая коза, на самолет да в обратку. Домой.

Разошлись они, как в море две селедки.

Вернулась Коза с приданым. С маленькой Наташкой.

Наташка уверяла, что скачали ее из Интернета.

Я и называл ее интердевочкой.

Козуля – моя сокласница. На соседней парте с тоскливым усердием грызла кочерыжку науки. Еще в школе мы вроде задружили. А заболей я – откачнулась от меня Козлиха. Перестала узнавать. И вот через вагон лет встрелась мы у ее завалюхи-плетня. Узнала, едрена вошь!

Посмотрел я на нее попристальней, и мое ретивое ахнуло.

У нее черновичок⁴⁸ Пальцун солдаперил⁴⁹ под Прагой. Слегка сек в чешском. А орденоносную двустволочку свою просветил-то? Вот и прошшупаем, кактус тебе в карман!

Я вскинул в приветствии обе руки и дурашливо ору:

– Ахой, синьорина перделка!⁵⁰

– Ахоюшки, синьор падло!⁵¹ – восхотамши, радостной отплеснула волной. – Смотрю, при сумке полной. Из магазина, вестимо? Вонявки⁵² мне не купил?

– Еще куплю! А пока тащу черствые потравины.⁵³

Я дополнительно взглянул на нее принципиально и нестандартно подумал:

– Коза, я тебя расшифрую! В школе я разбежался пристыковаться к тебе, да ты меня бортанула. Это тебе так не сольется сейчас. Пускай запоздалое, но беспощадное сексуальное возмездие гарантирую! Хоть ты, может, и думаешь, что я ни Богу свечка, ни черту огарок, а быть тебе, недотрожка, за этим огарком. Хочешь на спор?

Спора даже мысленного я еще ни одного не проиграл.

– Знаешь, – говорю, – я могу читать твое сердце, как открытую книгу.

– Читай. Только не трогай обложку руками.

Минут с пяток потолкались мы у ее повалившегося плетня. Перевели все колодезные новостенки, да и зову я ее культурно этак в кино.

Она на ласковом приколе отнекивается:

– Нет. Не пойду. В кино слишком много секса.

– А ты в кино смотри на экран, а не в зал.

Этот мой довод донно убеждает ее. И она соглашается.

А лето.

А юбочка на ней тесная, куцая.

Все по науке, доказавшей: короче юбка – длиннее жизнь!

А эта, роднучка, совсем обнаглела. Вечно разбежалась жить! Все ж радости почти на улице! Такое впечатление, будто она вовсе забыла надеть юбку.

А ножки... Ах, эти ножки. Схожи с телевышкой! Чем выше, тем круче дух забирает. Ну, совсем же растележилась, канашка. Распушила свою амбразуру. Куда! Вещее так и запело у меня петушком! Мысленно поцеловал ее в ямку под ушком, сбоку на бугорке за ушком, на равнинке над ушком, в само ушко... Быстренько освоившись с ушным районом, смелей соснул в щечку, сестрицу ушка, и пропаще припиявился в фантазиях к медовым губкам... Быть сексторжествам на королевском уровне! Быть жестокому демографическому взрыву на отдельно взятом отшибе Гусевки! Раз сказал – три отжался!

Осмелел я. То тронешь за локоток, то вничайку прижмешься к плечу.

– Раньше ты таким отважиком не был.

– Так то раньше.

– Смотрю, что-то ты с первой минуты такой трогательный⁵⁴ и прижимистый...⁵⁵

Я покраснел и сложил свою активность в тряпочку.

Вечером катим родные колеса в клуб.

Во мне все поет!

Для скоростного охмурения запускаю в боевую разведку вступильный стишок.⁵⁶

Я бы хотел подарить тебе небо
С блеском мерцающих Звезд!
Воздух с пушистыми хлопьями снега,
С вихрем счастливых Грез!
Я бы хотел подарить тебе Землю
С лаской любящих рук!
Птичье веселое звонкое пенье
И солнца сияющий круг!
Я бы хотел подарить тебе радость
И беззаботный смех!
Юных мечтаний прекрасную сладость,
Жизни твоей успех!
Я бы построил из молнии стены,
Заставив замолкнуть гром!
Сделал бы крышу из облачной пены
И ввел бы тебя в этот дом!
Будь же хозяйкою дома, что миром

Люди повсюду зовут!
Будь для кого-то мечтой иль кумиром.
Только, пожалуйста, будь!

– Лихо наверчено! – хлопнула она меня по плечу. – Ох, эти писарчуки-коробейники! Все раздаривают налево и направо. Только хотела б я увидеть что-нибудь из подаренного. Тот же дом со стенами из молнии и крышу из облаков на нем.

– Своей прозой всю радость срезала... Как сапогом в суп!

Над входом в клуб я уныло ищущую обычную в Праге вывеску на увеселительных заведениях «Девки даром».⁵⁷

А тут нигде никакого и намека на «даром».

Беру два билета. В темном зале уже жужжал киножурнал. Пригнулись, затерлись мы в угол. В конце журнала взял я Козу за руку. На начальных титрах мы пилотно поцеловались. Обменялись микробами. На последних титрах я прощуршал свое коронное:

– Может, саукаемся? Будь моей...

– Побуду... Вот только шнурочки разглажу, – шепчет она ответно и, простите, хихикает. – Раз сельцо наше крошкулька, и, как говорится, порядочной девушке некуда и сходить, как только замуж... А потому так и быть, раз планида моя таковецкая... Схожу.

Я почувствовал, что в ней ко мне что-то щелкнуло, и нет у нее никаких шансов уйти из моих объятий. Шелудивый восторг заворочался во мне.

– Навсегда, чтоб! – выставляю строгое обязательное условие.

– Это как хочешь обзывай.

– Да «увезу тебя я в тундру»!

– Спасибо, хрюндик! Но на близкие дистанции я не езжу. Или ты за был? Меня уже увозили и подальше, на край сахалинского света. Да прижало возвращаться своим ходом в родные Синие Дворики. Я б от того ласкуна готова была отрулить вообще на край Вселенной!

– Не упылила б... Уж больно долго добираться... Тот твой край обретается в тринадцати миллиардах световых лет от Земли!

Фильм был оперный.

«Божественное дело опера. Но пускай лучше коты доживают век без разлуки со своими яйцами», – пламенно рассудил я и плотней сжал Козе локоть. У Козы правильно заточенные мозги. Она не стала меня ни о чем спрашивать. Даже не глянула в мою сторону. А молча встала и пошла внаклонку к выходу. Я следом. Люди мы не жадные. Нам много не надо. Хлебнули трехминутной оперной радости, мы и сыты на сверхсыттку, уплясали ко мне.

Брачного бала мы не давали.

Не накрывали поляну.

Маленький слепили княжев столик. На два носа.

Правда, я не тронул бутылочку благородного вина. Пожалел для Козы. Все никак я не мог ей простить, что она когда-то отпихнула меня. И выставил припасенную на всякий пожарный случай тяжелую бутылку «солнцеудара».

Вот пожар и подоспел.

Э! Здравствуй, стаканчик, прощай, вянцо!

Открыл я бутылку. Дерзавно тряхнул над головой «солнцеударом»:

– Ну что, красивая, поехали аукаться?! По махонькой для храбрости? Или по граненому для глупости?

– Начнем с глупости! – великодушно велит она.

Не пить самому неудобно. Я себе полстаканчика таракановки, а ей с краями. Я когда только к губам подпущу, подержу так да поставлю назад. А она раз за разом только и переворачивает досуха. Пьет моя Федорушка до донушка. Отдохнет да примахнет! Накидалась – еле держится на плаву.

Ну и гульбарий у нас разыгрался! Такой веселяж закрутился!.. За вечерину бутылку мы доблестно разгерметизировали. Убаюкали. Надежно свернули-таки шею зеленой ящерице!

Вот тебе и непьющие! Вот тебе и не считаем стаканы!

Огонь по жилам побежал. Стало жарко. Чую, крепко нам дало по шарам. Кое-как вытащились мы на бугор. На душе у меня солнечно. Стоим на травяных ножках. Веселый черт нами обоими качает. Черт всегда за газованными качает. Работа у черта такая.

– Отгадай загадку! – кричит Коза. – Не солено, не варено – между ног готовится еда. Что будет? Только на похабень не залетай!

– Сдаюсь... Не знаю...

– Эхо ты, тюря... Козье вымя, молоко – вот что будет!

– Даю свою загадку. Если б не папина лопатина, заросла б мамина лохматина? Ну?

– Я согласна на подсказку...

– Плуг, пашня.

Никто не отгадал. Боевая ничья!

Тут с бутылочной храбрости осмелел я.

Надо ж, думаю, на родном просторе поцеловаться. Надо закрепить плотный поцелуй в клубе и приумножить.

Я кегли на полземли раскрылил и к ней. А глупая шаткая червивка тянет бегом назад. Я, пьяный в сандалях, и убежал назад.

Все ж на последнем усилии кинулись мы друг к дружке с раскинутыми плавниками навстречу и разминулись.

Раза с четвертого кой да как сбеглись. Успели зацепиться друг за дружку. Успели лишь обняться и благополучно рухнули с хохотом на хрусткий плетень.

– Га! – крикнул я аврально.

– Ты чего, леший-красноплеший, гакаешь? – удивилась она.

– Проверочка небольшая на плетне. Слышу ль я себя? Не оглох ли?

– С чего?

– Да вспомнил тут газетную статью-призыв – «Целуйся, не оглохните!» Одна китаянушка от страстного поцелуя оглохла на одно ухо. Врачи выяснили, что у юной горячей гражданки из-за резкого перепада давления в ротовой полости произошел разрыв барабанной перепонки. Видишь, какой побочный эффект может выцелкнуться от страсти?

– Ты-то чего всполошился? Мы ж и не прозвонили еще друг дружке вниз, не поцеловались еще.

– Ну, и ладнушко... Так оно спокойней. Слышу я на оба уха и себя, и тебя... Осторожность тут не навредит.

– А давай, – в лихости заезжает она с другого боку, – сольемся прямо на плетне в любви по-акульи!

– Это ка-ак? – в легкой панике падаю я в вопрос.

– Эха, темнотишша. Луковая непросвещенка. Ну! Для началки ты кусни меня, агрессор, чувствительно!

– Да я вроде неголодный... Зачем кусать-то?

– Мда-а... С тобой, с амебой, акульей ущицы не сварить...

Оказывается, у акул какие заведенции в любви? Акула ж и есть акула. Ее ни один акул не возьмет, как ни гори у него жабы. А он укусит ее в пасть, и она вся согласная. Акула по жизни хоть и злюка злюкой, а тут вся неженка. Сама панночка. Он по полной схеме ее грызает, Акулина на радостях вмиг и цепенеет, солнечно отбывает в кайфульку. Вот такая она, акуля ламбада.

Я належке прицепился. Конечно, на акулу Коза вроде не вытянет. Можно не волноваться. Да... Еще круче. А вот, случаем, не богомолочка ли она? А то ведь на шальных радостях мебель подвигаешь с нею, а она в благодарность возьми да и сломай тебя? У господ богомолочков это запросто. А у пауков? Натешится паучиха – и на десерт уже лакомится своим сладеньким паучком.

У нас пока Бог миловал.

Ну, живем мы неделю. Живем полных две. Все у нас катится без сучка, без раздоринки. Одно слово, живем хорошо. Ожидаем лучше. Скванному все золотой верх. Радуюсь я. Нравится мне моя присушка. Еще б не нравиться. Красотуля – смак!

Я люблю ее целовать. И когда ее нет в хате, я расширяю свой поцелуйный кругозор за счет внимательного чтения занятного послания влюбленным. Эта газетная вырезка висит у меня над столом, прижата к стенке гвоздиком. «25 причин целоваться» – очень любопытная и содержательная заметка. Ну, вот, знаете ли вы, что поцелуи любимого человека могут действовать как болеутоляющее, которое в 200 раз сильнее морфия? Поэтому, если у вас болит голова, просто попросите вашего мужчину поцеловать вас. И другое интересенькое...

Под «25 причинами целоваться» подколота еще одна вырезка, бомбочка против святости наших жененьких. Что женщины думают о сексе. К примеру, мысли об интимной близости в состоянии бодрствования посещают представительниц прекрасного пола за сутки порядка 30 раз, утверждают итальянские специалисты. И тому подобное...

Хоть оно и говорят, с красивого лица воды не пить, а я и меду пивал!

А вместе с тем и тревожусь. Ночами дергаю бессонье своими тошными догадками. Винцом же от моей попахивает! Неужели со встречи все запахи держится? Мы ж больше после того первого вечера ни грамма не прикупали.

На работу моя маракуйя не устраивается. Все баклушки сшибает. Заведу говорилку, у нее готовые слова:

– Не тупи! Мой бугор Цукерсекс соображает, куда прилепить с барышом. Не торопи лошадку. Врубинштейн, брателло?

А между тем шила в мешке не утаишь. Наружу лезет.

Стороной мне телеграфирует наш вседеревенский ТАСС: ротозиня, твоя козебака запала на выпивку! Она у тебя заточена под буревестник.⁵⁸ Ну там бы хоть потиху, вполупотай... А то на полный замак! Весь же твой хрусталище на портвяшок пихнула! За таковущие бякости ты б подвоспитал ее малешко... А лучше... бежал бы ты от нее со скоростью звука!

У меня вся надзыбца⁵⁹ навпроць была забита этим лихим хрусталем: банками из-под вареньев и компотов. Проверил – порожняку поубавилось.

Что делать бедному крестьянину? Метать красную икру баночками?⁶⁰ Замешивать разборку с отоваркой?⁶¹ Закатить по полной программе вампиреллу? Или просто почитать ей ботанику? Да ну ее! Хоть я за ней и «все зрил, все зрю, все зря!» Поздно копать колодец, когда хата уже горит. Я

матильде ни полслова. А шут с ним, с хрусталем! Моя ж сексокосилочка всего хрусталя стоит!

Пропадай, хрусталь! Абы раздрай не влезал между нами.

И я приподзакрыв глаза на ее политуризм.⁶²

И по-прежнему каждое утроцо весело выдавал я своей крале на королевский обед по рублю семьдесят.

Стала она у меня забываться. За чем в магазин ни пошлю, обязательно забудет, за чем именно шла, а вернется непременно с родным пузырем антизнобина. Три разка посылал за хлебом – получил три пузыря. Про хлеб забывала. Зато про боекомплект – никогда!

Но однажды прихожу я с работы – под дверью генеральное послание:
– Мой дорогой король!

Самый любимый инвентарь всякого человека – грабли. Я их просто обожаю. Я не то что наступаю на них изредка – я по ним постоянно хожу. Вот сегодня нарвалась на грабли. Получила в лоб и срочно прозрела. По-няла, не для тебя я цвела.

«Каким бы надежным ни был у женщины тыл, ее иногда тянет на передовую». Ну, сбегала на передовую. Разочаровалась во второй раз.

Мой дорогой король и по совместительству сексмэн!!! Я, твоя королева, в полном рассудке и в полном здравии покидаю твой фигвам⁶³ и тебя, так как не могу существовать с тобой на 1 руб. 70 коп. Покидая тебя, я хочу со всей ответственностью сказать, что мне жалко тебя. Жалко, что не попад⁶⁴ такая умная голова дурахе досталась.

Мужчина, как костер. Надо постоянно подбрасывать. Не будешь ты подбрасывать – другая подбросит. И на здоровье! Надоело быть твоей истопницей.

По своим данным, я б могла захомутать аллигатора...⁶⁵ Да некогда...

Вслед за Машуткой Дубиковской я не постыжусь сознаться в контриках с дилетантами:

Я к этой мысли шла четыре дня,
Но лишь сейчас внезапно осознала:
Вокруг полно любителей меня!
И крайне мало профессионалов.

Если я когда и брошусь с балкона,⁶⁶ так разве что с хохоту над мужиками.

Прощай, мой пластырь!
Прощай, мой верный шлейфоносец!
Прощай, несравненный мой саврасушка де Валерио!

Я разочаровалась в работе твоего отца, то есть в тебе. Я поняла, ты не мой формат, и отбываю туда, где буду твердо получать на обед по два рэ и всегда новенькими.

Чао, какао!
Твоя бесхвостая Козетта Вертипорох.

3 сентября. 15.00 по товарищу Гринвичу.

– Мда... Вокняжилась Коза в мои владенья, да не навек. Не саукались...

Ну, бесхвостая ошибка природы... Всю душу изорвала, как Тузик грелку!

Все-таки человек слаб, как и вся наша планета. Вон сама Земля после землетрясения в Чили 19 марта 2010 года даже потеряла равновесие. Из-за этого сдвига земные сутки стали короче на 1,26 микросекунды. Пустячок, а неприятный. Сегодня оторвало микросекунду, завтра... Что от суток-то и останется нам? В конце концов, что будет?

А землетрясение в Японии 11 марта 2011-го сократило земные сутки уже на 1,8 микросекунды. Собственная ось Земли, вокруг которой планета сбалансирована по массе, сместилась на 17 сантиметров. Что стихия творит...

Я, конечно, после побега Козы равновесия не терял, при ходьбе не падал. Но потерю ощутил. Как подсчитаешь, какой кусок жизни отломила от меня эта козья измена?

Ах, жены, жены... Тут у одного молодая женка побежала майским вечером в лавку за хлебом. А вернулась лишь в июле, уже беременная...

Вернулась бы моя, пускай и с прицепом. Принял бы... да не возвращается.

Обида подсекла меня. Все-таки Коза застряла во мне по полной схеме. Хоть ручки кидай на грудь и ставь сандалики в угол.⁶⁷

Я б ее!..

Нашла-таки моя беда денег. Чердак мой опустел. Кончились банки. Кончилась и агу-агу?⁶⁸ А может, любовь и не начиналась? Пускай и так. Но вот сейчас, когда чердак опять тяжело кряхтит под хрустальком, я б новый месяцок со своей витаминкой Ц счел бы за божий дар. Только Бог мне этого дара не подает.

Теперь я понимаю Мендельсона, который, по слухам, после свадебного марша стал сочинять только траурную музыку.

Траур...

Ну, на что мне такой бейсбол?

Эх, жизнь, жизнь.

Восемь дыр, а выскочить некуда.

Ну, раз оказалась Коза сойкой, громко рыдать не будем...

Нечетная жена. Третья...

Эта тоже была сокласка.

Раз бегу с поля по Логу. Это сельцо под Двориками. Рядом тут. По поясу я голый. В руках травки-муравки всякие смеются. Тогда я заочно учился в СХИ. На трех курсах собирал гербарий. По пятьдесят видов в каждое лето.

Бегу, значит. Впереди колыхается кошелка кошелкой кубатуристая бабенция с бубликом на голове.⁶⁹ Ни дать ни взять телега сала, воз костей. И деловито так крутит своей толстой топкой.⁷⁰

Таковские самовары меня не колышат.

Вежливо оббегаю этот банкомат кружком и по привычке непростительно оглянусь. Го-осподи!.. Санька-дробь!!! Метр с кепкой на коньках! Я ее с выпускного не видел. А не видел бы и век – горюшка не знал. Она еще в школе была страшна, как смертный грех. Какая-то некультяпистая, неухоженная. Что называется, мать родила, да не облизала.

С годами последний растеряла девичий цвет.

По бокам развисла. Прыщавая. Зубы через один. Глаза цвета влюбленной жабы. Лицо, извиняюсь, какое-то из разряда, как говорят, тюряжных. Интересно, давно ли она на себя в зеркало смотрела? Ведь такой

хариус таскать – только трудовой народ смертно пугать да со стахановского ритма его сбивать. Одно слово, хватай мешки – вокзал поехал!⁷¹

Обделил Господь, забыл в суতোлке будней кинуть в нее хоть каплюшку радости. Какая-то угрюмая.

Хотел я уже было приналечь да отвалить, как из-за угла вывернулась велосипедная стайка ребятишек. С поклоном нестройным хором поздоровалась с Санькой.

– Чего это они с тобой такие вежливые? – смехом вхожу в вопрос.

И она важно так рапортует:

– Этикет требует. Я не Клава там какая лохматая. Как-никак директор восьмилетки в Логу!

Что деется на белом свете. Санька – дирик-чирик! Кто бы мог подумать? Давно ли вытворяла?

Пуще смерти боялась Санька контрольных. В предконтрольный день Саня нарастающе стонала. Скулила про боли в животе, покуда родительцы не отменяли завтрашнюю школу. Однажды мать не выдержала да и клинки неотложку. Саню запихнули в больницу. Взяли анализы. Выяснилось пониженное содержание эритроцитов или какой-то там еще холеры. Врачу в который раз внимательно осмотрел Саньку, отозвал мать в сторонку и шепотом докладывает:

– Ничего критического я в ней не выловил... Может, у нее острое воспаление хитрости?

Мать даже пала в обиду:

– Вы оскорбляете мою дочу жестоким ложным подозрением!

– Сильно ли жаловалась девочка на боли в животе?

– Ой! Да прямь вся смертно крочилась! – сигнализирует та.

Ну, пинцет⁷² на всяк случай и выхвати аппендицитишко.

Не на что стало Санеке жаловаться. Вернее, боялась уже жаловаться. Пришлось ходить на все контрольные... И после горькой разлуки с безвинно пострадавшим родным аппендиксом стала у нее почему-то обычной, нормальной температура тридцать семь и восемь. Как у лошади.

Бож-же ж мой! Вот эта мушкетерка – директриса! Вот эта актерка – целая дирюга! Не-е... В ней что-то положительное да пляшет!

Мы коротко воспоминали общих школьных друзей. Свое прошлое. Я и подгони черту:

– Долго ль разбежалась девовать?

– Какая я тебе залежалая дева? У меня сын! Я в разводе.

– И я надкушенный... Что тут шевелить извилинами? Все ясно. Давай сойдемся!

Хмыкнула она себе на уме.

Но соглас в милости кинула.

Пристал я к ней в приймаки, втерся к ней в дом жить.

Эхо-о... С этой каркальной мозги все сломаешь... Что я ни предложи – свои резоны поперец выставляет. Что ни сделай – обязательно все не так, по ее разумению. И стал я ее звать поперечной.

Хоть она и диря-гиря без цены, бесценная, а блинца нормального, дырявого, не испечет.

Сляпает...

Ученость из нее прыщами лезла, а сляпает толстущий блин, как в заставку клин! С сырцой. За день не прожужешь! Руки, вишь, у нее не из той деревни растут... Эхушки-и... Кому Бог дал рученьки, а кому и грабель-

ки!.. Дирюга моя даже пельмени в холодную воду засыпает! Носки начнет стирать – умудряется руки поранить!

Годов у меня препорядочно. Как просил, роди мне маленького, уйдем в армию солдаперить. Надо окончательно выглядеть здоровым. Я ей не раз твердил суворовское: «Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, правдиву, благочестиву». Да куда... Она лишь посмеивалась ехидно. А-а... Есть жена, есть киндеренок – только тогда и здоров!

Да где ж тут быть ей в дамках?⁷³ Да где ж тут дитю выбежать на свет, если она стала в открытую отлучать меня от постельных боевых поединков? Вроде и со смехом все это делает, а на болт не взять. Все проходы закрыла к своей балалайке. Никакой игры! Милые бранятся – только чешутся. У нас же никакого чесания. Глухая голодная диета!

А цесарка ломается, как копеечный пряник.

– Тоже мне выискался вояка... Из пушек дразнил квакушек! Ты же... Прямушко вот так в лицо и наполоаскивала.

Кажется, она верила в какую-то мою таинственную болезнь.

– Кто тебя, – гремела крышкой, – в офицеры-то возьмет? Ты вроде графа Монте-Кристо. Граф трещал про свои сокровища. Да кто эти сокровища видел?.. И я от тебя никаких сокровищ не вижу и не увижу, ненаглядный ты мой синьор-помидор де Валера!

С подпеком намекала на мои некрутые заработки.

Крепко Санкья меня нажгла...⁷⁴

Ну, баба-петля! Ну, баба-кандалы!

Да как же вот так жить один одним?

Воистину, нет таких препятствий, которые бы помешали нам свернуть шею...

17

Одна ласточка гнезда не вьет...

Не хочу я один. Не могу я один.

Оттого и кинулся раскатывать по свету.

Земля для музея, конечно, землей. Но земля вроде ширмочки. Не скажу же я, что поехал искать жену. А так вроде едешь за делом, а сам и щупаешь, и щупаешь глазами людей, все пугливо заглядываешь девущенциям в глаза. Не моя ли Алenuшка? Не моя ли?..

Ищу далеко. Ищу поблиз дома.

После смены в химвыме на велосипед и по окрестным селам во всю вторую смену. Второй сменой ребята называют у нас в Двориках ночные походы по девкам. И шарнирам⁷⁵ развитие, и сердцу цветастые хлопоты... Ищу через бабок, ищу через знакомых.

Невестами я особо не перебираю.

Это Гордей привок бугаевать. Носом все ворочает. Сороку взять – щекотлива, ворону взять – картавита, взять ли, не взять ли сову-госпожу? Мне не до переборов. Тут я мальчик-колокольчик. Не привереда. Ищу себе под пару пчелку лет так сорока. Помятую.

А они все попадаются или моченые козы, пиянистки, или чересчур правильные, или дурки с папиросами. Ненавижу курячек! Ведь курящая курица – это унитаз, которым пользуются, но в котором ни разу не смывали! Так что мне ни те, ни те, ни те не годятся.

Сам я не пью, не курю. Тихий, спокойный, домовитый.

Мне б с такими дефектами найти какую себе в пару... С дефектами лег-

че прожить. Сам я уже седой, как мерин. Для равновесия пускай и она будет с брачком слегка. Ну, очки ее я еще вытерплю. Ну, оспу там... Ну, пускай подхрамывает... если ей так уж охота... Ну, подкашивает... Пустяковый изъяснишко мне не помеха.

Пускай только будет она физически здоровая. Чистоха... Не стакановка... Чтоб не воровала, чтоб отзывчивая была. Аккуратная. Ценила чтоб домашний уют. Чтоб понимала меня.

С дитятком, с прицепом, не хочу. Вон Козулину, Санькину с рук не спускал. Все одно не то. Чужая, не моя кровушка.

Езжу я, езжу...

«Жизнь жительствоует».

Глянется какая генерал-деваха, ватно подойду. Поздоровкаюсь. Чутко настрою тишину, помолчу как бы для передышки-разгонки да и леплю свое:

– Я слова про любовь складывать не умею. Я хочу на тебе жениться. Какой вот есть, такой вот и есть.

Чуть ли не бежмя она от меня.

А что я поделаю? Я знаю, так нельзя подходить к незнакомому человеку. А как надо? Пособий, как ухаживать за теми же телками или свиньями, сверхраздостаточно. А как подойти к незнакомке? Как сладить семейную жизненку?

Неужели про это люди ничего не знают, раз ничего не пишут?

Ездил я в Воронеж. В бюро знакомств.

Мне говорят:

– Оденьтесь получше. Приезжайте на танцы. Потанцуете. Познакомитесь. Поговорите.

А я посылаю их лесом:

– Мне ваши плясандины до лампы. Я танцевать не могу. Разговаривать не могу... Я не разговаривать... Я жениться хочу! Мне красуню не надо. Мне б... Руки-ноги по бокам, голова на возвышенке в центре. Весь комплектишко первой необходимости на месте. Мне, ну и ладнушко.

Понятно, ни на какие те скачки я не поехал.

Бывал я и в райкоме. В давние времена райком все вопросы решал. Вот и я прямым налетом в райком.

Райком свой, ближе и как-то понадежней того бюро.

Нарезаю пряменько к первому. К Виктор Семенычу.

Виктор Семеныч у нас давно. Он еще вызволял меня из голодной эпопеи в Малиновых Буграх. Знает меня, как облупленку.

Спроста захожу. Сразу речь.

– Вот выговор! – кидаю с порожка. – Это вы – пожалуйста! По части выговоров вы мастаки. Этому за срыв сева, тому за молоко... И грамоты под вашей властью. Но я пришел к вам не за выговором, не за грамоткой. Знаю, надо – станете вы искать человека на место бригадира, управляющего, завфермой. Расшибетесь, а найдете. А вот при мне не первый год пустует свято место жены. Почему вас это, извиняюсь, не колышет? И вообще. Вот почему человек один? Почему он столько лет состоит в холостом звании? И что, вас это ни под каким соусом не касаемо?

– Говоришь ты, Валерий Лодыревич, много, а послушать нечего, – с легкой обидой в голосе возразил Стружкин. – Напрасно ты так сразу.

Стружкин запнулся.

Осторожно выдернул из-под перекидного календаря газетину. Разостлал передо мною по столу.

– С единственной думой про тебя еле выпросил вчера в поезде у одного. А ты... Смотри, сколько я тебе невест привез! На любой вкус! – постукал ногтем в полосу с объявлениями. – Мармеладки все еще свеженькие. Можно сказать, только что с огня. Газета ж выскочила тринадцатого июля. Три дня назад. Пиши любой. Ну, хотя бы вот этой.

«Царевна-несмеяна 24 лет, рост 165, волосы русые, глаза голубые, ждет Емелюшку 18-40 лет, каштанового, рыжего или русого, с шоколадными глазами, можно с конопушками, рост 165-185, без усов». Ну, выходишь на связь?

– Подожду... Не под масть я этой царевке. Я не царевич. Даже не сиятельный граф. Не рыжий. Я уже седой.

– Самокритично. Хвалю! А что на это скажешь? «Высокая, худенькая...»

– И не читайте дальше!.. Тоже мне радость всепланетная. Худенькая!!! Да на что мне эта глиста в платочке? Щеки, поди, мохом позаросли... Не брилась же со дня рождения...

– Ты чего про какой-то мох пуржишь? Я тебе про мох читал? Про бритье читал?

– Тут и без громкой читки догадаться можно...

– Ну-ну... Ладно. Проезжаем этот разъезд... А вот... Внимай обоими ушками. «Ищу мужчину. О себе: хорошая хозяйка, терпелива, умею копать червей, имею лодку...»

– Мимо! На что мне ее лодка с червями? Она что, разбежалась прикрепить меня на червивую диету?

– Рыбачка она, наверное...

– Пусть там у себя и рыбалит! А то намахнула сети на всю державушку...

– Гм...Ну а эта? «Стройная женщина 30 лет, русская, рост 166 см, с высшим образованием, ищет спутника жизни до 40 лет. Писать: 483310, г. Талгар, главпочтамт, предьявителю паспорта У-ИА №610262». Чем плоха? А?

– А чем хороша? – выставляю я свой козырь. – Мне 6 лет под сорок... С небольшим физическим изъянцем. По положению из простых. Можно даже уборщицу. А тут с высшим да стройная, да молодая... Да ну ее!

– Чего это ты испугался высшего? У тебя у самого два высших! Молодая... Гм... Большой грех. А что тебе – эту? «Работающая пенсионерка, вдова, 60 лет, украинка, рост 166 см, приятной внешности, образование среднее, хорошая хозяйка, приветливая, желает встретить одинокого мужчину 58-65 лет, высокого роста, энергичного, неполного, трудолюбивого. Можно из другого города».

– Божий обдуванчик никак не облетит... Все ищет, Постеснялась бы старых дней своих. Дай-подай ей в шестьдесят пять стройного с уклоном в энергичного. Да он уже верблюд, два горба, перешел есть колючки...

– Стара... Ну, давай тогда сами дадим в газету такое объявление: «Невинную девушку ищет уважаемый житель села Синие Дворики. Для брака...»

– Гм... Невинная... Так зато наверняка чумная страхолюдина... Ну никого ж не разогрела на подвиг! Мне-то на кой такая чумричка?

– О Господи!.. Ну, ты и трус! Испугался быть первопроходцем. Ну, – щелкнул он пальцем по газете, – от этой ты не отбоишься!.. «Если вы хотите найти хорошего друга и создать семью, напишите мне письмо. О себе: умею создать домашний уют, люблю путешествовать, интересуюсь

искусством. Мне 40 лет, рост средний, кандидат наук, хотела бы познакомиться с интеллигентным мужчиной не старше 48 лет, без вредных привычек, добрым, чутким, с серьезными намерениями, с образованием не ниже высшего». Ну как?

– Да никак... До зонтика она мне. Я б хотел своего ребенчика. Да она по своим летам уже и котенка не родит. А еще. Любит путешествовать. Я ж сам по этой части большой любитель! Оба уедем, кто дома-то будет? Потом... Чересчур умная. Эта из меня будет мягкие пироги ворочать. Кандидат! Загонишь ее в навоз, в наши Дворики...

– А зачем обязательно в Дворики? Сольется-сладится все, дуи к ней.

– Куда? Откуда она?

– Газета называется «Вечерняя Алма-Ата». В Алма-Ате твоя сударка.

– Алма-атинского киселя мне только и не хватало! Не поеду. С чего это вы надумали меня услатить в такую далину? Чем я вас подгневил?

– Однако! – начинает сердиться Виктор Семеныч. – Проблем с тобой выше ушей. Крепенькой ты жанишок, какой-то расхлыстанный. Сам не знаешь, чего хочешь. Только и слышишь от тебя: не жалам!.. не жалам!!!.. Да что ж тебе выписать из Москвы? Такой сладкий эректотрат запростяк отшвырнул! Как я погляжу, ты слишком вумный, только худенький. Целый же поезд с невестами пустил под откос! Какой-то неостановимый гасильщик! Еще тот мотуций⁷⁶ типяра. Ну за единый прирест отмел двадцать каких акварелек!

– Да хоть и сто двадцать! А нет чего надо, не кинешься.

– Ну... Нанес бы визит бюро знакомств у нас в области.

– В конце июня наведывался в то знакомое бюро. Я по-своему его зову... С горячих глаз отвалил целую пятеричу! Входной взял билет на вечер «Кому за тридцать». А вот пошевелил шлемаком⁷⁷ и отдумал. Сегодня эта вечеруха. А я не еду. Что-то думы одолели... Дополнительно пошевелил пузырями и выскочил на вопрос. Что за шоша да ероша слетается на тот гульбарий? Как бы потом не пришлось на капремонт в химчистку⁷⁸ бежать!.. Ну пускай до химчистки не дойдет. Судите сами. Танцы-шманцы кончатся ближе туда к двенадцати. Волчья полночь. Ночевать негде. Чалить на вокзал? Или, может, своим порядком двигать поршнями аж в Дворики? Это ж шестьдесят кэмэ с гачком!.. Конечно, прокуковал бы до утра на вокзале. Не помер. Да ради чего куковать? Вы вежливо поталкиваете меня в город. Не в Алма-Ату, так в Воронеж. Все вроде выпихиваете на асфальт. На свет. А мне туда нейдет. Не хочу я в город! На те разгуляя сводят городских. Да сбежись я с какой клещихой в союз и – оставайся в Воронеже? Не-е!

– А от меня тогда чего тебе надо? Не пойму... На днях читал про тебя в нашей районке. Два высших образования! Пятнадцать ремесел сидит в золотых руках! Токарь-ас! Видом интересный чубрик... Неужели при таких королевских козырях нельзя заарканить какую вяжихвостку себе под пару?

– Газету читали и те бабуинки, кого бы я хотел видеть рядом с собой. Но ни одна из них не подала мне голосок.

– А я тут причем? – в досаде вскрикивает Стружкин.

– А что это вы подымаете на меня свой вокал? – исподтиха кольнул я.

– Да никто и не думал подымать на тебя голос. Ты любого доведешь... - он беззлобно обложил меня многопартийным матом и уныло постучал карандашом по столу: – Так что же, жужжало, с тобой делать?

– А ничего лично со мной не надо делать. У вас весь район в кулачке.

Разожмите пальчики. Все на ладошке. Вы всех знаете. Вам проще в пару кого мне подобрать.

– Ты что же? – срезается на полусшепот Стружкин, обомлело подымается со своего дорогого родного красного кресла, вскинув щитком руку с пальцами веером. – Ты что же, со мной породниться хочешь?

– Да не лезу я в родню. А прошу потихонешку шукнуть бригадирам там, где у кого в бригадах есть одинокие молодунки, николаевские девки от голодного года, ⁷⁹ что обитает в райцентре такой-то, несудимый, необлученный, физически нормальный. Пускай бригадиры проведут разъяснительную... ну, эту вашу... разъяснительную работу по моему вопросу. Разъяснилкову там...

– Такие вещи не делаются! Ищи сам... Ну, паря... У тебя в черепке ма- нячит жуткий сквозняк!

– И прекрасно! Ведь зато постоянно идеи самой последней свежести!

Недовольный Стружкин дует под свой нос:

– И какая твоя идея на эту минуту?

– Что ж тут неясного? Ваш авторитет, ваша рекомендация, – толку я свою ступу, – помогли б мне связать семью. Я понимаю, райком не сваха. А почему, собственно, не быть ею по совместительству? Вот вы улыбае- тесь. Бодрость изливаете. Конечно, у вас душа, а у меня балалайка. На вас накатило веселье. А мне не до улыбок. Уходят годы. И не у меня од- ного. Где-нибудь в Трудолюбовке или на том же Золотом хуторке, или в той же Голопузовке на таком же полозу едет какая-нибудь горевая дояр- ка ли, свекловичница ли, птичница ли. У себя в селе то ли годы, то ли история какая вышибли ее из цены. Сама в другое село она не шатнется искать себе жениха, как не поедет за девять земель в область в то знако- мое бюро. Вот в Воронеже бюро... Что ж это бюро никак до деревни не дой- дет? Что бы да вам не подумать про такое бюро в Двориках? Пускай сна- чала хотя бы в райцентре? Оглядиись да ладь бюро уже кустовое, на не- сколько деревень. Можно открыть там летучее. Один год оно работает на эти два села, в новый год – на те два и так по кругу, куда всех никола- евских женихов и невест не пересватает. А то... Надои, центнеры, приве- сы, гектары... Ума не дам... Вы все это планируете сверху донизу, из кожи выкупаются – вон как во все это вникаете! Вон как за всем за этим следи- те. А может быть, прежде не грех побеспокоиться о живом человеке? А уж потом о центнерах? А знаете ли вы, сколько у вас в районе несчастли- вых? Или у вас в статотчетке нет такой графы?

– Графы такой действительно нет, но пищи для размышлений предос- таточно.

– Что размышлять... Надо бы дело делать.

– Само собой. И дело будем делать.

– Не хотите ли вы сказать, – подпускаю в веселой надежде, – что бере- тесь-таки подыскать мне тетку с маленькими минусами?

– Ко-го-о?! – в оторопи привстал Стружкин. – Тетку? Нянечку? Ты что же? Больной?

Его всего перевернуло не то, что я просил помочь найти жену, – он привык ко всем моим неожиданностям – его срезало то, что жену я на- звал теткой. Про себя я жен называл тетками. Как ни берегся, сорвалась, упала с языка тут эта тетка.

– Это уже предел, – с чужеватинкой в голосе подбил он бабки. – Вду- маться... У тебя в словах свой смысл, отличный от общепринятого. Суп- руг, насколько помнится, означает: в паре запряженный в одну упряж-

ку. Но ты ни с кем в одну упряжку не летишь впрягаться. Ты ищешь не супругу, а тетку, удобную, выгодную во всех отношениях, которая бы тебя обихаживала, кормила, как ребенка, делала бы в доме все. А ты бы сидел на печи и ногой сверху показывал, что ей делать дальше. Что ж это ты за принц за датский! Не-е. У него шишка дымится, а я... Да не разбегаюсь я тебе искать!

– Вам же и дороже обойдется. Напишу на вас в Москву. Мол, не заботятся в Двориках о трудовом человеке...

– Что Москва!? – сквозь зубы зыкнул Стружкин, едва удержавшись от многопартийного мата. – Ты и дорогую ООН осчастливь! Нигде и ни у кого не будет безработицы. Все будут в поте лица искать тебе тетку, поилку и кормилку!

– ООН не трону. А в Москву...

– Кончай этот кобеляж!⁸⁰ Хватит аллилуйю за хвост тянуть! – в сердцах толкнул он ко мне литую стопку бумаги. С пристуком накрыл ее открытой ручкой. – Нет в тебе порядка, дисциплины... Пиши!.. Не по специальности работаешь, не по специальности и живешь!.. Не мной сказано: «Родившись человеком, довольно сложно жить по специальности». Сложно! Да только у тебя все просто. В домашнюю работу тебя не воткнешь!.. – Он пристукнул по стопке бумаги пухлявой ладошкой: – Пиши. Только правду! Так и пиши: я, такой-то, несусветный байбак и матерый, запатентованный прихлебатель... Можешь помягче поставить... иждивенец, в полном здравии, но до того обленился, что не хочу самому себе искать...

– А что это вы меня в иждивенцы произвели? – выпустил я коготки. – Я хоть копейку у вас просил?

– Копейкой тебя осадить! Пока одиннадцать лет толокся в двух вузах, ты сколько у государства счавкал? Скажешь, ни грошика не спонерил? Или ты бесплатно грыз кочерыжку науки? Долги отдавать думаешь?

– За училище я готов. Наладилось бы с семьей, гляди, я еще и вернусь барабанить в армию... Но СХИ... Оно всегда так. «Когда все зарабатываешь своим горбом, на тебя смотрят, как на верблюда». Деревяшками за учебу в СХИ вы меня не тыкайте. Не стегайте по глазам. Тут все чисто. По справедляку. У государства я не лизнул ни копейшки!

– Просто поменял государственный карман на женин. Перед каждой сессией бросал работу. Готовился. Сдавал. Устраивался на новую работу. В году по три месяца ни рупия не получал! Итого полностью полтора года кормила тебя бедная Александра Григорьевна! И чем ты ей отблагодарил? Сбрызнул в цветущую Грузию и далее везде?

И пошла тут претоскливейшая лекция на тему: «Есть ли жизнь на Земле?» Припомнилось мне и то, что за шесть лет я не принес Саньке ведра воды, и то, что ни разу не наколол дров. Легло в строку и то, что по временам питался я с Санекой подврозь, что звал ее иногда миссис Гуантанамо.⁸¹

В получку часом накатывало на меня, я предлагал: «Санюха! А давай-ка питаться вразнопляску. Всяк сам по себе».

– Давай.

Нагребу полный угол тортов, кулей с дорогими, в нарядных обертках, конфетами, с печеньями, пряниками, пастилой, мармеладом. Притараню полмешка бубликов. Чуден бублик! Кругом объешь, а в середине так нет ничего. За что только и кинуты бабашки?.. Ну, натаскаю еще мандаринового варенья...

Степенно накрываю поляну на одну персону. Неделю я царствую за ширмочкой в своем углу. Разложу на табурете с дыркой посередине свои богатства. На полу сяду на пятки. Дую чай.

У меня культурная диета. Утром один чаек. В обед чайковец. Вечером чаище. Сегодня чай. Завтра чай. Только, знай, меняй воду в аквариуме.⁸² Санека не сядет за стол, не позови, чтобушки, меня. Да нужны мне ее щи! Я ни разу не звал эту Гуантанамищу на чайковского. Перетопчется! И она ни разу не закатила мне день Бородина. Ну, одиночком сижу себе, гордо, знай, в поту распиваю вдвоем с тортиком чаеку. Иногда прискажу, если Санька где близко:

– Была жена, да корова сожрала. Да кабы не стог сена, самого бы съела!

Эти мои чаепития в одиночку на полу Санька прозвала половыми игрищами.

После моей культурной чайной диеты можно б перескакнуть вообще на бесплатную голливудскую диету. Эти звезды как ловко приспособились! Чтобы похудеть, без разбору бомбят жуков, пауков, тараканов, червей, муравьев! Этого добраца у нас в Двориках внавалищу! Актриса Сальма Хайек особо обожает копченых кузнечиков и уверяет: «Приготовленные во фритюре муравьи хороши с гуакамолем». Я б тоже устроил богатую муравьиную обжираловку. Но у меня нету фритюрницы. А потому всех синедвориковских муравьев дарю бесстрашной Сальме! Пускай на здоровьице голливудит и дальше!

Ну, за неделю все свое я, ушатый, по-стахановски дохлопаю, смахну последние сладкие крошки в рот и убираю на глубоких вздохах ширмочку. Прощайте, милые половые игрища! Не царское это дело сидеть голодом. И я ж не Джани.⁸³ У меня нету его божественного эликсира.

Грешил я тихо, но каялся громко.

– Мамчик Санушка! Моя светозарная Гуантанамушка! – в печали сдаю обратный ходок. – Светик ты мой белый! А давай сочиним-ка ноне день межполового примирения?!.. Давай, скоромилушка, наверное, питаться вместе за одним твоим столом.

Женушка-душка, пуховая подушка, и на это согласна.

Ох...

Не тужи, красава, что за нас попала. За нами живучи, не улыбнешься!

Однако хозяйка была грех пасквильничать. Не зря пихнули ее в Монголию преподавать в школе русский. Плохую не послали бы...

...Раскипелся Стружкин. Развоспитывался. Даже вон у пингинов, знай, нарезает, самец высиживает яйцо! А ты, деревянный до пояса, ни к чему в доме не нагнешься!

Пустился выхваляться, что вот-де он не боится у себя в генсековском чуме и полы помыть, и простирнуть что по мелочи, пока женке некогда.

Конечно, все это пропагандистская карусель. Мол, сиди, махнутый, да сравнивай, какой, эстетственно, хороший я и какой поганец ты!

Однаке...

Санюхе мыть до глянца полы и в ладошках варить манную кашку на воде?

Да по сараю мне такая джамахирия!

Слушал я и в душе легко сначала хихикал. А потом и перестань. С его слов я, кажется, как-то отдаленно почувствовал, смутно доковыляло-таки до меня, что семейная жизнь вроде невидного непрерывного подвига.

Ну, в самом деле. Пока я был один, все в своем шалаше делал сам. А как сошелся, домашние дела само собой, будто ветром, отнесло от меня в

сторону. Поел, поспал и ж-ж-жик на работу. То ли муж я, то ли квартирант...

И не стало для меня дел важнее музейных.

Дела эти громкие.

Примчал откуда ампулу с землицей, я герой. Раззвонит районка. Обо мне судачат с уха на ухо. А слышно на угол. А дома, в этой провальной яме, сколько ты ни кувыркайся со своими хлопотами, газета похвалит разве?

В удовольствие летал я по стране.

Старался – кожу сдирал с зубов! – собирал себе почет, напрочь забывал Саньку, словно не жена она мне, а так, нанятая ломовая работница в дому.

А что...

А что, если на мое нулевое отношение к ней она отвечала нежеланием рожать?

От этой догадки вся душа у меня оторвалась. Неужели прокатал? Неужели я самому себе жизнь измарал? Неужели в том, что у меня нет ни дочки, ни сынка, виноват я сам? Виноват лишь я один?

Я считал себя хитрым, ловким. Я говорил себе: «Ты круглый, как мяч, тебя в ступе не поймаешь».

Но вот Стружкин поймал меня. Раскусил.

Добрался до зерна во мне. А зерно пустое, бесплодное.

Эти мысли расстроили меня. Я встал и решил уйти.

Стружкин отечески ласково надавил на плечо.

– Подожди. Не все еще сказал... В твоем возрасте уже не было Чкалова, тезки твоего. Не было Кольцова, Есенина. Сорок лет – не сорок реп. Неужели прожитые годы ничему тебя так и не научили? Что же ты в конце концов собираешься делать?

– Плоты строить! – ухнул я наобум.

Стружкин смотрит на меня, как на приплюснутого.

Ну и на здоровье, раз не в курсе народного юмора.

Не перепевать же ему эту историйку.

Разбило корабль, и мужчин выбросило на остров. Туманишко рассеялся. Они увидели вдаль такой же остров, полный амазонок. Тридцатилетки сразу кинулись вплавать. Сорокалетки стали строить плоты. Осторожничают уже мои ровеснички. Пятидесятилетки говорят: а зачем плыть, все равно они к нам потом сами прискачут. А семидесятилетние: их и отсюда хорошо видно.

– Всю жизнь – крюками! – пламенно нудит Стружкин. – Бить надо в свою точку. А ты ее обегаешь! Докуда ты будешь бегать от Его Величества Жизни? После института молодые рвутся, куда покруче! А ты, добыв диплом, помнишь, чего запросил у нас? Дайте в райцентре, в сельском управлении, должностенку всего-то на пятисотую дольку гагаринской космички⁸⁴ – мне много не надо! – только чтоб ни за что не отвечать. Сознаюсь, мы еще такого не слыхивали ни от одного молодого специалиста... Чего агроному лезть в столоначальники? Кабинет не поле. В кабинете, кроме пыли, ничего не растет. В отрочестве, в юности ты сам себя спас от верной смерти. Да почему же в зрелые годы тебя не хватает на то, чтобы заставить себя не бояться ответственности?

– А как не бояться?

– Ах, если бы я сам знал... Не тот герой, кто, отправляясь в бой, ничего не боится. А тот герой, кто боится, но идет в бой! Истина истертая. Про

запас у меня нет ничего новей, убедительней. Нравится мне мудрость пословицы «Хорошо медведя в окно дразнить». Но каким боком повернешь ее к тебе? Ты даже не дразнишь. Ты только зябко подсматриваешь в щелку меж занавесками за жизнью... Как тебя выкинуло на обочину жизни? Докуда ты будешь жаться на той обочине? Медведь – это сама наша жизнь. Когда ж ты наконец смело, по-мужски шагнешь в эту самую жизнь? Когда вылезешь из-за занавесок? Что ты у жизни все с краю, с краю? Как слепой по пряслу бродишь. А ты в центр ворвись! Подумай. Какой ты Отечеству нужней? Токарьком? Агрономом? Почему не работаешь по специальности? По институтской! И уважения прибавилось бы. И в кармане потолще б зазвенело. Кругом одни плюсищи!..

Наскутила мне эта проповедь. Ни слова не говорю, молча, отступил за порог и уже оттуда, медленно закрывая дверь, спросил одними глазами: ну что, так поможете? Стружкин рассеянно улыбнулся. Ответил без слов, кивком головы. Постараемся! Досегодняя бедолага старается. Как говорит Гордеева матушка, обещал пан кожух, да слово его тэплэ.

И все равно не зря я бегал в наш рейхстаг. Все же набавил себе веку на целых семьдесят две секунды. Откуда этот дорогой прибыток? Известно, одна ступенька при подъеме по лестнице продлевает жизньюху на четыре секунды. Стоит ли так убиваться из-за каких-то четырех секундешек? Стоит! Все ж наши дни собраны из секунд. Так вот к Стружкину на второй этаж ведут восемнадцать ступенек. Поднялся и оказался в барыше.

Но уже на второй день мне показалось до обидного маловато навару в семьдесят две секунды. И я таки настругал рапорток про Стружкина в Москву.

Я писал просто.

Пишет Вам житель села Синие Дворики.

Чувствую я себя хорошо, но жениться не могу, так как нету женщины.

Мне сорок лет. Два раза разведен не по моей вине. Не судим, не облучен и не сумасшедший. И я, как поручик Ржевский, готов ко всему, особенно к семье.

Обращался я в свой сельсовет и в райком, но они не оказывают содействия, а только смеются.

Прошу Вас оказать влияние на наш сельсовет и райком, чтобы они позвонили по деревням в нерабочее время и провели разъяснительную работу по моему вопросу.

Отслоилось немало времени.

Мне все не отвечают.

Почему молчишь, Московушка?

18

Вот видишь, милая Раиска, какой я...

Эх, если бы меня понимали, если бы только понимали...

А то...

У одних я иду за чудака. Это у музейщиков. Музейщики так и говорят мне: «Чудаки украшают мир!» Гордись!

А другие...

А другие разное носят. Например, что я кулек, с бусырью в голове. Но ты не бойся. Я ходил к врачу по нервам. Врач успокоил меня, прочитал даже вроде легкой лекции.

– На земле, – сказал, – лишь четыре процента населения абсолютно

нормальны и годятся в космонавты. Но вас, к сожалению, я не могу при-
числить к космонавтам.

– Жалко.

– Дружочек! Да я самого себя не могу зачислить в эту команду. Мы с
вами в другой команде. В команде девяносташестипроцентников. Мы
проходим по графе «нормальный ненормальный». Мы с вами и подобные
нам – большинство. Так что по нынешнему времени нормальны. Мы как
все. Всем по пять и нам не надо шесть.

Видишь, милушка Раиска, я такой же, как и все вокруг.

Против медицины не попрешь.

А-а...Такой же... Как подумаешь... Как подумаешь... Не человек, а
охапка глупостей, несуразностей.

Вот коснись тебя, как про такого писать? Прочитает твое начальство.
Скажет: всю жизнь мечтал растить хлеба, добился диплома, а не выра-
стил ни зернышка. Того и достиг единственно, что прозвали в издевку
хлеборобом.

Точно, за глаза я Валерка-Хлебороб.

Не иначе.

И знаешь, кто приварил мне эту кару?

Гордеева матушка! Старушонка древняя, а крепенькая, без износу.
Добрая, ласковая. Однако и с перчиком да с солью.

Сколько напихал в одного человека Господь.

Так вот, напиши про меня, про такого героя в кавычках, тебе орден
не отколетя. Уволят! И пускай увольняют!

Разве тебе не к кому голову привалить? Если что...

У меня свой домина, как ханский дворец! Я тебе говорил, отец купил ког-
да-то мне хатеху за семь сот. Договаривались, по частям я верну. Э! Меня не
ущипнешь! Вернул я сотню и больше не стал. С него и этого много.

А чего разбрасываться деньгами? Это сколько ж минусов тогда сбежит-
ся у меня в кармане? Я свои дэ не из воды беру.

Да и за что платить?

Его курюшку я снес. Рядом нарисовал свою хоромину.

Вот пиджак новый куплю, можно и сходиться. Чем я тебе не подходя-
щая линия? Если что, приезжай ко мне. Без звука, без дебатов зачислю
на полную ставку жены. Будешь моей четвертой радостью.

Только...

У меня все удобства – дом неизвестного архитектора – на огороде за рай-
деревом. И в зиму, случается, тепло, хоть волков морозь. Вода замерзает
в ведре. Утром, бывало, потрешь лицо скелетом в ведре ледышкой. Вот и
весь моцион. Вот и умылся Чебурашка.

У нас, видишь ли, кипяток в кране не сидит.

Это не Москва...

Да-а...

А с другой стороны, если по-настоящему... За декабристами жены шли
вон в самую Сибирь-вольницу. На каторгу. Где сейчас такие жены?! В му-
зеях на картинках?..

Тень от бугра, смотрю, прохладным усталым крылом накрыла весь
пруд, достигла даже низа того берега, так что Гордей, спавший под газе-
той, тоже оказался в тени.

Ох, вечный сон! Работа только снится... Вот человечина! Да устрой где
соревнования, кто дольше проспит, Гордейка непременно все б главные
награды загреб. С его подготовочкой захочешь – не проиграешь.

Ну... На работе спит. Дома поел и спит под свежей, только что с почты, газетой. На пруд вот выбрался. Растелешился и что, думаешь, в воду полез? Под газету! Культурно, язва, задает храповицкого... На публику работает. Это его и поза, и позиция. Жизнь – сито. Сюда зерна, сюда сор.

Куда мы с Гордеем попали? В зерна? В сор?

Кто знает...

А интересно... почему это, а за какие это тыщи выбрал я себе в пастыри Гордея? Что нас связывает? И вообще, почему человек выбирает в друзья именно того-то и того-то, а не другого кого? Что нас прибавляет друг к дружке? Годы? Гордей побогаче годами, на пяток лет постарше. Однако я дал ему прозвище «Молодой». Прозвище, конечно, шутовское. С подначкой. Когда Гордей в настроении и ему охота немножечко шильнуть меня, он называет меня Ямщиком. Намек на мои вечные разъезды... Так что же нас держит вместе? Холостая, пустая жизнь? Ничто позади? Ничто впереди? Одинаковые неудачи?

Пожалуй...

Учились заочно в одном институте. Он бросил на третьем курсе. Я кончил. Но жизнь нас уравнила. Ни он, ни я и дня не проработали на земле, о чем мечталось с детства. Кто в том виноват? Сытость, лень сердца и ума, страх перед ответственностью?

Гордей затаил обиду на весь белый свет. Отгородился от жизни газеткой. Я суетился, носился по стране из края в край, как бешеный телок по загородке. Все доказывал и себе, и Гордею, и Бог весть кому еще, что я-то и здоров, что я-то не какой-нибудь там прибитый мешком Ваньзя, всю жизнь лез в Книгу Гиннеса.

А эффект?

А эффект-таки одинаковый. Нулевой. Один проспал себя под газеткой. Другой проспорил, прокатал себя. Ни своего колоска, ни родной кровинки. Тогда зачем я жил? Для чего живу? Лишь чтоб возить в музей далекую землю? Та земля – памятник ушедшим вчерашним дням, и не укуром ли будут нам с Гордеем их смерти?

Сорок еще не вечер.

Ходит же по земле душа, которая могла бы понимать меня. Встретить бы, опереться бы на родное плечо, почувствовать себя нужным, необходимым.

Эх-ма, ослабнет человек – слабее воды, а укрепится – крепче камня.

Я ловлю себя на том, что шарю глазами по противоположному берегу. Ищу Раису. И успокаиваюсь, когда нахожу ее на самом бугре. Облитая золотом закатного солнца, она махала, конечно же, мне рукой. Правда, вряд ли она могла меня видеть против солнца далеко внизу, в плотной тени. Но тогда, кому же еще могла она зовуще махать?

Постой, постой...

Боже, да как я раньше до этого не допер?! Не будь этого, чего б ты и звала меня? Тебя ж, наверно, по моему письму-слезнице откомандировали ко мне в жены! Как говорится, целевым назначением. Прочитали мою слезницу и сказали: поступила заявка, надо выполнять. Москва не может не уважить. Писанину не будем размазывать. Поезжай! Вон подполковник на пятый день проявился по моей грамотке на моей фазенде. А ты запоздала. Женщины всегда опаздывают, особенно красивые. И представилась, хитрюшка, корреспонденткой... Это так, для блезиру... Тонкая дипломатия. Я ж теперь все понимаю!

Ну, в самом деле.

Не брякнешь же ты, что приехала ко мне в жены? А корреспондентка... Удобно. Все визнаешь про меня, взвесишь. Присмотришься, притрешься, а там и карты на стол...

Эх, да Раиска!

Зови не зови, я сейчас и без зова явлюсь к тебе. Не стану ждать вечера. Я тебе сейчас бухну: будь моей! Я так долго шел к тебе. Сколько объездил, сколько обжегал, а тебя все не встретил. Ты сама приехала ко мне. Это Боженька сжалился надо мной, да и пошли тебя мне в Дар с небес.

Мой божий подарок...

Последнее божье мне подношение...

Я иду... Я иду к тебе, жаль моя...

19

Валерка подобрался встать.

Но тут же снова рухнул в вязкий уют ила.

Свежий холодок вечера выступил над водой. Валерке расхотелось вот так сразу выбираться из черной томной теплыни, и он, зябко передернувшись, еще глубже зарылся в самые недра жара, что скопил день-год.

Уже порядочно отдохнул Валерка.

На душе было хорошо, сладостно-дремотно. И было он уже задремал, как до его сторожкого уха добежало с дороги бедовое пенье. С подплясом:

Я искал тебя, эх, повсю-уду,
Ты нужна мне навсегда.
Трогать я тебя, эх, не бу-уду,
Ты скажи мне только «да!»
Асса!.. Асса!..

Похоже, певун был под большими градусами и угарно наплясывал лезгинку. Уж этой лезгинки Валерка выше глаз накушался в Насакирали. Нож в зубы и ну настегивать, и ну шутоломить.

И даст же Бог людям танец!

Пьяненькую Валерка обегал. «Вот эти дятлы рюмкой роют себе могилу... Не буду им мешать...» Нарвись, эти мордохваты еще примут в кулаки. Угладят бока. Уж лучше кружком обмахнуть беду. Уж лучше подальше от глаз куражных тундряков. Но Валерку разморило. Ему лень вставать.

Однако голос приближался.

Надо, думает Валерка, что-то предпринимать, и в следующее мгновение он с падающим сердцем впотаях, лихорадочно натирает лицо, голову, уши илом.

Наконец все, что выступало над водой, вымазано в черный ил. Замаскировался. Решил не высовываться. Лучше отсидеться, переждать певуна. Но чем ближе тот подходил, у Валерки все сильнее потряхивало поджилки. Бедное сердчишко так и обламывалось. А шут его знает, что у этого шансоньетика на умке! Увидит, пульнет с дороги каменюкой. Доказывай тогда, что ты не трогал его первым.

«Мне такой бейсбол не нужен!..»

Большие оригиналы синедвориковские песняры.

Начокавшись, они поют не что попало, а только то, что дорого.

Если один драл всего лишь четыре строчки, давал из минуты в минуту

клятвенное обещание не трогать, то песня встречного была вдвое короче и составляла всего две строчки, которые он уже в хрипе раз за разом пус-кал на самые разные голоса.

Его предельно скромный репертуар внушил симпатию песняру, обеща-шему не трогать, и выворотилось непредвиденное: обещавший бросил обещать и из горячей солидарности со встречным загудел его песню, да не всю, а только последнюю строчку – выбрал самое сокровенное.

Когда встречный с вызовом тянул: Во-одка ста-ала ше-эсть и во-осемь, ранее обещавший, заложив пальцы в рот, отчаянно ему в такт подсви-тывал, а уж потом они обрадованно, с подплясом, вперебой выкрикива-ли союзом, развалисто простерев друг к дружке руки и трудно сближа-сь: Все-о-о равно мы пи-ить не бросим!

Они разминулись с простертыми руками наготове.

После все-таки благополучно пали друг дружке в объятия, сплелись и неожиданно торжественно ударили разом:

П-пер-редайте Ильичу-у,
Н-нам и де-сять по плечу-у!

«Спелись, каналы! – сраженно заключил Валерка. – Это копец...»

Пока против спора отдыхал, он укрепился в мысли, что выигрыш, бу-тылка коньяка, вовсе ему, непьющему, ни к чему.

А раз нет смысла, ради чего конкретного рисковать, то и нечего тогда переть против рожна, то и можно плюнуть на выставленное самим же условие туда и обратно проплыть без отдышки с закрытыми руками-вес-лами.

Не-ет, назад он дойдет сухой ногой. Берегом.

Но вот эти...

Потеряв всякую надежду вернуться берегом к Раисе, Валерка, высоко скидывая колени, кинулся к глубокой темной воде. Только сейчас его за-метили пьяные в педаль песняры. Не сговариваясь, улюлюкая, бросились они к нему, на бегу подхватывая с земли камни и швыряя ему в спину:
– Ну, Ядрена Родионовна, Пушкина мать!

«От этой а-капеллы побыстрей крути педали, пока не дали...»

Затравленно озираясь и увертываясь от камней, шумно уходил Валер-ка. От беды да в воду! Наконец воды уже порядочно. Валерка с легким вздохом ныряет, валится на дно. Идет по дну, идет долго. Уже когда по-казывается одним глазом наверх воды, видит, как певуны, в угарном азарте влетевшие в край пруда, прочно завязли в болотине и, обнявшись, кряхтят, раскачиваемые чертом, надрываются выбраться назад, на берег. Но у них ровно ничего не выходит.

Заметили Валерку. Грозятся кулаками:

– Анчутка беспяты! Ну, японский бог Йоулупукки!⁸⁵ У тебя что, баш-ню сорвало!? Заманул, Сусанин, в трясину... Мозжечокнутья... Ты нам ответишь! Еще как! Мы еще потрясем тебя за вымя! Ты еще прокатишься у нас голым пукалом на еже!.. Мы те, тараканья титька,⁸⁶ еще ка-ак по-мнем карточку да попутно вложим умка! Мы те покажем!..

Первое движение слабой Валеркиной души – вернуться помочь выдер-нуться певунам из топи. Однако завидел в кулаках камни, идти к ним не решается.

Успокоенный, что камнями уже не достанут его, он какое-то время все

же «стоит» на месте с воздетыми руками, будто сдается, и не знает, куда плыть.

К тем несчастным певунам?

К Раисе?

Вопросительный взор, ищущий ответа, невольно поворачивается к дамбе. Кроваво полыхнуло в лицо Санькино бунгало – сам же красным красил крышу. Дом сразу за дамбой. Отсюда, с воды, видна только макушка. Саньки давно нет в Двориках. Третий год учит русскому монгольских детишек. И думается Валерке про то, что вот хорошая земля Монголия, полнехонько-то в ней всякого добра вплоть до кобр, но непонятно, зачем этой хорошей земле еще одна завозная очковая змея.

Что, там мало своих?

И то ли мерещится, то ли въяве Валерке видится: вышатывается из красного дома в дождь под зонтиком кобра, как положено, в очках, с раздутым капюшоном, по полной программе похожая на Саньку, и, сановито покачивая боками, правится к пруду, желтым колесом скатывается в воду и все так же под зонтиком стремительно плывет к Валерке.

Вся в воде, сверху лишь очки да зонтик над очками.

Не успевает Валерка и ахнуть, как кобра уже совсем подле, кидается ужалить, и Валерка что есть духу молотит ее ногой по очкам, по очкам, по раздутому капюшону.

Едва отбился – пускается под воду.

В черной воде-то, думается ему, никакая кобра не увидит его, хоть она и в очках. Не увидит и не укусит. Ну, пускай худшее, пускай укусит. Все, может, не весь яд в тебя пойдет. Что-то, глядишь, и растворится в воде.

Валерка идет по дну и на всякий случай нервно поталкивает назад ногой. Вместе с тем ему и страшно: кажется, она вовсе не боится захлебнуться, раскрыла рот, уцелилась и вот-вот вопьется в него смертоносными зубами.

Но разве может так быстро, как и он, плыть змея?

Он раздирает глаза, оглядывается, силится рассмотреть непременно тянущуюся за ним живую светло-желтую веревку кобры, но ничего в черной воде не видит. Но она совсем где-то рядом. Здесь! Да где именно? И идет она под водой или поверху воды? Он почему-то склоняется к мысли, что она идет поверху воды. Эта гадина, думает он, знает, что не может же он вечно торчать под водой, врет, не уйдет, выставится хватить воздуха, она тут и!..

Страх давит его ко дну.

Меленькие пузырьки редко рвутся на поверхности, несмело обозначают его путь. Воздух на исходе. Вот и совсем нет ничего, дышать нечем; задыхаясь, он столбом выталкивается на поверхность, хватая в судороге воздуха и снова под воду...

Он уже устал. Ему смертельно тяжело со связанными веслами вскорую идти по заросшему вязкой всячиной дну. Он все чаще и чаще выскакивает наверх и однажды замечает, что кобра сопровождает его будто в почете.

Она вилась чуть позади то с одной стороны, то с другой и знай себе посмеивалась, сановито поправляя то и дело съезжавшие очки, уверенная, что он от нее не уйдет.

Но – ушел!

Он благополучно доскребся до берега, вынырнул, с восторженным испугом выпихнулся из воды уже у самой осклизлой стенки суши. И в мет-

рах каких-то пяти от него одновременно всплыл труп вчера утонувшего грузина. Всплыл как раз под коброй. Поднял ее из воды.

Кобра похолодно заозиралась и в следующую минуту уже мертво слилась с трупом в воду.

20

Не помня себя, Валерка вмах выскочил на берег и тут, увидав, что совершенно гол, в панике раскинул черпалки, невольно качнулся назад и спиной сверзился в воду. Вода привела его в чувство. Он вспомнил, где он, что с ним, вернее, что может случиться с ним.

«Она наверняка лишь притворилась мертвой и во всякий миг готова стрелой выдернуться из воды и цапнуть в самую душу».

Боясь внезапного нападения и не решаясь ступить на берег, где на самом бугре, в солнце, стояла Раиса, он, слитый в ком, вжимался в короткий сырой срез берега, с ужасом пялился на смоляную воду перед собой и наизготовку держал над головой кусок глины.

«Только выкажись! Только сунься укусить – пришибу!»

Тяжелый всплеск воды при падении Валерки разбудил Гордея. Гордей лежал, как брус, во всю Русь! – потянулся, рассвободенно выпростал из-под хрусткой газеты ручищи-оглобельки и встал. Хмуро ругнул себя, что уже в тени валялся под газетинкой, и из вялого любопытства побрел к воде со спорной бутылкой грузинского коньяка.

Гордея подивил ком земли в руке у Валерки.

– Ямщик! Ты с кем тут воюешь? – спросил весело-насмешливо. – И чего ты нагишом? А где, извиняюсь, твой штанишки на ватине? А где твой хрустальный сапожок тире башмачок?

Движением бровей Валерка показал на воду.

– Немудрено, – назидательно сказал Гордей. – Покуда этот омуток перемахнешь, жизни можно лишиться. Не то что...

Он натолкнулся взглядом на труп и осекся.

– К ночи страхи какие! Да не на пару ли вы, Ямщикок, причалили?

– Отплавался. Жалко. Молодой. Искали его среди воды, а он у самого берега. Шел я по дну, нечаем толкнулся кеглями во что-то неясное. Похоже, то был он. Всплыл вот...

– Да его родня золотом тебя осыплет!

– Что мне золото. Дал бы на пока чем боеголовку прикрыть.

– Попроси, что полегче. Не снимать же с себя!

– Валера, возьмите! – откуда-то сверху, с солнца, коротко сказала Раиса, и серый сверток с кулак мягко плюхнулся перед Валеркой на воду. Развернул Валерка бумагу – черные сатиновые трусы! Нерешительно высунул верх головы из-за кромки берега. Уставился на Раису.

– Я все слышала. Надевайте, надевайте! Сегодня купила брату у вас в универмаге. В столице это такой дефицитио.

– Гм, – Гордей поежился от холодка тени, и его потянуло из этого холода на верх бугра, к теплу, где в последнем солнце золотилась Раиса.

– Молодой! Гражданин! – насмешливым голосом позвал Гордея Валерка. – Вы забыли вручить мне выигрыш.

– Какой еще выигрыш? – лениво, с упреком спросил Гордей. Остановился и, подлаживаясь под игривый Валеркин тон, тоже перешел на вы. – Вы могли утонуть. Не утонули. Выиграли себе целую жизнь! Разве вам мало одного этого выигрыша?

Валерка и не подумал бы требовать выигрыша, не пойдя Гордей к Раисе. Но раз так, раз пришнуровался... Этот чертов бугай спроста к человеку не приплавит. Это что-то из подлунки да замышлено. Какой-то темный расцетец да и катает в котелке! Валерка переломил себя, поверх всякой силы позвал-таки к себе Гордея дрогнувшим пальцем.

Гордей хмыкнул. Но вернулся. Присев на корточки, философски промурлыкал себе под нос: «Чем выше любовь, тем ниже поцелуи...» и, та-ся, – не хотел, чтоб слышала чуткая Раиса – горячечно зашептал:

– Слушай ты, труляляшка! Не порть дорогую обедню. У меня бедные родные орехи аж звенят... А ты что-то начинаешь старшака не слушаться. Совсем выдернулся из-под дуги. Да на какую хрень сдался тебе этот коньяк!? Ты ж все равно эту микстуру не принимаешь. Она тебе без разницы. А мне? Сегодня!.. Ну пожертвуй, едят тебя мухи с комарами! Вникни, колокольчик, в ситуацию... Мне чуть-чуть вспрыснуть коньячком эту мамлютку, – Гордей стрельнул вороватым глазом в сторону Раисы, – и она вся моя. Прибегай в полночь, примри в канаве напротив стожка. И ты увидишь космическую смычку города с деревней!

– Тоже мне племенной бык-гордень... Кончай гнать мороз! Или... Ты что, принял ее за метелку шаговой доступности? И уже, может, прикопался? Уговорился на свидание?

– Ну! И принял! И уже! Какой же старый козелино не любит пощипать молодой травушки?

– И она. Ну, какие уши выдержат эту лапшу из муки такого грубого помола? И она. Вся согласна?..

Валерка выставил еще и новый довод:

– Слушай, красавчег. Ну, она ж тебе... совсем чужачка.

– Эк, дурило! Да у холостого мужика нет чужих баб. Была чужая – будет родная! А заодно и кособланки⁸⁷ ей выровняю... Доброе дело попутно сделаю.

– И ты думаешь, – мстительно захрипел сквозь зубы Валерка, – я ки-нусь в лакейки к твоему клеву?

– Ты что, тайга, так вывихнуто вылупился? Перекупался? Или один геройски разгерметизировал бутылек газировки.⁸⁸ Наш кутенок выпускает коготки. Не пыли уж так. Кончай быковать. Кончай этот придурезж! Не расходишь. Сократись, дружочек мой. Я не узнаю тебя. Поднял вокал. Раньше ты коготки не показывал.

– Так то раньше... Выиграл – моя! Я ее лучше своему спасителю отдам!

Валерка выхватил у Гордея бутылку и, перебирая одними ногами, подплыл к утопленнику, бережно поставил ее тому на грудь.

Когда Валерка вернулся, Гордей с видимым горем на лице, молча, приложил Валерке палец ко лбу и грозно зашипел.

Так шипит спускаемый из перегретого котла пар.

Валерка сошвырнул Гордеву руку и побрел к велосипеду.

Гордей поплелся следом, побито выговаривая:

– Ну, горюха... половой демократ...⁸⁹ Как тебя и усахарить?.. Мне не дал закинуть в топку – ладно. Но ты, агрессор, хоть бы о ней подумал. Для журналистки командировка не только работа, но и курорт! А она вернется с курорта злая, не отдохнувшая! Каково? Да она со стыда сгорит, и совесть загрызет ее одним зубом. Не долечила тебя жизньюка. Не обката-ла, не уладила, как голыш... чего ершиться надумал? Смотри мне... Кошка за свою ласку на подушках спит. А собака за свое рывканье в ко-нуре да на цепи сидит и не во всякий день сыта. Усек, толстодум?

– Усек, усек!
– А я не верю, что усек. Кому усекать-то? У тебя ж все из дому разбежались! Это ж надо выворотить. Покойник живого спас! От че-го-о?!
– Хотя бы от той же кобры... До чего опасная. Один грамм высушенно-го яда кобры может убить сто сорок собак!
– Примерещится ж дяде... Да откуда в Двориках взяться кобрам?!
– Из Монголии? – полувопросом ответил Валерка.
– Из какой еще Монголии? К твоему сведению, в какой Монголии кобры водятся?

Валерка безразлично повел плечом, поднял с земли велосипед. Подумал вслух:

– Съезжу в хомутку, ⁹⁰ скажу, чтоб забрали грузина.
– Слушай, Ямщикок, – вкрадчиво заточивал Гордей. – Ну... Глаза у тебя по ложке, а ситуацию не видишь ни крошки. Всю панихиду, кулек, испакостишь! Ну что тебе стоит? Переиграй с коньячишкой! На что он утопленнику? Утопленник сверх всякой меры свое уже выкушал. Гарантирую, больше и грамма не примет. Позволь оприходовать? – указал на призрачно маячившую над водой бутылку. – Ну, Ямщикок, по плавникам да в баню?

– Мда-а... Ты с живого сдерешь последнее. Неужели и покойника не посовестишься?

– Гм, – холодея лицом, надвое ответил Гордей. – Дорога ложка к обе-ду, а после обеда ее хоть и не будь.

– Неужели сплавашь, цапнешь? Да это так... Все равно... Как с моги-лы украсть цветок... яблоко... Это так низко!

– Низко... высоко... Не знаю, не мерил, – глухо пробормотал Гордей в спину Валерке.

– Валерий! – позвала Раиса. – Куда же вы? А интервью?

– Никаких ин... Что я вам расскажу? Про чужую землю? Про чужой значок?

– Но как же вот так?.. Сумерки. Ехать в народ со связанными руками. Остановитесь! Дайте, я вам хоть развяжу руки!

Валерка помотал головой, съехал с дамбы на узкую гнутую тропинку и тут же пропал за поворотом, за первыми домами: по кривой дороге впе-ред не видать.

На пустынном сумеречном берегу никого не осталось, кроме Раисы и Гордея.

Между ними ныло тягостное молчание. Раиса недоумевала, отчего все так нелепо повернулось. И в том она единственно винила Гордея. Гордею же не понравилось в Раисе то особенное участие, которое выплеснулось из нее на Валерку.

– Хэх! – с ревнивой обидой сушил голову Гордей. – Поехал на мясотрясе с связанными руками! Да он всю жизнь отжил со связанной волей, со связанной душой...

– Ой-ко! Что за чушь вы катите? Да вы переспали на солнце! Перегрелись!

– Он у нас ве-ли-ко-му-у-у-у-че-ник... Развяжи кто ему крылья – из него выскочил бы новый Ломоносов! Да кто развяжет? Система? Она ма-стерица лишь завязывать. Кто лучше него знает, где ему жмет? Кто луч-ше него знает его узелки? И никто, ни-кто их за него не развяжет... Не сможет... А если б я лично мог... стал бы развязывать? Не знаю... Надо же! Заставил-таки этот пирожок ни с чем искупаться меня сегодня!

С низкого берега Гордей картинно пощупал ногой воду, поморщился и – не в охотку, да нужда! – бросился к бутылке с потухлыми в лиловых сумерках пятью звездочками.

Несколько мгновений Раиса в оцепенении следила, как крепкорукий Гордей, с ленивой веселостью напевая вполголоса: «Ехал чижик в лодочке/ В капитанском чине,/ Не выпить ли водочки/По этой причине», метровыми саженками ломил к тем невидимым, призрачным звездочкам.

А потом она, будто очнувшись, стремительно пошла прочь.

К селу.

В Синих Двориках уже зажигали чистые, воскресные огни.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Через толщу лет случай снова привел меня к моему герою.

Вечерело. Где-то вдалеке слышался «гром – нескромный соавтор молнии».

Как жестоко уходит время...

Жизнь заметно помяла, состарила Валерия Павловича. Но он с отчаянно-ожесточенной настойчивостью продолжает лепить свои рекорды к датам. Ему не хотелось распевать о новостях и он, молча, подал мне местную газету, подолбил ногтем по отчеркнутому куску текста: мол, тут все расписано, читай!

«На сегодняшний день главный рекорд «деда-амфибии» в том, что он... умеет ходить по воде. Его фирменный трюк такой: погрузившись в воду по грудь и совершая под водой движения ногами, он идет по воде, держа в руках какой-нибудь плакат сообразно очередной памятной дате.

– Я человек-поплавок, – шутит он. – В воде не тону.

А начинал «человек-амфибия» с «цветочков». К юбилею Победы Валерий Павлович простоял в воде как пустая бутылка 1418 секунд (по количеству дней, в течение которых шла Великая Отечественная война). В честь 55-летия Победы за три часа 40 раз влез на трехметровый шест, прошел по воде в Воронежском дворце подводного спорта 10 километров и, непрерывно шагая 15 часов по стадиону своего села, нашагал около 80 километров.

Дальше были новые рекорды к новым датам. В честь 60-летия Победы в Сталинградской битве Валерий Павлович прокатил автопокрышку диаметром около метра по территории района на расстояние в 201 километр. А в честь годовщины Курской битвы «прошел» по местному пруду 1418 метров с любимым транспарантом в руках «В лабиринтах мечты».

Свой новый удивительный рекорд неутомимый пенсионер установил в честь 65-летия Победы над Германией. Во славу русского оружия он в полковничьей форме довоенного образца и с детским пистолетиком наперевес с 23 июня по 16 августа прошел те же 1418 километров по детскому лабиринту, построенному во дворе местной школы. Для интересующихся сообщим, что расстояние от входа в лабиринт до выхода 20 метров. В день дед на глазах изумленных школьников и учителей наворачивал по лабиринту по 27-29 километров, то есть больше 1300 ходок туда-обратно...»

– Ну, не наскучило мотаться с детским пистолетиком?

– Надоело... Все остонадоело.

– Так брось.

– Понимаю, пора б бросить эту безнадегу. А не могу. Дело всей жизни

как кинешь? Я б и не затевал эту кислую кашу, не пожелаю влететь в Книгу рекордов Гиннеса. Живет такая Мечта. Я завалил их бумагами со своими рекордами. Они и не знают, что со мной делать. Говорят, у них еще нет номинаций, под которые можно было бы подпихнуть мои «подвиги». Думают над своими номинациями. Целую вечность уже думают...

Старается Шурик из последних сил... Впору хоть заноси его в эту Книгу рекордов лишь за те гигантские старания, которые он в надрыве прилагает, чтобы все-таки хоть бочком вжаться в нее. Наверное, по напористости здесь ему равных в мире нет. Две ж трети жизни с настырностью самоубийцы рваться в Книгу... Везде пишет, везде доказывает. Какие трюки ни выделывай – не видят, не ценят, не заносят.

– И ты на что-то еще надеешься?

– А как же? Как же без надежды? Надежда крикает⁹¹ последней.

– Ты почетный гражданин Синих Двориков. Тебе этого мало?

– Маловато. Надо под конец дней все ж вскочить в Книжищу. Хочу, чтоб весь мир меня узнал. Как только засвечусь у товарища Гиннеса, тут же брошу запузыривать свои рекорды. Я в том почтенном возрасте, когда уже твердо отличаешь большой палец от мизинца. Знаю, чего хочу.

– А как дела на личном фронте?

– В косяк... без перемен.

– Все отважно мечтаешь о четвертой свадьбе в Версале?

– Я не Андрейчик, – горько улыбается. – Меня на Версаль не купишь. Я еще попрыгаю на своей свадебке на Луне или, на худой конец, на Солнце. Выберу местечко почудней. Пока не определился.

– Не тяни. Поскорей определяйся.

– Хо! А куда спешить? Мужчина ж – как коньяк. Чем старше, тем вкуснее! Какие мои годы? Семьдесят – разве это годы? Вон сомалиец Ахмед Мухамед Доре в сто тринадцать подженился в шестой раз. Моложе на 95 лет! Во тетка! Так у того Ахмедки от пяти «вторых половинок» восемнадцать спиногрызиков. Мне хотя б одного... Да что мне Ахмед? Я самого Кимуру⁹² обставлю!

– М-да. Все без перемен. Сколько ж ты разбежался княжить?

– По науке, человек может нажить двести лет. На двести я не замахи-ваюсь. А сто двадцать пять я себе точно отмерил! И ни дня меньше! Времени на поиски у меня ого-го сколько еще в кармашке! Все ж тетку первый сорт я себе пригляжу! Хоть поэт Бродский и сказанул, что «одиночество есть человек в квадрате», да кому ж в том одиночестве ладно? На старухе я никогда не женюсь!

– Раньше ты райком просил помочь найти тетку.

– Что вспоминать? Нету больше райкома партии. Нету больше КПСС. Пенсия у меня пшиковая. Горькие нищие рублики.

Подумать есть над чем. Как при таких наших ценах питаться? А оброк⁹³ из чего платить? При такой житухе недолго и отбросить кегли. Что делать? Сигануть за линейку?⁹⁴ Да на какие башли?.. Может, податься в рыбаки? Вон... Прочитал, что мужичку из японской деревнюхи Офунато вляпался в сети мешок с одиннадцатью миллионами иен. Тут же хотел попросить у соседа удочку и посидеть с денек у нас в Двориках на пруду. Да раздумал идти к соседцу. У нас на пруду и за день малька единого не выдернешь из воды. А что уж об мешке денег толковать?.. Может, переметнуться на подножный мясной корм? Но я не лиховой гурман Тимошка⁹⁵ и лакомиться пловом из мышей не могу. Только при одном упомина-

нии этого деликатеса меня начинает в коленке тошнить. Кто-то плавает, а я ж тону! Куда податься бедному крестьянину на приработку?

И шатнулся я по старой памяти на почту. Когда-то я там разносил письма, газеты.

Заведующая мне обрадовалась и говорит:

– Снова в почтари не получится. Нет свободной единички. А вот в операторы – хоть сейчас садись! И не раздумывай! Место с постоянной ормежкой! Обжираловка! Ешь от звонка до звонка! Всю смену! Перерыв только на обед! А он тебе и не нужен. Ты уже сыт до крайности! В обед – отдыхаешь от обеда! Гуляешь на природе! Граждан птичек слушаешь!

Недоумение распирает меня.

– Ну чему удивляться? Письма, бандероли... Марки надо наклеивать? Надо. Лизнул блок марок – позавтракал!

– А-а, – дошло до меня. – Не-е... Мне такой обжираловки на даровщину не надоть. Хотите посадить меня на клеевую диету? Не-е. Да будь проклята эта обжираловка всеми птицами, курами, собаками и скорпионами!

Что же делать?

Хоть беги доживай век в Ноевом ковчеге. Ученые молодчуки! Вон даве отыскивали остатки ковчега на Арарате. На высоте четырех километров.

А чего? Поживу еще чуток у товарища Ноя!

Ну! Надо сходить!

Вечные колокола весны манят в дорогу.

Так и подсекает еще один, последний, рекордишко нарисовать. Гиннесовский! Пешком от моих Синих Двориков до Ноева ковчега! Промежду прочим, «ковчег строил любитель, а «Титаник» строили профессионалы». И чье творенье живо до сих пор? Тот-то ж!..

По пути не забыть заглянуть в Грузию. На халяву подкормлюсь.

И дальше в путь... к другу Ною!

Воистину, неисповедимы пути Господни...

«Мы, русские, какой восторг!»

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Куда бежать листовки клеить? – что делать?
2. Пучеглазка – самогон.
3. Химдым (шутл.) – предприятие райсельхозхимии.
4. Наш край славен образцовым черноземом. В 1889 году в местечке неподалеку от села Щучьево в качестве эталона российского чернозема был отобран почвенный монолит размером 7х2х1м, который демонстрировался на Всемирной выставке в Париже. Затем он находился в Сорбонне, где и погиб во время студенческих волнений в 1968 году.
5. Неподалеку, в селе Орловке, находится областная психолечебница.
6. Кардан – задница.
7. Знаменитый летчик Валерий Павлович Чкалов (20.1.1904 – 15.12.1938) вместе с летчиками Г.Ф. Байдуковым и А.В. Беляковым совершил 20-22 июля 1936 года первый беспосадочный перелет по маршруту Москва – Петропавловск-на-Камчатке – остров Удд (ныне остров Чкалов). За 56 часов 20 минут преодолено 9374 километра.
8. Расфасовка – морг.

9. Загиб Иваныч – смерть.
10. Веревка – безвыходное положение.
11. Пупканутый – с сережкой в области пупка.
12. Идти пустыню пылесосить – просьба оставить в покое, перестать надоедать глупостями.
13. Воевода – учитель начальной военной подготовки.
14. Серпентарий – учительская.
15. Светоч мира (латынь).
16. Сесть на рак – потерпеть неудачу.
17. Морковкина академия – сельскохозяйственный техникум.
18. Кембридж (здесь) – профтехучилище.
19. С аммиаком связан компрессорщик. Его работа считается вредной. Имея вредный стаж – 12,5 лет, – он может идти на пенсию в 55 лет.
20. Черный коммунар – колхозник.
21. Давила – начальник, руководитель.
22. Рейхстаг – райком КПСС.
23. Ученые Национального управления США по авионавигации и исследованию космического пространства (НАСА) обнаружили невидимую планету в составе Солнечной системы. По мнению американских специалистов, появление глобальных катаклизмов, происходящих с перерывом в несколько десятков миллионов лет, вызвано действием именно этой планеты «Немесис» («Звезда смерти»). Исследователи утверждают, что она превосходит по размерам Юпитер в пять раз и является «коричневым карликом», не поддающимся визуальному наблюдению. Гравитационные поля «Немесис» направляют в сторону Земли поток метеоритов, комет и астероидов, что может привести к глобальным катастрофам.
24. Русланка – учительница русского языка.
25. Сейчас Озургети.
26. Бестолковка – голова.
27. Голошмяк – бездомный.
28. Буревестник – пьянка.
29. Спящая красавица (армейское) – часовой.
30. Глиста в скафандре – худая девушка.
31. Логарифмы – женская грудь.
32. Дурнохлеб – нахлебник.
33. Боинг (здесь) – автомобиль «Запорожец».
34. Гнать телегу – говорить вздор.
35. Хлопать в ладоши (здесь) – бежать.
36. Тупик – кабинет.
37. Из стихотворения известного воронежского поэта Ивана Семенихина.
38. Волосатая кража – изнасилование.
39. Камера хранения – тюрьма.
40. Барнаулить – назойливо приставать.
41. Мотыга – ветреный человек.
42. Припахать (здесь) – бросить.
43. Хорь в яме – начальник в кабинете.
44. Лалара – красивая девушка.
45. Керогазка – пистолет.
46. Сильный зверь – очень красивая молодая женщина.
47. Самокрутка – вышедшая замуж украдкой, против воли родителей.
48. Черновичок – первый муж.
49. Солдаперить – служить в армии.
50. Ахой, перделка! (чешское) – привет, подружка!
51. Падло (чешское) – статный, красивый парень.
52. Вонявки (чешское) – духи.
53. Черствые потравины (чешское) – свежие продукты.

54. Трогательный (здесь) – везде трогающий.
55. Прижимистый (здесь) – любитель прижиматься.
56. Автор А. Левшин.
57. Девки даром (чешское) – вход для девушек бесплатный.
58. Буревестник – пьянка.
59. Надывбица – чердак.
60. Метать красную икру баночками – скандалить.
61. Оговарка – драка.
62. Политуризм – пьянство.
63. Фигвам – от вигвам.
64. Невпопад – невпопад, некстати.
65. Аллигатор – олигарх.
66. Броситься с балкона – умереть.
67. Поставить сандали в угол – умереть.
68. Агу-агу – лобовь.
69. Коса, уложенная на голове кольцом.
70. Топка – задница.
71. Хватай мешки – вокзал поехал! – сигнал опасности, призыв немедленно скрыться, убежать.
72. Пинцет – хирург.
73. Оказаться в дамках – забеременеть.
74. Нажечь – обмануть.
75. Шарниры – ноги.
76. Мотуций – расточительный.
77. Шевелить шлемаком – думать.
78. Химчистка – кожно-венерологический диспансер.
79. Николаевская девка от голодного года – старая дева.
80. Кобеляж – заносчивость, вызывающее поведение.
81. Гуантанамо – американская тюрьма, известная зверскими пытками.
82. Сменить воду в аквариуме – помочиться.
83. Индийский йог прожил 70 лет без воды и еды. Индийские доктора изучают поразительный и беспрецедентный случай, произошедший с 83-летним священнослужителем штата Гуджарат Праладом Джани. Как утверждает индеец, ему удалось провести без воды и еды последние семь десятков лет. По словам Джани, когда ему исполнилось 8 лет, он ушел из дома и начал скитаться по миру. Тогда он научился ничего не пить, не есть и не ходить в туалет, а свыше ему якобы был послан божественный эликсир, поддерживающий силы.
84. За первый полет в космос 12 апреля 1961 года Юрий Гагарин получил тридцать тысяч рублей.
85. Йоулупукки (финское) – Рождественский дед, который дарит подарки детям на Рождество Христово. Йоулупукки в переводе с финского означает «рождественский козел».
86. Тараканья титька – непорядочный человек.
87. Кособланки – кривые ноги.
88. Газировка – водка.
89. Половой демократ – импотент.
90. Хомутка – отделение милиции.
91. Крякать (здесь) – умирать.
92. Японец Дзироэмон Кимура – самый пожилой человек на планете. Ему идет 116 год. Живет в городе Кетанго (префектура Киото).
93. Оброк – налоги, плата за коммунальные услуги.
94. Сигануть за линейку – уехать за границу.
95. Тимофей Баженов, телеведущий программы «Самые опасные животные России» (канал «Россия-2»), считает, чтомышь абсолютно съедобное существо, и подтверждает это на собственном примере. Сам готовит и ест плов из мышей.

Василий Михайлович Боков родился в 1927 году в поселке Знаменка Эртильского района Воронежской области. В 1944 году был призван в армию. Службу проходил в учебных подразделениях запасных полков. Окончил Тамбовское военно-финансовое училище. В 1973 году был уволен в запас в звании полковника. Публиковался в журналах «Дальний Восток», «Подъём». Автор трех сборников стихотворений, трех книг автобиографической прозы. Живет в Воронеже.

Василий Боков

СЕРЕБРЯНЫЕ ТРАВЫ

Еще горит, еще цветет
В проулке желтый одуванчик!
Еще ты быстроногий мальчик,
И мир тебя еще не ждет.

Резвись на солнечном ветру,
Не думай ни о чем, не сетуй –
Все хорошо, и в мире этом
Еще проснешься поутру.

Увидишь бабочку, цветок –
Веселый, нежный одуванчик.
Будь счастлив, одинокий мальчик,
Ведь ты еще не одинок!

Не одинок в степной глуши,
Где мир сверкает разнотравьем,
Где нету ярмарки тщеславья,
А есть лишь праздник для души.

Ночь и звезды. Тают звуки.
За окном в саду светло.
Нежные порхали руки,
Словно лебедя крыло.

Долго ночь не шла на убыль.
Лунный свет сиял в саду.
Жаркие ласкались губы
В жарком, сладостном бреду.

Млечный Путь. Созвездий реки.
Первый луч в окно упал.
Сонные смыкались веки –
Час забвенья наступал.

Москва огнями желтыми пылала,
По-летнему душна и горяча,
Я уезжал с полночного вокзала,
И поезд плыл, колесами стуча.

Была такая грустная разлука...
Но жизни путь короткий, как полет
Стрелы доисторического лука,
Манил меня настойчиво вперед.

А утром, в голубеющем рассвете,
Как бы возникшие из дальних снов,
К дымящейся реке бежали дети,
Похожие на стайку воробьев.

И в этой вольной, озорной ватаге,
Презрев лавину промелькнувших лет,
Бежал и я в сиреновой рубаше
И кепкой поезду махал вослед.

Твои беды – за левым плечом,
А печали – за правым.
Жизнь мелькнула весенним лучом
По серебряным травам.

И растаяло вмиг серебро,
Прозвенело ручьями.
Все бывшее – быльем поросло,
То, что было вначале.

Ты стоишь на скрещенье путей,
Опоздавший за счастьем.
И в мерцанье полночных теней
Мир распался на части.

Над полем зреющей пшеницы,
На склоне дня, на склоне лет,
Как будто раненая птица,
Последний в небе меркнул свет.

И вечность плавилась и стыла,
Лучом кровавым шла в зарю.
Ах, что же здесь происходило, –
Где я теперь один стою.

Ах, что же в отблеске багровом
Мне виделось на склоне дня? –
Мой век двадцатый, век суровый, –
И юность сельская моя.

Померещилась счастливая судьба,
Поманила в дальнюю дорогу.
Говорила вещие слова,
Наставляла ласково, не строго:

– Будь приветлив сердцем и душой,
Помыслами чист и неподкупен,
Обретешь заветный жребий свой,
Злобе дня суровой неподсуден...

Я запомнил все ее слова.
Я исполнил все ее советы.
Я в пути: сидит голова,
А конца у той дороги – нету.

Виктор Мустафович Чекиров родился в 1939 году в слободе Калач Воронежской области. Окончил Воронежский государственный университет. Работал преподавателем в школе-интернате, ответственным секретарем эртильской районной газеты (1965-1968гг.), главным редактором воронежской газеты «Молодой коммунар», собкором газеты «Комсомольская правда», главным редактором Центрально-Черноземного книжного издательства. В настоящее время – литературный консультант Воронежской организации Союза писателей России. Автор трех книг прозы и публицистики. Лауреат международного литературного конкурса «В единстве наша сила». Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Виктор Чекиров

КАК НАРИСОВАТЬ ПТИЦУ

Рассказ

1

Муки несправедливости изматывают его даже во сне, и он просыпается в приступе лютой тоски и отчаяния. «Моя голова-ва-а...» Его голова сейчас лопнет. Гулко гупает сердце, и в голову забивают сваи. С каждым ударом она вздрагивает больно и расширяется. А темень – черная, зловещая – сама Преисподняя. Дурнота подступает. И напряжение неизбежного этого. «Сейчас прилетят птицы», – подумал с тоской, но испугаться не успел.

Под закрытыми веками ослепительно вспыхнуло, и темень Преисподней взорвалась, стала осыпаться, шурша сухим черным дождем. Невыносимо яркий свет хлынул, и неисчислимое количество крыльев захлопало, замельтешило – смотреть больно: яркий летний зной рябит слепящим течением реки, солнечные блики играют, пестрят черными пятнами перед глазами. Тошнит, и резкая боль во лбу, голова раскалывается...

Еще – белая вспышка, и бабушка сыпанула из миски размокшие корки хлеба. И туча голубей сорвалась, обрушилась с крыши, взорвала тишину и воздух страшным хлопаньем, шелестом, свистом крыльев – седые космы бабушки

взметнуло, треплет ветром, как серый дым из головы. Бабушка похожа на колдунью, только очень смешливую. Радостно щерит младенчески чистые, без единого зуба, десны и заливается девчоночьим смехом. А голуби облепили ее, мостятся на плечах, толкаются, вертятся, воркуют ей что-то в ухо и потешно разглядывают лицо, прицеливаются склонуть родинку на щеке, крупную, как смородина.

Бабушка уклоняется: «Та ну вас...», – а сама довольная, глаза блестят, растрепанные серые кудельки извиваются живыми змейками, она уже – веселая Медуза Горгона. Легонько отстраняет птиц рукой: «Ну, будет вам...», – и те всплескивают крыльями, сваливаются на землю. И сразу жадно хватают, хватают хлеб и мелко-мелко дергают головками, проглатывают не жуя.

А он Гулливером возвышается над птицами, копошащимися у его ног, и тоже исходит радостью – добрый, сильный, большой. Необъяснимо приятно кормить птиц, смотреть, как все они торопятся схватить раньше других и бегают за вездесущими воробьями, воровато шмыгающими между ними. Он любит голубей, но зачем они гоняют воробьев? Им тоже есть хочется. Приятно смотреть на счастливую бабушку, и как она смеется. Они встречаются взглядами и понимающе хохочут – весело им! Они делают божеское, как говорит бабушка, дело, и на душе у них хорошо.

Бабушку на улице зовут блажной и блаженной. Она на последней стадии человеческой доброты. Выше этого – только Милосердие Божие. Оно, говорят, выше справедливости.

– А выше справедливости, это как, бабушка? – Бабушка сразу перестает улыбаться, строго смотрит на внука: – А так. Ты достоин кары, а Бог милует...

– А так разве можно? Это ж несправедливо!

– Потому и выше справедливости. Бог – милосерд.

Еще полоснуло вспышкой, и прилетела птица с личиком его малыша. Внутри у него – так и оборвалось все. А малыш как-то странно смотрит на него, птичье лицо малыша скривилось – и он заплакал:

– Па, я не хотел, па... Я, правда, не хотел, па... – а сам так горько плачет. Он пытается успокоить парня, сказать ему, что и в мыслях никогда не держал обижаться на него, глядь, а того уже и след простыл. И вместо малыша на ветке – «единственная» его – сидит и чистит перышки... Прихорашивается – все такая же юркая, красивая и по-прежнему, кроме себя, никого не любит. Защебетала, защебетала...

– Ты замечательный, даже очень, и я тебя люблю, конечно... но понимаешь... этого недостаточно... У тебя золотое сердце, а у Эндрю – куча золота... это не одно и то же... а я хочу жить достойно... да, да, не смейся, время такое... знаю, знаю, я у Эндрю не одна – и что из того... время такое... Эндрю пентую, конечно, а у тебя золотое сердце, и я тебя люблю, но я хочу жить достойно... хочу быть свободной... сорить деньгами, обалденно одеваться... да и раздеваться, не смейся... и раздеваться тоже... и отдаваться кому хочу... когда хочу... как хочу... ведь я этого достойна... Лореаль-Париж... конечно, лучше бы взять малыша с собой, но Эндрю так категоричен... а ты ведь любишь нашего мальчика, любишь...

И упорхнула, весело щебеча, полетела жить достойно, сорить деньгами, обалденно одеваться, раздеваться, отдаваться. «Не переживай! – донеслось на прощание. – Пойми, я не виновата... время такое...»

Что верно, то верно. Время подлое. Востребованы алчные и продажные. Пришли бесчестные, бессовестные – пришли подлеишие из подлых пре-

датели погубить Державу и назвали это злодеяние «Возрождением России». Пришли уменьшить, пришли рассеять и погубить народ великий, народ несговорчивый, народ, мешающий глобальным планам сильных мира сего, под видом улучшения жизни его. Это лишь в честных поединках (и по расхожему мнению) всегда побеждает сильнейший. А там, где предательство, там одерживает верх подлейший. Подлейшие и одурачили наивных и доверчивых: сначала обманули посулами, потом предали. Сделали бизнес на предательстве – «обычная коммерция, ничего личного!» Сам Генсек пример показал! (А партия, это ведь «ум, честь и совесть нашей эпохи»!) Дьявол Меченый подал сигнал, и слабые не устояли. («Сильные», как обычно, заняты сварами, что-то между собою делят, доказывают, кто из них самый сильный, и, конечно, разобщены и слабее слабых. Никто их не слышит и не слушает.)

Зато подлые и лукавые сообразили сразу: «Наше время пришло! Наше время пришло! Все продается... Продается мать и отец, и Родина, и Держава!.. Главное, не упустить момент!..»

Подлейшие договорились моментально – на полном ходу дернули стопкран – и с летящего на полном ходу, обгоняющего самое Время поезда «Русское Будущее» сорвало... полетело... повыбрасывало в разные стороны миллионы и миллионы обманутых, доверчивых, наивных, ничего не подозревавших «исторических оптимистов», абсолютно уверенных в своем завтрашнем дне и в «светлом будущем» страны...

Так случилось, так и сотворена была вселенская «катастрофка», мировой теракт века, крушение, столбняк для многих народов и держав. Не выдержали человеческие нервы, сердца, мозги. Поплатились и мертвые, и живые, и неродившиеся к тому времени, которые должны были родиться, но теперь уже никогда не будут.

Поплатились и они с мальчиком. Дьявольский, бесчеловечный умысел сработал. Ложь и Предательство возведены в культ, перевернули мир, и все понятия в нем стали виртуальными... Предательство стало нормой, хорошей статьёй дохода, способом делать деньги, карьеру, «чтобы жить достойно». Его благоверная, не раздумывая, продала их вместе с малышом и сама продана со всеми своими прелестями и потрохами... Его оскорбили – большее невозможно оскорбить человека и мужчину... все пошло прахом...

Тут явилась мать, расстроенная, изболевшаяся за него. «Да прости ты их, сынок, прости за ради Христа!» – «Мама, зачем ты не родила меня с волчьим сердцем! Жил бы – горя не знал!» – «Что ты говоришь, сынок, бойся Бога!» – «Мама, на добрых воду возят... веревки из них вьют...» – «На добрых мир держится, сыночек, без добрых они поедят друг друга...» – «А пока закусывают добрыми...» – «Такая цена добрым, сынок... обратная сторона медали — страдание...» – Мать скорбно смотрит на него: «Изведешься ты, измаешься, сыночек, погубишь себя... да прости ты их, проклятых, они получат свое...»

В мозгу снова вспыхнуло, блеснуло белым огнем, и они уже – с мальчиком. Отец приходит с работы поздно, и они с мальчиком рады друг другу. У мальчика, как у хорошей хозяйки, все готово: полы подметены, протерты, влажны. Плита гудит, в комнате тепло и вкусно пахнет. Большая зеленая кастрюля с борщом разогрета и отодвинута на край плиты, «чтобы не простыл». Картошка кипит, всплескивает через край – вовремя чищена и поставлена вариться, – отец все сразу подмечает и доволен сыном. Мальчик молодец, все у него рассчитано, все готово к приходу

отца. Отец приветствует парня сдержанно, и тот сдержанно отвечает. Родитель воспитывает сына настоящим мужчиной, а настоящий мужчина должен уметь все, все пережить, никогда не жаловаться и быть человеком. Быть мужчиной несладко, а не быть – позорно. Радуются мужчины тоже сдержанно. К словам прибегают в крайнем случае. Главное – поступок, дело. Держат слово, говорят мало. Когда слово ничего не значит, это уже катастрофа. А малыш – молодец. На нем дом, магазины, базар. Он варит, стирает, топит печь. Немногие столько умеют. Отец умывается молча. Смотрит, как сын молча накрывает на стол. Все хорошо, все в порядке. Ах, какой молодец у него сын! Он подавляет вздох и спохватывается: не заметил ли малыш? И хмурится, сердится на себя за невольную слабость. Они садятся за стол.

– Ну что у тебя, Андрей?

– Нормально, па... – отвечает сын и смотрит на отца. – А у тебя, па?

– Нормально.

Поговорили.

После обеда – очередь отца хозяйничать. Он моет посуду, варит борщ – опять на три дня. Сын делает уроки. Потом вместе смотрят «Новости», пьют чай, потом собираются спать. Ритуал отработан четко и соблюдается строго. «Андрей, пора...» – говорит отец. – «Сейчас, па...» Через некоторое время опять: «Андрей, пора...» – «Еще чуть-чуть, па...» И снова молчание. После третьего напоминания мальчик без разговоров собирает книжки, чистит зубы, стелет постель, ложится и кричит: «Па, иди!» Отец приходит, устраивается сбоку – и начинается. Оба забывают про кодекс чести настоящего мужчины, отец дает сыну волю. Пусть расслабится, побудет в своем возрасте.

– Па-а-а, – шепчет мальчик, обдавая ухо отца горячим дыханием, – а какая была моя мама?

– Хорошая.

– Хорошая-хорошая?

– Хорошая-хорошая.

– Самая-самая?

– Са-мая-самая...

– А еще какая?

– А еще красивая.

– Красивая-красивая?

– Красивая-красивая.

– А еще какая?

– А еще добрая.

И так без конца. Отец терпеливо сносит пытку. Мальчик уже не знает, что и спросить, и только глубоко вздыхает. Обычные дети так не вздыхают. Долго молчит, смотрит перед собой. О чем он думает? И снова пытка.

– Па, а где ее могила?

– В другом городе.

– Па, а давай съездим к моей маме!

– Давай.

– Да, ты все говоришь и говоришь, а мы все не едем и не едем...

– Обязательно съездим.

Сын благодарно снимает ручонками шею отца. Так и засыпает. Отец долго лежит, не двигаясь. Потом осторожно встает, укладывает спящего, укрывает одеялом и выходит во двор. Закуривает. Руки дрожат, затягивается жадно и по привычке за глубокой затяжкой прячет глубокий вздох. Даже от самого себя прячет.

Однажды сын влетел в комнату, и отец понял: случилось ужасное.

– Ты что, Андрей?

– Надо поговорить!

И пристально разглядывает ботинок. Отец тоже глянул на его ботинок. Сын не желает смотреть ему в глаза, такого еще не было.

– Давай поговорим... – как можно спокойнее ответил.

– Как мужчина с мужчиной! – произнес твердо, с вызовом, резко поднял голову, смотрит прямо в глаза. Отец почувствовал себя виноватым.

– Да что с тобой! – потянулся было обнять сына, но тот уклонился.

– Это правда?.. правда?.. что мама... моя мама?!.. – выкрикнул жалко, резанул по живому.

«Вот оно...» Он ждал этого вопроса и не подготовился, думал – не скоро еще... Стараясь изо всех сил не выдать себя, глянул на сына – голые нервы, весь ожидание и вопрос, и надежда. Неестественно бледен, губы бескровно сжаты. Отец нахмурился (голубчик ты мой, родненький...) Чтобы не расчувствоваться, не расплакаться самому (настоящий мужчина!), от жалости к мальчику, сказал (хотел сказать...) твердо:

– Она умерла-а – но голос, голос не его.

– Ты вре-е-ешь!!! – отчаянно закричал малыш, и в крике, и на лице – такая беда! – не под силу и взрослому. – Настоящие мужчины никогда не врут!!!... Ты говорил! Говорил? А сам... а сам... – Он давился словами, обидой. – А сам все врал, думал, я маленький, не понимаю... а я... а я все-все понимаю... – И зарыдал так отчаянно от того, что все понимает, все-все...

И вдруг – как вспомнил что-то – развернулся, выставил обе руки перед собой – побежал, толкнул дверь, бросился на улицу в одной рубашке.

– Андрей! Сы-но-о-к! – вне себя, не сдерживаясь, закричал отец («настоящий мужчина»), а ноги не сдвинулись с места, каменные, и он внимательно, бессмысленно рассматривает зияющую пустоту растворенной настежь двери – еле оторвал наконец от пола неимоверно тяжелые ноги, кинулся за сыном.

Но тот как сквозь землю провалился сразу.

Ночевать он не вернулся. Отец обошел всех друзей и знакомых – «нет», «не был», «не видели», «не приходил»... Он простоял у калитки до утра, ничего не соображая, зная только одно – зима, а сын без пальто, без шапки, в одной рубашке – с мальчиком беда, а он столбом стоит и ничем... ничем... ничем...

Утром к нему прилетели птицы. Их было так много, они так жутко хлопали крыльями, подняли такой шум в голове и жуткий ветер, «а он без пальто, без шапки – в одной рубашке, заоченел весь», а ветер леденит лицо, волосы, сердце... и везде птицы..., в голове, птицы... очень много птиц – кружатся, летают и кружатся – вместе с его головой... садятся на плетень, на крышу, на крыльцо... и на деревьях кружатся птицы... и сам он кружится, и земля кружится вместе с домом, с плетнем, с деревьями, птицами... очень много птиц... птиц в его голове...

2

Голова его все-таки лопнула.

И неестественно огромное Солнце выкатилось во все небо, и озарило всю землю внизу последним неестественно зеленым светом. А земля – одна сплошная могила.

Во все горизонты кругом – могилы, могилы без крестов, без ухода. Ни церквушки, ни синагоги, ни мечети. Все население Земли – в земле: предки и потомки, соратники и противники, праведники и прохиндеи, друзья и враги, олигархи, бомжи – сограждане всех стран всего мира, сами того не желая, — все оказались земляками, все улеглись рядышком, никогда не были так близки, так терпимы. Все перехитрили друг друга и сами себя. И все вознаграждены одинаково справедливо – всем одна цена. Уравниловка.

И гнетущее молчание могил. И слепой – зеленый! – дождь хлынул ливнем. Свет солнца – зеленый, и ливень – зеленый. И вот уже вместо ливня густое месиво зеленых бумажек... зеленые птицы плавают, кружатся – зелеными сотенными, тысячными. Миллиарды долларов, украденных у живых, возвращаются мертвым. Засыпают могилы ворохами блестящей, новенькой, зеленой листвы, как осенью на кладбище... вся земля – кладбище, и листва не желтая, а зеленая. Ветер шевелит ее, вздымает на воздух, носит – никому не нужные бумажки...

А Рыжий Дьявол исхитрился-таки отключить и Светило. («Вот он – закат солнца вручную...») Или само оно лопнуло перегоревшей лампочкой от стыда за неимоверную жадность и тупость человеческую. Мрак непроницаемый закрыл небо и землю со всеми горизонтами – чернее черного. И раскаленный докрасна – толстый зигзаг молнии – перегоревшая спираль солнца остывает, тускнеет во мраке и совсем погасла. Тьма крошечная. И молчание могил на дне ее. Достойный памятник бездарным и кровожадным. А как можно было жить красиво! На прекрасной – единственной, неповторимой Земле! – было всего предостаточно для всех! Для сущего рая на Земле! Неимоверная жадность власть имущих погубила все. Жадность и тупость.

Он нашел себя на полу возле дивана – в холодном липком поту – совершенно без сил. Черная глухая бездна. Кажется, здесь он уже был. Рассвета не будет. Солнце не взойдет. Время кончилось. Все революции, контрреволюции, перевороты, все обещания, все благие намерения партий, генсеков, президентов и президентиков, заявления ТАСС, решения Организации Объединенных Наций – все обернулось обманом и ложью, все выродилось в злейшую карикатуру, пародию на человека и человечество – ни справедливости на земле не осталось, ни капли жалости и сострадания. Все превратили в сплошную боль и отчаяние. Все испоганили, исковеркали, испохабили. Над всем надсмеялись.

И никто, никто не поможет! В целом мире – никто. Югославии не помогли. Ираку не помогли – никому не помогут, себе не помогут, и им не поможет никто. Конец света. «Закат солнца вручную»...

Вот когда он вспомнил о Боге. Эх, если бы верить! Какое это счастье – верить искренне, безоговорочно, безраздельно! «Умный больно!» – голос бабушки с того света. «Бабулечка, роденькая... Царство тебе небесное! Умоли Бога своего – сил нету жить!» И догадка страшная – «возжадет веры безбожник, и возопит, и не дастся ему». Какое страшное возмездие! Захочешь верить – и не сможешь. Диалектика. А тоска – хоть криком кричи. Простить, забыть, развязаться рад бы, но как? За себя еще ладно, а за мальчика – не вправе. О, Господи, никогда не думал, как нелегко простить...

В темноте он увидел голову. Затравленные глаза светятся, горят, как у загнанного волка. Догадался не сразу – его голова, «на черном блюде» – не Иоанна. «Глядит с тоской в окрестный мрак». Где он слышал это? Гри-

маса боли и отвращения. С нею он и в гроб ляжет. С брезгливым презрением к гнусному их «социуму». Кровожадному, продажному, как они сами. Сгондобили позорное свое «время Правды» – курам на смех, людям на погибель. Все продали, предали и гребут деньги лопатой. Нормальному человеку в нем места нет. Он и в гробу не простит. И под закрытыми веками застынет его презрение.

Лучше бы его убило под Ржевом, был бы смысл и оправдание. А теперь его спишут на реформы. Уже списали, живого. Он – Б/С. Отпущен в отпуск на выживание – без срока, без содержания. Это и есть «самоликвидация». Не выжил – сам виноват. Ловкий «демократический» трюк. Из его отпуска таких, как он, не возвращается по миллиону в год – уже второе десятилетие подряд. Хорошо отлаженный конвейер по миллиону в год сплавляет в мир иной не выживших «по собственной вине»... Единственное безостановочное производство «новой России» – с круглосуточным циклом. Да еще МЧС трудится круглые сутки – одни катастрофы, крушения, аварии, пожары, горят леса, школы, дети... безостановочно гибнут люди – убийства, смерти и смерти... «гробы импортные полированные – круглосуточно!» «Если у вас горе, все вопросы решит похоронное бюро – круглосуточно!» И еще круглосуточно «требуются девушки». Остальное все стоит, ржавеет, порушено – «самоликвидировано». Можно давать Нобелевскую премию за отлично спланированную, отлично организованную грандиозную сплошную самоликвидацию Державы с ее мощнейшим производством и «естественной убылью населения» – по миллиону ежегодно – «до полной самоликвидации». Проект блестяще осуществляется. Следующий этап – самоликвидация России и русских. А он строил, жизни не жалел. Теперь таких «заслуженных строителей» – на конвейер. Тихо, мирно, по миллиону в год без лишнего шума, никто не возмущается. Приговоренные заживо терпеливо ждут своей очереди. И очередь хорошо продвигается. Международная «демократическая» до мозга костей общественность приветствует «естественную убыль» Державы с населением... Только бы не прилетели птицы... еще раз он не выдержит.

В темноте объявился, повис в воздухе белый листок. Он закрыл глаза, прочитал:

«Когда же прилетит к вам птица (если только она прилетит), храните молчание, ждите, чтобы птица в клетку влетела. И когда в клетку влетит, тихо кистью дверцу закройте...» Жак Превер. «Как нарисовать птицу». Никакого Жака Превера он знать не знает. Но вспомнил одного контуженного генерала. Тот после ранения шпарил наизусть – видел перед закрытыми глазами! – десятками страниц из прочитанных когда-то и давно забытых книг. Может, и с его мозгами что-то такое...

А птицу он не нарисовал. Птички нынче предпочитают клетки золотые. Время, говорят, такое. А у него, говорят, золотое только сердце. Это, говорят, не одно и то же. Да, не нарисовал, ну и что теперь... И, надо признать, сам попался вместо птицы. Клетка захлопнулась.

А кто нарисовал? Пушкин? Вспомнив Пушкина, он даже застонал и согнулся от жуткой боли в паху. Нет, Пушкин не нарисовал. Кто же? Лермонтов? «Когда дым рассеялся, Грушницкого на площадке не было. Только прах легким столбом еще вился на краю обрыва». Так кто же все-таки? Толстой? Достоевский? Гоголь? А может, Грибоедов? Похоже, даже и они, гении, проиграли в жизни. Человек по-прежнему проклят? Что-то Отец не больно спешит простить человека, хотя Сын давно искупил первородный грех. И что же, судьба Пушкина, Лермонтова, Грибоедова

– судьба России? Беспутные потомки великих предков окончательно промотают, погубят ее и сами сгинут бесславно? Оставшиеся без Бога, убившие царя... кому теперь заботиться о народе? А конец, видимо, близок... по миллиону в год сколько лет подряд, такого еще не бывало.

Мысли его путались. Нет, он не простит – ни миру, где не нашлось ему места, ни «единственной» своей, оскорбившей его так, что и на том свете не забудет. Жажда справедливого возмездия опять перехватила ему дыхание. Опять он собрался объяснить кому-то, как велика его обида, – и в гробу не простит! Но кто-то невесомо прислонил ладонь к губам его, и жажда возмездия отпустила. Стало легко и радостно. Теплая сладостная волна невыразимым блаженством переполнила – он почувствовал присутствие Его. И заторопился, заторопился сердцем, боясь – не успеет, не дослушают:

«Я знаю, Господи... знаю... Да, да... Милосердие Твое выше справедливости! – И вдруг вскочил, как тогда перед бабушкой. – Но, Господи, это же против логики... против моего народа... один он еще и прощает... Это окончательно расточит, погубит его...»

«Это логика Божья! – ответили в сознании его. – Логика спасения мира. Истина в последней инстанции. Высшая мудрость, которую придется постичь человеку. Иначе – кровная месть, нескончаемая кровь за кровь, погибель всеобщая... народ твой не оставлен будет...»

Он открыл глаза. На него глядело Милосердие Божие – Глаза Его! Такими глазами смотрела на него мать в детстве, когда он просыпался и ревел спросонок. Когда приходил домой с шишками, синяками, страшными мальчишескими обидами. Глаза матери вылечивали от всех бед и обид. С ними всегда было хорошо. Без них он и сейчас – сирота.

«Господи! – зашептал он слова, которыми молила Бога бабушка. – Спаси и помилуй ненавидящие и обидящие мя, и творящая ми напасти, и не остави их погибнуть мене ради грешнаго... а меня неразумного, Господи, в вечных Твоих селениях со святыми упокой... – Он передохнул. – Господи! Какое блаженство прощать, Господи...» – Выдохнул последним невыразимо сладостным вздохом. И выдохнул, освобождаясь от всех земных тягот и всех бед, и всех обид, оскорблений, страданий. Выдохнул – как сто пудов с плеч.

И освободившаяся от невероятного груза душа отлетела легко и без боли. Обычное его всегдашнее выражение брезгливой раздражительности сменилось полнотой умиротворенности, и на лице проступила улыбка. С нею и лежать ему – до трубы Архангела...

Павел Алексеевич Поворов родился в 1964 году в городе Эртиле Воронежской области. Окончил Воронежский филиал Московского областного института физической культуры. В настоящее время директор Эртильской СОШ № 1. Публиковался в коллективном сборнике «Эртиль поэтический», многие стихи положены на музыку и стали популярными песнями. Лауреат областного фестиваля поэтического творчества «Воронцовая Русь». Член литературного объединения «Эртильская волна».

Павел Поворов

ВОРОНЦЫ

Вечер спрятал заката прядь,
Свет костра собирает круг.
Эй! Бродяга, постой, присядь.
Спой нам песни свои, друг!

Под нехитрый аккорд струн
Незатейливый перебор,
Унесем за много лун
К снежным шапкам крутых гор.

Спой о вечности ледников,
Спой о мраке седой тайги,
Чтобы звуки простых слов
Как бальзам на сердце легли.

Спой о мощи сибирских рек,
О понятии слова – друг!
О предательстве лишь не пой:
Слишком много его вокруг!

Спой нам так, чтоб заныла грудь,
К горлу ком подкатил чтоб.
Чтоб хотелось быстрее в путь
Мерить версты нехоженых троп.

И костер уже еле тлел...
На востоке восхода прядь,
А бродяга все пел и пел...
Ему было о чем сказать.

ЗА СВЯТУЮ РУСЬ

Солнцем освещенная степь лежит раздольная,
Под ветрами стелется зелена трава,
Курени казачьи да станицы вольные,
Храмов белокаменных златы купола.

Здесь под ветры буйные человек рождается,
Чтобы птицей гордою в небесах кружить.
Здесь одна обязанность казака достойная:
За Россию-матушку голову сложить.

Солнцем опаленная, ветром отутюжена,
Степь донская стелется ковылем-травой.
Здесь по зову Родины станут хлопцы дюжие,
Кони быстроногие понесут их в бой.

Здесь девчата стройные с голосами звонкими
Своей песней вольною воспевают жизнь.
Здесь одна обязанность, казака достойная:
За Россию-матушку голову сложить.

Дону-батюшке в пояс поклонюсь,
В бой благослови за Святую Русь.
За донскую степь да за свой курень
Шашку наголо, шапку набекрень.

За старуху мать, за родных сестер
Шашку наголо – да во весь опор.
Месяц вересень, бурку развевай,
Коль останусь жив, встречу месяц май!

ВОРОНЦЫ

Как огоньки, как самоцветы,
Как озорные сорванцы,
Весенним солнышком согреты,
Цветут степные воронцы.

Могучий Дон дает им силы,
Над ними облака парят,
И молча Дивы меловые
На них из вечности глядят.

Как искры майского салюта,
Весны надежные гонцы,
Зовут и манят почему-то
К себе степные воронцы.

Пылает степь костром весенним,
Волнует свежестью ветров,

И я стою один, как пленник,
Среди цветущих воронцов.

О Русь донская, Русь степная,
Русь воронцовая моя!
Тебя, как мать, объять желая,
Сюда всегда стремился я.

Над Доном нежные рассветы,
В кудрявых рощах соловьи.
К тебе съезжаются поэты,
Несут признания в любви.

Где среди густого травостоя,
Как озорные сорванцы,
На фоне русского раздолья
Цветут степные воронцы.

ПРО МЕНЯ ЭТА ПЕСНЯ

Бабушкины истории

Эти истории, смешные и грустные, мне рассказала моя бабушка Анфиса Алексеевна Кострова, чье детство и юность прошли в казачьем хуторе Кудиновском (сейчас это Фроловский район Волгоградской области). С 1933 по 2004 год она проживала в совхозе «Красноармейском» Эртильского района Воронежской области. С 2004 года по настоящее время живет в Эртиле, в моей семье. 13 августа 2013 года ей исполнилось 100 лет.

ДО И ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

КАК ГРАМОТЕ УЧИЛИ

Отец у меня грамотный был, а мать – нет. Ни читать, ни писать не могла. Женщин тогда грамоте не учили. Считать немного умела, но в достоинствах купюр и монет не разбиралась. Деньги прятала в сундук, а считала их поштучно. Отец этим пользовался. Захочет иной раз на праздник выпить, залезет в сундук, возьмет оттуда серебром по 20 копеек или по 50, а на это место столько же пятакон и положит. А мама «кражу» и не замечала.

И НА ПОЛУ ТЕПЛО

Это было еще до революции. Рассказал эту историю мой старший брат Петро. Вместе с другими молодыми казаками был он в одном селе на учениях. Уже вечерело, а ночлега они все не могли найти. В конце концов, его с двумя товарищами пустили в одну избу переночевать, а вот подложить под себя даже дерюжки никакой не дали. Хозяйка сказала: «И так поспите. А то мы тут одних пустили, а они нас вшами наградили». Напрасно казаки божились, что у них вшей нету: хозяйка так и не сжалась. Постелили под себя они шинельки, ими и накрылись. А зима была, пол холодный. Вот дождался Петр, когда коптушку потушили, хозяйка захрапела, и подкрался к ее снохе. Та спала на просторной кровати, на пуховой перине да большой подушке. Потихоньку толк, толк ее в бок: «Слышь, пусти погреться!» А та: «Где указали, там и лежи!» Да как даст ему промеж глаз: «Вот муж завтра приедет, все ему расскажу!» Вернулся Петр на свою шинельку и толкает друга Трофима: «Не хочешь сходить

Анфиса Алексеевна Кострова

погреться? Я уже сходил!» «Да ну ее, она дерется!» – махнул друг рукой. Наутро молодая женщина спрашивает: «Это кто же из вас троих ко мне приходил?» «Никто. Нам и на полу тепло было», – отвечают.

ХОЧУ АРБУЗ!

Во времена моего детства было принято так: когда требовалось справиться одежду или обувь, приглашали на дом сапожника, портного или вальщика валенок. Тот жил несколько дней в семье до тех пор, пока не пошьет одежду или обувь. Кормили его наравне со всеми. Как-то пригласил мой отец к нам в дом мужика Ефрема Тимофеевича, чтоб тот пошил всем полушубки. В подмастерьях у портного был мальчишка по имени Федя. Занялись они работой. А когда дело пошло к обеду, слышим, как наш работник говорит:

– Федька! Хватит толкать-то: арбузика ему да арбузика! Небось, к обеду и подадут!

– Дядь, да я ничего не говорил, – стал оправдываться мальчишка. Отец сразу понял хитрость портного:

– Ефрем Тимофеич! Что ж ты на мальчонку сваливаешь? Сам бы сразу и сказал. Бабы! Ну-ка, спуститесь в погребку – принесите соленых арбузов!
– Ничего. И он поест, – усмехался портной.

СЕНА ПРОДАМ – ЕЩЕ ДАМ

В одной семье проводили сына на казацкие ученья. А отец стал к своей снохе приставать. Она и пожаловалась свекрови:

– Мамушка! Батюшка мне прохода не дает. Сказал, чтоб сегодня ночью в овчарню пришла.

Та ей говорит:

– Ты соглашайся, а сама пораньше на лежанку ложись. Я его проучу! Как стемнело, пришла женщина в сарай и залезла в кормушку. Слышит – заходит муж и шепчет: – Анютка, ты тут?

– Угу...

...Когда настало время расходиться, мужик и говорит:

– На тебе три рубля, а сена продам – еще дам.

Пришел домой, а жена за ним следом. Он ее и спрашивает:

– Ты где была?

– Где была, там и была – трояк добыла. Сена продаст – еще даст.

– Так это ты, что ль, приходила?

– Да, я. А будешь к Анютке колья подбивать – все сыну расскажу! Ишь чего удумал!

С той поры муж перестал к снохе приставать.

СЕМЬ ПЕЧЕЙ

Взял Степан в жены девку из соседнего села – Параньку Харламову. Мужик он был видный, статный, работающий, но не шибко умный – с «простинкой». Вот поехал он с молодой женой к ее родителям в гости. Добрался уже к вечеру, поужинали и легли спать. Ночью у Степана разболелся живот: видно, тециных жирных щей переел. Стал он искать дверь, чтоб выйти во двор, но никак не найдет.

За окном ночь темная, в избе коптушку потушили, а дом чужой, незнакомый, да к тому же большой, просторный (семья богатая была). И оглядеться по приезду не успел. Стал он по дому блудить, на ощупь дверь искать. Блудил-блудил, раз рукой – печка. Походит-походит, хватъ – опять печка. Как семь печей насчитал, решил: «Ну, седьмую уж точно топить не буду!» В ней и облегчился. Наутро просыпается, смотрит: теща возле печи возится, а печка-то одна оказалась. Он со стыда как дал деру домой и несколько лет к родителям жены не показывался. Потом попросил родственника съездить в деревню и разузнать: забыли ли там про тот случай. Приехал хуторянин в деревню и у первого попавшегося мужика спрашивает:

– Слышь, а к Харламовым зять ездит, аль нет?

– Не-е-е... Как в печи наложил – с той поры и не показывается.

ПРО ВИЛЫ И ПЛЕТКУ

Как-то раз женщина, Марфушкой ее звали, проезжала мимо поля и заметила, что сыновья дяди Пантелея задрались. Да так дерутся, что уже и вилами друг на друга намахиваются. Прибежала она к нему в избу и шумит: «Дядя Пантелей! Дядя Пантелей! Скачи в поле, а то сыновья твои друг другу животы повспарывают!» Попросил Пантелей у соседей лошадь, схватил плетку и поскакал в поле. А братья его еще издали заметили: «Батя скачет!» Побросали вилы, схватили косы и ну косить! Подъехал к ним отец: «Ах, вы, сукины дети! Я вам покажу, как вилами махаться!» И давай их плеткой охаживать! Те руками закрываются: «Бать, ты чего? Мы тут сено косим!» Пантелей успокоился, потом стал грозить Марфушке: «Ну, курва! Набрехала! Я с ней разберусь!»

ЖЕНСКАЯ УЛОВКА

Жила в нашей деревне одна девушка, была она на выданье. Лицом неплохая, только телом дюже худая. А мужики тогда предпочитали девок розовощеких да крепких. И вот, чтобы обратить на себя внимание, нашла она на свои штаны лоскутков, чтоб задом попышной быть да фигурой половчей. А подружки ее про эту уловку прознали и ребятам рассказали. Те на гуляньях ее шлеп да шлеп по заду: «Ох, Полинка, какой у тебя круп мягкий!» Кончилось тем, что жениха себе девушка в своей деревне не нашла. Но замуж в итоге вышла – за казака из соседней деревни.

КАК ВНУК РЕШИЛ ДЕДА ОБХИТРИТЬ

Взяли одну из моих сестер замуж. А дед мужа скупой мужик был, зажимистый. Ключи от амбара все время в штанах носил. Когда спать ло-

житься, то снимет их – и под подушку. А амбар стоял на камнях, под него подлезть можно было. Вот решил внук деньжонками немного разжиться. Залез под амбар и дырку в полу пробуравил. Насыпал пшеницы два мешка. Сорт хороший был – «Кубанка». Дырку тряпкой заткнул, а хлеб соседям продал. Зашел утром дед в амбар, глядь – в куче зерна яма образовалась. Велел сыну слазить под амбар, выяснить, в чем дело. Тот слазил и дырку заткнутую, и пшеницу рассыпанную обнаружил. Ох, как же потом дед с костылем за внуком гонял!

НАСТЯ И ЛЕВШАЧИХА

Стала моя сестра Настя замечать, что ее соседка, молодая вдова по фамилии Левшакова, а по-уличному Левшачиха, начала ее мужу Петру глазки строить. Потом заметила, что и он в ее сторону шею стал воротить. Решила она соперницу проучить. Подкараулила, когда та пошла в их колодец за водой, выбежала и давай ругаться: «Ах, ты, бесстыжая! Ты чего моего мужа сманиваешь? Вот я тебе сейчас наподдам!» А была Настя маленькая, полная, неповоротливая, а Левшачиха высокая да статная. Только сестра решила: «Раз виноватая – испугается, убежит!» Но просчиталась. Левшачиха сгребла ее в охапку и враз на землю повалила. Петр с крыльца за всей этой историей наблюдал. Стоит, усмехается, да усы поглаживает. А соседка кофточку одернула, волосы поправила, воды набрала и домой повернула. «Не бойсь, – говорит. – И на твою долю хватит». Петр еще долго над женой подшучивал: «Помнишь, как ты Левшачихе наподдала?»

ЗВОН КОЛОКОЛОВ

Церковь у нас была большая, высокая и красивая. Построена она была из дерева, без гвоздей. На службу приходили и съезжались жители пяти хуторов. Я со своими подружками поднималась на колокольню. Мы смотрели вниз, и все люди казались нам маленькими человечками. Звонарем у нас был дед Матвей по прозвищу Клинок. Такую кличку ему дали за его клинообразную голову. Дело он свое хорошо знал. Особенно по большим праздникам такой перезвон по всей округе стоял: «Динь-ди-ли-дон! Динь-ди-ли-дон!»

На церковь каждый жертвовал то, что может: съестное, платки, разную живность. Животных, будь то овца, петух или телочка, заводили в специальные маленькие домики при церкви. После службы один из работников храма продавал их. Назначалась первоначальная цена, и если не было других желающих, то на счет «три» товар уходил первому вызвавшемуся человеку. Если находилась прихожанин, который поднимал цену, отсчет начинали снова: «Пять рублей – раз, пять рублей – два...» Все деньги уходили на церковные нужды.

В ту пору зимы были очень снежные. Поля, на которых оставляли скирды сена и соломы, были далеко. Наши мужики ездили туда на быках, чтоб привезти корм для скотины. Когда кто-нибудь подолгу не возвращался, из родни посылали к звонарю с просьбой: «Дед Матвей! Звони! Что-то наших давно нет! Не дай Бог, заблудятся!» И он звонил, чтобы путники ехали на звон. Помню, приедет отец с поля, достанет нам из полушубка пышку, которую в дорогу брал, а не съел, и говорит: «Вот вам лисичка передала!» Мы верим, грызем ее, радуемся.

ОХ, ЭТА СВАДЬБА!

Просватали на хуторе одну девку. А ей будущий муж нипочем не нравился. Стала она просить свою тетку, чтоб та отца уговорила расстроить предстоящую свадьбу. Тетка согласилась, говорит своему брату:

– Не отдавай Ольгу за Суслика (такое у парня прозвище на хуторе было), не пара он ей. Лучше за Яшку выдай – он красивый, из семьи зажиточной. Они друг другу нравятся.

– Не нужен мне Найдук в родственниках, – отвечал отец.

Найдуком (нашли, значит) молодого казака прозвали за то, что мать родила его от свекра.

– Ну и пусть, что Найдук, зато они хорошо жить будут, – продолжала внушать сестра брату.

В конце концов, уговорила. Да и дочерей своих отец любил, жалел. Надел он шапчонку пониже на глаза и пошел к сватам с отказной. Расстроилась свадьба. Что ж потом было! Сначала им забор дегтем вымазали. Люди из церкви идут, а девки его ножами скоблят. Когда Ольга с Яшкой играли свадьбу, кто-то одеяло из невестиного приданого прожег ядовитой жидкостью. И саму ее сзади, когда она стояла в храме, этой штукой облили: испортили и кофту, и юбку. После свадьбы молодые нашли в своей постели рассыпанную соль. Сначала думали, что это сотворил несостоявшийся жених (он, кстати, потом долго не женился), а оказалось, это было сделано по просьбе девушки, которая надеялась стать Яшкиной женой. Но, слава Богу, ничего из этого не повлияло на семейную жизнь Ольги и Якова. Прожили они ее в мире и согласии. Много бед перенесли: раскулачивание, сына с войны не дождалась, но между собой в ладу жили. Умерли один за другим в преклонном возрасте, воспитав детей и вырастив внуков.

ФЕДЬКА – МОКРАЯ КУРИЦА

Решили как-то в одной семье сына женить. Федей его звали. Был он годами молод, да и умом не богат. В те времена детей рано женили.

– Гляди – перед невестой не осрамись. Словечки там покруглей говори, – стала давать мать наказ Федору перед сватовством, имея в виду, чтоб тот умно да складно разговор вел.

Федя мать послушался, но понял ее наставление по-своему. Сидит перед сватами и бубнит – перечисляет все круглое: «Колесо, арбуз, решето...» Стали его толкать в бок, чтоб замолчал. Но окончательно «добил» он невестину родню, когда вместо того, чтоб спросить у девушки: «Я тебе понравился?», задал ей вопрос: «Ну, ты мне понравилась аль нет?» В общем, дали жениху отказ. Но на этом дело не кончилось. Весть о Федькином красноречии быстро по хутору распространилась, и острые на язык односельчане тут же дали ему кличку: Федька – Мокрая курица. Выходить замуж за парня с таким прозвищем на хуторе никто не стал. Но потом он все-таки женился: из соседнего села девушку взял.

ДЕТИ ИЗ-ПОД ЗАМКА

Про старика Карпа Давыдовича ходила молва, что он умел заговоры на детей делать. Вышла моя сестра Ольга замуж, когда ей было 17 лет. Пошла мать к старику:

– Карп Давыдович! Ольге моей рано детей заводить. Не мог бы ты помочь в этом деле?

– Ну, что ж, вам на сколько: на время или навсегда?

– На время!

– Хорошо! Принеси мне только замок с ключом!

Принесла ему мать то, что он просил. Дед пошептал что-то, а потом закрыл замок на ключ и у себя в чулане повесил. Хотите – верьте, хотите – нет, а три года Ольга не беременела. Потом стала говорить матери:

– Мой Семен детей хочет, а не получается.

Пошла мать снова к старику:

– Карп Давыдыч! Зять на детях настаивает, а ничего у них не выходит.

Разыскал тогда дед Карп тот замок, прочитал какую-то молитву, потом открыл его и на плетень повесил. И посыпались у Ольги с Семеном дети, как из решета. Всего же шестерых родила.

ДЕД КАРП И БЛИНЫ

Нанял отец Карпа Давыдовича срубить новое помещение для скотины. Старый сарайчик совсем развалился, и волки утащили из него двух овец. Пока тот строил, мать его, как наемного работника, все время кормила. Поставила она один раз тесто на блины и к обеду стала их печь. А я лежу на печи и от нечего делать считаю: сколько он блинов съест. Блины были большие да со сметаной, а он 24 штуки съел. Сам роста невысокого, хоть и плотный, но вот куда в него столько влезло – до сих пор не понимаю.

ГОСПОЖА ИЗ КОТУХА И ХЛЕБ ОТ МАЛЕНКОВА

– Царя Николая Второго я помню по картинке, которая висела в нашей избе на стене. Красивый он там был, а роста невысокого. Когда вспыхнула революция, мама спрятала эту карточку на дно сундука, а кто и куда ее потом дел – не знаю. К новой – Советской – власти по-разному относились. Одни люди за Ленина были, другие – против. Когда в 1918 году Каплан стреляла в Ленина, тоже всякое плели. Одни жалели вождя, говорили, что коварная злоумышленница сделала это покушение ради больших денег. Потом слухи были, что она на себя чужую вину взяла. Расстреляли ее...

Правителей наших я всех помню и про каждого могу рассказать, как при них жилось.

Когда был Николашка,

Была мука и кашка.

Нет Николашки –

Ни муки, ни кашки.

А теперь Маленков

Дал нам хлеба и блинков.

Такая частушка у нас в ходу в свое время была... Новая власть на нашем хуторе устанавливалась большой кровью. «Мы наш, мы новый мир построим! Кто был никем, тот станет всем», – такую песню можно было слышать тогда на селе. Я ее хорошо помню, как и людей в черной кожаной одежке. Женщины покрывали красные косынки. Одна такая из бедняков на собрании давай речь держать, а в толпе говорят: «Поглядите, пришла госпожа из овечьего котуха!»

ВЕРНЫЙ КОНЬ И ЗАБОТЛИВАЯ КОРОВА

Какими же страшными были годы гражданской войны! Сын шел на отца, брат на брата. В нашем хуторе власть без конца менялась. Сегодня верх белые одержали, завтра – красные... Но женщины, дети и старики одинаково страдали от обеих сторон. Лошадей у всех уводили. Я помню, как мама прятала в сарае маленького жеребеночка: боялась, что и его отнимут. Очень хорошо сохранился в памяти случай, когда конь спас нашего односельчанина. Его ранили, а залезть на него солдат не смог. Тогда тот сам лег, а казак на него кое-как забрался. Конь много километров шел шагом и, добравшись до дома, стал громко ржать возле ворот. Спас своего хозяина.

А еще расскажу случай про корову. Когда рождался теленок, его не принято было сразу от коровы отнимать, как сейчас делают. Он сосал свою мать, пока не окрепнет. Вот как-то очередная власть отняла у всех коров (уже не помню кто – белые или красные) и погнала их к Дону. Вплавь животных переправили на другой берег. Так вот одна корова удрала, вновь переплыла реку и вернулась к своему теленку. Как же хозяева рады были!

КРОВЬ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Старший сын тетки Маврушки – Иван – был у беляков, а младший – Ефим – служил у красных. Как приедут в село красные, так давай ее сечь за то, что сын у белых. Ворвутся белые, опять женщину секут: «Твой сын – красная сволочь!» А что она могла сделать?

Еще одну нашу односельчанку белые чуть до смерти не засекали. Ее брата повесили, а с виселицы снимать не разрешали. Она же тайком его сняла и похоронила. Ее привязали к столбу и секли до тех пор, пока кожа в клочья не превратилась. Три месяца женщина с постели не вставала. Выкарабкалась. Она еще потом в нашем совхозе жила.

А казака по фамилии Хомичев шашкой зарубили на моих глазах. Он на квартире жил у старушки, чей дом находился с нами по соседству. Помню, зашла я к ней один раз, а он дал мне лепешку и денежку. Хотя я и маленькой была, но на всю жизнь запомнила, как он бежал от белых через наш двор. Бежит, а сам кричит: «Прощайте!» Догнали его, рассекли голову. Крови столько было, что ей наполнились две лунки, в которых капуста росла.

БОРЬБА С ПАРАЗИТАМИ

Вшей наш народ много покормил: и в довоенное время и после. Много всяких паразитов в те годы водилось: вши, блохи, клопы, тучи мух. Мыло мы варили из яиц и из жира, чтоб помыться, а одежду известкой стирали. А мама моя ловила в доме мух решетом. Намочит его и машет им. Потом тряхнет им об пол, а мы, девчонки, быстрее этих мух топчем.

Рубахи, в которых ходили днем, звали «блошницами». На ночь мы их снимали и надевали другие, потому что спать в том белье было невозможно. Вшей в каждой семье давили обычно по праздникам да по воскресеньям, когда работать запрещалось. Положишь голову сестре на колени, она у тебя ловит вшей да давит. Потом ты у нее ищешь. А когда у отца или у деда ищешь, то эти паразиты с головы бегут да им в бороду.

ЧЕРЕЗ СНОП НЕ ВЯЖУТ

Первый раз приехали к нам сваты, когда мне было 15 лет. Парень был из чужого села, из богатой семьи. А приглядели меня в церкви, я там на клиросе пела. На расписных санях подъехали, коней тоже разнарядили. Но с отцом моим сваты не столковались. «Мала еще, да и у нас через сноп не вяжут: я еще старшую дочь замуж не отдал», – таков был его ответ.

У ЦЕРКВИ СТОЯЛА КАРЕТА

Приехала в нашу церковь венчаться одна пара из соседнего села. Поглядеть на молодых сбежалась чуть ли не вся деревня. Невеста уж больно красивая была, сама вся в цветах, а длинную фату ей сзади ребяташки несли. А лицом ну такая красивая, что батюшка попросил одного церковного работника: «Беги за матушкой скорей. Пусть придет – на невесту посмотрит».

ЛУЧШЕ УТОПЛЮСЬ

В нашем селе хотели одну девушку обманом замуж выдать. Приехали к ним сваты с женихом из чужого села, потолковали. Родителям девушки он понравился, да и ей приглянулся. Договорились о свадьбе и стали к ней готовиться. А когда приехали за невестой, жених-то другой оказался: маленький да невзрачный. На сватовстве схитрили: вместо жениха подсунули женатого родственника. Рассудили так: «Золотой венец наденет – никуда не денется. Стерпится – слюбится». Невеста в слезы, жених ее уговаривать: «Соглашайся, я тебя любить, жалеть буду». С горем пополам до церкви доехали. А когда священник стал спрашивать ее о согласии взять в мужья этого человека, она сорвала с себя фату и со словами «Лучше утоплюсь» бросилась из церкви вон. Свадьба не состоялась.

И ХЛЕБА, И ЗРЕЛИЩ

Умел наш народ и работать, и отдыхать. Вечером девки с парнями принарядятся и давай под гармошку соревноваться, кто кого перепоеет да перепляшет. С большим нетерпением ждали наступления Масленицы. В это время гуляли веселые свадьбы. А парни с мужиками любили устраивать кулачные бои. Договаривались о кулачках заранее. Устраивали их на самой широкой улице. Зачинателем у нас обычно был старый казак по прозвищу Волк. Он стравливал сначала самых маленьких, сунув им в награду по калачу со снизки, купленной накануне. «Ну-ка, Васек, поддай, поддай вон тому, кучерявому!» – приговаривал старик. Потом начинали драться подростки, а затем уже взрослые парни и женатые казаки. Глядеть на бои собиралось всегда много народа. Мы, ребяташки, залезали на плетни и даже на крыши. Женщины тоже смотрели, стараясь иной раз удержать своего мужа от драки, что у них обычно не получалось. Особыми любителями кулачек у нас считались братья Захаровы. По-уличному их звали Грач, Баклан, Гусь и Мачок. Кулаки у них были тяжеленные, и поэтому зачастую те, кто с ними жил на одном порядке, выходили из боя победителями. Ведь сходились, в основном, улица на улицу, стенкой на стенку. Заканчивали биться тогда, когда с места, где начиналась драка, удавалось как следует потеснить, отогнать одну из сторон. По пра-

вилам, лежачих никогда не били. Иной раз так разойдутся, никак не унять. Когда же все затихнет, то после них на «поле битвы» и кровь, и зубы выбитые, но особого зла друг на друга не держали. Только вспоминают потом: «А помнишь, как я тебе в ухо залепил?» Когда стали образовываться колхозы, кулачки запретили.

ИЗ ГОСТЕЙ НЕСОЛОНО ХЛЕБАВШИ

Никита мужик был невысокий, но кряжистый. На спор мешок зерна через весь двор зубами переносил, предварительно посадив кого-нибудь на спину для равновесия. И очень любил участвовать в кулачках. Вот как он рассказывал:

– В ту зиму шел только первый год, как нас с Домной поженили. Дело было на Масленицу. Пошли мы с ней к ее родителям – к теще на блины. Идем, а тут как раз мужики на кулаках бьются. Слышу, шумят мне, зовут: «Никитка! Иди скорей на подмогу! Подсоби! Наших бьют!» Я и не удержался. Бросил жену и давай мутузиться: одному навешал, другому наподдал, третьего отоварил. Ну и мне досталось: по челюсти так схлопотал, что и рот раскрыть не могу. Пришли, наконец, в гости, а теща меня угощает: «Ну-ка, зятек, отведай моих блинчиков! Вот со сметаной, а вот с маслом да сахарком!» А я бы рад съесть, да хорошая зуботычина «салазки» мои так «подремонтировала», что и слово-то лишнее раз сказать не могу. Так и ушел из гостей несолоно хлебавши.

ХУТОРСКИЕ КУЛАКИ

Много семей, в том числе и моя, пострадали на нашем хуторе от раскулачивания. Одну бедную девушку отдали замуж в зажиточную семью, которую потом раскулачили. И отправилась бедняжка вместе со всеми на Соловки. Частушку она пела: «Спасибо Ленину, еще Ворошилову! Раскулачили меня за шубенку вшивую!»

На селе говорили, что Ленин в этом не виноват. Он, когда революцию делал, хотел только у помещиков и других богачей землю да добро отобрать, чтоб беднякам раздать. А Сталин велел всех, в том числе и крестьян, у которых крепкое хозяйство было, раскулачить. Вот и пострадали невинные люди.

СТРАДАНИЯ ЗА ВЕРУ

В 1928 году нашу церковь закрыли. Цепи, на которых висел самый большой колокол, перепилили. Он упал на землю, и от него откололся небольшой кусок. «Что же вы делаете?» – плакали женщины и старики. «На переплавку пойдет!» – им отвечали. Всю верхнюю часть у церкви разломали, а в ней самой стали хранить хлеб.

Над верующими коммунисты и комсомольцы издевались. Мою троюродную сестру Стеньку Щурину закапывали в овраге по самую шею, требовали: «Отрекись от Бога!» Она все выдержала: «Не отрекусь! Бог есть и будет!» В конце концов, оставили ее в покое. Живой осталась.

Над батюшкой Симеоном Куликовским тоже насмеялись. Сначала хотели ему крест на голове выбрить, а потом посадили его в меру (бочку вместимостью в три ведра, которой зерно отмеряли) и «продавали» возле церкви: «Продается поп! Начальная цена – три рубля. Кто даст больше?»

Он плакал. Потом его вместе с другими раскулаченными односельчанами, среди которых был и мой отец, отправили в Урюпинскую тюрьму, а затем в Котлас. Там, в лагере, они почти все умерли от непосильного труда, голода и холода. Его семью (матушку и пятерых детей) и мою выгнали из дома. Один из его сыновей (Ленчиком его звали) был умным, грамотным человеком. Он строил в Эртиле сахзавод. Когда наши земляки стали сюда переезжать, то узнали «поповского» сына. Тогда он бросил все и уехал куда-то.

ВО ВРЕМЕНА «ПРОДРАСВЕРСТОК»

Было время, когда представители власти ходили по дворам и отбирали зерно. Причем отнимали не часть, а практически все. Никого не волновало, что крестьянину не оставалось семян для сева и что у него полная хата детей, которых надо кормить. Население стало закапывать хлеб в землю, прятать, куда только можно. Поэтому несколько человек, местных активистов, в поисках зерна ходили по хутору со специальными щупами.

Люди сопротивлялись, как могли, отстаивали свой хлеб, но результат был один – мешки грузили на телеги и увозили. Помню, пришла такая делегация на подворье сестры моей Дуни. Ее четырехлетнего сынишку подозвали, дали ему конфетку и попросили за это показать, куда мамка с батюшкой зарыли мешки с зерном. Он и показал. И даже ткнул пальчиком на полати: «Вот тут еще лежит!» Все повиытаскивали. А я в это время сидела на мешке с пшеницей и качала люльку с их младшим ребенком. Юбка на мне была длинная и широкая, мешка под ней видно не было. В результате только он и уцелел. Дунин муж, Маркелий, встал с вилами в воротах: «Не пуццу! Не отдам!» Его вместе с семьей арестовали и возили в район, но, правда, долго там не продержали, отпустили.

Помню, мать, когда мы садились за обеденный стол и хлебали жидкие постные щи, горевала из-за отсутствия хлеба и приговаривала: «Левой руке делать нечего». Но возмущаться из-за произвола властей было опасно. Брала под стражу за любое неосторожное слово, недоброжелательное отношение к новому строю. Одного хуторянина посадили в тюрьму за то, что он, доведенный до отчаяния, бросил в сердцах: «Хороша советская власть, да долго длится».

ЖИЗНЬ КОЛХОЗНАЯ

СЕМЕЧКИ ЗА УЧЕНИЕ

Когда Советская власть стала крепнуть, в наш хутор приехала учительница Анна Ивановна и начала учить детей. Меня родители тоже отдали в школу. Но закончила я всего один класс. Читать, писать, считать потихоньку научилась. Дальше родители мне учиться не разрешили. Я плакала, просила отца: «Пустите меня во второй класс!» Но он ответил: «Чтоб чулки да снопы вязать – особой науки не требуется». И не пустил. Учительницу свою я любила, и она меня жалела. Как-то в знак благодарности я принесла ей большой карман крупных румяных тыквенных семечек и высыпала ей на стол. Она рада была.

ДЕД-ХУЛИГАН

Один мальчишка пропел на уроке частушку:

Наш колхоз богатый,
Кур полно, гусями славимся,
Только сами яйца видим,
Когда в бане паримся.

Учительница у него и спрашивает:

– Кто ж тебя, Сема, такой частушке научил?

– Дедушка!

– Скажи своему дедушке, что он – хулиган.

Мальчишка наказ учительницы выполнил. Пришел домой и говорит:

– Дед, учительница велела тебе передать, что ты – фулюган!

ДЕВИЧЬИ ПОСИДЕЛКИ

Любили мы с подружками устраивать посиделки у одинокой бабушки Хавроньи. Избенка у нее была низенькая, на крыше которой летом росла трава. Каждый из нас приносил по два кизяка для печки и по пузырьку керосина – газом мы его звали. Наберем с собой груш моченых и едим, а потом чулки наперегонки вяжем. Парней к нам бабка Хавронья не пускала. Тогда они взяли и печную трубу чем-то заткнули. Она начала топить, а весь дым в избу идет. А потом пригрозили: «Мы на твою крышу лошадь приведем!» Но, правда, бедокурить больше не стали. После посиделок нас поджидали, чтоб в снегу накурнать.

РЕШЕНИЕ БРИГАДЫ

Когда образовался колхоз, меня приняли в бригаду поварихой. Мне тогда было лет 16-17. Кормить мне приходилось 12 человек, которые работали в нашей второй бригаде. Вот приготовлю в котле обед, платок на вилы накину и, где повыше, поставлю. Кто-нибудь их увидит и шумит: «Бабоньки! Бросайте работу! Анфиска «маяк» поставила! Обед!» Колхозные же поля находились от хутора за 12 километров, поэтому домой работников не отпускали по 2-3 недели. А в это время людей заедали вши. Мы спасались от них тем, что мазали керосином голову, а белье стирали известкой. Из-за того, что безвылазно жили в поле, вшей становилось все больше – на соломе спать было невозможно.

Попросили женщины бригадира Ивана Кузьмича, чтобы он разрешил им сходить домой помыться, а тот их не отпустил. Тогда они не выдержали и в ночь ушли. Я осталась, мне надо было еду готовить. Ни свет, ни заря бригадир шумит:

– Подъем! Подъем!

Я ему говорю:

– Не кричи! Нет никого, на хутор ушли, еще не вернулись. А тебе послание оставили.

– Какое послание?

– Да такое:

Мы – бригада номер два –
Приняли решение:
Две недели не сменялись –
Кончилось терпение!

Я ВАМ БОЛЬШЕ НЕ СЛУГА

Избрали один раз председателем нашего колхоза бедного-бедного казака. Но руководить он совсем не умел, все хозяйство развалил. Стали его переизбирать, а он и рад. Встал из-за стола и говорит: «Вот вам хомут, вот вам дуга, а я вам больше не слуга».

Бросил на стол печать и ушел домой.

ДЕД ОПОСЛЯ

Одно время председателем у нас был мужчина по кличке Опося. Так его прозвали за то, что на любую просьбу жены, родственников или знакомых неизменно отвечал: «Опося сделаю». Так и стал он на селе дедом Опося. Но мужик он был деловой, хозяйственный. Закончил он со своими работниками посевную и решил как-то отметить это событие. А людей угостить нечем: в колхозе нет ничего. Тогда он, потаясь от своей жены, зарубил собственных кур и устроил все-таки праздничный обед для колхозников.

КУПИТЕ РЫБУ!

На собрании новый председатель стал говорить о своих планах: сколько колхоз посеет хлеба, сколько уберет, да сколько колхозникам будут его раздавать. А один старик все ерзает на табуретке, руку вверх тянет:

- Можно слова?
- Ну, давай, дядь Гриш. Что ты хотел сказать?
- Купите у меня рыбу!
- Какую рыбу? А она у тебя где?
- Где-где? В пруде! Ловите!
- Это почему ты так говоришь?
- Да потому. Вы сначала посейте хлеб да уберите, а потом уж людям раздавайте.

ПОЧЕМУ СВЕТ НЕ ГАСНЕТ

Одно время моя мама жила у нас с мужем. Как раз тогда наступило время, когда на смену лучинам и свечам пришло электричество. Дождались и мы того момента, когда нашу избу стала освещать лампочка Ильича. И вот застаем ее за таким занятием: она ходит вокруг лампочки и, задрав голову вверх, дует на нее по очереди со всех сторон. Увидев нас, сокрушается: «Анфиска! Никак свет не потушу!» Затем очень сильно удивлялась, когда узнала, что для этого надо нажать на выключатель.

ИЗ БОЛЬШИХ ГОСТЕЙ ДОМОЙ ХЛЕБАТЬ ЩЕЙ

Мой муж Иван был хорошим гармонистом. Его игра, особенно «рассыпуха», уж больно по душе всем была. Во время свадеб он был нарасхват. Но иногда с таких гуляний Иван возвращался голодным. Человек он был сильно брезгливый. Вот придет иной раз домой и рассказывает мне:

– Хозяйка поставила на стол большую курицу и командует: «Кум Филька, ну-ка, разделывай!» Тот ее ломает, а жир между пальцев течет. И этот Филька вместо того, чтобы руки об полотенце вытереть, по голове ими

водит – волосы смазывает. Желание есть куриное мясо у меня тут же пропало. Неужели нельзя было эту тушку сначала порезать, а потом уж на стол подавать?

– Попросил я себе ложку – не хватило на столе. А хозяйка взяла ложку, которой кислуху (кислое молоко) накладывала, обликала ее и мне подает. Мне сразу есть и расхотелось.

– Налила нам бабка кулешу, а потом спрашивает: «Мужики, вам почесночить?» Мы согласились, а она положила дольку чеснока себе в рот, своими редкими желтыми зубами разгрызла ее и нам в тарелки крошила. И не полезло это хлебово мне в рот.

В ТЮРЬМУ ИЗ-ЗА ЧЕРТЕЙ

Стояли в нашей избе-читальне две скульптуры: Маркса и Энгельса. Вот как-то решили навести в помещении порядок: подремонтировать да побелить. Чтоб не забрызгать побелкой, поручили одному старику отвезти скульптуры в другое место. Положил он их на тележку и повез. Навстречу ему односельчанин: «Дядя Трофим! Что это ты делаешь?» «Да вот чертей лохматых везу!» Нашлись «добрые» люди – доложили о словах, сказанных дедом, куда следует. Год за них в тюрьме отсидел.

ГОЛОД 1933-го

В 1933 году был страшный голод. Многие у нас на хуторе поумирали. Помню, идешь через сад и натыкаешься на мертвых людей. Кошек, и тех в селе не осталось – сдохли от голода. А мышей столько развелось, что в избу войти невозможно. Чего мы только не ели, чтобы не умереть. Выливали из норок сусликов. Бывало, столько воды из речки перетаскаешь, прежде чем его из норки выживешь. Льешь, льешь воду, только он мордочку из норы своей покажет, она возьми да закончись. Что ж, назад плетешься с ведрами. И мясо тухлых верблюдов есть приходилось. И самый жуткий случай у нас имел место, когда один односельчанин варил человечину...

ВИДЕНИЕ КОММУНИСТКИ ОРЛОВОЙ

Это было до войны. В совхозной конторе коммунисты часто проводили заседания, которые частенько затягивались до поздней ночи. На эти собрания ездила одна женщина по фамилии Орлова. Жила она в отделении ОКДВКА. А домой ей приходилось идти пешком. Вот как-то попутчики ее раньше свернули, и она пошла через плотину одна. Вдруг на ее пути возникла большая, очень высокая женщина во всем белом. Стоит и молчит. У Анны (по-моему, так ее звали) ноги подкосились, шагу ни назад, ни вперед сделать не может. Начала она молиться, как могла, и тогда женщина ей дорогу уступила. Прибежала Анна домой, а как только рассветло – приехала в совхоз, в слезах рассказала свою историю. А потом говорит: «Что хотите со мной делайте, только я из партии ухожу». Ей не поверили, стали уговаривать: «Успокойся! Тебе это показалось! Не делай глупостей!» Но женщина клялась, что это правда, и была непреклонна. Потом выложила на стол партбилет и больше ни на какие собрания не приезжала.

ГДЕ ПЮРЕ?

Поехал как-то мой мужик с двумя товарищами в Воронеж. Проголодались они и решили в столовой пообедать. А что заказать – не знают. Еда-то городская, названия блюд незнакомые. Решили они попробовать пюре, винегрет и рубец. А им работница столовой принесла картошку мятую, капусту с бураком порезанную да требуху вареную. Они ее спрашивают:

– Где ж то, что мы просили?
– Так вы это и заказывали, – отвечает. – Вот пюре, вот винегрет, а вот рубец.

ВОЕННОЕ ЛИХОЛЕТЬЕ

НАЕСТЬСЯ БЫ ВПРОК

Держала я в войну свиней. Выросли у меня два больших поросенка, решила я их резать. А тогда палить свиней запрещали. Кожу надо было обдирать, потому что из нее шили для солдат сапоги. Еще беда была – отсутствие соли. Если и достанешь ее, то не купишь. Стограммовый стаканчик стоил сто рублей. Зарезала я свиней. Часть мяса поели, что смогла – продала, а остальное сберечь не получилось. Провоняло мое добро – впрок ведь не наешься.

КАК МОТЯ ПЫШКИ ПРОДАВАЛА

В соседней деревне была мастерская, где трудились четыре сапожника. Шили они сапоги для наших солдат. Работал там и наш односельчанин, а жена его Мотья недалеко от нас жила. Один раз напекла она пышек и понесла мужу. Принесла ему, а он и говорит: «Мотья! Мне хлеб тут дают. А ты иди на рынок, он за углом, и продай пышки!» Пришла Мотья на рынок, разложила пышки на полотенце и стала ждать покупателей. А рядом двое ребятишек отирались. Один сзади подбежал и стал чем-то ширять ее в спину. Она повернулась: «Сынок! Ты чей? Ай, ты меня угадал?» А «сынок» дал деру. Повернулась Мотья, а пышек и след простыл. Пришла она к мужу, тот и спрашивает: «Ну что, Моть, продала пышки?»

– Продала.
– Ну и хорошо. Теперь ты с деньгами.

КАША ДЛЯ СЫНА

В поле мы работали на коровах. В паре с моей Милкой была корова Наташи Паниной. Жалко их нам было, только нас пожалеть некому. Бывало, так наработаешься, что руки отнимаются, поднять их не можешь. Обязательно старались норму выполнить. Забороним нужное количество гектаров, тогда нам давали по 400-500 граммов хлеба. Голодно было, а ребятишек-то четверо. Последний сынок, Володя, грудной еще. Выпросила я в совхозе патоки. Директор выписал мне 10 килограммов. Пришла я к заведующему складом, чтоб ее получить. Он открыл бочку, а там четыре крысы плавают, раздулись уже. Понесла я ее в Ершовку продавать – там базар был. Коромысло у соседки взяла, ведра повесила и

пошла. А в Эртиле в одном месте ручей тек. Стала я через него перепрыгивать, ведра-то и расплескала. Не совсем, конечно, но прилично разлила. Иду и плачу. Покуда добралась, жмых на базаре порасхватали. Но на вырученные от продажи патоки деньги сумела купить полстакана соли и 200 граммов пшена. Из него я потом варила кашку своему Володошке и носила ее в кружке в садик, чтоб нянька его там подкармливала, а то он недоедал.

СТРАХ БОМБЕЖЕК

Трудились мы тогда от зари до зари, от мала до велика. Особенно страшным было время, когда летом 1942 года немецкие войска подошли к Воронежу. Гул и вой вражеских бомбежек были слышны и у нас. Становилось жутко, когда над нашей местностью пролетали фашистские самолеты. Помню, одна сброшенная бомба угодила в стадо чапаевских коров: четырех животных убило, а восьмерых покалечило. А другая взорвалась на стройке, в районе аптеки. Там воронка большая была. Говорили, что при этом убило одного мальчишку. Мы заклеивали бумагой стекла в домах, а еще нас учили тушить немецкие «зажигалки».

В ГОСПИТАЛЕ

В школе-десятилетке, которая была на стройке, размещался госпиталь. Сюда везли раненых солдат с Воронежского фронта. Народу было столько, что всех не могли разместить, и солдатиков клали в тень, на траву. Перевязочного материала просто не хватало. Раненых у нас в Эртиле много поумирало. Их хоронили в общей могиле, без гробов, закрыв плащ-палатками. Останки нескольких солдат из братской могилы в 1959 году перезахоронили с почестями на площади Ленина нашего города. Сейчас там мемориал. А второе место захоронения – на «стройском» кладбище. В те месяцы шли ожесточенные бои на правом берегу Воронежа. Об этом нашим женщинам рассказывали раненые солдаты, которые воевали на Чижовском плацдарме.

БЕЖЕНЦЫ

Как-то поравнялись с моим домом две подводы с ранеными. На одной из них было двое солдат, один из которых умер по дороге, а второй лежал с искалеченными ногами. Три дня их никто не перевязывал (нечем), и в ранах завелись черви. Так вот этот мужчина все пытался их палочкой выковырнуть. Я побежала в дом, вынесла кувшин с простоквашей и стала им наливать по стаканчику. Кувшин быстро опустел. Они просят: «Сестричка! Дай мне!» А у меня и нет ничего больше. За подводой шла пожилая женщина-беженка, за полотенцем, перевязанным через плечо, она несла маленького ребенка.

Судьбу их не знаю. А вот семья Старцевых, беженцев из Воронежа, жила у меня две недели. Их было четверо: глава семьи Дмитрий, его жена Клава со своей матерью Ильиничной и дочка Женя. Потом директор совхоза Андрей Трофимович Савченко дал им комнатку, и они лет пять жили, работали в нашем совхозе. Когда Воронеж стал возвращаться к мирной жизни, то уехали в свой родной город.

ТРУДОВОЙ ФРОНТ

Не могу не вспомнить мужчин из так называемого «трудового фронта». Они однажды проходили по нашей улице. Их было человек 30, все уже в возрасте. Шли они восстанавливать какой-то мост. Среди них находился мой знакомый с Эртиля – Ермолай Степанович Зайцев. Ему в ту пору шел 53-й год. Были они голодные и оборванные. На двух мужчинах вместо одежды болтались мешки с прорезями для головы и рук, а обувь на ногах – тряпки, замотанные шпагатом. Ели сорванную где-то по дороге и обтертую о рукав сахарную свеклу. Она в то время маленькая еще была, не выросла как следует...

ВПЕРЕД, ЗА ВОРОНЕЖ!

Зимой 1942 – 1943 года наши войска начали наступательные операции по полному освобождению Воронежа и оккупированных районов области. Мы, жители, пускали к себе на временный постой солдат, которые проходили через наш совхоз. Помню, какой-то командир на двери моего дома написал цифру восемь. Это столько военных я должна была разместить в своей избе. А она у меня небольшая была, да нас самих пятеро: я и четверо детей, двое из которых совсем маленькие. Разместились как-то. Вот только изба быстро остывала: топили соломой, а двери из-за большого количества людей часто открывались-закрывались. Вот такие страшные годы советский народ пережил. Мужья наши и братья в боях сражались, гибли, а мы в тылу до кровавых мозолей трудились. «Все для фронта, все для победы!» – такой для нас лозунг был.

УГОСТИЛИ ОГНЕМ

Муж моей племянницы Насти, Василий Ходяков, вернулся с фронта с ранениями. Часто он нам рассказывал, как наши солдатики воевали: «Стояли мы на одном берегу реки, а немцы – на другом. Вот и шумят они нам в громкоговорилку: «Русь вшивая, сдавайся! Все равно вам капут!». А мы им в ответ: «Это вам капут! Пришли незваные на нашу землю!»

Песня тогда на слуху была:

По старой смоленской дорожке
Повстречали нежданных гостей.
Повстречали, огнем угощали,
Навсегда уложили в лесу.
Не уйдет чужеземец незванный,
Своего не увидит жилья...

Так и случилось. Не увидел фашист своего дома. Победили мы его.

В МИРНОЕ ВРЕМЯ

АГИТХАТА

Это было где-то в конце 40-х годов. Пришли ко мне совхозные активисты и говорят: «Анфиса Алексеевна! Мы у тебя решили агитхату сделать. У тебя чисто, побелено». Что ж, я и согласилась. Собралось у меня несколько человек. А коммунистка Галина Михайловна говорит мне: «Сними иконы!» «Не сниму», – отвечаю. Она стала настаивать. Снять я не сня-

ла, а лицом к стене взяла и отвернула. Стали какие-то лекции читать. Читают-читают, а потом командуют: «Аплодисменты!» Я и спрашиваю: «А что такое аплодисменты?» «В ладоши хлопай», – отвечают. Хлопала, а зачем, так и не поняла, видно, мода такая пошла. А в коридорчике я держала поросенка. Он уже килограммов 20 весил. Здоровенький был, ел хорошо, не болел. Утром я вышла его покормить, зову: «Вась, Вась!» Глядь, а он мертвый лежит. Я поняла, что это Бог меня за иконы наказал, заплакала. Потом Галине Михайловне говорю: «Где хотите, там и собирайтесь, а к себе я вас больше не пущу!» Но директор надо мной все-таки сжалился: выписал мне поросенка. С отделения «Восход» мне ма-а-а-ленького совсем привезли.

ВЕРХОМ НА ЛОШАДИ

Работала я в совхозе уборщицей. А бухгалтером у нас был Кузьма Михайлович. Попросил он меня сходить на конюшню и привести лошадь: нашему агроному ехать куда-то надо было. А я, чтоб не вести ее на поводу, села верхом и к конторе прискакала. Он удивлялся: «Анфиса Алексеевна! Да как же ты так смогла?» А что тут удивляться. Я еще девкой без седла так на конях скакала! Я и сейчас смогла бы лошадь запречь. Помню. Только сил уже нет.

БОИСЬ, ДА НЕ ДЮЖЕ

Пришел дядя Гриша в магазин, чтоб купить себе немного винца. Его тогда на розлив продавали. А женой у него была маленькая такая женщина, шустрая. Тетей Полей ее звали. Вот заметила она, что муж в магазин отправился, и за ним следом. Стоит дядя Гриша у прилавка, а ему женщины в очереди говорят: «Гришка! Вон Полька твоя идет!»

А та тут как тут и на мужа:

– Ты зачем сюда пришел? Чего ты тут делаешь? Уже облизываешься?

А он ей в ответ грубым голосом, да протяжно так:

– Жена да убоится своего мужа-а-а!

– Нет, там сказано: «Боись, боись, да не дюжа-а-а!»

Все как засмеются! А потом женщины у тети Поли спрашивают:

– Ты, что ж, совсем его не боишься?

– Да он меня не трогает. Если тронет – сразу убьет. У него кулаки-то – с махотку.

ПОКОРМИТЕ СТАРУШКУ

Свои оставшиеся годы мама коротала в семье моей сестры Ульяны. Дождалась, когда старший внук привел в дом молодую жену. В приданое за ней дали шифоньер с зеркалом. Мать всегда была гостеприимной и, завидев свое отражение в зеркале, сказала: «Здорово была! Я – Полька Кулешова, а ты кто? Девки, ну-ка, покормите старушку с дороги, у вас еды вон сколько!» Молодые женщины сначала схватились за животы, а уж потом стали ей объяснять, что это она сама с собой разговаривала.

КТО ВОРИШКА?

Мать старательно собирала с молока сметану в глиняный горшок, чтоб затем взбить масло, но тот никак не становился полным. Двум внучатам

очень уж хотелось полакомиться вкусненьким, и они, сговорившись, потихоньку потаскивали ее из махотки. Чтобы скрыть следы преступления, они ловили кота Ваську и, слегка обмакнув лапки ничего не подозревающего животного в сметану, делали ими отпечатки возле горшка. Мать, обнаружив воровство, начинала бегать по избе с веником, грозя ни в чем не повинному коту: «Ах, ты, окаянный! Ну, только попадись, анчутка!» Ребятишки посмеивались, глядя на такую картину, приговаривали: «Так ему, бабуня, подсыпь, подсыпь хорошенько!» Позже признались: «Это мы съели».

ПОЧЕМУ У ГУСЯ НЕ ЧЕТЫРЕ НОГИ?

Как-то в наш передовой совхоз приехали два уполномоченных из Москвы с проверкой. Их разместили в доме для приезжих. Себе на обед они попросили сварить гуся, за которого добросовестно заплатили. Заведующая Елена Ивановна, полная женщина средних лет, разрубила птицу на две половинки. Заднюю часть сварила в первый же день. Гостям очень понравилась вкусная лапша, а особенно гусиные лодыжки. Когда на второй день их не оказалось, один мужчина заподозрил неладное и спросил повара, куда делись еще две ноги. «Господь с вами, где это вы у гуся четыре ноги видали?» – удивилась женщина. Второй гость, оказавшись в таких делах поосведомленней, стал толкать товарища в бок.

КАК МУХИ У ГЕРАСИМА ОБЕД ПОТАСКАЛИ

Работал в нашей бригаде печником, маляром один мужчина из Эртиля – Герасим Черенков. Совхоз наш активно строился, и работы у нас было много. На обед мы уходили по своим домам, а ему было далеко идти. Он кое-что прихватывал из дома или шел обедать в столовую. Вот как-то стал он возмущаться и ругать хозяев, что те не могут покормить одного человека. В это время зашел директор совхоза и спрашивает его: «Что это ты, Герасим, так разошелся? На кого ругаешься?» «Да это я на мух! Взял из дома кашки с сахарком, а поесть некогда. Покуда я работу закончу, они ее всю и потаскают».

КАК ГЕРАСИМ В ГОРОД ЕЗДИЛ

Герасим с женой держал овец. Вот как-то она ему и говорит: «Гераська, зарежь барана, да отвези сыну в Воронеж, а мы с тобой и потроха съедим». Зарезав животное, стал Герасим собираться в город: помыл голову, побрился, рубашку свежую одел, костюмчик выходной из сундука достал, туфли начистил. Приехал, поднялся на четвертый этаж. Дверь ему открыл сын, выражение лица которого при виде отца стало кислым-кислым:

– А, это ты, папа?

– Да, я, вот барана тебе привез.

– А я думал, что Василий Семенович пришел. Мы его с Клавдией с минуты на минуту в гости ждем. Она там стол накрывает. Ну, снимай своего барана. А я тебе пять рублей дам: там, за углом, дом для приезжих. Ты в нем переночуй, а утром к нам приходи.

– Не надо, сынок, у меня свои деньги есть, – ответил Герасим и дунул

с четвертого этажа, аж пятки засверкали. Приехал домой, а жена его спрашивает:

– Что это ты, Гераська, так быстро вернулся?

– А вот сумей так. Вари, мать, потроха, а я в город больше ни ногой.

ТАПКИ ДЛЯ ПЕРЕДОВОЙ ДОЯРКИ

Поехала я один раз на родину, в Волгоградскую область, проведать сестру Настю. Дети у меня уже семейные были. А с сестрой жил сын Саша, мой племянник. Человеком он слыл хорошим, добрым, но любил прихватить, прихвастнуть, разыграть кого-нибудь. На вид был высоким, полным, очки носил. Короче, внешность важную имел, чисто председатель колхоза. Вот идем мы как-то с ним по городу, и вижу я, что возле одного магазина толпится очередь: на прилавок выкинули тапки. Мне очень захотелось приобрести обувь, ведь у нас в совхозе их было не достать. Но очередь стояла внушительная, и я махнула рукой. А мой племянник пошел к началу очереди и меня за собой потащил. Подошел, поздоровался с женщинами и говорит им: «Бабоньки, вы бы пропустили мою передовую доярку без очереди!» Женщины нас обглядели, пошушукались, а потом самая боевая спрашивает у него: «А где же у нее медаль?» (В те времена доярки были в чести, их часто представляли к наградам). Я стою, молчу, стыдно мне за его обман, да и дояркой я ни дня не работала. А он отвечает: «Да она ее бережет: дома в сундуке хранит». В общем из магазина я вышла с покупкой. Ругала я его потом, но все же рада была обновке. А тапки те долго прослужили своей хозяйке – «передовой доярке».

ОХОТНИК КУЗЬМИЧ

Жил у нас в совхозе один охотник-любитель. И нравилось мужикам подтрунить над ним, подшутить. Вот идет он с ружьем мимо мастерской, а один тракторист свою машину налаживает.

– Куда это ты, Кузьмич, идешь?

– Да вот, поохотиться решил.

– Стрелять-то путем, небось, не умеешь! Вот попади в птичку, – и показывает на сидящего на проводах воробья.

Кузьмич, не долго думая, ружье вскинул и ба-бах! В птичку не попал, улетела пернатая, а вот в провод в самый раз угодил, перебил. Тот, сверкая, упал на землю. Слава Богу, что в итоге никто не пострадал. А побегать Кузьмичу ох как пришлось, и охота его в этот день не состоялась.

СОВЕТ ДЛЯ ПРОХОРА

Прохор был маленького роста, щуплый, да на лицо неказист. По этой причине не мог никак жениться. В конце концов, родители сосватали ему Глафиру: высокую, полную односельчанку, которая из-за своего некрасивого рябого лица давно засиделась в девках. Стали готовиться к свадьбе. А дед решил Прохору дать совет:

– Прошка, уж больно ты супротив Глашки мелкий, боюсь, что она командовать тобой начнет. Ты вот что сделай: с первых дней семейные вожжи в свои руки бери. Как только она что-нибудь поперек скажет, ты ее сразу бей. Тогда тебя бояться станет, уважать начнет, и ты в семье главным будешь.

Парень совет запомнил. Стали играть свадьбу. Вот заметила Глафира, что Прохор часто рюмочку опрокидывает и попросила его:

– Проша, ты бы пока не пил больше, потом успеешь.

Вот тут-то молодой муж и вспомнил дедов совет и как даст новобрачной по лицу со всего разворота! На этом его семейная жизнь и закончилась, не успев начаться. Прожил всю жизнь холостяком. Как сложилась Глафирина судьба – не знаю. Она уехала из нашей деревни.

АННА И ЧАСОВЩИК

Моя сваха Анна, несмотря на свой пенсионный возраст, никогда не позволяла себя обманывать. Если продавец обсчитал ее на какие-то копейки, обязательно возвращала их себе. Не ленилась даже вернуться из дома, выявив неправильный вес покупки или сдачу. Да и пенсия уборщицы у нее была маленькой. Как-то отдала она часы в КБО, заплатила за ремонт. Через какое-то время забрала их, а те так и не работают. Пошла она к мастеру и стала требовать назад деньги. Тот отмахнулся от нее: «Будешь ты из-за рубля тут скандалы устраивать!» Тогда она направилась к начальнику и говорит: «Хочу вернуть свои пять рублей, часы мои не работают». Начальник вызвал наладчика и приказал вернуть старушке деньги. Когда часовщик взял у Анны квитанцию, то увидел, что в ней стоит сумма три рубля.

– Так ты же говорила, что пять рублей заплатила?

– А ты говорил, что рубль.

КАК ДЕНЬ ВЧЕРАШНИЙ

Эх, встали бы старые люди да посмотрели на жизнь сегодняшнюю. Когда-то нам говорили: «Вот наступит такое время – люди будут в Москве сидеть и говорить, а мы будем их видеть и слышать». Так все и случилось. Вон какие телевизоры пошли! Когда-то церкви разрушали, по иконам топтались, а теперь храмы строят. Колхозы создавали, туда силой загоняли, а сейчас все их пораспустили, одни частники да фермеры остались. Телефоны в карманах носят, вшей в глаза почти никто не видел, в магазинах продукты всякие, которые нам и не снились. Климат-то как переменялся! Раньше зимой на улицу без валенок да рукавиц и не выйдешь. Снега такие выпадали, что от изб одни трубы виднелись. А по ночам на нашем хуторе волки выли, страх наводили. Да, посмотрели бы наши родители, что за жизнь наступила! А я ведь и как людей секли да вешали, в кандалы затачивали, помню. Как с голодухи пухли... Эх, дорогие мои! Прошел мой век, как день вчерашний! Как дым, промчалась жизнь моя! Про меня эта песня...

Публикация Дины ПОЛУЭКТОВОЙ

Виталий Анатольевич Апевалов родился в 1980 году в городе Макеевке Донецкой области. Окончил Борисоглебский государственный педагогический институт. Учитель русского языка и литературы Первомайской средней общеобразовательной школы Эртильского района. Публиковался в журнале «Подъём», коллективных сборниках «Эртиль поэтический», «Дыхание надежды и весны», антологии «Воронежские поэты – XXI век». Руководитель литературного объединения «Эртильская волна».

Виталий Апевалов

НА ХОЛОДНОМ ВЕТРУ

Я, об ушедшем жалея,
Вижу на небе звезду.
Добрые часто болеют,
Верят, надеются, ждут.
Бешенству мало ли горя?
Не исчерпаешь до дна.
Тихо идут разговоры
Без вдохновенья и сна.
Это мучительно просто:
Двери раскроются, шаг –
Странный безоблачный остров
Видит смущенно душа.
Здесь и пустынно, и дико.
Белый пронзительный свет
Давится сдержанным криком
Вмиг обесцвеченных лет.
Нет ни минуты, ни часа,
Канули в Лету ключи.
Здесь я бесплотная масса,
Жалкий огарок свечи.
Я, об ушедшем жалея,
Вижу опять наяву:
Добрые часто болеют,
Злобные долго живут.

Снова пьют здесь, дерутся и плачут,
Как пропел чей-то горестный стих.
О, шальная, смешная удача,
Право слово, ведь ты не про них.

Замусоленный, пьяный, бесстыдный,
Бесшабашный, загубленный мир!
В сигаретной клоаке не видно
Рож, распутством затертых до дыр.
Ах ты, голь перекатная! Может,
Через твой одуряющий свист
На том свете печальный прохожий
Голубые глаза прячет вниз.
Ох, веселие ты без удержу,
Окаянный, затасканный путь!
Черт за бороду сивую держит:
Свекор щиплет невестку за грудь.
И, пока муж старается шины
В мастерской за рубли накачать,
Пресловутое ложе мужчины
Не останется долго скучать.
Заглуши скрип кровати убогой,
Всю пропащую жизнь заглуши,
Коли жить остается немного
Для разгульной, бродяжьей души.

Ты не стой в феврале на ветру,
Не дыши во всю грудь глубоко.
Я слезы у тебя не сотру:
По дороге уйду далеко.
За туманом сплошных неудач,
За чертою глухой, роковой
Никогда не узнаю, куда
Затерялся опять голос твой.
Мне в лицо станут плакать дожди,
Умолять их хоть раз пожалеть.
Ты меня лучше дома дождись,
Не ищи на промокшей земле.
Я вернусь, когда больше не ждут,
Не глядят на туман поутру.
Не дыши глубоко во всю грудь
В феврале на холодном ветру.

Белая метелица
За окном кружит,
Слюбится и стерпится,
Вместе надо жить.
Нет девицы ласковой,
Удалой жених,
Новогодней сказкою
Станет жизнь для них.
Нагадаем ноченьку,

Словно три денька.
Будет маме доченька,
Папе – три сынка.
Белая метелица
За окном кружит,
Слюбится и стерпится,
Вместе надо жить.
Не испить глубокую
Реченьку до дна,
Плачет одинокая
Полная луна.
Не противься, девица,
Дальше надо жить.
Белая метелица
За окном кружит.

Эй, попутчик, эй, случайный,
Далеко ли держишь путь?
Нынче нас везде встречают,
Завтра нас нигде не ждут.
Песню русскую, простую
Разобьешь о чью-то грудь.
Сердце трудится впустую,
Ни заплакать, ни вздохнуть.
По вагонам контролеры:
В жизни должен быть контроль.
Мы наивные дублеры,
Мимолетна наша роль.
Мы в окне мелькаем скучном,
В мертвых буднях прячем грусть.
Эй, попутчик злополучный,
Далеко ли держишь путь?
Проигрались мы вчистую,
Поезд в рельсах ищет след.
Я по-прежнему рискую,
Ты уже умен и сед.
Больше нет недавней прыти:
Срок немалый тридцать лет.
Эй, попутчик, может, выйти?..
Бросить купленный билет...

Где теперь ты?.. Я не знаю,
Кто средь грома и огня
Твое имя, словно знамя,
Выше неба приподнял.
Где теперь ты? Может статься:
Стерта карта прежних дней.

Даже если повстречаться,
Ты не вспомнишь обо мне.
Где теперь ты? Ветер сбился
С ног и, будто в первый раз,
Обезумевши, влюбился
В мой расплывчатый рассказ.
Где теперь ты? По старинке
Освещает стол свеча.
На прощальном фотоснимке
Улыбнешься невзначай.
Где теперь ты? Видно, скрылись,
Бесполезны и тихи,
Одураченные крылья,
Приносившие стихи.

Завезла злодейка-лошадь
В край далекий, край глухой.
Я, быть может, не хороший,
Но уж точно не плохой.
По снегам стремятся тени
В мою душу заползти.
Черной ночью нет спасенья,
Нет обратного пути.
Волки воют за спиною,
Впереди бескрайний лес.
Кто же гонится за мною:
Светлый ангел или бес?
Если жизнь чего-то стоит,
Страхом сердце не сковать.
Под размытою звездю
Побелела голова.
Губы ветру нараспашку.
Свист сосет скрипящий наст.
Кто последнюю рубашку
Мне без жалости отдаст?..
Завезла злодейка-лошадь
В край далекий, край глухой.
Я, быть может, не хороший,
Но уж точно не плохой.
Колокольчик под дугою
До беспамятства избит.
Под размытою звездю
Снег летит из-под копыт.

Валерий Евгеньевич Платонов родился в 1961 году в поселке Орлянка Эртильского района Воронежской области. Окончил исторический факультет Воронежского государственного педагогического института. Служил в армии. В Эртильском районе работал директором ряда школ, инструктором райкома партии, директором краеведческого музея, директором ПТУ № 16. Краевед. В настоящее время – заместитель главы администрации Эртильского муниципального района. Публиковался в региональной печати. Автор трех краеведческих книг по истории города Эртиля и района. Живет в городе Эртиле.

Валерий Платонов

ВЕСЕЛЫЕ ЛЮДИ

Рассказ

Июльским знойным днем случилось как-то завернуть в одну из городских подворотен. Внутренний дворик оказался самым обыкновенным, типовым, совершенно ничем не примечательным, каких в областном центре встретишь немало. Единственная ценность таких дворов – гарантированная тишина и приятная прохлада. И то и другое особенно нравится нам, жителям отдаленной сельской глубинки, не любящим суетливой толчеи и непрерывного шума больших городов.

До назначенного срока явки в присутственное место оставался примерно час времени. Водитель моей служебной «Волги» по каким-то своим делам ушел на рынок, а я не без удовольствия опустил на ствол толстеного, давно спиленного тополя, что лежал посреди двора, ослабил удавку галстука, неспешно закурил и развернул популярную городскую газетку. Во дворе царил физически ощущаемое блаженство. Можно было безмятежно бездельничать, изучая всякие газетные небылицы.

Но совсем скоро мое внимание привлек громкий разговор двух по виду пятидесятилетних женщин со следами порочной зависимости от водки и табака. Имя той,

что стояла на балконе третьего этажа, мне было неизвестно, но о том, как звать ее приятельницу, которая находилась под балконом на улице, несомненно, знали все, кому случилось, как и мне, оказаться этим утром в том дворе.

Стоявшая на балконе особа давала ценные советы «подружке», стоявшей внизу:

– Любочка, ты, гляди, кошелек не потеряй! Ладно?

– Ладно, – степенным баском отвечала Любочка.

– А ты далеко-то не ходи, а туда – за угол. Там все, сколько надо. Любочка, ты поняла меня? Поняла хоть, куда идти-то?

– Ладно, – в том же вялом тоне отвечала ей товарка.

– Любочка, ты кофточку... Возьми, говорю, кофточку. Тут прохладно. Не дай бог, еще заболеешь, – участливо настаивала особа сверху. Не дождавшись ответа подруги, она решительно сняла с себя тяжелую, грубой вязки сиреневую кофту, далеко не новую, но, очевидно, очень теплую.

– Зачем это? – вопрошала Любочка, подняв припухшее лицо с отвислыми щеками и ярко накрашенными губами.

– Говорю тебе, прохладно! Простынешь только зазря. На! Лови...

И метнула кофточку вниз. Но, к удивлению обеих, самодельное изделие из шерсти зацепилось за металлический выступ балкона второго этажа и на недостижимой высоте благополучно повисло. И тут, как в немой сцене, образовалась пауза. Не проронив ни слова, Любочка куда-то удалилась за угол. А через секунду и ее подруга так же, молча, исчезла в глубине квартиры. Все стихло. Эпизод, казалось, был исчерпан. Я перелистнул страницу и принялся разгадывать кроссворд.

Но спустя несколько минут пронзительно и протяжно закричала балконная дверь на том же, третьем этаже. На балконе появилась та же особа, но со шваброй в руке. И почти синхронно из-за того же угла с обратной стороны под балкон, тяжело ступая, вышла Любочка. Она волочила за собой подобранную где-то горбатую рейку с обзолом.

Дама сверху громко, почти торжественно объявила:

– Любочка, иди поближе. Я вот нашла швабру у Матвеевых. Гляди, какая. На, возьми. Ты ею снизу подденешь, и все будет О'кей!

Но та почему-то равнодушно проворчала:

– Не надо. Я тут сама.

Любочка начала поднимать горбатую рейку, стараясь сохранять ее в строго вертикальном положении. Неожиданно она оступилась, и с ее ноги соскочила стоптанная туфля. Не опуская рейку и удерживая ее одной левой рукой, Любочка попыталась присесть и правой рукой надеть обувку на ногу. Отвлеченная этим занятием, она потеряла контроль над рейкой, и та, покачнувшись в сторону дома, резко ударила в окно второго этажа.

С веселым звоном, умноженным эхом замкнутого пространства двора, посыпалось стекло. Стоявшая наверху с наивным удивлением воскликнула:

– Гля, а ... окно разбилось. Ну, что ты будешь делать? Как не повезло Андрияну-то. Будет теперь на нас с тобой обижаться.

Любочка хранила молчание. Она наконец надела свою туфлю и виновато сопела. Вновь обозначилась пауза. Но продолжение событий явно напрашивалось, поскольку висевшая на прежнем месте кофточка побуждала к этому. Дама сверху оглянулась по сторонам, прицелилась и, как заправский воин-копьеметатель, решительно швырнула длинную шваб-

ру. Импровизированное копые системы неведомых мне Матвеевых ударилось в металлическое обрамление балкона, срикошетило и аккуратно угодило теперь уже в балконное окно той же квартиры на втором этаже. Снова послышался звон битого стекла. Та, что стояла наверху, не веря неожиданному результату, почти радостно всплеснула руками, коротко хохотнула, но, спохватившись, прикрыла рот рукой и обратилась к подруге:

– Ой, Любочка! Глянь, куда я это попала? В глазок, что ль? Ну, теперь и чужая швабра застряла. Вот не везет, так не везет, прости господи...

– Ты попала в окно, – бесстрастно констатировала Любочка.

На балконе второго этажа, шурша битым стеклом, возникла тощая фигура мужчины пожилых лет, со следами нелегкого прошлого на небритом лице, в затрапезном спортивном трико и майке. Осмотрев порушенные окна и оценив понесенный урон, хозяин квартиры, нервно жестикулируя худыми веснушчатými руками, завопил на весь двор:

– Ну, вы че? Вы че, я вас спрашиваю? Вы че мне тут окна уже без толку бьете? Вы это тут, что, выходит, совсем уже оборзели. Кто их, стекла, за вас вставлять-то теперь будя? Кому они нужны-то? Вы че это нынче затеяли, в конце концов? Что, у вас, в конце концов, ни стыда, ни совести?

Стоявшая наверху, решив, что битые стекла исключительно соседова проблема, бодро возразила:

– А мы-то что? Мы-то в чем тебе виноватые? И так, видишь, вон наша кофточка, сволочь, за твой балкон зацепилась. Кто, по-твоему, виноват? Давно бы застеклил себе балкон. Она бы там и не цеплялась. А то все пьянка, бедного, замучила. Все ему некогда. А теперь ему кто-то опять виноват. Не шуми тут абы как и без толку не серчай.

Но хозяин пострадавшего жилья продолжал бурно возмущаться:

– Окны они тут вздумали мне бить. Учуть тут: стеклить – не стеклить. Это мои дела, а мне ваша кофточка и на хрен не нужна. – Андриян резким картинным движением отправил кофту вниз. Та, некрасиво спланировав, угодила точно в середину лужи, недалеко от Любочки.

Новая пауза длилась ровно столько, сколько мозг той, что торчала на балконе, оценивал ситуацию, а ее пышная грудь вбирала в себя воздух:

– Ну, ты что-то чужую вещь всю в грязе изгваздал? Да? Кто ее теперь стирать-то будя? Кому она нужна такая? Она теперь всю форму потеряла. Она мохеровая и с люриksom была. А теперь что? Ты хоть что-нибудь своей башкой бараньей думал, бестолочь?

Мужчина малость стусевался, но решил виду не подавать и вполне резонно парировал:

– А вы мне че тут окны пришли бить? Разбросались своими лохмотьями. Мне че теперь делать прикажете? Вон зима, вон скоро. Сами вы обнаглели. Сами допились, истерички. Ща... в милицию позвоню... узнаете у меня тогда.

Однако обращаться к законности и особенно к стражам порядка пострадавший явно не торопился, а, исчерпав словесный запас, быстро затих и закурил «Приму». Любочка тем временем подгрела кофточку ногой к краю лужи, попыталась отжать ее, но нетоварный вид кофты и обидное упоминание о милиции вызвали в ее душе новый приступ возмущения:

– Ну, и че мне теперь с ней делать? Как ее носить-то? Полы ею притирать только? На! Подавись ею! – Любочка, привстав на цыпочки, неожиданно мощно метнула скомканный мохер, целясь попасть в противную ей

личность скандалиста. Мне было видно, как отяжелевшая кофта, описав крутую дугу, рухнула в раскрытое окно первого этажа. Кофта не просто попала в окно, но и зацепила стоявшую на подоконнике стеклянную банку с краской. Очевидно, в той квартире происходил ремонт, поскольку из глубин ее остро пахло олифой, и можно было догадаться, что банка разбилась в глубине жилища.

Энергичное развитие событий полностью завладело моим вниманием, едва не заставило повалиться от смеха на бревне. Я готов был грызть его, чтобы только не заржать на весь двор и не испортить этим естественный ход веселухи. Андриян, продолжая неспешно смолить свою «Приму», не глядя на растерянную Любочку, ехидно спросил:

– Ну, что? Кинула? Кидалка хренова! И где теперь твоя тряпка-то?

В окно первого этажа с трудом высунулась по пояс толстенная бабища. Подкатив кверху глаза, она безо всякой разминки истерично завизжала:

– Вы че там, совсем допились, алкаши проклятые? Вы че думаете, управу на вас не найду, твари непромытые? Гляньте, что вы тут мне наворочили. Все полы испоганили. Где я теперь краску новую куплю? Я ее и так на последние копейки доставала. Разорались тут под окнами... Щас в милицию позвоню.

Разгоралась перекрестная перепалка трех этажей и голоса Любочки с улицы. Каждый стремился высказаться как можно громче и, по возможности, длиннее, выплевывая скороговоркой самые обидные и доходчивые фразы. Никто никого не собирался слушать. Из общего гама выделялись лишь отдельные слова или фразы. Они как бы задавали основные параметры горячего диспута. Богатством речи конфликтующие стороны, однако, не блистали: говорили так, будто являлись детьми одной матери. Индивидуальными были только последовательность, тональность, ритм и частота употребления матерных слов.

Отвлеченный руганью, я не сразу обнаружил, что ко мне пожаловал какой-то старик в поношенном милицейском галифе и двубортном, изрядно полинявшем пиджаке темно-синего цвета. Он выглядел живописным персонажем из довоенного кино. Старик-«милиционер» вежливо поинтересовался, можно ли присесть рядом, хотя таких, как он, на моем бревне безо всякого дозволения разместилось бы не менее двух десятков. От деда исходила тяжелая смесь запахов немытого тела, самогонно-табачного перегара и чего-то еще противно кислого. С первого взгляда нетрудно было определить: дед вежлив оттого, что собирается попросить сигарету.

Отодвинуться в сторону казалось неудобным. Это означало бы невольное выказать брезгливость к запаху человека «из народа», а попутно и отсутствие солидарности, не приведи, конечно, господь, с его «чаяниями». Но находиться рядом было и того хуже. Поэтому я снова закурил и встал, потягиваясь, делая вид, будто затекла спина.

– У вас, извиняюсь, сигаретки не будет? – глядя мимо моих глаз, вежливо поинтересовался старик в галифе.

Получив вожделенную сигаретку, он позволил себе прикурить от моей же спички, принял величавую позу с совершенно прямой спиной, закинул ногу на ногу и с какой-то мечтательной завистью произнес:

– Во как полосуются суседи! Во как выясняют. Эта Любка, она и правда совсем обнаглела – людям уже стекла бить начала. А ведь они как-никак денег стоят. Их никто тебе запросто так не подарить. То-то. А Андрияну чего теперь делать? Вон аж два окна рассадили ему, а от него, если

хочешь знать, и так баба на прошлой неделе ушла. Совсем ушла и барахло все с собой унесла. Оставила мужика, считай, голым.

Выдержав паузу, чтобы проверить, какое впечатление его речь производит на меня, старик смерил меня неодобрительным взглядом. Его лицо открыто вопрошало: «Да откуда тебе, в галстук, знать, каково это жить без бабы, без стекол и совсем голым?»

Между тем он продолжил свой комментарий:

– А эту Гаврилиху с первого этажа нечего и слушать. Ох, и противна, если хочешь знать, баба! Хоть бы не брехала, что ей не на что краску купить. У ей денег, если хочешь знать, как блох на кошке. Глянь вон, мурло какое себе налопала. Ажник вся, бедная, оплыла. Она ж торгашка. Каждый божий день семечками на углу торгует. Все наживается...

Заметив мое сомнение по поводу возможности разбогатеть на семечках, старик продолжал настаивать:

– А вы, я гляжу, зря думаете, что с семечек не заработаешь. Зря-зря. Будьте любезны, денежки – они капают потихоньку. И пусть, я извиняюсь, она не брешет зазря. Это вон Андрияну теперь не на что окна делать. Хоть подушкой, хоть собой затыкай.

Словоохотливый комментатор действующих лиц и исполнителей на время умолк, и я с удивлением обнаружил, как кардинально изменился вектор межэтажной дискуссии. Как быстро Любочка, ее подруга и «бедный Андриян» совместно ополчились на нелюбимую дедом Гаврилиху. Они втроем то хором, то поодиночке поливали ее самыми распоследними словами за богатство, полученное от продажи «вонючих семечек», за слишком «разъетое мурло» и за то, что живет «без забот и в свое удовольствие». Вся троица в точности повторяла слова старика. По всему чувствовалось, что так бывало уже не однажды в этом прохладном дворе и что этим случившимся скандалом дело не окончится.

Виктор Андреевич Алёхин родился в 1931 году в селе Щучье Эртильского района Воронежской области. Окончил Воронежский государственный педагогический институт, аспирантуру при кафедре философии ВГПИ. Кандидат философских наук. Работал учителем в школах Аннинского и Панинского районов, преподавателем Борисоглебского, Липецкого педагогических институтов, доцентом кафедры философии ВГПИ. Публиковался в региональных научных и литературных изданиях. Автор сборника рассказов и нескольких повестей. Живет в Воронеже.

Виктор Алёхин

ТОЛЬКО ТРИ СЛОВА

Рассказ

В приемную Коля Мошкин ворвался быстрее молнии. Как всегда, неутомимый, напористый, решительный, в синей спецовке, чувствительно пропитанной запахами машинного масла и еще какими-то горюче-смазочными материалами, красноречиво говорившими о его тесной, каждодневной связи с техникой. В его живых, быстрых глазах полыхало какое-то нетерпеливое и, по всей вероятности, очень страстное желание. Он чересчур торопился, будто куда-то безнадежно опаздывал, и по его разгоряченному, озабоченному виду было видно, что он явился сюда с непомерно важными проблемами. Наверняка срочное или даже сверхсрочное дело. Неотложное ни под каким предлогом, ни за какие драгоценности, даже под дулом пистолета или автомата. Как раз тот случай, когда немислимая экстренность и бьющее через край суперупорное стремление к цели могут быть выражены одним сильным и емким русским словом – горит! Откладывать запланированное мероприятие нельзя ни на одну секунду. Надо немедленно, прямо сейчас свершить то, о чем думал, мечтал не один день и не одну ночь. Промедление равносильно самоубийству. Свое намерение он осуществит здесь, в приемной. Хватит откладывать такое серьезное, судьбоносное дело в долгий ящик, на завтра или после-

завтра! Нельзя же, в конце концов, легкомысленно относиться к тому, без чего невозможно нормально жить на белом свете. Он весь сгорал той неутолимой жадью, которая была готова выплеснуться наружу бурным, весильным весенним половодьем.

Секретарша директора Света, молоденькая, смазливая девушка, только что окончившая факультет общественных связей, судя по ее солидной деловой серьезности, печатала на компьютере очень важный документ по срочному заданию начальства. Строгий вид секретарши как-то не очень сочетался с ее девичьей первозданной нежностью и мечтательными глазами, но, тем не менее, явственно показывал ее твердый и упрямый характер.

Как только Коля Мошкин, намагниченный и взвинченный, влетел в приемную и совсем неожиданно предстал перед взором Светы, она, как лань, спасающаяся от хищника, стремительно подскочила с насиженного места, с грохотом отодвинув кресло ногами, и опрометью шарахнулась к директорскому кабинету и, крестом распахнув руки, прилипла спиной к обитой черным дерматином высокой двери.

– Здравствуй, Светочка! – пристально наблюдал Коля за энергичными действиями секретарши.

– Здравствуй, Мошкин! – не то с укором, не то с обидой негромко сказала секретарша.

– Что с тобой, Света? – удивился Коля: – Вдруг перестала печатать, сорвалась с места, как ужаленная тысячьчу пчел. И стоишь вот у директорской двери, как бедная родственница, будто тебя распяли за какую-то страшную провинность.

– Мошкин, я тебя все равно не пущу к директору, – негромко, но решительно сказала секретарша. – Хоть ты молодой и подающий надежды инженер, но сегодня ты все равно не пройдешь к нему. Я сразу поняла, что ты опять пришел к директору по своим дурацким профсоюзным делам. Они у тебя никогда не кончатся. Сегодня ты не прошмыгнешь, как в прошлый раз, не проведешь меня на мякине, не обхитришь, не усыпишь мою бдительность. Я не отойду от двери. И не думай, Мошкин. Не пущу! – тихо, чтобы неслышно было в кабинете директора, предупредила она инженера: – Так что не строй никаких иллюзий!

– А я и не собираюсь к директору, – невинно улыбался молодой и активный профсоюзный деятель. – Откуда ты взяла, что я собираюсь к директору? Он мне сейчас нужен, как прошлогодний снег.

Мошкин пошел к столу секретарши, с демонстративным хладнокровием уселся в кресле, стоявшем напротив компьютера, с противоположной стороны рабочего места секретарши.

– Знаю я тебя, – с глубоким недоверием сказала Света. – Ты и прошлый раз клялся-божился, что не пойдешь к директору. Прикинулся бедной овечкой, а сам выждал удобный момент и прошмыгнул к директору. Я не успела глазом моргнуть. А директор в это время был занят. И он сделал мне хороший втык и предупредил, чтобы я больше никого не пускала к нему без его ведома. В противном случае выгонит меня с работы. Так и сказал. А без работы – ты сам знаешь... Работу сейчас не так просто найти. Кризис сказывается.

– Светочка, мне не нужен сейчас директор, – старательно и терпеливо убеждал профсоюзный деятель секретаршу. – Так что можешь сесть на свое место. Мне надо с тобой поговорить.

Света опустила руки, устав их держать в горизонтальном положении. Но от двери отходить не собиралась.

– Признайся честно, Мошкин, ты хочешь проскочить к директору, как прошлый раз. Но сейчас избрал совсем другую тактику. Хочешь усыпить мою бдительность. Не получится. Я не желаю оставаться безработной.

– Ты меня извини, Света, – виновато сказал Коля. – Тогда я действительно обманул тебя, обхитрил. Нехорошо, конечно, получилось. Света, я это понимаю. Но тогда мне нужно было обязательно поговорить с директором. Возникла очень острая ситуация. И без профсоюза нельзя было ничего сделать. Был кризис. А это дело нешуточное. Рабочие не получали зарплату. Нависла угроза увольнения многих сотрудников. На грани остановки оказались некоторые цеха. Люди ходили злые, угрюмые, недовольные. Работяги уже намеревались идти к директору. Могла случиться большая неприятность. Так что пойми меня, Света, и не злись на меня.

– Я на тебя не злюсь, – кротко сказала секретарша. – Но сейчас я тебя не пущу. Директор очень занят. У него иностранцы.

– Да не нужен мне твой директор! – весело улыбался Мошкин. – И иностранцы мне не нужны.

– А зачем тогда пришел?

– Светочка, я хочу сказать тебе три слова, – молитвенным голосом сказал Коля.

– Мне? – прислонила Света указательный пальчик к своей груди.

– Да, тебе. А кому же еще?

– Говори, я слушаю.

– Ты сядь на свое место. Чего стоишь?

– Нет, Мошкин, я не сяду, – недоверчиво смотрела секретарша на профсоюзного деятеля. – Ты человек непредсказуемый. От тебя всего можно ожидать. Знаю я тебя.

– Светочка, не нужен мне сейчас директор, – терпеливо убеждал Мошкин секретаршу.

– Если ты пришел ко мне, чтобы только поболтать со мной от нечего делать, то мне сегодня некогда. У меня много дел.

– Я пришел не для того, чтобы поболтать с тобой.

– Зачем тогда пришел?

– Светочка, я пришел сказать тебе только три слова.

– Говори, я слушаю! – настойчиво сказала Света.

– Да ты сядь на свое место, – упрашивал Коля. – И я скажу.

– Нет, не сяду! – демонстрировала Света свой характер. – Знаю я тебя. Опять обманешь. Ничего у тебя на этот раз не получится.

– Светочка, да не нужен мне твой директор. Поверь мне. Сядь на свое место. Я скажу тебе три слова. И ты сразу убедишься, что никакой директор мне не нужен.

– Нет, не сяду. Я не верю тебе.

Коля немного смутился, почесал затылок, взъерошил свою густую, пышную шевелюру.

– Свет, – просительно смотрел он на секретаршу.

– Что?

– Знаешь что?

– Пока ничего не знаю.

– Свет, – прошептал Коля.

– Что?! – усилила голос Света.

– Я тебя люблю.

Света скрестила на груди руки, потупилась и о чем-то задумалась. Потом пристально посмотрела на Мошкина.

– Я не верю тебе, – отчетливо, чуть ли не по слогам, сказала Света. – Это твой новый, изощренный способ притупить мою бдительность.

– Света, – смиренно сказал Мошкин, – я очень прошу тебя стать моей женой.

Света заалела, как майская роза в лучах утреннего солнышка. Она рассеянно посмотрела по сторонам, будто что-то искала, несколько раз переступила с ноги на ногу.

– А почему ты раньше не говорил мне об этом? Мы часто болтали с тобой в этом кабинете.

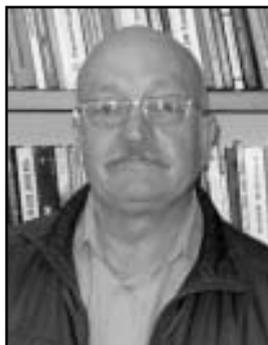
– Света, я же сказал тебе, что на заводе была очень напряженная ситуация. До личных проблем не доходили руки. А сейчас все коренным образом изменилось. Нам дали госзаказ. Все работают, исправно получают зарплату, настроение нормальное у всех. Все довольны. И поэтому директор мне не нужен. Мне ты нужна, потому что я тебя люблю и хочу, чтобы ты стала моей женой. Может, и сейчас мне не веришь?

– Сейчас верю, – еще ярче заалела секретарша.

– Сядь на свое место.

Света, опустив голову, подошла к своему рабочему столу, села в привычное кресло. И, не глядя на Колю, положила руки на стол. Коля положил свою широкую, сильную ладонь на ее руку и ощутил нежное тепло, впервые в жизни почувствовал себя счастливым человеком.

Виктор Михайлович Юров родился в 1955 году в поселке Введенка Эртильского района Воронежской области. В настоящее время директор Первоэртильского сельского Дома культуры. Публиковался в коллективных сборниках «Проба пера», «Эртиль поэтический». Стихи «Милая, помнишь ли ты?», «Неразменная монета», «Не моя ты любовь» положены на музыку и стали популярными песнями. Член литературного объединения «Эртильская волна».

Виктор Юров

УТРО

Ночь соловьями полна,
Запахом пьянит полынь.
Над горизонтом – луна
Падает в росную стынь.

Катится с неба звезда,
Бусинкой падает вниз.
В теплую воду пруда
Смотрится звездная высь.

Тихо. Деревня спит,
Окна-глаза смежив.
Перепел в поле стучит
Где-то у дальней межи.

Там, среди утренних рос
Вьется тропинка-змея.
В шелесте листьев берез
Прячется юность моя.

Милая, помнишь ли ты:
Ночи, слова, соловьи?
Как полевые цветы
Волосы пахли твои.

Мы целовались с тобой,
Взгляды тонули в глазах.
С нами играла в любовь
Ранней зари бирюза.

В этом беспечном раю
Счастье осталось мое.
С тихую грустью таю
Я это счастье свое.

С дождями промозглыми осень пришла
И жизнь замирает в селе,
И кажется, больше не будет тепла
На этой холодной Земле.

Махровая скука заходит в дома,
Оконное плачет стекло.
Насупившись, дремлет природа сама,
Но в комнате нашей тепло.

Но в комнате нашей – домашний уют,
Покой и родные глаза.
Пусть стужи-метели пути закуют,
Пусть где-то бушует гроза –

Мы – рядом. Обнимемся крепче, нежней –
Тогда и зима не страшна!
Она не навеки, и следом за ней
В окошко вольется весна!

Вновь на нашем пути – темень черная,
Брода нет через воды гремучие.
Тянет месяц лучи золоченые,
Да вот небо заложено тучами.

Вязнут кони в грязи аж до стремени,
Воют волки протяжно и голодно.
Где мы, кто нас ведет столько времени? –
Нет ответа. Но страшно и холодно.

И сбивают с пути ветры шалые,
И встают на дыбы кони сивые...
Только – чу! – впереди заводь алая –
Значит, утро, и значит, мы живы!

Мы прячемся ночью в домашнем тепле,
Диван, телевизор и чай на столе.
Но знаем, что где-то под небом ночным,
Снует кто-то черный по трубам печным.

И темные тени от желтой луны
Крадутся под окна вдоль черной стены.
И смотрят тоскливо в домашний уют,
И жалобно стонут, и жутко поют.

Наверно, им хочется к людям, в тепло,
Проникнуть сквозь тонкое чье-то стекло,
Присесть у камина и руки согреть
И, пробуя чай, телевизор смотреть...
Но скоро рассвет, и они, как всегда,
Пришли ниоткуда – уйдут в никуда.

Пятирим Николаевич Варфоломеев родился в 1947 году в городе Эртиле Воронежской области. Окончил отделение журналистики Воронежского государственного университета. Работал в эртильской районной газете, 2-м секретарем Эртильского райкома комсомола, в 1975 – 1980 годах – главный редактор воронежской газеты «Молодой коммунар». Более 27 лет был собкором газеты «Труд» по областям Центрального Черноземья. Лауреат региональных журналистских премий. Автор трех книг прозы и публицистики. Живет в Воронеже.

Пятирим Варфоломеев

ДАЙ ЛАПУ НА СЧАСТЬЕ

Непридуманнные рассказы о собаках

ПОЖАРНЫЙ ПО КЛИЧКЕ РЭМ

Хорошо помню, что в мои школьные годы в учебниках по литературе для начальных классов – они назывались тогда «Родная речь» – каждый год непременно публиковался коротенький рассказ о том, как пожарная собака вынесла из огня самую настоящую куклу, посчитав ее за маленького ребенка. Этот эпизод вызвал у толпы, стоявшей вокруг полыхающего дома, такой громкий смех, что он заглушил собой потрескивание горящих поленьев.

То ли этот случай был в действительности, то ли его выдумал детский писатель для детского учебника – кто теперь разберет? А вот то, о чем я расскажу ниже, произошло на самом деле, когда я учился еще в 5-м классе Эртильской восьмилетней школы, располагавшейся на территории тогдашнего колхоза «Красное знамя».

Была крайне ранняя и встречающаяся раз в несколько десятилетий сильная гроза в начале марта, когда еще лежали сугробы снега и по ночам случались легкие метели, а тут гремел сильный гром, в небе несколько раз полыхнули яркие молнии... Такое запоминается на всю жизнь. Тогда,

и это хорошо запечатлела моя детская память, от грозы загорелся колхозный коровник, в котором погибла не одна сотня дойных коров. Их сильно обгоревшие трупы несколько дней вывозили на грузовых машинах с колхозной территории, о чем доярки плакали с утра до вечера: ведь там были их любимицы, дававшие в день не по одному ведру молока.

Та самая гроза спалила на нашей улице саманный домишко, крытый давно уже почерневшей соломой.

Стихийное бедствие случилось поздней ночью, и весь наш поселок, естественно, спал глубоким сном. И поэтому, когда вспыхнул пожар, то не все сразу же бросились тушить его. Пока пламя озарило округу, пока соседи погорельцев проснулись, пока оделись, пока бросились кто с лопатой, кто с ведром, кто с вилами спасать объятый огнем дом, пламя сделало свое непоправимое дело – сильно поврежденные крыша и матицы вот-вот могли обрушиться. Вбежать в дом, чтобы вынести что-либо из оставшихся вещей, никто не решался, так как риск был огромным. Хозяева безутешно плакали, соседи сочувственно вздыхали, но помочь ничем не могли. И вдруг все заметили, что в горящую дверь сеней неистово рвется соседская собака Рэм. Ну чего ей там сейчас делать? Рэма звали отойти подальше, оттащивали от объятых пламенем крыльца. Не послушался. Изловчившись, он между людских ног все-таки прорвался в сени и через мгновение выскочил оттуда, неся в зубах маленького, пушистенького котенка. Все замерли: в суматохе никто не услышал жалобного писка, а Рэм уловил отчаянно-жалобное мяуканье и бросился спасать своего «брата меньшего».

Потом Рэм кидался в горящие сени еще не один раз. И так до тех пор, пока не вызволил из огненной ловушки пятерых котят, от которых мать, испугавшись огня, умчалась куда-то за огороды.

Когда пожар с помощью пролившегося дождя и усилий людей был полностью потушен, все внимание сосредоточилось на Рэме:

– Нет, ты скажи, а? – проговорил один мужчина. – Это ж надо среди такого гама и шума услышать писк котенка и броситься в огонь на спасение... Подумать только, что за отвага...

– Собака, она и есть собака, – вторил ему другой. – Для нее долг, службистость – это прежде всего... может, черта характера такая, а может, они не умеют думать об опасности и потому всякий раз рискуют. Вот создание, так создание...

СОБАЧЬЯ ВЕРНОСТЬ

Баба Сима умерла ночью. Вечером соседи, колготившиеся на своих подворьях, мельком замечали, как она кормила кур, ходила в колодец за водой, собирала опавшие с яблонь листья, которыми каждый год укрывала от приближающейся зимней стужи посаженные осенью чеснок, морковку и другую огородную мелочь. Ее любимец пес, по распространенной кличке Шарик, все это время крутился под ногами: «Ну, чего ты мешаешь ходить-то? Исть захотел, так скоро ужинать пойдем...»

Все. Больше бабу Симу живой никто не видел. Хватились утром: кур пора выпускать на волю, а курятник ее закрыт, как закрыта была и вечно распахнутая дверь в сени избушки.

Первой хватилась бабы Симы ее товарка Анастасия, что жила ближе всех от нее, да и наведывалась к ней с утра до вечера: то по каким-либо делам, а то и просто «погутарить», особенно по осенним вечерам, когда

дела все в основном уже были переделаны. Анастасия Петровна долго стучала и в дверь, и в единственное малюсенькое оконце из куска стекла, притороченное специальной замазкой. Баба Сима молчала. Лишь было слышно, как Шарик, забившись куда-то в угол, под кровать, произносил самые разные звуки: то злобно рычал, мол, никого сюда не пушу, то как-то скорбно, как это умеют делать только собаки, подвывал, а то переходил на хрипловатое тьяканье. Почувяв неладное, Петровна окликнула единственного на всей улице в эту пору мужика – Василия Герасимовича. Тот, часто семеня, прибежал к крыльцу с маленьким ломиком-фомкой, легко, безо всяких усилий снес с петель уже прогнившую дверь и тут же нарвался на злобное рычание Шарика. «Миленький, – заголосила Петровна. – Да мы ж все так тебя любим, ну, дай нам к хозяйке подойти...» Ни с места. Лег на коврик возле кровати, на которой упокоилась баба Сима – и знать никого не знает. Еле уговорили. Бабы бросились рыдать, мужики молча смахивали слезы. Да и как иначе? С каждым годом хуторян становится все меньше и меньше, да и баба Сима была у них «командир полка», то есть бригадир. Без ее команды ни одной работы в поле не начиналось.

Поголосив, Симины подружки начали перешептываться: с чего следовало начинать и кому чем заниматься? Дело-то нешуточное – человека в последний путь полагается проводить со всеми почестями.

Шарик тем временем, проскочив между ног собравшихся соседей, подбежал к сараю. Встав на задние лапы и потолкав передними не шибко запертую дверь курятника (так он поступал многие годы), выпустил на волю хохлаток, сам же, хлебнув на бегу водицы из кастрюли, улегся напротив крыльца и стал внимательно наблюдать за всеми, кто заходил к ним в эти скорбные минуты. Пес уже понял, что в их домишко пришла какая-то страшная беда.

Ближе к обеду Василий Герасимович привез на телеге из райцентра гроб, уже обитый темно-синим ситцем. Женщины начали приносить в Симин дом тарелки с какой-то едой. Некоторые протягивали Шарикку кусочек мяса или косточку, но он, глядя на них грустными глазами, молча отворачивал голову, словно говоря тем самым: «У меня горе вон какое, а вы со своей косточкой...»

Люди, вы люди! Если б вы только знали, что собаки каким-то только им одним известным чутьем узнают, радость или горе в их доме. И делают это безошибочно.

Свою любимую хозяйшку Шарик увидел только тогда, когда гроб с ее телом вынесли из дома. Он с радостным визгом, чем вызвал море слез у присутствующих, бросился к ней, но она никак на него не отреагировала. Тогда он ткнулся носом в ее руки, но она даже не шевельнула ими, не погладила, как прежде, по голове. И тут Шарик заметил, что Сима его какая-то холодная, а не такая, какой была всегда – теплой, нежной. Тихо поскуливая, песик отошел в сторону, туда, где поменьше людей, и, забравшись на пригорок, он еще раз увидел свою хозяйшку. В последний раз.

Мужики погрузили гроб на телегу, и похоронная процессия направилась в сторону деревенского кладбища. Там, как положено, постояли у ворот, а потом, петляя между холмиков, сгнивших крестов и поржавевших памятников, подошли к только что вырытой могиле. Женщины еще поплакали, попричитали по своей подружке, с которой вместе росли и вместе переживали радости и трудности, выпавшие на их долю. Шарик – хитрый пес – все это время шел за людьми: он должен был запомнить

тропинку до того места, куда относят его Симу, чтобы в любой момент найти к ней дорогу...

Крепкая, трогательная дружба у бабы Симы с Шариком началась давным-давно, когда она однажды далеко за околицей подобрала в поле маленький пушистый комочек. Это был щеночек, прибежавший на свекольную плантацию неизвестно из какого села, видимо, отбившись от своей мамы, он заблудился среди высоких листьев сахарной свеклы. Баба Сима завернула его в свой фартук и принесла домой. Напоила молочком, соорудила ему подстилку рядом со своей кроватью: он еще долго пищал и плакал. Выходила, выкормила она его, и он потом долго служил ей верой и правдой: помогал по хозяйству чем мог – к вечеру загонял курей на насест, а утром выпускал их на травку; громко тявкал, если чужой человек проходил мимо их подворья; лизал ее уставшие, морщинистые руки, когда она присаживалась отдохнуть на густую травушку-муравушку.

И так они прожили вместе около двадцати лет. Но всему – и плохому, и хорошему – бывает конец. Пришел конец и большой любви между бабой Симой и Шариком. Вот ее уже опустили в глубокую яму, вот уже и холмик возвели, крест дубовый поставили, прозвучал самодельный хор певчих – все честь по чести.

Бедный же Шарик тем временем все бродил вокруг, дрожа всем телом, и жалобно-жалобно поскуливал. Раз даже отчаялся – начал разрывать холмик, где, мол, тут моя Сима, но его сочувственно прогнали.

До сумерек он, не переставая скулить и жалобно подвывать, пролежал в кустарнике, что окружает кладбище, а потом сбегал на хутор и улегся было на своем крыльце, но тут его окликнула увидевшая горемыку соседка Симины и предложила ему еду. К миске с кашей Шарик даже не прикоснулся. Постоял, подумал о чем-то о своем и скрылся в темноте. Звали его, звали – не вернулся.

А на следующий день хуторской пастух рассказал такую историю: «Гоню я, значит, своих буренок к дальнему буераку, они уже много лет, как протоптали себе тропинку невдалеке от кладбища. И вот я слышу, что там кто-то плачет. Вроде и человек, а вроде и нет. То замолкнет на время, то опять начнет, да таким голосом – мурашки по телу. Я так оробел, что хоть в пору на хутор возвращайся. Остановился, прислушался как следует. Бог мой! Да это же собачка по-своему плачет. Я раздвинул ветки кустов, пригляделся и узнал в той собачке Симиного Шарика. Облегченно вздохнув, позвал его. Тот и хвостиком не вильнул. Только примолк малость. А когда стадо удалилось от кладбища, то я опять услышал жалобный плач. Ну, как ребенок, честное слово... Я потом много раз слышал все тот же плач и видел, как Шарик, свернувшись в клубочек, лежит на холмике и стонет, и стонет...»

Ближе к осени Шарик начал чаще похаживать в хутор: голод пробрал. Там его кто завтраком попотчует, кто – ужином, в общем, приспособился побираться. Так он осваивал новый для себя образ жизни без верного друга бабы Симы – горький, тоскливый, одинокий. Поест среди людей – и опять на холмик. И в дождь, и в жару, и в лютые морозы. Кто только из хуторян не пытался приласкать песика и оставить его жить у себя. Бесполезно. Ни к кому не пошел. Тогда все смирились с его поведением и перестали приставать к нему.

Однажды, дня два не видев Шарика на хуторе, самые жалостливые отправились на кладбище узнать, что там с ним? Шарик, вытянувшись почти во весь Симин холмик, лежал мертвым. То ли тоска его доконала,

то ли годы отсчитали свое. Как знать? Его закопали за кладбищенской оградкой – все поближе к хозяйшке.

С того времени, как умер Шарик, прошло уже порядочно лет, а рассказ о его верности бабе Симе живет и поныне. И кто бы ни приезжал в Терновку впервые, ему непременно поведают душещипательную историю о собачьей преданности. Стоит только спросить: «Это правда, что у вас на хуторе жила собачка, которая?..» И Симины соседки наперебой начинают рассказывать про удивительного песика.

Так и я, будучи в Терновке, услышал повествование местных жителей об исключительно чудесной собачке с распространенной кличкой Шарик.

МАЛЫШ РАЗДОРА

У моих знакомых, живущих через пару пятиэтажек, произошел развод, может временный, образумятся, снова будут жить вместе, а может быть, и навсегда разъехались в разные стороны. Причина – появившаяся в доме собака. Хозяин, Владимир Афанасьевич, безумно любил собак, а хозяйка, Елена Павловна, их просто ненавидела.

Все было ладно и мирно у них до тех пор, пока Владимир Афанасьевич не принес домой месячного щенка овчарки. Елена Павловна покосилась на «милое создание» и со слезами на глазах ушла в свою комнату.

– Ничего, Малыш, – так хозяин назвал своего любимчика, – все образуется...

Владимир Афанасьевич до города жил в деревне и всю свою молодость, с раннего детства, провел в окружении Вольки – пса без племени. Пристал он к ним, прижился на подворье да так и остался на многие годы. Владимир Афанасьевич очень к нему привязался, а Волька – в свою очередь, к нему. Вместе ходили на покосы трав, на рыбалку, по грибы.

Но все это было с весны до осени, а зимой Владимир Афанасьевич сооружал теплый домик для Вольки в снях, чтобы тот спокойно спасался от лютых холодов.

Так и поживали они, любя друг друга, пока Владимир Афанасьевич не женился и не переехал жить в город. Волька остался на попечении родителей жениха: они с удовольствием кормили его, поили, даже в дом к себе приглашали, когда мороз трещал «по всем швам».

Владимир Афанасьевич с Еленой Павловной жили душа в душу. Он работал главным механиком на крупном заводе – у него руки росли откуда надо, и голова работала на зависть другим. Елена Павловна, кандидат наук, трудилась в вузе, готовила докторскую диссертацию: пошла по стопам своих родителей – они у нее были ученые, и дочку к тому же наставляли.

И вот первый «гром грянул», когда в квартире появился Малыш: «теперь шерсти не оберешься», «квартира в сарай превратится»... «и чего ты с ним маешься, как дите малое...»

Нет, не понять было ей, городской женщине, воспитывавшейся в семье интеллигентов, без собак и кошек, не понять ей было, что это за особенная любовь к четвероногим животным.

Когда Малышу исполнился год, Елена Павловна однажды в сердцах сказала мужу:

– Ты бы его хоть на дрессировку определил. Все поумнее был бы, не рвал мои шлепанцы, штор с окон не стаскивал бы...

Владимир Афанасьевич согласился. Он вообще-то всегда прислушивал-

ся к советам супруги: ведь он вышел из механизаторов, хотя и широкого профиля, а она все-таки дочь ученых.

Походил по друзьям-собачникам, порасспрашивал про дрессировщиков, и они дали ему один адресок: «Собак знает, как свои пять пальцев, подход к ним имеет невероятный... Чего ты пожелаешь, тому он твоего Малыша и научит. Вот увидишь...»

Владимир Афанасьевич разыскал того дрессировщика, договорились о цене и днях занятий, о программе – чего предстояло делать и как вести себя Малышу.

Малыш оказался на редкость смышленным учеником – все схватывал на лету: «Ко мне!», «Рядом!», «Лежать!», «Нельзя!» и так далее.

Проучившись около года у дрессировщика, Владимир Афанасьевич поблагодарил его за все хорошее, рассчитался по полной программе и однажды с радостью захотел продемонстрировать жене все то, чему они научились. Та сначала смотрела с некоторым любопытством, потом – бах! «А кто будет шерсть за ним убирать, а кто лишний раз полы будет мыть, а кто гулять с ним пойдет, если ты задержишься на работе? Кто? Это я тебя спрашиваю?»

– Лен, ну все будет в ажуре. Вот увидишь!

– В ажуре, а уши на абажуре? Нет, надо что-то предпринимать, но с собакой я жить не намерена. Или он, или я.

Одевшись, она уходила из роскошной квартиры, в которую ее родители навезли и ковров, и диванов с пуфиками, и всяких других вещей.

Владимир Афанасьевич молча курил, молча гладил Малыша, опустившего голову до самого пола и, видимо, понимавшего, что все скандалы в семье случаются именно из-за него. Собачье сердце, наверное, разрывалось на части, но что-то толковое он придумать не мог. Подходил к хозяйке с ласками, она его отшвыривала ногами: «Прочь, псина, а то с балкона выброшу...»

И вот Елена Павловна придумала. Порылась она в записных книжках мужа и разыскала там телефон дрессировщика. Однажды, оставшись одна, она миленьким голосочком пролепетала дрессировщику:

– Вы не могли бы за плату взять у нас на время Малыша. У нас, видите ли, завтра ремонт квартиры начинается, а он, сами понимаете, какой обузой будет...

– Почему же не могу? Могу. Только кормить я его буду согласно рации, о чем вас ставлю в известность.

– Нет проблем. Хотя одна есть и очень существенная: вы не могли бы сейчас же приехать и забрать его? Я сполна оплачу такси.

– Могу. У меня своя машина имеется.

– Вот и славно. Аванс я вам выдам сегодня же на несколько месяцев вперед...

Бедняга Малыш, который уже давным-давно чувствовал неприязненное отношение к себе со стороны хозяйки, вдруг остро ощутил, что его ожидают какие-то большие неприятности. И они, действительно, не заставили себя долго ждать. А теперь, услышав ее разговор, Малыш забился в самый дальний уголок «своей» комнаты и, сидя там в ожидании большой беды, дрожал всем телом: «Вот оно и пришло то самое жуткое время, когда предстоит расставаться со своим любимым хозяином... Даже увидеть его, наверное, напоследок не успею...»

Где-то через полчаса зазвонил телефон, к Малышу подошла Елена Павловна и, как никогда ласково, залепетала: «Пойдем, мой дружок! Сейчас

я тебя покормлю, и мы отправимся с тобой гулять...» Собачье сердце сразу почувствовало что-то недоброе. Он, как его и учили никогда не ослушиваться хозяев, встал, прошел на кухню, но к еде не прикоснулся: из чужих рук он никогда ничего не брал. Да и какая еда, если у него из глаз катились крупные слезы...

Елена Павловна надела на него ошейник с поводком, намордник и скорее-скорее, пока муж не пришел с работы, выбежала с лестницы к уже поджидавшей красной «Ниве» дрессировщика. Тот резко взял поводок крепкой рукой и потащил собаку в салон машины. Бедный Малыш плакал, выл, огрызался, жалобно смотрел на Елену Павловну, но нет, не дрогнуло ее сердце, она, как каменная статуя, стояла и смотрела на всю эту процедуру.

Когда дрессировщик привязал поводок к ремню безопасности и Малыш, увы, уже ничего не мог предпринять, чтобы сбежать из этой проклятой машины, Елена Павловна протянула «спасителю» пачку купюр: «Просьба еще одна – все будет оплачено – пусть никто и никогда не узнает, где он, Малыш-то этот. А я вам буду изредка позванивать... Договорились? Ну, вот и славно».

– Я все понял, хотя и моя душа, как сейчас у Малыша, кровью обливается... Люблю я их, собак-то, во как, – и провел ладонью по горлу своему дрессировщик. – Если б не эти проклятущие деньги...

Обмахнул лицо кепкой, прыгнул на сиденье и исчез в неизвестном направлении.

Вечером Владимир Афанасьевич пришел с работы, разделся и первым делом позвал Малыша. Странно, но собака не отозвалась. Малыша нигде не было.

– Лен, а Лен, это что за фокусы?

– Понимаешь, он запросился погулять, а я только что голову вымыла и не могла с ним на холод выйти. Выпустила одного. Думала, что он не маленький уже, погуляет и придет...

– Думала, думала...

Александр Афанасьевич оделся и ушел искать собаку. По несколько раз обошел все их любимые места – нет. В полночь вернулся домой, сидел, ждал всю ночь – не дождался. Отправился на работу, якобы на работу, а сам, взяв машину, поехал искать дрессировщика, что жил недалеко от города. Его дома не оказалось, а жена сказала, что он отправился на недельку к другу. «Как так, а где мой Малыш?» – «С собой взял...»

Владимир Афанасьевич, едва не расплакавшись (он все понял), оставил записку для дрессировщика и побрел к своей машине, одинокий, без Малыша...

Ночевать поехал к другу в общежитие, а жене позвонил, чтобы она его не ждала до тех пор, пока Малыш не вернется в их квартиру: «Вернется – перезвонишь моему другу. Вот номер».

Звонка Владимир Афанасьевич не дождался ни через сутки, ни через месяц, ни через три. Съездил еще раз к дрессировщику, но того опять не оказалось дома. Оставил еще одну записку, но только уже более привлекательного характера: в смысле суммы за Малыша.

Заехал на квартиру к Елене Павловне, наскоро покидал свои пожитки в сумки, снял со стены фотографию, где он с Малышом в обнимку, закрыл за собой дверь, ключи опустил в почтовый ящик и покатил, не оглядываясь, в свою деревню.

Где-то через пару лет пришло от дрессировщика письмо: «Так, мол, и

так, прости и пойми меня, твоя же жена «наколола меня» с ремонтом квартиры, я решил вам помочь. Тут, как назло, покупатель крутой под-вернулся, как глянул на твоего Малыша, так и давай сразу доллары от-считывать. Я не устоял. Но если ты все еще помнишь своего Малыша и любишь по-прежнему, то кати ко мне, как-то будем улаживать дела. Мужики все же... Денег бери побольше».

Владимир Афанасьевич в тот же вечер, собрав все купюры и у себя, и у соседей, помчался к дрессировщику. Разговор с новым хозяином Малы-ша оказался на редкость доброзелательным: «Вот если он тебя узнает по первому зову и бросится, как к своему хозяину, то так и быть, уступлю. Я ведь тоже очень люблю собак, хорошо их понимаю, как, впрочем, и отношения в семье... Давай, пошли за угол, и крикни, но только один раз. Понял?»

Владимир Афанасьевич со всей свитой зашел за угол дома и, как уго-варивались, крикнул только один раз: «Малыш!» Все сразу стало ясно. Малыша отпустили с привязи, и он, взвизгивая от радости, бросился к своему первому хозяину, начал лизать его в самое лицо, бегать кругами. Так и казалось, что не выдержит собачье сердце, разорвется от счастья на куски.

Не разорвалось.

«РЕКС! КО МНЕ!» А В ОТВЕТ – ТИШИНА...

Сколько я себя помню, в нашей семье – на дворе ли в райцентре, или позже, в воронежской квартире – постоянно имелась собака. Сначала это были беспородные дворняжки, хотя, если присмотреться к ним повнима-тельнее, ума у них тоже можно обнаружить довольно много. Приведу лишь пару примеров. Моя старшая сестра Мария после окончания ко-оперативного техникума работала бухгалтером в райпотребсоюзе, где од-нажды приняли решение направить ее в Острогожск на курсы повыше-ния квалификации. Там она и познакомилась со своим будущим мужем. О дружбе с молодым человеком она писала домой более года, а о приня-том решении идти в ЗАГС умалчивала. И вот где-то за неделю до их визи-та в стол ответственный «орган власти» нашу собаку словно подменили: она начала и днем, и ночью жалобно скулить. И все больше и больше, чем не давала покоя ни нашей семье, ни соседям. В ветлечебнице, обследовав пса, сказали, что он абсолютно здоров. И лишь когда состоялась регист-рация брака, когда отплясала свадьба и отпела, наш песик «вошел в свои берега»: перестал выть, скулить – успокоился. Ну, вот чем объяснить его скулеж? Конечно же, только одним – предчувствием (только ему данным), что член семьи покидает родительский дом.

Второй раз наша собака повторила свои завывания за несколько суток до того, как мне вручили повестку из райвоенкомата для отправки на службу в армию. Почуяла расставание на три года? Не иначе. А уж в са-мые последние дни моей «гражданки» она вообще не отходила от хозяи-на, перестала есть, пить, глядя на меня, то и дело смахивала лапами сле-зинки с глаз.

Да разве после таких пережитых случаев не поверишь, что собака куда острее человека предчувствует, что в семье, в которой она живет, произой-дет что-то грустное, связанное с расставаниями? Это ли не загадка при-роды, которую вряд ли когда-нибудь удастся разгадать даже самым боль-шим ученым мира.

«Они соображают...» – уверенно говорят владельцы собак о своих питомцах. И любители четвероногих, кажется, близки к истине. А что? Собака – существо умное, возможно, самое умное после самого человека. Ведь она в некотором роде является его тенью: живет рядом с ним, внимательно наблюдает за его повадками, «изучает» по интонации голоса, внимательно вслушивается в часто повторяемые им слова.

«Неверно думать, будто собаки понимают только интонацию и глухи к звуковому составу слова», – пишет Конрад Лоренц, австрийский ученый, Нобелевский лауреат, автор книги «Человек находит друга». Известный знаток психики животных Саррис неоспоримо доказал это, дав своим трем немецким овчаркам имена Харрис, Арис и Парис. Когда хозяин приказывал: «Харрис (или Арис, или Парис), место!», вставала и печально плелась к своей подстилке именно та собака, которую он называл. С такой же точностью команда выполнялась и тогда, когда она подавалась из соседней комнаты, что исключало какой-нибудь невольный подсказывающий жест. Мне иногда кажется, что умная собака, привязанная к хозяину, способна узнавать не только отдельные слова, но и целые фразы. Когда я говорил: «Мне пора идти», то мои овчарки Тита и Стаси немедленно вскакивали даже в тех случаях, когда я старательно сохранял нейтральный вид и произносил эту фразу без какой-либо особой интонации. С другой стороны, ни одно из этих слов, произнесенных в другом контексте, не вызывало у них ни малейшей реакции...»

Довольно часто приходится слышать жаркие споры, какой породы собака лучше? Это, смотря для каких целей, а они бывают разными.

«Для охоты, например, выведено сто пятьдесят различных пород: мощные волкодавы, великолепные бегуны, лазальщики по норам за лисицами и барсуками, чуткие следопыты, собаки-нырятьщики, собаки, способные остановить убегающего медведя. А что касается иных всяких служб собак человеку, то их великое множество. Собака-сторож, собака-пастух, собака-пожарный. Собаки находят по следу воров, разоблачают перевозчиков наркотиков, находят утечки газа, вывозят раненых с поля боя, мчатся с пакетом взрывчатки под танки, охраняют границы, водят слепых по улицам города через самые сложные улицы со светофорами, возят грузы, спасают людей в горах, по запаху находят залежи металлов и минералов, ищут грибы... Для разных служб выводились специальные породы собак. При этом в расчет принимались непревзойденное чутье их (способность, например, за полсотни шагов почувствовать сидящего в траве перепела), способность собаки к быстрому бегу, силу, отвагу и, конечно, преданность человеку-хозяину», – писал наш земляк, великий знаток природы Василий Песков.

А каких собак больше всего служит на границе, в милиции, в органах чрезвычайных ситуаций? То-то. Конечно же, овчарок. Они, главное дело, лучше других поддаются дрессировке. В чем я убедился на собственном опыте. Правда, когда они пребывают еще в детском возрасте, то от них можно ожидать множество любых выкрутасов. Мой Рекс, а именно такую кличку дали мы на семейном совете крошечному питомцу, книг, как Белый Бим в повести Г.Н. Троепольского, не грыз. Но вот башмакам доставалось по полной программе. Стоило кому-либо – своим или гостям – оставить в прихожей туфли или ботинки, как они тут же оказывались в остреньких зубках песика. Из-за него пришлось приобретать специальную

полку для обуви. Ну, а уж о шлепанцах и говорить не приходится. Один тапок Рексик мог «разобрать на запчасти» за считанные минуты.

С возрастом он, ясное дело, стал все больше и больше понимать, что можно, а что нельзя. Одним словом, к 8-9 месяцам здорово поумнел, вымахал в красивого «восточника»: за экстерьер ему на выставках ставили неизменную «пятерку».

Тут, кстати, можно еще раз вспомнить о домашних тапочках. Каждый раз, приходя с улицы, я, естественно, переобувался в прихожей: снимал ботинки или зимние сапоги, шел в свою комнату, приносил оттуда шлепанцы и обувал их. Я видел, что мой Рексик наблюдал за этой процедурой очень внимательно. И вот однажды он удивил меня самым неожиданным образом. Я вернулся домой, по сложившейся традиции поздоровался с ним – протянул ему руку, а он, присев, подал мне лапу. Затем я принялся развязывать шнурки. Еще не успел с ними справиться, как увидел, что Рексик несет мне тапочки. Вот это да! Принес, положил передо мною, сел и смотрит на меня вопросительным взглядом: «Ну, что, хозяин, я все правильно сделал?» – «Ах, ты моя умница! Да молодец ты, мой Рексюша!» Я его и гладил, и к груди прижимал, и вкусеньким угостил. А как же? Он ведь сам догадался. Этому его никто не учил, не подсказывал. Да и мне ни разу в голову не пришло попробовать приучить его приносить мне тапочки в нужную минуту. И тут мне невольно пришли на ум строки Купера: «Дана им мудрость тонкая чутья, / И по лицу, по виду человека, / Цель тайную его прочесть умеют...» А ближе к году его можно было научить, кажется, чему хочешь.

Вот мы пришли с утренней прогулки. Разделись. Я снял верхнюю одежду. А с него – намордник и ошейник с поводком, положили на место все предметы, которые он аппортировал на прогулке. Я, мешая творог (собакам он до года крайне необходим, чтобы кости и зубы были крепкими и красивыми) с молоком и медом, говорю: «Рекс! Неси чашку, чашку неси, ам-ам будем». Он какое-то время смотрит на меня очень внимательно, при этом крутит головой, вдумываясь в сказанные мной слова. Сообразив, что от него требуется, опрометью бросается в свой уголок и приносит в зубах алюминиевую миску. В виде поощрения за хорошо выполненную команду отдаю ему вкусный завтрак.

Позже научил его «делиться» пищей без рычания и оскалов, а так, чтобы он молча позволял хозяину брать у него из-под носа миску с пищей, хотя он только начинал уплетать (без чавканья!) честно заработанный обед.

Или. В квартире через комнату от моего кабинета (а я тогда работал собкором «Труда» по Центральному Черноземью, и корпункт находился в одной из комнат) располагалась спальня моего отца, которого все мое относительно большое семейство звало не иначе, как дедушка. Сижу, работаю за письменным столом, решил перекурить. Рекс, как всегда, лежит у левой моей ноги – ну, ни на шаг от меня, когда я дома. Беру газету, сворачиваю в трубочку и подаю ему: «Возьми!» Встает и берет газету в зубы. Ждет очередной команды. Говорю: «Отнеси дедушке». Несет точно по адресу, хотя в квартире пять комнат и шестая – кухня. Отдает ему газету и довольный мчится ко мне, мол, хозяин, я твое задание выполнил, где поощрение? Незамедлительно даю ему заранее приготовленный сухарик.

Однажды мой Рексик, выполняя роль почтальона, такое отчебучил – никогда не забуду. Свернул я в очередной раз газету, дал ему, он побежал к дедушке. Я только склонился к пишущей машинке, как слышу, что он

прибежал назад и... с газетой. «Это что такое? Ах, ты неслушник! А ну, живо отнеси газету дедушке!» Тогда он медленно дошел до двери моей комнаты и остановился. Стоит и смотрит на меня. А смотрит так, словно зовет за собой. Встаю со стула, иду за ним. Вот это да! Вот это умница мой Рексик! Оказалось, что дедушка наш вздремнул, а песик и будить его не стал, и газету на пол не бросил, а вернулся с ней ко мне.

А еще он с большим удовольствием носил в зубах хозяйственную сумку от дома до рынка, в которой я приносил ему косточки, ливер говяжий. Наступает «мясной день». Я иду на лоджию, где стоял его «персональный» холодильник (друг подарил за ненадобностью), и как только я брал ту примечательно пропахшую сумку, как Рекс весь преображался: и прыгивал, и радостно повизгивал, и лапу мне без просьбы протягивал – светился весь. В конце концов, отбирал у меня вежливо сумку, крепко прихватывал ее зубами, и мы одевались. Кроме ошейника, я вешал ему на шею намордник, брал за поводок. Шагаем на рынок. Рекс четко идет рядом (и без поводка можно было бы, но кругом дети играют, мало ли кому что в голову взбредет) и гордо несет в зубах сумку. Многие оглаждаются, улыбаются. У мясного павильона я беру у него сумку, надеваю намордник на всякий случай и, ни к чему не привязывая, даю команду: «Лежать! Место!» Он ложится и лежит, не сводя глаз с дверей, в которые я вошел за косточками, – это я наблюдал за ним через окно павильона. Мимо проходят десятки людей, некоторые приостанавливаются полюбоваться умной собачкой – ни на кого не обращает внимания. Ждет меня. И только уж самым надоедливым, пристающим к нему с разговорами «зрителям» тихонько произнесет «ры-ры-ры», оскалив свои белоснежные зубы, и тогда все оставляют его в покое, обходят стороной.

Рекс, сидя, стеклянную вазочку мог на лбу держать пару-тройку минут, не шелохнувшись, мог безошибочно делать выборку – это когда от него требовалось из десятка карандашей, извлеченных из коробки, выбрать именно тот, что я незаметно для него (обозначив свой запах) покатаю в своих ладонях, мог за считанные минуты разыскать спрятанный на самом верху книжного шкафа спичечный коробок. Мог... Всего не перечислишь. Хотя, пожалуй, можно было бы постараться, но не могу: ком к горлу...

В возрасте год и три месяца мы приступили к более сложным тренировкам. Сначала на спецплощадке ДОСААФ (была такая, но к великому огорчению многих собаководов куда-то бесследно исчезла) научились ходить по высоким лестницам вверх-вниз, сначала вместе, а потом он один проделывал это упражнение; бегать по скользкому бревну, преодолевать всевозможные препятствия, ползать под сеткой...

Несколько позже я договорился с профессиональным дрессировщиком, семь лет отслужившим в армии инструктором служебного собаководства, и началась воистину серьезная работа. Всего, что мы изучили за полтора года, занимаясь по два часа три раза в неделю, описать просто невозможно. Скажу лишь, что мой вчерашний игрун-несмышлениш превратился в умнейшую овчарку. С первого слова, а то и жеста руки выполнял все команды – от простейших до самых сложных: охрана квартиры (когда хозяин дома и когда дома никого нет), охрана машины, дачи, всех членов семьи. И многое-многое другое.

Об этих занятиях можно рассказывать бесконечно. Но я коротенько остановлюсь лишь на уроке, тема которого «Треугольник» – охрана хозяина в сложнейшей ситуации. Я пристегиваю к ошейнику Рекса длин-

ную парашютную стропу (все магазинные поводки он рвал, натянув своим мощным телом, как тоненькие веревочки), а другой конец стропы крепко привязываю к дереву, к которому сам становлюсь спиной. И в это время «внезапно» с трех сторон появляются «чужие» – трое помощников инструктора с палками в руках. Каждый из них старается дотянуться до меня палкой, а Рекс должен был не допустить ни одного из них до хозяина. Уж как увертывался и метался он – уму непостижимо, но ни один из «нападающих» не приблизился ко мне и не нанес «удара».

Закончили мы курс обучения поиском «чужого» по следу, приобретая, таким образом, «высшее образование». Начинали с «горячего» следа. «Горячий» – это когда помощник инструктора незаметно скрывался в неизвестном направлении, и всего лишь спустя минут 15-20 мой Рекс, которого я держал на поводке, должен был, обнюхивая землю, траву, кустарники, идти по следу «преступника» и настичь его – мы отработали довольно быстро. Но потом-то пошли часовые следы, двухчасовые, трехчасовые... На этом мы и остановились. Хозяин, то есть я, выбивался изо всех сил, едва удерживая в руке туго натянутый поводок: Рекс рвался за «чужим».

Экзамены по «Общему курсу дрессировки» и по «Защитно-караульной службе» Рекс сдал на «отлично», о чем свидетельствуют дипломы и золотые медали, которые я буду хранить до конца дней своих: это же награды Друга. Тем более, что было время, когда мы с ним задержали на даче настоящих преступников, и генерал УВД вручил мне за этот поступок именное оружие, о чем писали газеты, показывало телевидение, сняв сюжет о Рексе на даче. А кинологи из ГУВД, прослышав о моем Друге, однажды в выходной приехали и попросили показать, что он умеет делать.

Я закрыл Рекса в гараже, чтобы он ничего не видел. Один из кинологов, облачившись в дрескач – спецодежду, которую не прокусит собака, – походил по тропинкам садового участка, потоптался у калитки, а потом через луг, через мостик над руслом старой реки, опять через луг удалился в лес и там в глуши забрался на дерево. Где-то с полчаса мы с кинологами курили у милицейской машины, разговаривали о делах собачьих, и, наконец, их старшой сказал: «Пора». Я вывел на поводке Рекса из гаража, и он тут же занервничал, учуяв на тропинках сада запах чужих следов. И потащил меня к калитке, где, немного покрутившись, бросился по той самой тропинке, по которой ушел кинолог в дрескаче. Я его подбодрил: «Рекс! След! Ищи!» И он потащил меня за собой во всю прыть. К мостику через русло, лугом к лесу, а там – именно к тому самому дереву, на котором сидел «чужой». Задрав голову и увидев преследуемого, сам начал пытаться карабкаться по стволу, чтобы «взять беглеца». По моей команде Рекс отошел в сторону, но на месте устоять не мог до тех пор, пока «чужой» не спустился на землю, и под команду «Охранять!» мы повели его к машине. Стоило кинологу в дрескаче сделать шаг влево или вправо, как мой пес тут же бросался за ним.

Кинологи, посмотрев еще тройку продемонстрированных Рексом приемов, начали было со мной вести переговоры о... купле-продаже моего Друга: «А ты себе еще купишь и воспитаешь... У тебя это получается...» Я надолго потерял дар речи: «Рекса? Продать?! Да ни за какие миллионы. Друзья не продаются...» И даже сам не зная почему, так сильно обиделся на парней в милицейской форме, что ушел от них не попрощавшись... В тот день я, кажется, десятки раз подзывал Друга к себе, чтобы убедить-

ся, что он остался со мной, крепко обнимал его за шею и все повторял: «Ни за какие миллионы... Да, Рексюш».

А Рекс и в действительности, будучи уже в столь почтенном возрасте, запросто мог перевоплотиться в Рексюшу. Хорошо помню, когда ему было уже более шести лет, мы в квартире установили елку и начали ее убирать – Новый год на носу. А мой трехлетний внук Борька принялся тем временем «наряжать» Рекса. Уж он ему куда только не наприкреплял, не напризывал игрушки и ленточки: и на шею, и на уши, и на лапы, и на хвост... Все вытерпел мой любимчик. Лежит себе спокойненько, понимает, что имеет дело с маленьким человечком, ну как тут на него рывкнешь?

Ах, какие славные 18 лет прожили мы с моим лучшим Другом в жизни – Рексом! Почти не расставались. Он и в командировки со мной на машине по городам Черноземья ездил, и на даче «помогал» работать. Я, как правило, грядки осенью копал по ночам (днем все некогда, все дела), а вечером включу мощную лампочку на крыше – и лопату в руки. А Друг мой, четко исполняя свои обязанности, ложился у калитки и нес караульную службу. Соскучившись, покидал пост и приходил ко мне, ластился, вилял хвостом; я нагнусь, чтобы погладить его по спине, а он, уловив момент, чмок меня в щеку... «Поговорим» мы с ним минутку-другую, и он опять отправляется на «боевое дежурство» охранять хозяина. Верный и преданный был – не передать. Это надо было прочувствовать, рассмотреть, прочитать в его умных карих глазах. Люди живут разумом, расчетом, а собака просто любит, а коли любит, то отдается этому без остатка, такова ее натура. Когда-то далекий пращур наш, которого мы уже не можем рассмотреть за дальностью веков, подарил хищному зверю свою первую ласку, свое первое человеческое тепло, и зверь ответил на это такой силой преданности, которая по сей день не перестает изумлять, показывает нам, людям, как на самом деле надо любить. Вот и я, внимательно глядя в глаза Рекса, ни на секунду не сомневался, что, если потребуется, то он за меня отдаст свою жизнь.

...Если я уезжал в командировку более чем на 2-3 дня, то обязательно звонил ему по телефону. Я, например, в Москве, а он – в родной воронежской квартире. Звоню. Ему подносят трубку, я зову его: «Рексик, родной!» Эх, что тут начиналось! Словами не передать. Но зато после телесеанса он охотно шел на пищеблок, то есть на кухню, и начисто вылизывал все тарелки. До того не ел: хозяина нет, какой уж тут аппетит.

Кстати, о еде. Бывало, приедем на выходные на дачу, а с бутербродами выйдет просчет и с его косточками тоже. Так я съем последний кусочек хлеба, а ему отдам последний кругляшок колбасы. Уж как он мог прочувствовать, что кусок последний, но только не берет его и все тут. Вижу, что ему очень хочется проглотить этот лакомый кусочек, а не берет. Пододвигнет кругляк полукопченой носом ко мне поближе, ляжет, положив мордочку на передние лапы, вздохнет, а сам смотрит на меня уговаривающе, мол, съешь, хозяин, сам. В конце концов, я на глазах у него делил кусочек пополам, и мы вместе уплетали «остатки роскоши».

А время тем не менее шло своим чередом. То мы с Рексом играли в снежки, то уже купались в реке, то высаживали рассаду из парничка, то собирали новый урожай. Год сменял другой. И каждый раз, глядя на могучую спину «волкодава», у меня больно-больно становилось в левом боку груди: а ведь близится час расставания. Как ни утешал себя тем, что некоторые собаки такой породы живут и до 20 лет, арифметика получалась грустной. Вот уже и 17 исполнилось, а родились мы с ним (вот со-

впадение) в одном месяце, в марте, с разницей всего лишь в десять дней. Вот и весна отзвенела ручьями... И кто знал, что это была последняя наша с Рексом весна. Мы бегали с ним по мартовским островкам снега, залежавшимся в весеннем лесу, обнимаясь, кувыркались на зеленом лугу, и ни он, ни я не предполагали, что появившиеся первые желтенькие цветочки для нас – последние...

Летом я все чаще начал замечать, что Рекс стал меньше бегать да и вообще ходить. Приедем на дачу, он сначала с радостью выскочит из салона автомашины, обежит свои владенья, походит по тропинкам (мы с ним с детства договорились, что ходить можно только по тропинкам и не топтать грядок) и тут же возвращается к машине. Как-то по-стариковски неуклюже вскарабкивается на заднее сиденье да так и остается лежать, все чаще вздыхая и посматривая на мир все более тускнеющими карими глазами.

Умер он незадолго до Нового года. В тот вечер Рекс отказался от ужина, каким-то виноватым взглядом обвел всех сидящих за столом и медленно-медленно ушел на свое место – на ватный коврик, лежащий более полутора десятка лет в углу моей рабочей комнаты. Я отложил ложку и пошел следом за ним: «Ну, что, Рексюш, худо тебе, да?» В ответ он еле-еле пошевелил кончиком мощного длинного хвоста. Я все понял. Сел на пол, привалившись спиной к стене и положил его голову себе на вытянутые ноги. Он с детства любил так лежать: голова на моих коленях. Я гладил его по широченному лбу и вдруг заметил, как две бусинки-слезинки выкатились из его глаз и по щекам скатились мне на брюки. Следом – у меня. Я прощался с лучшим Другом на свете. И чтобы там в мире ни говорили про собак, на мой взгляд, нет существа вернее и преданнее, чем собаки, особенно, овчарки. Оглянитесь вокруг: там жена ушла к другому, там сын жестоко обидел отца, там сестра крупно поругалась с братом... А собака? Овчарка? Изменить хозяину? Обидеться на него? Да ни в жизнь!!!

Мы – двое мужчин – оба заметно поседевших за последние часы, молча сидим в скорбном уголке комнаты и молчим. Я, как кинолентку, перекручиваю в памяти всю его жизнь, стараюсь вспоминать как можно больше радостных и веселых мгновений. Не получается. Сердце как сжалось в комочек с вечера, так до утра и не разжалось. И капли не помогли. Ни корвалол, ни валокордин. На рассвете его не стало. Я бережно завернул безмерно дорогое для меня, уже остывшее тело в байковое одеяло и позвонил сыну: «Коля! Приезжай пораньше. Поедем... Рексу... могилку копать...»

Морозы уже как следует проникли вглубь земли, в декабре день короткий, и до темна надо было любой ценой успеть проводить Друга в последний путь. Похоронить, не раздумывая, решил не на какой-нибудь чужбине – в лесу или в глухом поле, а у себя на даче, там, где с ним провели большую часть из прожитых им 18 лет.

Штыковой лопатой, ломом, шоферской монтировкой, топором целый день мы с сыном, меняя друг друга, долбили промерзшую землю. Подходили мужики, жаждущие опохмелиться, предлагали свою помощь, мы с сыном их прогнали. Нам самим хотелось своими руками соорудить «домик» для Рекса. Это было последнее, что мы могли сделать для него за его верную и надежную многолетнюю службу. Ямку разместили у самой калитки («Охранять, Рекс!») под раскидистым кустом сирени. Славная получилась ямка. Строго прямоугольная с ровными отшлифованными

боковинами. В нее-то мы с сыном с превеликим трудом – уж больно тяжело был приятель, а тут еще мешали ветки сирени – уложили в эту красивую яму, будь она неладна, нашего дорогого Рексика. На-всег-да.

Вот и стемнело. Обрато машину вел сын. Я не смог – глаза от слез были покрыты непроглядной пеленой: «Ах, какого дружка потерял я...»

В моей жизни – это уж я знаю точно – Рекс был моей последней собакой. Завести новую не позволяют два обстоятельства: первое – мой возраст (а с собакой надо много играть, бегать и даже преодолевать препятствия), второе – на мою пенсию мне ее не накормить так, как полагается по науке. Это 20 лет назад можно было, образно говоря, за копейки набрать на рынке в мясном ряду и костей, и обрезков, целую говяжью голову отдавали перед закрытием рынка почти задаром. А теперь что кости, что ливер стоят столько, что всей моей пенсии не хватит на месяц проорма одной собаки.

Ну, что ж... Я благодарен судьбе и за то, что она однажды подарила мне Рекса, прадед которого – Динго, как видно из официальной родословной, в 1983 году был чемпионом мира. Я счастлив, что прожил с Рексом 18 неразлучных лет – вместе спали, вместе ели, что мог смотреть в невероятно преданные, верные глаза. Много чего было хорошего. Добрых воспоминаний хватит на всю мою оставшуюся жизнь...

Я очень благодарен тебе, мой Дружище. Ведь это только ты по-своему, по-собачьи, мог снимать с меня усталость, врачевать порой измотанную работой, жизнью душу. Ты был у меня, Рекс, и до сих пор частенько приходишь во сне и, кажется, как когда-то залезаешь с головой ко мне под одеяло, тычешь мокрым носом в бок: «Хозяин, вставай, гулять пора...»

И теперь, приезжая на дачу, я каждый раз, раскрывая калитку, тихо шепчу: «Привет, Дружище!», а уезжая – «Пока, Рексик!» Когда обваливаются совсем уж грустные минуты, беру скамеечку, подсаживаюсь к холмику под сиренью и разговариваю, будто с живым. Перед моими закрытыми глазами он-то – живой!

А каждой весной, когда сирень бушует своим неотразимым цветом, я наламываю огромный букет и привожу дочке Олечке в город: «Это – от Рекса...»

*Стихи
эртильских
поэтов*

У КРУТОЙ ИЗЛУЧИНЫ

Александр Костин

ЖАЛЕЮ, ГРУСТИ НЕ ТАЯ

Ты уж не та, совсем не та;
Прошло немало дней,
Утихла в сердце маета,
И взгляд стал холодней.
Ушла в себя ты, присмирив,
Как роза в летний зной,
Ты изменилась, постарев,
Чужою став женой.
Я не могу уже назвать
Тебя своей, родной,
Ведь ты теперь хозяйка-мать
И не в родстве со мной.
Жалею, грусти не тая,
Хотя забыть пора.
Пусть ты сегодня не моя,
Мне дорого вчера:
Когда взметнулся пушек гром,
Когда повисла мгла,
О ком-нибудь чужом, другом
Подумать ты могла?
Нет, знаю я, что ты тогда
Грустила и ждала:
Стояла бранная пора,
Война кругом была.
В бомбежки, в минометный шквал

Казалась смерть ясна,
Тебя я звал, тебя я ждал –
Ты шла, моя весна.
Я фотографию твою
Как символ жизни нес,
И мне с тобой в любом бою

Было легко до слез.
Жалею, грусти не тая,
Хотя забыть пора.
Пусть ты сегодня не моя,
Мне дорого вчера.

Не грусти, и пусть таков удел,
Ведь тебе значительно виднее,
Отчего мы в лихорадке дел
Не успели сделаться роднее.

Дни, как прежде, мчатся в суете,
Жизнь твоя теперь уже полнее,
И тебе на этой высоте
Видится и дальше, и яснее.

Я такой же: скачу налегке
Без любви, без радостей и вздохов,
Счастье вижу где-то вдалеке,
И, быть может, это и неплохо.

Дни бегут. Пройдут еще года,
Может, на каком-то полустанке
Мы друг друга сможем угадать
По былой походке, по осанке.

А теперь... Ну что ж, в счастливый путь!
Ты – налево, я поеду прямо,
Я еще успею повернуть:
Время удивительно упрямо.

Людмила Коневец (Колпакова)

Я смотрю на старух бестолковых,
Как их внуки ведут по двору.
От утиных и разночулковых
Я от ног их со смеха умру.
Наблюдая их шаг неуклюжий,
И походки слепой виражи,
Вижу, как салютуют им лужи,
И склоняют тайком падежи.
Каждый день от них слышу: «Мол, кто ты?»
Одолею их проклятый склероз.
А соседи про них анекдоты
Сочиняют со смехом до слез.
Их жалея, сама замечаю,
Что в каком-то туманном бреду
Уж на шпильках всюю я хромаю
И качает меня на ходу.
И когда-нибудь вслед я услышу,

Как парнишка, идущий за мной,
Скажет другу: «На пейджер запишем
Трепыханья эпохи иной».

Под лета уходящего мотивы,
Где грусть туманом лижет крыши дач,
В саду осеннем созревают сливы,
Я их ловлю в ладони, как циркач.
Быть может, мимо сада молча шли вы,
Фруктовый запах вас остановил.
Пожалуйста, зайдите, это сливы
Притягивают и дают нам сил.
Я раздаю их взрослым и детишкам.
Деревья расправляли плечи вмиг.
А на земле гурьбою воробьишки
Клевали мякоть, пригласив своих.
Сосед же, урожай собрав в корзинки,
Все погрузил в багажник «Жигули».
Он продавал их на колхозном рынке,
И даже те, что собраны с земли.

Сергей Васильев

МАТУШКА РОССИЯ!

Матушка Россия, батюшка наш Дон,
Золотые нивы, колокольный звон.
У крутой излучины песня казака,
Предками поручено Русь беречь века.

Матушка Россия, батюшка наш Дон,
У реки у синей слышу скорбный стон.
Все святое прошлое, что ценил казак,
По цене по грошовой продали за так.

Матушка Россия, батюшка наш Дон,
Дегушки родные – сироты времен.
Сад терзают вороны, рушится сарай,
На четыре стороны рвут родимый край.

Матушка Россия, батюшка наш Дон,
Молятся босые у святых икон,
Им поесть бы досыта да простой уют,
Высохнут березы-то, сорняки взойдут.

Матушка Россия, батюшка наш Дон,
Пресвятая сила, сохрани наш дом.
Защити, Всевышний, от мирских невзгод
Русский люд – не лишний на земле народ.

Матушка Россия, батюшка наш Дон,
Не к тому стремились предки испокон.

В бороду скатились слезы со щеки.
Землю, где родились, чтите, мужики.

Вячеслав Иванов

ПРО КУЗЬМУ И ЕГОРА

Басня

Егор с Кузьмой
друзьями были,
но как-то раз среди зимы
Егор своим автомобилем
Наехал на забор Кузьмы.
Не так чтоб уж
Большая драма –
Две-три штакетины сломал,
Но в тот же час
К Егору прямо
Кузьма разгневанный вбежал.
– Ах ты, каналья! – уж с порога
Вскричал в лицо соседу он.
– Теперь забудь ко мне дорогу!
И дверью хлопнул –
Стекла вон!
А что ж Егор?
Такое дело
Да чтоб сошло соседу с рук?!
И камнем, брошенным умело,
сражен соседский был индюк.
И долго-долго в ссоре были
Егор и «друг» его Кузьма,
хотя с годами позабыли
из-за чего вся кутерьма.
Но хоть затихла эта ссора,
уже не может быть так, чтоб
Кузьма не «подкузьмил» Егора,
не «объегорил» тот его б!

Виктор Варварин

Люб мне этот уголок старинный
Здесь и звезды – яркие плоды,
Воздух чист его настоем винным,
Подыши, вновь станешь молодым.

Не тужу, что я покинул город,
Что не трет подошвы мне асфальт,
Мне балконом – весь в цветах пригорок,
А концерты – соловьиный альт.

Над деревней зори ярче, краше,
На березках изумруд кудрей,
А девчата, а девчата наши,
Городских нисколько не грубей.

Говорить мне с ними как-то проще,
А работать втрое веселей,
У прудов, у рек сажаем рощи
Серебристых сосен, тополей.

Здесь расту я, словно с грядкой каждой
Наливаюсь силою земной...
Кто в деревне жил и пел однажды,
Вряд ли станет путь искать иной.

Валерий Голев

Помню: в юности далекой
День рожденья веселил.
Жизнь была забавой легкой.
Я ее как воду пил.

За девчонками, конечно,
Приударить был не прочь.
Их любил. Но скоротечно
Жизнь прошла, как с милой ночь.

Отсчитали срок мой годы.
Был я вволю пьян и смел.
Выпил залпом жизни воду –
От души, – как песню спел!

Жизнь требует умения сгибаться.
Я в нем не преуспел. Ура, а не увы!
Предпочитаю быть, а не казаться.
И не зависеть от толпы и от молвы.

То ли звуки в ночи растворяются,
То ли ночь растворяется в них...
Гениальные мысли слоняются
По страницам рассеянных книг;
Неучтенными вспышками разума
Освещают вселенский простор;
Восхищают и искренне радуют,
И отводят внимательный взор...
Но выводят угаданной тропкою
На особый, нащупанный тракт,
Где кантатаю птичьей, негромкою,
Задается для шествия такт...

Эдуард Ефремов

ПОЛЕ НЕДЕЛИМОЕ

(Завьяловская школа духовности)

ЗДРАВСТВУЙТЕ И УЛЫБАЙТЕСЬ!

Взялся за написание двух материалов – об особенностях эртыльских православных приходов и о выдающемся, по достоинству еще не оцененном, педагоге, директоре Соколовской школы Александре Ивановиче Завьялове. Когда в старом блокноте обнаружил запись от 12 апреля 1992 года, мысль о двух статьях сразу же отпала – церковные проблемы воспитания и светские, завьяловские, едины.

Мы были хорошо знакомы с Александром Ивановичем – мой первый репортаж о его школе-республике в конце 80-х был опубликован в газете ЦК КПСС «Советская культура». Этот человек как-то умел к себе «привораживать» других, поэтому в его школу мы неоднократно приезжали с художником Василием Павловичем Криворучко, писателем Леонидом Леонидовичем Семаго. Завьялов не оставлял без внимания ни одной выставки «воина Куликовской битвы» – привозил на них своих учащихся. Затаив дыхание, школьники слушали эмоциональное повествование художника о его «встречах» со спасителями Руси святой от татаро-монгольского ига святителем Сергием Радонежским и воинами Дмитрия Донского. Происходило преображение в умах и сердцах детей – они тоже становились «воинами Куликовской битвы».

Вот та давняя запись:

«Университетский преподаватель попросил для Пола, стажера из США, организовать встречу в мастерской Василия Павловича...

Американец был потрясен не столько мастерством художника, сколько его познаниями, неумной энергией подвижника, собирателя «для возвращения» уходящего – икон, старых книг...

Сели пить чай. Криворучко гостю:

– Ты не прав! Я тут ни при чем. Только учусь, беру пример – родители трудиться и любить людей учили, в войну на пузе до Берлина с такими ребятами прополз (я связистом был), что после зачем какие-то книжки о подвигах, героизме и патриотизме читать?! Святая Русь Сергия Радонежского через 300 лет рядом с нами в окопах была...

Много по стране езжу. Сибирь, Вологда, Кострома, Псков, Архангельск... Эх, жизнь коротка! Рядом сколько замечательных людей! Успеть бы их портреты написать – простые труженики Антиповки, хутора, где я купил домик под дачу, писатель Троепольский, учителя Картавцева из Воронежа, Злобина из Новой Усмани, Аникеев из Лисок, Завьялов из Эртильского района...

Пригласили на студенческий вечер в университетскую библиотеку. Ведущая торжественно объявила:

– А сейчас американец Пол расскажет нам, как живет Америка! Раньше мы и не помышляли о том, что можем узнавать много полезного от живущих в свободном мире...

Кучерявый парень взял в руки микрофон, тяжело вздохнул:

– Зачем вам Америка?! Я вам хочу рассказать о России, которую вы почему-то цените меньше, чем Америку. Миссию американцев вижу в том, чтобы они пришли сюда и открыли вам глаза на вас же самих. В какой еще стране существует такой образ жизни, где мыслят все свободно, где не знают духовного рабства? Где еще народ так терпелив и разумен? Мы все спасемся, если вы сами поймете себя, а мы сумеем постичь, что жить надо так, как живут русские... Настоящие русские, которые являются православными... Я стажер филфака, изучаю русскую литературу, в которой много рассказывается о святых. Раньше я в это не верил, но, приехав в Воронеж, этих святых встречаю чуть ли не каждый день – добрые, отзывчивые, талантливые люди. В дальнейшей жизни не мыслю своего счастья без таких людей... По крайней мере, буду стремиться сам постепенно становиться настоящим русским...

Недавно познакомился с художником Василием Павловичем Криворучко. Он весь – любовь и благородство... Наверное, он святой...»

У архимандрита Тихона Шевкунова есть замечательная книга «Несвятые святые». К героям его повествований можно отнести и учителя из провинциальной Соколовки...

Ехал в школу, но куда я попал?! Несуетливый мужичишка ведет себя так, будто он здесь «при дверях», дворник или завхоз, по крайней мере. «Кличет» одно имя, второе... Собирается все «подворье»:

– Вы-то стол накройте да гостю расскажите, как мы тут живем-можем. Присел рядом и прямо по-детски:

– Они расскажут, я тоже послушаю...

Если бы мне его не представили сразу, то так бы сидел и вертел головой в ожидании – когда же придет директор? Вот такой он, сказочный и легендарный, один из лучших учителей Советского Союза, которого сравнивали со знаменитыми Макаренко, Сухомлинским и другими выдающимися личностями, определившими главную сущность, неповторимость советской педагогики. Завьялова нельзя ни с кем сравнивать – неповторим. Он не успел написать свою главную книгу... Нет сомнений, читалась бы она с великим интересом. В принципе, весь «завьяловский метод» сво-

Александр Иванович Завьялов

дился к утверждению – человеку необходимо быть свободным. Только при этом условии проявится все лучшее и доброе, ради утверждения которого он и появился на этот свет.

Совсем не властный, не понимающий, как это можно на кого-то повысить голос, Александр Иванович для непосвященных так и оставался «человеком в сторонке»: вы, мол, делайте, делайте свое дело, а я рядышком постою, понаблюдаю – может, чему хорошему и сам у вас научусь.

Этот «сторонний наблюдатель» не пропускал в школе ни малейшего события. Даже на пустячную репетицию самодеятельности какого-нибудь класса приходил и сидел, казалось, безучастным с начала до конца. Потом «невзначай» брошенные фразы цеплялись одна за другую, завязывалась беседа на равных. В итоге, все сами приходили к выводу, каким должен быть концерт или спектакль. Так же «по-завьяловски» он умел читать сочинения учащихся, контрольные работы по разным предметам, их отчеты о разных путешествиях, фольклорных, археологических и прочих экспедициях.

Однажды с ним просидели в школе чуть ли не до утра – он в ней просто-напросто жил. Если приехал сюда еще раз, значит, чем-то мы тебе полюбились – вот, и начинай жить вместе с нами. Вряд ли какой собеседник мог вобрать всю ту масштабность знаний Александра Ивановича и конструктивность разнообразия выводов по решению одного или другого вопроса – от проблем сельского хозяйства, освещаемых в сугубо научных журналах и в публицистике Радова, Овечкина, Черниченко до перспектив покорения космоса...

Так куда же попадал впервые оказавшийся на территории Соколовской школы? Москва, Ленинград, Минск, Киев, Волгоград, Смоленск, Гжель, Плес, Федоскино, Палех – эффект присутствия в тех местах, где бывали школьники. Как они умудрялись на чрезвычайно малом пространстве представить своеобразие родства своего села со всем миром? Обычно большая часть подобных музеев – скопление сувениров, просто подвешенных, что здесь или там «был Вася» из восьмого или какого иного класса. Девчонки и мальчишки не просто отправлялись в путешествие, а готовились проживать отведенный отрезок времени так, как проживает его там местное население. Не сувениры на память привозили, а технологии вышивок, изготовления глиняных игрушек, пошива оригинальной одежды, постигали секреты национальных кухонь. Затем освоенные азы «искусств» совершенствовали дома – дети гостям показывали, как рождается гжельская роспись, в чем «секреты» филимоновской игрушки... Словом, приходил в школу директора Завьялова, а мог оказаться в любой точке Советского Союза – чего пожелаешь, то и представят...

...Вспоминаю рассказ бывшего председателя областной Думы Юрия Тимофеевича Титова о том, как впервые попал в Соколовскую школу. Познакомились с директором, когда Титов еще не был «при высокой депутатской должности», перебросились весьма незначительными фразами и вдруг Александр Иванович, не спросив ни о цели визита, ни о времени, которым располагает гость, по какому-то наитию определил:

«Вам надо обязательно взглянуть на наш Парк Победы...» У Юрия Тимофеевича времени было в обрез, надо бы с коллективом учителей встретиться, а ему навязывают невесть что – иль он школьных парков не видел? Но вошел человек под сень деревьев и забыл о времени, о каких-то суточных проблемах. Как же, оказывается, деревья могут душу перевернуть, заставить задуматься о цене жизни и о том главном, ради чего живем. Учитель тихим голосом рассказывал о каждом дереве, посаженном в па-

мать о погибшем односельчанине, выпускнике школы... Саженцы старались привозить из тех мест, где последний бой принял солдат... Из-за леса взрослеющих стволов вырисовывались судьбы, мгновения подвига и вечность природы, говорящей о мужестве героев больше любых слов.

«Кто передо мною был? Кудесник, знающий тайну влияния простых слов? Поэт-лесовод? Просто мудрец, знающий, каким образом в моем сердце оставить память о школе, деле всей его жизни?»

Потом Юрий Тимофеевич неоднократно бывал здесь. И всякий раз директор предупреждал учителей: «Ни в коем разе ни о чем не просите товарища – неприлично... не проявляйте невоспитанность».

Надежда Ивановна Полянская, долгие годы работавшая завучем школы:

– Чувствую, наша школа приглянулась Юрию Тимофеевичу. Начиная говорить о том, что тесновато нам – музей бы расширить... А Титов будто за решением этой проблемы приехал: «Почему только о музее речь? Вы давно заслужили новое здание школы...» Сказал, думаю, как пошутил... И вдруг неожиданно-негаданно к нам заявляется... губернатор! Владимир Григорьевич совершал поездку по району, и в его планы не входило посещение нашей школы. После он нам признался: «Титов уговорил... Знакомству с вами чрезвычайно рад – подобного нигде не встречал... У вас тут на учебных участках урожайность выше, чем в былых передовых колхозах... И селекцией занимаетесь, и цветоводством, и садоводством, и игрушечкой делаете, старикам помогаете, школьному театру может любая городская театральная студия позавидовать... Почти весь коллектив у вас из заслуженных учителей да дипломированных на разных смотрах, конкурсах... Только в кого же вы такие скромные? Почему же вы никогда ни к кому за помощью не обращались? Что?! Директора «боялись послушаться»? Так мы его и спрашивать не будем. Идею Юрия Тимофеевича поддерживаю – лучшей школе необходимо и здание лучшее в области...» Прямо, как по молитвам вышло – в кратчайший срок новую школу построили. Нам же помогали. Многие наши выпускники при должностях, при технике – они и трудились из-за любви и уважения к Александру Ивановичу... Сработало то, чему всю жизнь учеников, их родителей учил директор: «Добротой все в жизни берется – в доброте и любви живите. Рано или поздно ваше добро вам же еще большей добротой вернется. Старайтесь всех за все благодарить. Никогда не обижайте ребенка – хвалите его за любую сделанную им работу...»

Бывало, возьмет чье-либо беспомощное сочинение, и он уж его так начнет ребенку расхваливать, так расхваливать, сидит учитель и думает, может, я и впрямь второпях проверяла работу – не смогла заметить достоинства... А потом слышишь продолжение: «Детка, умничка моя, мне кажется, что ты вот так хотел сказать? Правильно я тебя понял?» И начинается на наших глазах совместное творчество ученика и учителя. Ученик САМ доводит до ума свою работу, САМ понимает, какую он высоту преодолел... Радости – нет границ! Но счастливее всех Александр Иванович: «Вот, видишь, какой ты у меня самостоятельный и талантливый! Мне так будет интересно, что же ты еще напишешь? Здорово у тебя получается – и ум, и сердце есть...»

Считал главным – заложить в человеке, начинающем жить, любовь к труду. Труд – превыше всего! И радость, и счастье! Если нет умения и желания трудиться, считай, жизнь не удалась. Иные учителя, приезжавшие из других школ, диву давались: да как же можно быть такими подневольными рабами?! Работа в школе почти круглосуточная!

Шла «перестройка». С какой же легкостью подавляющее большинство школ поддалось «реформам», среди которых была основная – отлучение детей от труда. Чуть ли не в ранг преступления ввели «любую попытку эксплуатации детского труда» – школьникам запрещено в классах подметать, полы мыть, а уж о работе на пришкольном участке – и говорить нечего! Министерские распоряжения, новые учебные планы завьяловской школой принимались, но не могли же учителя отказать родителям, которые понимали – труд из их детей формирует людей со своими убеждениями, мастеровыми, рачительными и готовыми к любым жизненным испытаниям. В идеальном порядке содержались гектары парка, опытные делянки. Жить на селе и бояться труда – такого дети себе представить не могли. Работа в поле, саду, парке – какой-то особый «партизанский факкультатив», заниматься на котором было интересно и престижно.

Прослышал, что в Богучаре сестры Сысоевы создали невиданную «кукольную школу», в занятия которой вовлекли почти всю детвору, шатавшуюся до этого от безделья по дворам и улицам. Даже мальчишки стали мастерить кукол. Валентина Яковлевна и Зоя Яковлевна разработали свою технологию изготовления лиц, фигур кукол, а профессор Воронежской академии искусств Галина Яковлевна, лучший на сегодняшний день знаток народного костюма, разрабатывала эскизы нарядов. Им заказы на изготовление кукол для краеведческих музеев приходили из Москвы, Смоленска, Ярославля, сибирских областей... Кукла как бы оживала и «преподавала» детям свою историю, историю своего края. Завьялов приехал со своими учениками учиться. И уехал с «представительницами» почти всех регионов Центральной России. В Богучарском музее нет такого количества кукол, какое есть в Соколовке. Стоят они себе на импровизированном крылечке – каждая со своим выражением лица, в своем неповторимом убранстве, со своим именем и своей биографией, написанной юными исследователями.

Приехали в Загорск на фабрику деревянной игрушки, а к ним там с такой душой отнеслись, что не только все этапы производства показали, но по эскизам ребят выполнили их заказ – богатырей, родившихся на эртильской земле.

Светлана Викторовна Иванникова с детсадовского возраста мечтала вырасти и «выучиться на Надежду Ивановну Полянскую»:

– Я еще не понимала, что такое учительская работа, но знала – надо стремиться быть такой, как мама моей подруги. Мы, девчонки, учителям любимым подражали во всем – и в одежде, и в избрании любимых поэтов, и в манерах поведения...

Я при Завьялове школьницей была, но поверьте – и сегодня нет лучшего школьного коллектива, чем наш. Дух сплоченности, творчества, вселенный Александром Ивановичем, живет в каждом из нас.

Ольга Николаевна Попова с высшим музыкальным образованием, успешная работа в районном Доме культуры, но вдруг меняет уровень «районного масштаба» на школьный. Именно здесь востребованы все сокрытые в ней таланты – создает свой «театр танца». К каждому танцу продумывает с детьми костюмы и шьет их вместе с ними. Такое увлекательное творческое занятие, что в «модельеры» к танцорам пришли родители учащихся и преподаватели совсем «непрофильных» с танцами предметов.

«Прямо, как по молитвам...»

– Был ли Александр Иванович верующим?

– Никогда об этом никто из нас не задумывался, – говорит Надежда Ивановна. – Время-то атеистическое и всем надо было ему соответство-

вать. В молодости Завьялов занимался атеистической пропагандой. Потом каким-то незаметным образом богоборческие беседы исчезли из стен нашей школы. Александр Иванович всю эту «пропаганду» заменил изучением культуры. Слова «религия» не было в обиходе, но изучалась учащимися живопись, зодчество «христианского периода». Нашими кумирами были Дмитрий Лихачев, с его книжками о литературе и искусстве Древней Руси, историк Рыбаков... Университетами, приобщением к настоящему искусству, которое заставляло детей о многом задуматься, облагораживало их души, были поездки по древнерусским городам – Псков, Углич, Вологда, Ярославль, Кострома...

Светлана Алексеевна Гундяева, дочь Надежды Ивановны:

– Теперь и я «подневольная рабыня» школы. Дома было хозяйство, домашние заботы, но мама и ее коллеги жили только для школы и ее учеников. Мы, их дети, делаю первые шаги, уже понимали – более важной и счастливой работы, нежели работа учителя, в мире не существует. Мы с мамой даже дома умудрялись стенгазету выпускать... Школьная жизнь как бы продолжалась и повторялась в деятельности всего поселка. «Модно» в школе сатирические листки выпускать, и в других коллективах объявлялись «художники-корреспонденты». Престижно было после окончания школы не бросать заниматься в хоровых коллективах, театральной самодеятельности... То ли учителя воспитывали учеников, то ли ученики учили своих родителей? Авторитетом для всех был Завьялов. Что вы сделали, когда переступили порог нашей школы? Правильно – улыбнулись. Потому что мы вас встретили необычным лозунгом – «Здравствуйте, улыбитесь!» Это обычное приветствие Александра Ивановича – с ним он входил в класс, начинал педсовет, раскланивался перед каждым знакомым.

...Каждый учитель представлял свой круг интересов, в который вовлекал учащихся – у одного была программа «Наше Отечество», у второго – «Поля Родины», у третьего – «Народное творчество»...

Учащиеся младших классов имели свою работу – с вылепленными из глины игрушками и свистульками, вышитыми салфеточками приходили в гости в детский сад и дарили малышам свои изделия...

В школе основной состав учителей из тех, которые или трудились вместе с Александром Ивановичем, или были его учениками.

– Поэтому, – говорит нынешний директор школы Вадим Вячеславович Сергеев, – мне с коллективом работается очень легко. Такую духовную силу, такую любовь к детям не в каждой школе встретишь. Нет, мы не урокодатели, как нас некоторым хочется видеть, обеспечивающие общеобразовательные услуги. Мы – воспитатели. Было время когда учителя просто-напросто нищенствовали – не платили зарплату. По всей области прокатилась волна учительских протестов, забастовок. Бастовали школы и в нашем районе. Только Соколовская работала, будто на дворе никакой «перестройки» не было, с ее разрушительными реформами отечественного образования. Александр Иванович считал недопустимым омрачать души детей, лишая их радости. Говорил: «Не война же, не блокада Ленинграда – выживем...» Теперь понимаем, вот таким противостоянием добра злу совершен учительский подвиг...

Однажды он собрал коллектив и как-то буднично произнес фразу, в которую никто не поверил: «Я принял решение – ухожу на пенсию... Займусь творчеством – есть о чем написать...»

В скором времени, в 2001 году, за день до своего 72-летия, Александр Иванович внезапно умирает. И только после стало известно, насколько большим человеком он был...

Эртильский район редкостный еще и тем, что вряд ли где еще район, благодаря энтузиазму заместителя главы районной администрации В.Е. Платонова, издает столько книг – творчество местных поэтов, прозаиков, краеведов. Наверное, пришло время собрать по крупицам написанное Завьяловым в отдельную книгу. Это издание, дополненное воспоминаниями, статьями ученых, видных творческих личностей, общавшихся с Александром Ивановичем, поставит, без сомнения, выдающегося педагога российской глубинки в один ряд с Ушинским, Бунаковым, Рачинским, Макаренко, Сухомлинским.

Во второй послевоенный год пришел учительствовать в одну из школ Тамбовщины. Председатель колхоза, израненный, хлебнувший горя и трудностей на фронте, не в состоянии был преодолеть трудность из трудностей начавшегося мирного времени – как объяснить крестьянам нехватку куска черного хлеба, соли, спичек, керосина, мыла? Встретился с молодым учителем: «Вот тебе газеты. Я подчеркнул главное. Поезжай в поле и проведи политзанятия со свекловичницами... Заранее предупреждаю – встретят в штыхы... У них у всех дети обносились... Про ситец, обувку будут спрашивать... Кирпича нет... За годы войны печные трубы размыло – нечем ремонтировать...»

В оставленных набросках читаем:

«...Разговор как-то сам собою перешел на другое. Росло внутреннее напряжение от ожидаемых вопросов про спички, соль, мыло и керосин.

Пелагея, самая старшая, как бы обвела взглядом все поле до горизонта, спросила: «Когда я брошу тяпку, кто ее будет поднимать?»

Эта русская женщина каким-то особым чутьем чувствовала судьбу села, судьбу земли. Видела на много десятилетий раньше, чем созданные значительно позже различные прогнозирующие научные учреждения и те, кто призван вести вперед. И ни единого слова про спички, соль, мыло и керосин...»

Через много лет – еще одна история из «народной педагогики», мудрости:

«... Рассказ ученика о бабушке Дарье. Она находилась на лечении в областной больнице. Ее проведали дети, внуки. Все, казалось, шло к выздоровлению... А вечером Дарья попросила подруг по палате пригласить дежурного врача...

– Вот сейчас, – сказала Дарья, – спую и умру. Скажите родным и всем, что Дарья с песней умирает».

Дарья привстала, спела, сколько силы позволили, и ее не стало...»

Народный опыт, народная педагогика – истоки его педагогического мастерства.

«Как бы ни было трудно, учитель, будь детям Сергием Радонежским, Козьмой Мининим...»

Читаю и приходит ясность – я сам себя начинаю лучше понимать. Это те редкой силы простые слова, которые продолжают учить и воспитывать и нынешнего школьника, и что-то повидавшего уболенного сединою мужа. Валерий Платонов, публикуя в 2002 году в районной газете статью памяти Завьялова «Последний романтик?», пишет: «Наверное, он смог бы быть идеальным пастырем».

В принципе, он им и был. Любовь и смирение... «Потребовались десятилетия на разрушение среды бездуховности, нравственной невосприимчивости, а порой и враждебности...»

Утром пораньше приду, чтобы нехорошие слова со стен стереть, пока ребяташки не пришли, поваленный за ночь туалет на место поставлю...»

Постоянно «чудил»: пол в классах выкрасил зеленым цветом, а парты – кипенно-белые! Глаз отдыхает, душа радуется! Свой кабинет обозначил – «Мастерская души»...

«В природно-поэтическом окружении творили Чайковский в Клину, Толстой в Ясной Поляне, Тургенев в Спасском-Лутовинове... Если взять учителя, то он создает более волнующее произведение – Человека... Заниматься созданием души в хаосе, на навозной куче, в грязи немыслимо...»

Конфликтная ситуация. Пришла в школу первоклассница и усадила на парте вокруг себя своих любимых кукол. Объясняют ей учителя, что она, мол, взрослая – кукол надо дома оставлять, забывать о них. А она в рев! Выходит из «Мастерской души» добрый дяденька и начинает с девочкой советоваться, каким образом ей лучше кукол своих рассадить, как им помогать знания, полученные на уроках, усваивать...

«У нас же правит бал бездуховная кукла Барби. У нее много друзей и книг о ней много. Хорошо одета и обута – для нее разработано более четырех тысяч моделей одежды...»

Народная игрушка – это праздник краски, царство сказки, радость цвета. Школа, отвори дверь народной игрушке.

В великую радость превращены дни помощи колхозу в уборке урожая сахарной свеклы, картофеля. Даже младшеклассников приобщили. После завершения уборки напекли в кострах ворох картошки, разложили на импровизированных «скатертях-самобранках» – праздник праздников для всей школы.

Долгие годы ищет того, к кому бы из собратьев-педагогов можно бы поклониться: «Крупская любила детей – заботливо, Макаренко – требовательно, Сухомлинский – нежно, Корчак – грустно...»

Тяготеет к педагогике Льва Толстого, на которой базируется «школа радости» Сухомлинского, но «под занавес»: «Откуда силы брались? От любви к детям, от желания учителя видеть личность...»

В молитве «Отче наш» есть фраза – «Да святится имя Твое». Время будто бы и не атеистическое, но какое-то переходное – и сам идет, как по тонкому льду (многое из духовного наследия церкви не изучено, не понято), а уж с детьми и подавно надо быть осторожнее:

«Без радости нет детства. В итоге учитель становится другом детей и родительского дома. Вручаются портреты – «Да засветится имя твое...» Школа – духовная лечебница... Не отсидеться за частоколом приказов, инструкций и распоряжений, не отмахнуться от душевного настроения учащихся, сумятицы их мыслей. Они нуждаются в нас, в нашем духовном участии...»

К батюшке приходят на исповедь, но к этому пока не готова ни школа, ни общество, но в этом церковном таинстве заключен тысячелетний опыт – сделаем в его сторону шагжок. И в школе появляются «Часы доверия». Нечто схожее с исповедью, беседы духовника со своим духовным чадом – «Часы эти имели успех и предостерегли наших учащихся от многих жизненных бед...»

Духовные святые, нравственные наставники были у наших предков. Они должны быть и у нас...

С большим удивлением учащиеся узнают, что имеется более трехсот разных изображений Богородицы. Самым известным из них является образ Владимирской Божией Матери... Живительный, очищающий родник – древнерусское искусство. От него исходит сила и успокоение. К сожалению, на занятиях не можем сказать больше...

Духовная среда – великая сила. Так, для православной церкви – она основа, ее территория священна...

Можем ли превзойти или сравниться с опытом морально-этического воздействия церкви?..

Сколько сегодня сил, уродующих наших детей?..

Душа народа живет в школе, в эпических распевах старины и плаче Ярославны, в удивительной росписи художников Древней Руси, в белокаменных соборах... Соколовская школа простирается от порога дома до поля Куликова и Бородина...

Отклонения в образе поведения молодых людей – это плата за отрыв от национальных корней, пренебрежение к духовной культуре своего народа...

Мы посетили пятьдесят историко-культурных и архитектурных комплексов – Киев, Новгород, Суздаль, Владимир, Ростов Великий... Мы встретились с Древней Русью. Русь звала нас к познанию...»

«О чем задумываются дети? Пятиклассница Лена Лесных пишет в сочинении: «Где растет зло? В фильмах, боевиках, на дискотеках, в темных переулках»...

«Церковные храмы не вмещают страждущих. Стонет великая земля... Россия на коленях... Разрушается духовное «самостояние» народа, который в историческом прошлом покончил с монголо-татарским и турецким, наполеоновским и гитлеровским нашествием. Жизнь требует объединения всех сил, сохранения духовного единства... Что мы можем противопоставить заокеанскому натиску? Русскую культуру во всем ее объеме. Нам не грозит ни нравственная, ни духовная растерянность. С нами духовный опыт народа, длиной более, чем в тысячу лет. Но нам надо вспомнить, как жила Россия эту тысячу лет. Нашим детям, которых мы учим, следует донести этот русский дух. Именно учитель должен укреплять корни России, ибо, похоже, сделать это больше некому...»

«С художника В.П. Криворучко и областной детской экскурсионно-туристической станции (Т.Г. Данилевская) начиналось «Поле Родины», с заслуженного деятеля культуры П.Д. Пономарева – декоративно-прикладное и народное искусство...»

«Россию спасет учитель, а русских – образование»...

Весной 2007 года в память об Александре Ивановиче Завьялове в его родной Соколовской школе состоялась встреча с гостями из Воронежа – архитектором Анатолием Федорцом, кандидатом технических наук полковником Владимиром Лисовским. Речь с учащимися шла о главной книге человечества – о Библии и Евангелии. Православная библиотека школы пополнилась книгами, привезенными в дар воронежцами, знавшими и любившими выдающегося сельского учителя.

СЧАСТЛИВО ЖИЛИ, НО ЛЕГКО – НИКОГДА

Среди хороших людей района как-то по особенному на душу лег один из учеников А.И. Завьялова, руководитель хозяйства «Эртильское» Виктор Николаевич Овсянников. Сошлись с ним в крайне сложный для него жизненный момент. Был руководителем высокого ранга и вдруг средства массовой информации взхлеб о сведениях, якобы полученных от самого губернатора – несусветная чушь о закупках для нужд района «левого» бензина, давших солидные «откаты». Оправдываться не стал и подал заявление об уходе с поста. Когда разобрались, губернатор дал понять, что

вышло «недоразумение» – предложил Виктору Николаевичу переезд в Воронеж на хорошую должность с решением квартирного вопроса. А он: «Нет. Дайте мне возможность остаться в районе – хочу поработать председателем колхоза».

Никаких контактов с прессой. Никаких оправданий, поводов для пересудов: «Господь разберется, кто прав, а кто виноват. Для меня главное, чтобы люди мне вслед не плевались...»

Время начала тотального уничтожения областного дойного стада. Корова, испокон веков кормившая крестьянина и всю страну, стала вдруг убыточной. Овсянников не только удержал «убыточное» поголовье, но значительно его увеличил. Стремлением было – как можно больше дать на селе рабочих мест. Легкой жизнью крестьянин никогда не жил.

Ездили с ним по району. В Ивановке запомнился одинокий старик – Иван Яковлевич Бурданов, участник Великой Отечественной, бывший танкист. С высоты прожитых лет взирал на жизнь мудро, но так и осталось загадкой: почему человек не поймет простого – надо жить без вражды. В детстве страха натерпелся: то «красные» придут, то «белые», то «антоновцы» – свои родные друг другу врагами стали. Человека убить, что муху прищепнуть. Потом колхозное «обобществление» – можно было бы и коллективизацию по уму провести, по законам Божиим. С войны возвращался счастливый: главное – живой, и в голове ясность – после пережитого не только страна Советов, а вся Европа должна понять, что надо не волками друг на друга смотреть...

После Овсянников спросил: «Знаешь, что самое ценное он привез с войны? Нет, не ордена с медалями и не чемоданы с барахлом. Самый счастливый на хутор заявился с немецким аккуратным ящичком – привез инструмент для ремонта техники. Сразу же стал самым востребованным специалистом – трактора ремонтировал, полуторки, сеялки, сенокосилки, комбайны. Всю жизнь не для себя, для людей прожил – потому что верующий...»

Потому что верующий... Так же можно сказать и о Викторе Николаевиче. Правление его хозяйства рядом со школой №3. Он поддержал добрые намерения учителей – с помощью отца Василия Гришанова, настоятеля храма в Эртиле, создали тот образчик православной школы, какой она должна быть для укрепления у молодежи силы духа, нравственной чистоты. Пришедший в этот коллектив директорствовать Анатолий Сергеевич Пучнов до этого заведовал отделом пропаганды райкома партии, удивился: в школе не надо бороться с курильщиками – их почему-то просто нет. Нет сквернословов, хулиганов... На какой урок ни придет, любая тема любого предмета умело подается с позиций православия. Обилие выпускаемых рукописных газет, журналов – все в творчестве, трудах, размышлениях о ценности жизни, любви и добра. В беседе с автором этих строк он сказал: «Стану ли я верующим – не знаю. Всю жизнь занимался пропагандой не совсем того, что нужно... Вижу – дети приводят своих родителей в церковь. Ничего в этом плохого не вижу...»

К сожалению, из-за уменьшения в последние годы количества детей школа закрылась. Овсянников рассчитывает в освободившемся здании открыть не просто детский сад, а детский духовный центр с организацией работы различных кружков, студий – педагоги и воспитатели для реализации этой идеи есть. Возможно, сюда переедет музей... Хотя, многие считают, ему место там, где он зародился – в коридоре правления хозяйства. Переступаешь порог – сразу тебя в плотное кольцо берет история. Здесь и учебники дореволюционные, довоенные, военных лет. Давно за-

бытый инвентарь – цеп для молотьбы, плетеные корзины для хранения зерна, серпы, косы, прялки, маслобойки, крупорушки... Поднимаешься по лестнице – спасенные картины известных воронежских художников, которые украшали клубы, Дома культуры... Почему-то «перестройщикам» искусство, рассказывающее о трудовых и боевых подвигах земляков, пришлось не по душе. Виктор Иванович выброшенные полотна собирал, и организовалась замечательная выставка о доблести, чести и славе российской – прямая дорога от поля Куликова ко всем последующим победам могущественного государства.

Виктор Николаевич Овсянников

Под статью Овсянникову подобный музей создает бывший работник райкома партии, а ныне фермер Олег Ильич Полуэктов, у которого не просто земля в Никольском. В пустующем селе скупает дома, поддерживает их «жилое состояние». Готов хоть завтра эти дома бесплатно отдать тем, которые пожелают сюда переехать из других мест и начать новую крестьянскую жизнь. Бескорыстный и добрый человек живет с верой – рано или поздно село возродится. Газетчики, телевизионщики подняли на щит одного из фермеров, который создал для туристов «настоящую русскую деревню» – прялки, сеялки, кузница, сеновалы, банька, детские карусели, лошадки для прогулок... Но для того, чтобы со всем этим познакомиться, ощутить себя «деревенским», надо купить довольно-таки недешевый билет. Что поделаешь? Хозяин – барин. Вот, именно – барин. А совсем не тот казак православный, за которого себя выдает. Российское православие, доброе и бескорыстное, живет и дышит у таких, как Овсянников, Полуэктов и многие другие, которые и православными-то себя не считают – живут, как жили деды: «Нам, мужикам, у них учиться и учиться...»

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АНГЕЛАХ

Эртиль – селение, где не было храма, но в моем представлении этот райцентр был одним из самых православных в области. Несколько раз ходил крестным ходом из Воронежа в Задонск... Изнуряющий зной, порою дождь проливной – путь не из легких. Особенно для начинающих воцерковляться. И всегда для всех примером стойкости, терпения, несения в себе радости Небесной была незрячая Ираида Галицына. Однажды она поведала свою историю:

«Лет пять мне было. С бабушкой из Эртиля ездили в Ячейку – только там был храм, в котором велась служба. Однажды во время литургии (народа было мало) выбегают несколько совершенно одинаковых детишек, одетых в светлые, нарядные одежды, и начинают очень красиво танцевать. Я думала, что так и надо, потому что взрослые никак на появление этих детей не отреагировали... Одно меня удивило – почему дети все одинаковые? Не может же быть сразу семь или девять близнецов?»

Прошло время, и я стала упрашивать бабушку, чтобы она меня еще раз

взяла с собой в церковь посмотреть на танцующих детей... Бабушка терпеливо объясняла, что в церкви никто никогда не танцует – там только поют и молитвы читают...

Зрение я потеряла лет в четырнадцать, и только через много лет поняла, что Господь мне, ребенку, дал возможность увидеть ангелов...»

Ираида своим подвижничеством, умением сносить тяготы и лишения многих привела к православию.

ВОСПОМИНАНИЯ СХИМОНАХИНЬ

В Мордове Тамбовской области довелось встречаться со схимонахинями Филаретой, Евстратией и Анной... Родные сестры. Записано от матушки Евстратии:

«Мы – Фурцевы. Родом из Эртиля – шестьдесят километров отсюда. Но духовные поля границ не имеют. Единый центр, что Мордова, что Ячейка с Эртилем, что Избище с Гремячьим и Старым Осолом... Церковь, старцы, святые места – неотъемлемая часть моей жизни.

В Ясырках сначала жил тайно, а потом служил батюшка Митрофан Мякинин. Мы, можно сказать, духовно при нем возрастали... К нему часто приезжал хирург из Воронежа. Потом он стал священником, отец Николай Овчинников. Он после отца Митрофана нашим вторым главным батюшкой был...

В наших родных краях часто собирались вместе – отец Митрофан, отец Николай, отец Иосаф из Грязей (оптинский старец), отец Виталий (он потом в Грузии подвизался), 120-летний старец Савватий из Гремячьего, матушка Антонина из Хворостянки, матушка Серафима из Мичуринска...

Когда отец Николай хирургом был, то особо сложные операции по благословению отца Митрофана делал. Одно время батюшка даже в Воронеже жил, при больнице дворником работал... Схиигумен во дворе в фуфайке, валенках... В особых случаях Николай Александрович просил, чтобы старец был рядом и молился. У хирурга Овчинникова не было ни одной операции со смертельным исходом...

Отец Николай служил в Ельце, а в Воронеже на Пролетарской, 33, что рядом с Акатовым монастырем, в одной части дома жила его мама, а в маленькой комнатке проживал наш старец, отец Митрофан...

...Когда отец Митрофан в Ячейке служил, он меня однажды в Курскую область послал за иконами: «Привезешь оттуда икону Божией Матери «Иверская».

Приехала, а в том доме безбожники живут. Говорят, нам не жалко твою «Иверскую» – вон, еще одну на крыльце вместо порожка приделали... Глянула: и вправду – икона вместо порога!

Не помню, что и говорила... Помню, что плакала... Я из того дома несколько икон привезла, и они тогда у нас в Ячейке все замироточили...»

В Воронеже живет схимонахиня Артемия, родная сестра схиеромонаха Нифонта (Павла Санталова):

«Давно нет среди нас батюшки Митрофана, ушел ко Господу мой брат, который часто ездил к старцу один и с хирургом Овчинниковым в Ясырки, в Ячейку... Ушли... Обрывается меж нами любовь. Для многих отец Митрофан родным человеком был. А мне-то какой почет от Господа?! Как связующее звено была: то брат с собой возьмет в поездку к батюшке, то с его поручениями ездила в Грязи к старцу Иосафу, в Мичуринск к старице Серафиме, а потом еду в Ячейку – книжки привозила, гостинцы, добрые слова от святых людей...

С близкими людьми отец Митрофан не юродствовал, иносказаниями не говорил... У него были такие мудрые рассуждения, что от одних слов свет небесный исходил...

В Ячейке, где пребывал батюшка Митрофан, особые люди. Может, даже это и его воспитание... С братом были свидетелями, как православные церковь в Ячейке отстояли. В хрущевские времена это было. Ночью пешком из Эртиля домой к матери пришел сын, тракторист, и сообщил, что завтра прибудет тяжелая техника – будут рушить храм. Управлять бульдозером приказано ему...

Люди ночью вышли на улицу на защиту храма. В сельсовете их попытались убедить, что сопротивление бесполезно... Утром пришла техника, а все жители села, обнявшись, стояли вокруг храма – не пустишь же трактора и бульдозер на живых людей... Приехал первый секретарь райкома. Люди его не слышали. Стояли и молились. После устроили круглосуточное дежурство, чтобы безбожники не воспользовались внезапностью.

Как же мы все и батюшка Митрофан радовались! Есть у нас на Руси еще по-настоящему стойкие православные! Отстояли храм...»

Схимонахиня Иоанна:

«Когда батюшка Нифонт служил в Хорошилово Белгородской области, матушка Серафима из Мичуринска приезжала, и они вместе отправлялись в Ячейку, к батюшке Митрофану...»

МЫ ЕГО ЗНАЛИ КАК ДЯДЮ СИМУ

Елена Михайловна Овчинникова, жена раба Божьего Георгия, сына схииеромонаха Нектария:

«В Воронеже, когда батюшка Митрофан жил на Пролетарской, его все знали как дядю Симу. Многие и не подозревали, что он священнослужитель. Даже в нашей семье о его прошлом не распространялись. Знали, что он за что-то сидел в тюрьме...»

Алексей Викторович Хомич, племянник схииеромонаха Нектария:

«Мы, жильцы дома на Пролетарской, 33 и представления не имели, что дядя Сима священник, тем более, – старец.

Мальчишкой я считал, что священники приезжали и приходили в гости не к дяде Симе, а к дяде Коле. Я так и думал, что батюшки к нему заезжают как к врачу...

Уже будучи взрослым, я очень удивился, когда увидел дядю Симу в облачении... Он был определен на службу в село Ячейка Эртильского района.

В беседах со мной отец Митрофан, оставшийся для меня по-прежнему дядей Серафимом, рассказывал, что сидел с уголовниками, работал на добыче камня-песчаника. Работа тяжелейшая. Все понимали, что бежать бесполезно, но по весне отчаянные решались на побег, и всех их, как правило, привозили назад в лагерь. Или застреленными, или умершими от голода, зноя, жажды...

«Побег» осуществлялся просто: решившегося на это прятали в штабель из камней. Он потом выбирался, как ему казалось, на волю... Иди в любую сторону – на сотни километров пустынная местность...

Уголовники играли в карты. Часто делали ставки на людей. Как правило, «проигрывали» «политических», «врагов народа». Батюшка был неоднократно свидетелем расправы над невинной жертвой. Со временем ему все-таки удалось по милости Божией войти в контакт с самым главным паханом и повлиять на него – ставки на людей прекратились. Прежде

чем завоевать авторитет, какое-то доверие у уголовников, он должен был многое претерпеть. Спал возле параша, подвергался избиениям, лишался куска хлеба...

Рядом, в полуподвале дома №39, жила Екатерина Николаевна Толстова. От дяди Коли, когда он уже был схииеромонахом Нектарием, узнал, что тетя Катя изменила фамилию – она Толстая. Близкая родственница писателя Льва Николаевича Толстого. Об этом знал еще дядя Сима, к которому тетя Катя часто ездила в Ячейку на исповедь. Потом она исповедовалась или у дяди Коли, или у отца Павла Санталова.

В 1979 году мы узнали, что Екатерина Николаевна была монахиней в миру. Она уже тяжело болела, когда из Бурдино Липецкой области за ней приехал на такси отец Власий. В негласном монастыре отца Власия она пожила, наверное, не более месяца. Там умерла, там и похоронена...»

СОБИРАЛИСЬ ИЗ РАЗНЫХ КРАЕВ

Мария Тимофеевна Дьячкова из Тишанки Таловского района:

«В Ячейке, в которой служил благодатнейший батюшка Митрофан, собирались люди из разных краев. И все были как одна семья.

От нашей Тишанки до Ячейки более семидесяти километров. Летом выходили рано и приходили поздней ночью. Осенью, зимой, весной шли с ночевой – останавливались в каком-нибудь селении...

Помню сказанное монахиней Митрофанией, с которой встречалась в Ячейке. Я как-то ее спросила: «Матушка, а вас не посещает страх от того, что вскорости останемся одни – без старцев?»

Она так ответила:

«Господь не допустит, чтобы на земле не осталось тех, через которых он передает свою волю, в которых хранится истинная вера... Господь Россию без Своих Светильников не оставит... Ты же, Мария, около леса живешь...» Откуда она это знала? Никогда с ней не говорила о том, где живу... «Так вот, пойдешь по грибы – сначала их много, а потом они сходят на нет. Пройдет дождичек – опять появляются. Духовное поле – та же природа, где свое время созревания, ухода и рождения нового. Старцы будут до скончания века...»

Жила у нас схимонахиня Александра. Увечной родилась – ручки только обозначенные у нее были. Она ими – ни ложку взять, ни платок покрыть...

Ребенком ее однажды обидел бессердечный человек. Зарыдала безутешно от сознания своей никчемности и вдруг слышит: «Дитя мое, что плачешь? Чего тебе надо?» Женщина перед ней незнакомая с удивительно добрым лицом: «Запомни: ни у кого ничего не проси – только у Меня, и у Господа...»

Женщина как-то непонятно исчезла и девочка поняла, что перед нею была Богородица...

Рано умерли родители, и на попечении Александры осталось пятеро сестер и братьев. Во время войны и после, в голодное время, ходила по селам, просила милостыню...

Чистота в хате была идеальной. Особенно сияли чистотой полы. Просила братьев и сестер толочь кирпич, а потом прижимала ногой к полу тряпку, и этим толченым кирпичом натирала полы... С помощью ног смывала кирпичную грязь. За что-нибудь цепляла тряпку и выкручивала ее... Такими промытыми полы не были ни в одном тишанском доме. Ее даже иные люди приглашали мыть полы...

По хорошей погоде дорога в Ячейку к отцу Митрофану была легкой, но в непогоду всех духовно укрепляла Александра. Нам, здоровым, трудно идти, а ей каково?! Ни от ветра, ни от дождя, ни от снега никак не укрыться, на палочку не опереться – идет впереди всех и молитву читает, псалмы поет.

Отец Митрофан из-за нас часто начало службы задерживал – каким-то образом провидел, что мы идем к нему...

Выйдет нас провожать и со слезами всегда скажет: «Только ты, Александра, не рви мое сердце, побереги себя – не приходи...» Потом смахнет слезу, улыбнется: «А не придешь – мы без тебя все тут скучать будем...»

РОДОМ ИЗ БУРДИНО

Малая толика того, что дает представление о том, что значил для православных Михайло-Архангельский приход в Ячейке, где служил батюшка Митрофан. Бывали у него многие старцы и старицы, подвизались на работах при храме многие монашествующие.

В этот храм настоятелем в 1984 год приходит служить протоиерей о. Василий Гришанов. Церковь была официально закрыта. Служба велась в сторожке. Стали прихожане писать властям письма с просьбой разрешить возобновить службу в храме. Однажды в Ячейку прибыл первый заместитель председателя облисполкома И.М. Шабанов, чтобы встретиться с верующими. После он написал обращение в Москву. Вскоре газета «Известия» сообщила, что в Советском Союзе властями дано добро на открытие семи первых храмов, среди которых – церковь в Ячейке.

Став благочинным, отец Василий начинает в райцентре строительство храма Иверской иконы Божией Матери. 23 октября 1994 года в церковь крестным ходом из храма Ячейки пришла чудотворная икона «Иверская». В этот же день храм был освящен, и в нем начались богослужения. В 1999 году по проекту архитектора из Воронежа Анатолия Григорьевича Федорца начинается в Эртиле строительство церкви Серафима Саровского...

Немаловажен в духовном плане тот факт, что отец Василий родом из Бурдино, того липецкого села, где подвизались в служении Господу многие старцы. Благодатный монах Власий. Рядом в Ожоге служил схиархимандрит Серафим... Оба – духовные чада старца Иосифа из Почаевского монастыря. В непростое, богоборческое время они создали такие православные общины, такие приходы, что слава о них шла по всему Советскому Союзу – за утешением и исцелением души и тела к ним приезжали из самых отдаленных уголков государства. Отец Василий считает себя воспитанником отца Власия – в школьные годы он пришел к нему в храм...

Сейчас там проживают десять схимонахинь, духовные чада старцев Митрофана, Власия, Серафима, Виталия. Одна из них, Зиновия, двоюродная сестра отца Василия... Кто хоть раз побывал у них в гостях – праздник на всю жизнь. Схимонахини Зиновия и Серафима поют – как ангелы на Небесах! А что за благодать их рассказы, воспоминания о старцах – не передать! Хоть чем бы мне вас попотчевать, дать хоть малое представление об их простоте и высоте духовной... Разве что дать рецепт целебного кваса, которым они угощают...

Берете поллитровую банку необрушенного овса. Промываете. Засыпаете в трехлитровую банку, туда же 3-4 столовые ложки сахара, заливаете некипяченой водой и ставите на окно. Через три-четыре дня разливайте

Храм в селе Ячейка

по бутылкам, прячьте в холодильник. А в трехлитровую банку опять – сахар, воду. Овес оставляете прежний. Но готовность кваса будет уже через сутки. И эта поллитровая банка овса «работает» около двух месяцев...

Нет границ у духовного поля – его влияние повсюду. В годы атеизма оно объединяло верующих. В обществе господствовала идеология, далекая от учения Христа. Поэтому ничего удивительного в том, что с приходом отца Василия люди не ринулись в церковь. Молились и на стройке трудились, в основном, пожилые. Сказано: «Стяжи терпение...» Десять лет отец Василий знакомился с учителями, чаще старался встречаться с руководством района. Считает, что возрождение жизни православной началось с учителей, которые не просто внимали беседам батюшки – стали посещать богослужения, помогать в организации занятий в воскресной школе, открытой при храме. Первый помощник отца Василия в духовном окормлении детей – матушка Марина. Она – само радушие и гостеприимство. И эти качества оказывали благодатное влияние на души и сердца прихожан. Матушка все успевала и успевает – вести занятия с детьми, петь в церковном хоре и учить этому желающих, давать уроки по освоению уходящей в прошлое удивительно разнообразной и здоровой православной кухни.

В церковь пошли дети и привели с собой своих родителей. Через десять лет, 12 июня 2004 года, батюшка возглавил первый крестный ход с иконой Божией Матери «Иверская» вокруг Эртиля. Каково же было удивление многих, когда среди крестоходцев увидели все руководство района, работников милиции, учителей, медработников, руководителей хозяйств. Молитва, хоругви, духовные песнопения объединяли не только всех жителей города – ради такого события в Эртиль приехали верующие из Воронежа, Москвы, Тамбова и других городов. Далее дневниковая запись 2005 года:

«...Второй крестный ход вокруг Эртиля был весьма значимым и пока-

Матушка Марина и отец Василий

зательным. Им по благословию митрополита Воронежского и Борисоглебского Сергия началось наше обращение к духовному опыту и подвигу 625-летней давности – битве на поле Куликовом. Счастье было быть участником этого двадцатикилометрового хода!

В дореволюционное время говорили: там, где служит хороший батюшка, доктор не нужен. В наше время квалифицированных докторов предостаточно, но роль священников от этого не стала менее значимой...

Крестный ход – демонстрация духовного здоровья провинциального российского прихода.

Мы шли рядом с председателем сельхозартели «Эртильское» Виктором Николаевичем Овсянниковым:

– Ты только вдумайся – какая нам еще партия нужна?! Ладно бы, одна, а то ведь раздрают народ по многим партиям... Всегда надо помнить Шолохова, его «Поднятую целину». Неплохой там мужичок представлен – дед Щукарь. Жил себе по чести, по совести, людей потешал своим природным юмором и жизненной неуклюжестью – всем милый был. И вдруг на хуторе партия образовалась. Дед смикитил: может, выгода от ней получится – не за прибавлением ума и совести он в нее пытался попасть, а чтобы руководящую «портфель» получить... И сколько у нас сейчас таких щукарей в разных бездействующих партиях?

Шел одетый по случаю в новый костюм парень с иконой Спасителя.

– Бабушка перед смертью мне ее завещала, – с какой-то особой гордостью говорил парень.

Радовали глаз и душу дети. Все – празднично одетые и с иконками в руках. Июнь для крестьянина – время хлопотное: заготовка сена, работы в поле, на огороде, уход за скотиной – не всякий может на кого-то оставить хозяйство. Но у каждого двора стояли встречающие с образами, вынесенные из красных углов. Крестный ход, наверное, в полтысячу чело-

век с пенопением, молитвами проходил мимо, а к нему, большей частью, присоединялись дети – они, осененные крестом старших, отправлялись в путь как бы представителями своего двора, рода. Примкнув к шествию, сразу же становились какими-то сосредоточенными, спокойными...

В начавшемся хаосе «перестройки» благоразумные люди стали пытаться искать идею, которой можно было бы увлечь молодежь, оторвать ее от пагубного телевидения, азартных игр, почитания криминала. Учителя средней школы №3, расположенной на территории сельхозартели, возглавляемой В.Н. Овсянниковым, разрабатывали программы по изучению фольклора, народных ремесел... Много было выдумок и всех постигала участь мыльного пузыря. И вдруг они, неверующие, обратили внимание: фольклор, история, архитектура, литература, живопись – истоки всего доброго, духовно богатого – в особой религиозности русского народа, в православии. Учительница по биологии вдруг узнала то, о чем в студенческие годы не говорились на лекциях – Дарвин был верующим и свой трактат о происхождении видов завершил словами: «Все было бы так, если бы на самом деле не было иначе».

Л.В. Морозова, Р.Д. Шеменова, С.Н. Килебовская вспоминают:

– Когда к нам в школу пришел отец Василий и провел интереснейшую беседу, мы несколько иначе взглянули на окружающий мир... Удивились тому, что именно верой были сильны наши выдающиеся полководцы – Невский, Суворов, Ушаков, Жуков... Потом взаимная инициатива областного комитета по образованию и епархиального управления – заключение договоров о сотрудничестве... Любопытным поначалу было то, что отец Василий сам отверг какое бы то ни было изучение в школе Закона Божиего, заучивание молитв... Наверное, он увидел, какие мы, учителя, далекие ото всего того, чему он служит...

Первая реакция наша: какая разница, что нам в новых условиях преподавать детям? Чай этому обучены – справимся. Основы православной культуры? Преподаем в лучшем виде! И вдруг батюшка говорит: «В том, что вы все крещены, у меня нет сомнения...» А мы-то как раз и не были крещены. Это уж потом одна из нас приняла крещение в тридцать три года, вторая – в пятьдесят пять... У третьей произошел перелом в жизни, когда отец Василий благословил ее на курсы в Сергиев Посад...

И дети, и учителя приход в школу настоятеля храма стали ждать, как праздник... Редкостное умение открывать Истину, по которой православие жило два тысячелетия! Не книжки изучать, а по заповедям Христа стремиться жить...

Знаете, какой они с Виктором Николаевичем нам самый ценный подарок сделали? Несколько экземпляров видеокассет с записями антиалкогольной беседы профессора из Новосибирска Жданова, сподвижника знаменитого доктора Углова. Мы считаем, что эти видеопленки должны быть в каждой школе – очень здоровая реакция детей на то, что им о водке, вине и табаке рассказывает выдающийся ученый-физик.

Эта школа была обыкновенной. Просто, считают учителя, откликнулись на особое отношение к вере председателя сельхозартели В.Н. Овсянникова, благодарны областному институту усовершенствования учителей, где вопросами взаимоотношения школы и церкви занимается Т.В. Дорофеева...

Дети вскоре стали другими. Никаких правонарушений, повысилась успеваемость.

С великой радостью создавали то ли моленную комнату, то ли музей истории православия родных мест. Пожилые люди в школу стали пере-

давать старинные иконы, книги... Так появилась в экспозиции редчайшая реликвия – колокольчик... четырнадцатого века!

Родители одного преуспевающего ученика посчитали, что в данной школе по важному для них предмету учитель далеко не на уровне. И перевели свое чадо в школу, традиционно считающуюся лучшей. Через год парнишка вернулся – «иззавидовался своим бывшим соклассникам». Учиться «под крылом» отца Василия и В.И. Овсянникова, оказывается, интереснее.

– Однажды на перемене слышим шум, визг... Возвратившийся из лучшей школы устроил потасовку. Стали с ним беседовать. И оказалось, он жил «старыми законами» – геройством считалось нашкодить, отличиться какой-то дурацкой выходкой. Его стали урезонивать друзья. Ну, он и взбунтовался... Иной стала у нас атмосфера. Как-то все это произошло естественно, будто бы само собой...

Неожиданно возник вопрос о... воспитании родителей. Они стали обращаться с просьбами разрешать им тоже посещать факультативы, на которых мы изучаем то, что касается торжества православия. Словом, взрослые в церковь пошли через нашу школу. Но честно скажем: сами мы еще далеки от должного понимания и знания того пути, по которому идем вместе с детьми... После атеистически прожитой жизни возвращаемся к чуть было не утраченному духовному здоровью.

Руководитель хозяйства и батюшка не жалеют средств на организацию поездок по святым местам – в Воронеж к мощам святителя Митрофана Воронежского, в Задонск, к мощам и источнику святителя Тихона Задонского, в пещерные храмы Костомарово, в Дивногорский монастырь, в Вышу, где подвизался святитель Феофан Затворник...

Как правило, в поездки отправляются несколькими автобусами – никому из родителей тоже не отказывают в возможности побывать там, где всегда в православного человека происходило преображение души в лучшую сторону.

Среди шестнадцати священников, участвовавших в торжестве, приятно было встретить отца Игоря из Терновки. Восемь лет назад он повел первый крестный ход от Воронежа в Задонск – от Митрофана Воронежского к Тихону Задонскому. И в его приходе совершается крестный ход, подобный эртильскому.

В крестном ходе никакого отвлечения от главного и возвышенного – он введом прекрасным пением молитв, акафиста иконе Иверской Божией Матери, духовных песен... Да и хор ли то пел?! Казалось, что ангелы спустились на землю и несли твою душу на крыльях.

Когда в пути читался 26-й псалом, то происходило объяснение многому: «Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюсь?» Действительно, если с нами Бог, а с ним вся Россия – нам ли не выстоять и не победить?!»

С годами этот традиционный ход стал одним из почитаемых в России.

«ВЫ ДОЖИВЕТЕ...»

Когда-то схиигумен Митрофан сказал, что в Битюг-Матреновке будет возведен новый храм: «Сам я до этого не доживу, а вы доживете». Ничто не предполагало строительство храма. Жители села никакой инициативы не проявляли, епархия на ближайшие годы тоже не планировала никаких действий. Но в Москве, вышедшая на пенсию 71-летняя Алла Александровна Иванова, инженер-электронщик, работавшая «на космос», ре-

шила побольше узнать о своем дедушке, который, запомнилось со слов родителей, служил священником «в каком-то из сел Воронежской области». Если родители родом из Эртиля, значит, искать надо в том районе. На поиск храма благословил старец Иоанн (Крестьянкин). Мы по телефону связались с внучкой священника:

– Я никогда не была на родине своих родителей. Знала, что священником был и прадедушка. Чудом сохранилась единственная фотография отца Николая Иванова. Приезжаем осенью 1994 года в одно село Эртильского района, второе – даже малейшей зацепки нет для результативных поисков. Почти ночью въезжаем в Битюг-Матреновку. Село большое: на улице – ни души, и ни в одном доме окна не светятся. Останавливаемся. Что же делать? И вдруг появляется бабушка: «Вам кого надо?» Спрашиваю, не знает ли она, кто в их селе был последним настоятелем церкви? «Как же не знаю? Отец Николай. Наши дома по соседству были. Я с его детьми играла». Показываю фотографию – радости Марии Ивановной (так звали бабушку) не было предела. «Он! Наш родной батюшка!» Оказалось, что в селе она осталась единственной, которая знала много о жизни прихода...

Уезжала из Эртильского района с тем, чтобы больше сюда никогда не возвращаться: мне 71 год, главное мною сделано – найдено село, где служили дед с прадедом. Там, где были их могилы, место загажено, замусорено... Но что могу поделать? Буду молиться – все легче будет.

Поехала в Санкт-Петербург в Свято-Иоанновский монастырь у праведного Иоанна Кронштадтского молитвенно просить дать мне вразумление, как дальше жить. Одна из монахинь, выслушав меня, посоветовала посетить в селе Сусанино старицу Любушку. Любушка мне повторила то, что сказал батюшка Крестьянкин, а я тем словам особого значения не придавала – мне надо заняться строительством храма в Битюг-Матреновке.

Получено благословение от своего духовника. Обратилась с письмом к правящему архиепископу Мефодию – от него тоже благословение на строительство. У самой денег – только то, что скопила «на смерть». С этим первоначальным «взносом» и приехала на родину деда и прадеда.

Господь управил – средства жертвовали знакомые, друзья, бизнесмены, руководители предприятий, священнослужители...

Храм Вознесения Господня выстроен. Первым помощником во всех организаторских делах была преподаватель местной школы Любовь Дмитриевна Гусева. Очистили место бывшего погоста, установили на предполагаемом месте захоронения гранитный поклонный Крест с именами всех клириков уничтоженного храма. На месте, где был святой Престол и где, как вспоминают местные жители, в послевоенные годы было явление Богородицы, – часовня с аналоем из гранита, на котором лежит раскрытое Евангелие.

В храме – иконы, написанные мастерами из Москвы, Санкт-Петербурга, разных монастырей российских. Многие иконы с частицами мощей святых.

Десять лет здесь настоятелем батюшка Георгий Томищ...

Алла Александровна приняла монашеский постриг с именем Митрофания. Продолжает оказывать помощь приходу. Недавно сдала в печать книгу, в которой рассказывает об истории своего православного рода и о чуде, свершенном по воле Господа, чуде возрождения приходской жизни, строительстве храма.

Монахиня Митрофания большой вклад внесла и в возрождение храма Дмитрия Солунского в селе Большой Самовец, здесь тоже служил ее де-

душка. В отличие от Битюг-Матреновки, в этом селе инициаторами строительства храма были местные жители – Антонина Михайловна Сайко, Нина Владимировна Полякова. Строительство велось на пожертвования селян. Откликнулись земляки, оказав существенную финансовую помощь – Алексей Михайлович Бузов, Дмитрий Михайлович Жуков...

ДОБРЕЙШИЕ ИЗ ДОБРИНКИ

У бывшего первого секретаря обкома КПСС, потом – губернатора области И.М. Шабанова хороший друг – предприниматель из Санкт-Петербурга Юрий Александрович Гончаров. Интереснейший человек, достойный более подробного повествования. Родом из Большой Добринки. Отец у него был добрейшим, веселым и уважаемым человеком. Лучший гармонист на всю округу. Кто-то из односельчан так оценил его игру: «Ну, ты и играешь! Как Рахманинов!» Да так и прилепилась к нему эта кличка – Рахманинов да Рахманинов, хотя, как известно, выдающийся композитор никогда на гармошке не играл, да и из мужиков его никто не знал – в Эртиле он не был, сравнивать его с Гончаровым трудно. Но – сравнили и увековечили. Да еще как увековечили! Сын гармониста в центре Эртиля открыл ресторан и имя ему дал «Рахманинов». Местные-то знают: в честь кого воздвигнута самая впечатляющая достопримечательность райцентра.

Но самый главный вклад земляка – в родном селе построил церковь во имя святого Александра Невского.

БИБЛИОТЕКАРИ-ЛЕТОПИСЦЫ

Библиотечные работники (С.Н. Косинова, Т.М. Смотровая, В.А. Чермащенко) издали тиражом в 25 экземпляров весьма и весьма важную брошюру – «Благовест храмов Эртильского района». Во-первых, издание богато справочным материалом – своеобразный путеводитель по формированию «духовного поля». Во-вторых, приведенные факты истории дают четкую канву дальнейших исследований по истории православных приходов района. В-третьих, знакомит с замечательными людьми, «золотым фондом» щедрости, подвижничества, энтузиазма.

В краеведческом музее сохранилось дореволюционное издание «Историко-статистическое описание Тамбовской епархии», в котором дано подробное описание Рождество-Богородицкой церкви села Ростоши, деятельности прихода с 1799 года. В 1900 году в селе построили еще один храм – Троицкий.

Слава о приходе шла по всей округе. С давних времен верующие притекали к святому источнику, который находится при въезде в село. Много сохранилось свидетельств об исцелении болящих. Святость источник обрел после того, когда однажды в его водах верующим была явлена икона святых бессребреников Космы и Дамиана, исцелявших народ...

Об одном из старейших храмов района сведения возьмем из брошюры, написанной работниками библиотеки. Это деревянная церковь Михаила Архангела в Малых Ясырках.

«... В 30-е годы церковь от разрушения спасло чудо. Когда веревками безбожники стали стаскивать главный колокол, раздался... плач. Богохульники, испугавшись, остановились. Затем снова взялись за дело. Плач повторился. На том разорение церкви и закончилось...

К храму надо от автотрассы пройти пешком несколько километров – весьма важная подготовка к встрече со святыней.

Одна из почитаемых икон, к которой ради исцеления и духовной помощи едут со всех концов России, – Почаевская икона Божией Матери...

Дочь рабы Божией Галины страдала эпилепсией. Однажды она приехала в Малые Ясырки. Образ на цепях опустили с высоты для поклонения. Галина приложила к ней платок, таким образом освятив его. Когда у дочери начинались припадки, мать покрывала ее этим платком. Припадки прекращались, а через некоторое время девушка исцелилась окончательно...

Настоящее иконописное чудо – икона Божией Матери «Скоропослушница». Неповторимая игра света в камнях, которыми украшены риза иконы, царские короны, венчающие Богоматерь и Младенца...

Около сорока лет назад начало празднованию Почаевской иконы Божией Матери положил отец Василий (Золотухин). В Великую Отечественную был контужен и попал в плен. Однажды в концлагере услышал голос: «Читай «Песнь Богородице» и иди – тебя никто не остановит». Из того лагеря никто живым не выходил. Солдат, обреченный на смерть, встал и пошел к воротам лагеря. Перекрестился и пошел дальше с молитвой «Богородице, Дево, радуйся...» Ворота оказались открытыми. Стоявшие на вышках охранники не увидели беглеца, а он, еще не веря в происходящее, подумал: «Сейчас выйду за ворота, они меня и пристрелят». Но выстрелов так и не последовало. «Наверное, хотят затравить собаками», – подумал Василий. Но и тут ошибся. Благополучно скрылся за поворотом – побег удался! К линии фронта ему помогли добраться польские крестьяне. Вспоминал, что «Песнь Богородице» помогла и при допросах его «смершевцами».

После войны он окончил духовную семинарию, стал священником».

Отец Василий Гришанов рассказал еще об одном немаловажном факте, который окончательно закрыл вопрос о ликвидации церкви. Партийные органы развернули продуманную пропаганду и агитацию – должно как можно меньше остаться в селе противников уничтожения храма. Основная работа велась с председателем колхоза и председателем сельского совета – они отвечают за «темноту и несознательность масс». Ни первый, ни второй атеистами не были... Несколько раз под разными предложениями откладывали сроки «окончательного решения вопроса». Тянули время. В тайне держалось то, что всем селом написали письмо в Кремль и собрали деньги, чтобы его «лично Сталину» отвезла Акилина (фамилию установить не удалось). Поездка заняла две недели. К Сталину Акилина не попала. Принял ее «всенародный староста» Михаил Иванович Калинин. Выслушал. И тут же было составлено распоряжение по поводу ситуации, сложившейся в Малых Ясырках. С этой бумагой от председателя ВЦИК и вернулась в село православная. Как раз на следующий день было принято волевое решение о сносе церкви. Подготовлена группа людей, организована техника, выделен укрепленный наряд милиции, отряд «добровольцев» ей в помощь. «Вопрос решать» прибыл сам секретарь райкома партии.

«Вы готовы?» – вопрос к председателям колхоза и сельского совета. «Мы-то готовы, – те в ответ. – Но вот тут документ получен – ознакомьтесь...» И предъявляют письмо от Калинина.

Весомый вклад в возрождение православного духа внесла районная газета (редактор Татьяна Николаевна Филиппова), в которой постоянно публиковались и публикуются статьи на религиозные темы священно-

служителей, простых прихожан, учителей, учащихся, медработников. Запоминающиеся статьи журналистов Людмилы Васильевны Саенко, Ивана Ивановича Чурилова...

«Точку» в материале поставим историей, рассказанной батюшкой Василием:

– Много в храм приходит молодежи с обостренным чувством справедливости, правды, с поиском ответов на вечные вопросы о добре и зле, любви.

Много лет назад обратился ко мне студент романо-германского факультета Воронежского госуниверситета, сын Людмилы Васильевны Саенко. До сих пор памятен разговор с ним – начитанный, думающий парень, определивший для себя верную жизненную позицию. По-юношески категоричен. Вот, например, одно из суждений о спорте: зачем нужны такие виды, как бокс? Зачем человек должен избивать человека? Разве соревнования не воспитывают в нас гордыню, тщеславие? Удивлялся, почему так неэффективно работают проповедники и не воспитывают человечество? Не более, не менее. Долгой была беседа... Объяснял, что монахи Сергия Радонежского были чрезвычайно «спортивными». Без разумного воспитания спортом немислимо воспитание патриота, защитника Родины, просто здорового человека...

Приятно слышать, что сын нашей прихожанки священник Артемий Саенко служил в Воронеже в храме Андрея Первозванного и очень уважаем верующими. В настоящее время он является настоятелем хохольского храма в честь иконы Казанской Божией Матери.

Юные в своих поисках ответов на глубинные вопросы бытия категоричны, зачастую наивны, как дети. С возрастом приходит с Божьей помощью осмысление, но Господь заповедал – «будьте, как дети», тогда и свершится все праведное на земле.

Святитель Тихон Задонский дал ответы на простые «детские вопросы». Ничего бы в мире плохого не было, если бы:

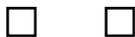
«Если бы в нас была любовь – не боялись бы разбоя, убийства, насилия, грабежа: ибо любовь искреннему злу не творит.

Если бы была любовь – не было бы похищения, воровства и прочего зла: любовь искреннему злу не творит.

Если бы была любовь – люди не терпели бы клеветы, укоризны, поношения, ругательства, бесчестия и прочего зла: любовь искреннему злу не творит.

Если бы была любовь – не нужны были бы нам судебные места: ибо не было бы чего судить и за что осуждать, ибо не было бы злодеев и законопреступников...

Если бы была любовь в нас – то она служила бы нам вместо крепкой стены против наших неприятелей и всех видимых врагов наших; ибо где любовь, там сам Бог – помощник и заступник любви».

Иван Чурилов

АТАКА НА КРЕЙСЕР

(Герой Советского Союза,
заслуженный штурман Евгений Кабанов)

В основе моего рассказа об уроженце села Бегичево Эртильского района Воронежской области, Герое Советского Союза, заслуженном штурмане СССР Евгении Ивановиче Кабанове – его личные воспоминания, а также мемуары сослуживцев по бывшему 12-му гвардейскому пикировочно-бомбардировочному авиационному Таллиннскому Краснознаменному ордене Ушакова полку.

Родившийся в глубинном селе, Евгений Иванович Кабанов упорно шел к поставленной цели. Закончив среднюю школу, он поступил учиться в Воронежский коммунальный техникум только потому, что там был кружок ОСОВИАХИМа, где можно было получить навыки парашютиста. Трижды подавал документы в Ейское училище имени С.А. Леваневского, был зачислен курсантом, но учебу начал только с третьей попытки, поскольку дважды тиф был непреодолимой преградой на пути к заветной мечте. Звания Героя Советского Союза штурман пикирующего бомбардировщика Евгений Кабанов был удостоен в неполные 26 лет. Командиру экипажа Юрию Хрисанфовичу Косенко, с которым он совершил большинство боевых вылетов, звание Героя Советского Союза было присвоено посмертно, когда ему не исполнилось даже 23 года. Не меньшее мужество проявил и Герой Советского Союза Константин Степанович Усенко, в экипаж которого Евгений Кабанов был переведен незадолго до гибели Ю.Х. Косенко.

БЫЛИ ЮНЫМИ И ОТЧАЯННО ОТВАЖНЫМИ

Всего с 23 ноября 1942 года – дня боевого крещения – и до конца войны Евгений Иванович со своими боевыми друзьями 164 раза прорывался сквозь заслоны зенитного огня и сбрасывал бомбы на врага, провел 50 воздушных боев с истребителями противника, 21 раз возвращался домой на подбитом самолете, шесть раз экипажи совершали вынужденные посадки на воду, в огороды, на запасные аэродромы...

Особенность авиации Военно-морского флота, по свидетельству гвардии полковника авиации А.Ф. Калининченко, в том, что летчикам больше при-

ходилось летать не над сушей, где видны населенные пункты, рощи, поля, дороги, реки. По ним нетрудно ориентироваться. Там есть, наконец, своя и занятая врагом территории, опасные и безопасные районы. А здесь под тобой – морская пучина, которая в минуты опасности оказывается бездонной и зловецей. Здесь нет линии фронта: все море – поле боя. Наиболее важные объекты – командные пункты, порты, караваны транспортных судов, военные базы – очень надежно прикрывались зенитными батареями различных калибров. Так, в воздухе над Коткой каждую секунду разрывалось по 10 – 12 крупнокалиберных снарядов. К ним прибавлялось до трехсот разрывов среднего и трех тысяч – малого калибра. Это же сплошная огненная завеса! А она еще и уплотнялась орудийными установками кораблей, стоявших в порту.

Евгений Кабанов. 1941 год

Вот только один эпизод, характеризующий, насколько трудным бывало выполнение боевого задания. «...Мы, – вспоминает А.Ф. Калинин, – успели набрать высоту для второго захода и снова легли на боевой курс. Зенитный огонь усиливался. Снаряды рвались и справа, и слева, и под самолетом. Мозг сверлила навязчивая мысль – потянуть штурвал на себя и уйти вверх от разрывов. Нет, я не сделал этого! От воздушной волны разорвавшегося внизу снаряда самолет резко вздрогнул. На пол кабины посыпались стекла приборной доски, в одном из моторов началась тряска. Казалось безумием продолжать полет – идти навстречу гибели. Во рту пересохло. Нужен только один рывок штурвала – и я уйду от зенитного огня, от смерти. Но мои глаза видели не только шапки разрывов за бортом самолета. Они видели и тех ленинградцев, которые вчера или днем раньше погибли под осколками немецких артиллерийских снарядов, разорвавшихся на улицах осажденного, но не побежденного города...»

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Обстановка на фронтах в 1942 году по-прежнему оставалась сложной: это и затянувшаяся блокада Ленинграда, и лето наших поражений на юге, и выход гитлеровских войск к Волге у Сталинграда. Но все же Ленинграду стало легче: фронт стабилизировался, устойчиво и надежно работала ладожская «Дорога жизни».

Морские летчики получили возможность перенести свои действия с сухопутного участка фронта на море. Это было вызвано еще и тем, что гитлеровский флот развернул активные действия в Финском заливе. Крупные порты – Хельсинки, Котка и Выборг – использовались им для интенсивных стратегических перевозок.

Фашисты тогда еще не знали о появлении в Ленинграде полка пикирующих бомбардировщиков. Этим, видимо, и решил воспользоваться командующий ВВС Краснознаменного Балтийского флота генерал-лейте-

нант М.И. Самохин, поручив нам нанести бомбовый удар по военно-морской базе Котка сразу же по прибытии на фронт. Фактор неожиданности оправдал себя: появившись над целью внезапно, бомбардировщики нанесли точный удар с пикирования, разрушили причалы, железнодорожный вокзал и подожгли нефтесклады. Работа морского порта по снабжению гитлеровской армии была надолго парализована.

Вспоминает полковник А.Ф. Калининченко:

– Осенью 1942 года в полку появилась группа новичков – три экипажа совсем юных парней. Одному из летчиков – Юрию Хрисанфовичу Косенко – исполнилось лишь девятнадцать лет. Правда, его штурман Евгений Иванович Кабанов и стрелок-радист Александр Афанасьевич Марухин были чуть старше, но тоже никакого боевого опыта не имели. Знакомясь с их личными делами, командир полка планировал дать им больше тренировочных полетов, прежде чем посылать на боевое задание. Но напряженная обстановка заставила его вскоре поднять в воздух все экипажи.

Из биографической справки Е.И. Кабанова:

«Первый боевой вылет Е.И. Кабанова состоялся 23 ноября 1942 года. В группе пяти бомбардировщиков Пе-2 бомбовым ударом с пикирования он потопил транспорт противника и повредил причалы военно-морской базы Котка, лично подбил истребитель «фокке-вульф».

Вспоминает Е.И. Кабанов:

– В начале ноября 1942 года экипажи прибыли на аэродром. Он располагался на северо-восточной окраине Ленинграда между поселком Гражданка и селом Мурино. Небольшая взлетно-посадочная полоса из шлака и гравия была окаймлена невысокими деревьями и жилыми зданиями. Вместе с пикирующими бомбардировщиками на аэродроме базировались штурмовики Ил-2 и различные истребители.

Вначале из-за недостатка самолетов нашему экипажу, как и многим другим, не давали возможности выполнять полеты на боевые задания, что и угнетало, и злило нас. Наконец настало 23 ноября 1942 года, когда наш экипаж в составе группы самолетов Пе-2 вылетел, чтобы нанести бомбовый удар с пикирования по боевым кораблям и транспортам противника в порту Котка, расположенном в северной части Финского залива.

Удачно вышли в Финский залив. У цели фашисты встретили нас ураганным огнем из орудий и пулеметов. Черные шапки от разрывов зенитных снарядов были видны со всех сторон летящих самолетов. Казалось, нет свободного места в воздухе, где могли бы лететь наши самолеты. Но мы шли для выполнения поставленной задачи.

Вдруг совсем рядом послышался глухой взрыв снаряда – и наш самолет достали осколки, сильно повредив его. По моим командам Юрий Хрисанфович вывел машину на боевой курс, а я, прицелившись, с горизонтального полета сбросил бомбы по цели. Резким разворотом и снижением командир отвернул самолет в направлении своей территории.

Но до нее было еще далеко. Высота и скорость самолета из-за повреждения одного из моторов все время уменьшались, и мы далеко отстали от своей группы.

– Сверху слева четыре истребителя противника, – доложил стрелок-радист Александр Марухин.

И началось... Едва успел крикнуть летчику: «Курс 120 градусов!», как истребители начали обстреливать наш самолет, атакуя попарно с разных сторон. Я и стрелок-радист начали вести ответный огонь, а летчик непрерывно маневрировал, изменяя, насколько это возможно было, курс и

высоту. После нескольких атак истребителей противника загорелось оборудование кабины нашего самолета. Она быстро наполнялась дымом, и это затрудняло управление бомбардировщиком, ведение ориентировки и оборонительного огня. Обстановка – хуже не придумаешь, а тут, как назло, отказал мой пулемет. Как сейчас помню: перед моими глазами промелькнула вся моя короткая жизнь. «Ну, вот и все», – подумал я. Истребители все ближе подходили к нам, стреляя по нашему самолету длинными очередями с близких удалений.

Что делать? Достая ракетницу, стреляю ракетами, отпугиваю истребителей, но ненадолго. Чувствую, нечем дышать, срываю фонарь кабины. Тут же воздушный поток сдирает с головы у меня шлемофон, следующая пулеметная очередь истребителей попадает во второй, работающий мотор нашего самолета. Он резко теряет высоту. В это время перед нами, как бы закрывая волны Финского залива, появился кусочек земли. Это был один из островов, расположенный в заливе. Наш самолет проходит, что называется, по верхушкам деревьев острова и, удалившись метров на пятьсот, «сел» на воду. Необычайные обстоятельства «посадки» на воду между огромными валунами и выход передней части самолета на один из них, позволили нам выйти на центроплан, снять пулемет и ждать встречи с немцами.

К нашему счастью оказалось, что остров Сескар, как и два других, неподалеку расположенных от него, обороняли наши войска. Так закончился наш первый боевой вылет – боевое крещение...

Андрей Филиппович Калинин, вспоминая об этом эпизоде, особо подчеркивает выдержку и боевую слаженность экипажа:

– Первый же боевой полет стал серьезной проверкой комсомольского экипажа Ю.Х. Косенко. Вылетев в составе бомбардировщиков для нанесения удара по военно-морской базе Котка, он попал в сильный огонь зенитной артиллерии. Осколками разорвавшегося снаряда была повреждена машина. Но нервы у Юрия оказались крепкими: продолжая полет, он вывел самолет на объект, и штурман сбросил бомбы. Через несколько секунд в небо взметнулся столб дыма: объятый пламенем транспорт погружался на дно.

Едва отвернули от цели, как стрелок-радист передал: «Сверху «мессершмитты»!»

Кабанов схватил пулемет и дал длинную очередь, но фашистский летчик опередил его: вражеский снаряд попал в бомбардировщик. Правый мотор заглох, самолет начал терять высоту. Что делать? До аэродрома не дотянуть. Прыгать? Но внизу ледяная вода, а в воздухе вражеские истребители.

– Командир, здесь остров Сескар, – показав на маленькое пятнышко на карте, крикнул штурман и снова бросился к пулемету. – Тяни к нему!

До острова было еще километров девяносто, и летчик не видел его: под крылом до самого горизонта простиралась лишь водная гладь, а над ней продолжался неравный бой.

– Курс сто двадцать, – подсказал летчику Кабанов, – лететь пятнадцать минут.

Не так легко выйти на него, когда машина плохо слушается руля, а сверху насаждают «мессершмитты». К счастью, на помощь экипажу подошли наши истребители и отогнали их.

Косенко прилагал большие усилия, чтобы самолет как можно меньше снижался. Но стрелка высотомера сползала на 400, 300, 200 метров. Все

же летчику удалось дотянуть до острова и посадить подбитую машину на воду в пятистах метрах от берега. Вскоре подоспел наш катер, взял экипаж на борт и доставил на свою базу.

КРЕПКАЯ ДРУЖБА

После этого полета Евгений Кабанов и Александр Марухин с еще большим уважением стали относиться к своему молодому командиру. А в самом начале совместной учебы на одном из тыловых аэродромов, где готовились экипажи для фронта, высокий худощавый сержант с юным лицом, румяными щеками и полными алыми губами показался штурману совсем мальчиком. Но вскоре он убедился, что перед ним не по возрасту серьезный, рассудительный и знающий свое дело летчик. Уже тогда он летал на трех типах самолетов.

– Когда же ты успел? – с некоторым удивлением поинтересовался Кабанов у Юрия.

Оказалось, что после окончания средней школы в городе Шахты Юрий Хрисанфович в 1940 году поступил в Ейское военно-морское авиационное училище, а через полгода – война. Учебную подготовку на У-2, СБ и Пе-2 прошел в ускоренном порядке.

Александр Марухин после призыва в армию окончил Пермскую школу младших специалистов и был направлен стрелком-радистом в экипаж Ю.Х. Косенко.

Во многих авиационных полках были мастера летного дела, совершившие подвиги, но 73-й бомбардировочный отличался особо. Во-первых, он был единственным полком пикирующих бомбардировщиков на флоте; во-вторых, как сказал однажды наш комиссар подполковник А.С. Шабанов, «это не просто воинская часть, но еще и дружная, боевая семья, а где крепкая дружба, там крепче удары по врагу».

Вспоминает Е.И. Кабанов:

– Вот эта фотография, на которой мы запечатлены с капитаном Сергеем Степановичем Давыдовым, мне очень дорога как память о моем не только боевом товарище, но и учителе. Он был существенно старше меня, стал кадровым офицером задолго до войны, и хотя в наш полк он попал не намного раньше нас, но Балтику знал, как свои пять пальцев: еще в 1929 году он начинал здесь военную службу рулевым на линкоре «Октябрьская революция». Главное же – он имел богатейший опыт штурмана, накопленный им за годы службы на Дальнем Востоке, и щедро им делился с нами, только начинающими овладевать мастерством в сложных, а порой – и сложнейших боевых и погодных условиях.

Всякий раз, когда какой-либо отдельный экипаж или звено нашей эскадрильи отправлялось на боевое задание, Сергей Степанович с летчиками и штурманами обсуждал детали предстоящего полета. Они определяли наиболее выгодное направление к заданному объекту, продумывали, как лучше использовать облака, солнце, ветер и высоту, намечали порядок действий при встрече с истребителями противника. Не менее подробный разбор был и по окончании выполнения боевого задания. Тут уж добрейший Сергей Степанович превращался в строгого и взыскательного капитана, а чуть позже – майора Давыдова, штурмана эскадрильи. Нет, разговор и в этом случае шел в самом доброжелательном тоне, всегда предметный, тем более что аргументы – аэрофотоснимки результатов боевых вылетов – всегда были в распоряжении командования эскадрильи и пол-

ка. И во время боевых вылетов на задания ведущие не просто наблюдали за поведением своих подопечных в воздухе, но и переживали за них, старались помочь деловым советом.

Наиболее опытных летчиков и их штурманов при необходимости направляли на разведку. Один из таких полетов особенно хорошо запомнился Сергею Степановичу. Было это в августе 1942 года. Экипажу майора М.С. Ерохина, в который Давыдов входил вместе со стрелком-радистом А.П. Ершовым, приказали уточнить место нахождения вражеских кораблей в западной части Финского залива. День выдался солнечный, очень неблагоприятный для разведывательных полетов. Лучше бы небо затянуло облаками. Они позволили бы скрытно подойти к цели. Но общая обстановка на фронте требовала незамедлительных действий в любую погоду.

Ерохин вел самолет с набором высоты. Давыдов, используя островки, разбросанные в заливе, замерил ветер, произвел штурманские расчеты. Командир экипажа поддерживал радиосвязь с аэродромом и внимательно наблюдал за воздухом.

Высота три тысячи метров.

– Выше не надо, – посоветовал Давыдов летчику.

Штурман знал, что при такой погоде три тысячи метров – самая выгодная высота для поиска противника на море. Поднимешься выше – ухудшится видимость водной поверхности, опустишься ниже – ухудшится видимость обозреваемого пространства.

И вот самолет над заданным квадратом, но кораблей там нет. Майор Ерохин заволновался.

– Командир, пройдем немного на север, – предложил Давыдов. – Может корабли направились в финские порты.

Однако и севернее кораблей тоже не оказалось. Что же делать? Уходить восвояси ни с чем? Нет, штурман не мог так поступить. И что он доложит командиру, который посылал его в разведку? Ведь ему доверили ответственное задание, на него надеются. Корабли должны быть где-то поблизости. Давыдов дал летчику новый курс. На горизонте появился легкий дымок. Приблизившись к нему, члены экипажа убедились, что это вражеские корабли.

– Набирай высоту, – посоветовал штурман. – Теперь они от нас не уйдут.

Моторы заработали в полную силу. Ерохин, Давыдов и Ершов надели кислородные маски. Высота достигла семи тысяч метров.

На подходе к кораблям Ерохин перевел машину в крутое пике. Разогнав ее, как говорится, до звона, летчик энергично потянул штурвал на себя. Пикировщик медленно перешел в горизонтальный полет и на огромной скорости пронесся над кораблями. Заработал включенный штурманом бортовой аэрофотоаппарат. Фашисты открыли по разведчику яростный огонь, но снаряды валились далеко позади самолета.

Летчик взял курс на свой аэродром. Теперь надо было своевременно доставить командованию добытые данные. У острова Сескар разведчика встретили шесть «мессершмиттов». Они атаковали одинокого «петлякова» одновременно с разных направлений. Резким маневром Ерохину удалось уклониться от вражеского огня. Через несколько секунд последовала новая атака, потом еще и еще... Экипаж не дрогнул перед превосходящими силами противника. Ершов и Давыдов упорно дрались с нападающими фашистами. Вдруг пулемет штурмана замолчал. Воспользовавшись

этим, два Ме-109 немедленно атаковали «пешку» с разворота, и вновь Ерохин маневром спас самолет. Когда «мессершмитты» выходили из атаки, Давыдов, успевший устранить неисправность своего «шкаса» (пулемет Шпитального, Комарицкого, авиационный, скорострельный), дал по ним три короткие очереди. Ме-109 клюнул, свалился на правое крыло и пошел к воде. Обозленные неудачей, фашисты еще яростнее стали насесть на советского «разведчика». В разгар боя штурман ощутил резкий удар по ноге, и все тело пронизала острая боль. Но он, стиснув зубы, продолжал отстреливаться.

Вскоре фашистам удалось повредить руль поворота и элерон (подвижная часть крыла, которая служит для управления креном самолета) «петлякова». Тогда стрелок-радист Ершов снял бортовой «шкас», высунулся из верхнего люка и, как говорится, с рук ударил по одному из «мессеров». В этот момент подал голос и пулемет штурмана. Это Давыдов, напрягая усилием воли последние силы, нажал на гашетку. Две огненные трассы почти одновременно впились в желтое брюхо «мессершмитта». Вражеский истребитель вспыхнул и взорвался, его горящие обломки упали в воду.

Ерохин заметил, что слева приближаются еще три «мессера». Даже шестикратное превосходство не устраивало командование немецких летчиков и оно, видимо, решило любой ценой уничтожить русских смельчаков. Однако Ерохин применил маневр, который летчики вражеских истребителей не ожидали, а если и предполагали, то все равно ничего противопоставить из своего арсенала не могли: разгоняя скорость, командир «петлякова» прижал самолет к воде. Теперь фашисты могли нападать на разведчика только сверху. Каждый раз они натывались на дружный огонь штурмана и воздушного стрелка-радиста. Таким образом отважный экипаж выиграл эту схватку. А вскоре показался родной Ленинград. «Мессершмитты» сразу отвалили в сторону и ушли на запад. Ерохин с трудом посадил изрешеченную пулями и осколками снарядами машину. Давыдов, несмотря на то, что был тяжело ранен, не соглашался уехать в лазарет до тех пор, пока не увидит снимки и не даст пояснения к ним начальнику разведки. И только после того, как он обстоятельно доложил о координатах нахождения вражеских кораблей, их составе, курсе и скорости движения, согласился покинуть аэродром.

«ОХ, УЖ ЭТА КОТКА»

Вспоминает гвардии полковник А.Ф. Калининченко:

По предварительным сведениям, которыми располагало наше командование, на военно-морской базе Котка скопилось большое количество вражеских кораблей. После успешно проведенной экипажем Василия Федоровича Голубева разведки, подтвердившей сосредоточение транспортов противника, две восьмерки «петляковых» вылетели на задание. В одной из них занял место и мой экипаж. Над Финским заливом висела синеватая мгла. Небо на горизонте сливалось с морем. Под крылом – куда ни глянь – сплошная водная гладь.

Ровно гудели моторы «петляковых». Рядом с нами шли истребители сопровождения. Ведущий всей группы тщательно выдерживал курс, скорость и высоту. В полете над морем за этим надо следить особенно тщательно.

Мы знали, что Котка сильно защищена. Противник располагает густой

сетью постов наблюдения и мощной зенитной артиллерией, расположенной как на островах, так и на суше. Скрытный подход самолетов к порту был почти исключен. Следовало искать другие пути снижения эффективности вражеской противовоздушной обороны.

Решили подойти к Котке на большой высоте со стороны солнца. И все-таки гитлеровцы нас заметили на дальних подступах к цели. Вокруг самолетов начали рваться зенитные снаряды. Чем ближе подходили мы к цели, тем плотнее становился их заградительный огонь.

Юрий Косенко повел наше звено между островами. Перед вылетом договорились пикировать одновременно. Я бросал самолет то вправо, то влево, уклоняясь от зенитного огня. Штурман шарил глазами по базе, выбирая цель покрупнее. Сделать это было непросто: с большой высоты каждый транспорт казался спичечной коробкой. Потопить его можно было только снайперским бомбометанием.

– Внимание, бьем по большому транспорту, по тому, который стоит у левого причала, – приказал Ю.Х. Косенко.

Я повернул машину на указанную цель и лег на боевой курс. Вокруг бушевал зенитный огонь. От разрывов сотен снарядов образовались облака дыма. Тут я вспомнил слова Василия Голубева, сказанные как-то о силе огня над Коткой: «Кто три раза оттуда вернется невредимым, тот пролетает всю войну». Пожалуй, он совершенно прав.

Цель движется точно по курсовой черте. Головные самолеты уже пикируют. Пора и нам! Плотным строем звено понеслось на транспорт. Сброшенные нами бомбы сделали свое дело: над причалом взметнулся столб черного дыма, перевитый пламенем. Транспорт загорелся. Маневрируя между островами, мы отходили в море. Но что это? Рядом появились два «фокке-вульфы». Видимо, гитлеровцы решили отомстить нам. Однако истребители прикрытия вовремя заметили их и атаковали первыми, не позволив им даже приблизиться к нам.

Я подошел ближе к самолету Юрия Косенко. На лице ведущего – радостная улыбка. Он доволен нашей работой.

Обратный путь всегда кажется короче, чем до цели. Две восьмерки «петляковых», сопровождаемые истребителями, в красивом строю подошли к своему аэродрому и рассыпались для посадки.

Вылет был удачным: все экипажи вернулись с задания. А каков результат? Об этом мы узнали после проявления фотопленок: в порту Котка два транспорта пошли на дно. Гитлеровцам не помогли ни крупнокалиберная зенитная артиллерия, ни «фокке-вульфы».

СНАЙПЕРЫ

Вспоминает Е.И. Кабанов:

– В начале 1943 года войска Ленинградского и Волховского фронтов начали прорыв блокады Ленинграда. 12 января после артиллерийской подготовки по льду Невы двинулись вперед наши штурмовые отряды, состоявшие в основном из саперов. Под огнем противника им удалось преодолеть реку, уничтожить огневые точки на противоположном берегу Невы и расчистить путь остальным войскам.

Первый штурм вражеских укреплений дал положительный результат. Войска фронта захватили плацдарм на левом берегу Невы и, продолжая расширять его, продвинулись в центре до четырех километров. Но фашисты яростно оборонялись. По наступающим нашим войскам с опорных

пунктов, особенно здания 8-й ГЭС, непрерывно вели шквальный огонь артиллерия и минометы. Электростанция с двух сторон прикрывалась высокими эстакадами, обнесенными земляными валами. На первом этаже здания были искусно замаскированы орудия и минометы, а наверху размещались наблюдательные пункты. Железобетонные стены и гранитные плиты надежно укрывали немцев от нашей артиллерии, пытавшейся не один раз добраться до врага. Разрушить здания электростанции могли только авиационные бомбы крупного калибра. Причем сбросить их нужно было очень точно, чтобы не поразить своих воинов, залегших под минометным огнем. И еще одна сложность: цель находилась всего лишь в 10-15 метрах от замерзшей Невы, лед на которой нельзя было разрушать – по нему наступала наша пехота.

Уничтожить этот важный опорный пункт врага было поручено пикировщикам. В полк прибыли известный летчик, командир минно-торпедной бригады Герой Советского Союза Е.И. Преображенский и старший штурман бригады Герой Советского Союза П.И. Хохлов – это они первыми нанесли бомбовый удар по логову фашизма Берлину.

После знакомства с летным составом эскадрильи капитана А.Ф. Метелкина Преображенский сказал: «Подвесить под самолеты самого крупного калибра бомбы, лед на Неве не трогать, на задание послать снайперское звено».

Когда я узнал приказ о полете нашего звена, несколько растерялся. С одной стороны воодушевляла гордость: послали самых-самых метких. А с другой стороны нет-нет и промелькнет мысль: а вдруг – раз и ... мимо? Ведь даже по теории вероятности...

Да и что говорить: цель малоразмерная, а задание слишком ответственное. Еще одно обстоятельство тревожило нас, особенно Юру Косенко. Это – безопасность подъема самолета в воздух в перегрузочном варианте с небольших размеров аэродрома при взлете на город. Да и самолет был старенький с выработанным ресурсом, установленным для мотора.

Несмотря на все переживания и трудности, с заданием мы справились отлично. Восьмая ГЭС была уничтожена, лед Невы остался нетронутым, пехота пошла в атаку.

Боевую задачу выполнили три экипажа: командир звена Д.Ф. Болдырев (штурман М.А. Калинин), командир экипажа Г.В. Пасынков (штурман М.Г. Губанов) и наш экипаж. Было сброшено шесть 500-килограммовых бомб, которые все попали в цель, и опорный пункт был уничтожен.

Вспоминает гвардии полковник А.Ф. Калининченко:

– Из лучших снайперских экипажей командующий отобрал три: старшего лейтенанта Д.Ф. Болдырева, сержантов Г.В. Пасынкова и Ю.Х. Косенко.

Фашисты хорошо замаскировали 8-ю ГЭС. Однако тень, отбрасываемая стенами здания, выдавала маскировку. Да и местность была хорошо знакома летчикам. Им не раз здесь приходилось пересекать линию фронта.

Болдырев подал команду: «Атакуем!» и направил самолет на цель. За ним, вытянувшись в цепочку, шли Пасынков и Косенко. С напряжением работали их штурманы М.А. Калинин, М.Г. Губанов и Е.И. Кабанов. Ведь прицеливание – самый ответственный этап полета. «Ни одна бомба не должна упасть на лед!» – гласил приказ. Пошел! Один за другим летчики спикировали на здание, превращенное фашистами в крепость. Последовали шесть взрывов большой мощности. Огромные столбы пламени и дыма взметнулись кверху.

Огонь со стороны 8-й ГЭС прекратился. А когда рассеялись столбы дыма и пыли, наши экипажи увидели: там, где были железобетонные стены, на прутьях арматуры висят, словно ключья изодранной одежды, изломанные плиты. Фашистское огневое гнездо было окончательно разрушено. Наши войска получили возможность продвигаться далее с несколько меньшим риском для жизни пехотинцев. За успешное выполнение ответственного и очень трудного задания экипажи Болдырева, Пасынкова и Косенко были награждены орденами и медалями.

ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

Вспоминает гвардии подполковник авиации П.И. Цупко:

– Под дружным натиском войск Ленинградского фронта и моряков Краснознаменного Балтийского флота северный фланг гитлеровских войск затрещал. Чтобы его укрепить и придать ему устойчивость, немецко-фашистское командование перебросило в Финляндию несколько пехотных и моторизованных дивизий, а в ближайшую к фронту военно-морскую базу Котка ввело сильный отряд боевых кораблей с крейсером «Ниобе».

«Ниобе» – так гитлеровцы назвали захваченный ими у Голландии крейсер «Гельдерланд». Корабль имел сильную артиллерию, мощный пояс броневой защиты, до тысячи человек экипажа. Немцы немало усилили огневую мощь корабля, дополнительно установив на нем восемь крупнокалиберных орудий противоминно-зенитной артиллерии и превратив его в крейсер противовоздушной обороны.

Воздушная разведка своевременно обнаружила появление «Ниобе» в Финляндии. Доложили в Москву. Нарком ВМФ адмирал флота Николай Герасимович Кузнецов приказал потопить крейсер. Штаб военно-воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота приступил к разработке операции. Ее руководителем в воздухе был назначен Василий Иванович Раков.

Получив весьма ответственное боевое задание, Василий Иванович задумался. Потопить крейсер, да еще в такой сильно укрепленной военно-морской базе, как Котка, было делом чрезвычайно трудным. Воздушное пространство над Коткой с малых до больших высот простреливалось многослойным зенитным огнем, создаваемым пушками малого, среднего и крупного калибров. Расположенные на окружающих базу островах, они прикрывали со всех сторон подход к ней. Только тяжелых зенитных батарей четырех- и шестиорудийного состава в Котке насчитывалось двенадцать! Они создавали такую плотность огня, что каждую секунду взрывалось по десять-двенадцать крупнокалиберных снарядов. К ним прибавлялось до трехсот разрывов среднего и трех тысяч малого калибров. Попробуй, прорвись через эту завесу сплошного зенитного огня! А ведь он еще усиливался орудийными установками крейсера, других боевых кораблей и транспортов!

Для достижения цели следовало придумать что-нибудь неожиданное для противника, чтобы на какое-то время ошеломить и отвлечь его внимание. Именно в это время и нанести разящий удар.

И Василий Иванович кое-что задумал. Своей идеей он поделился с командующим. Генерал Самохин ее одобрил. Работники штаба ВВС сделали соответствующие разработки: оформили схемы и таблицы расчетов.

План операции доложили прилетевшим в штаб Краснознаменного Бал-

тийского флота наркому Кузнецову и генералу Жаворонкову. После тщательного ознакомления они его одобрили. К участию в операции привлекались разные рода авиации: пикировщики, бомбардировщики-топмачтовики, штурмовики, истребители и разведчики – всего семь авиаполков. На командный пункт были вызваны командиры и ознакомлены с боевым заданием.

В короткий срок авиаполки подготовились к бою.

После обеда 16 июля, когда враг меньше всего ждал, операция началась: с аэродромов взлетели и собрались в строй сто тридцать две боевые машины. Воздушная армада взяла курс на Котку.

Стоял на редкость ясный, безоблачный день, и это радовало летчиков: погода облегчала выполнение задания.

Во главе строя пикировщиков летел командир авиаполка Василий Иванович Раков. Константин Усенко шел за ним. Сзади головной группы следовала эскадрилья Андрея Барского, затем шестерка комэска-три Юрия Кожевникова. Над «петляковыми» и с боков замерли на своих местах «телохранители» – «яки», ведомые Дмитрием Александровичем Кудымовым. Внизу, у самой воды, пронеслись эскадрилья штурмовиков Ил-2, над ними – полк «лавочкиных», а позади, равняясь по последней шестерке Пе-2, шли бредущим полетом над волнами две пары громоздких «бостонов» – бомбардировщиков-топмачтовиков с тысячекилограммовыми фугасными авиабомбами на борту. Их вел майор Илья Неофитович Пономаренко. Воздух над морем содрогался от могучего рева авиационных моторов.

«Петляковы» летели на большой высоте. Термометр за бортом показывал минус тридцать градусов. От холода не спасали даже меховые комбинезоны и унты. Мерзла кожа обгоревшего лица, руки, ноги. Константин, чтобы как-то согреться, потирал лицо шерстяной перчаткой, усиленно шевелил пальцами ног, постукивал руками по штурвалу, но делал он все это непроизвольно, не отрываясь от наблюдения за воздухом и поведением своих молодых товарищей. В боях с береговыми батареями на островах они показали себя хорошо. Но те бои не относились к категории сложных. Вот Котка... Константин беспокойно оглядывается на сидящего сзади Евгения Кабанова, будто тот может дать ответы на мучившие его вопросы.

Чернявый, кареглазый Евгений Кабанов – очень подвижный и веселый человек. С ним легко летать, он никогда не унывает, все шутит. Вот и сейчас в телефонах раздался его звонкий голос с чуть заметной хрипотцой:

– Ну и холодрыга! Даже зубы замерзли! Как ты терпишь?

– Так и терплю! – засмеялся Усенко. – Придем в Котку – отогреемся, фашисты устроят нам баню – жарко будет!

– Не факт! Как говорится, бабушка гадала, надвое сказала: либо дождь, либо снег, либо будет, либо нет. Вот и мы посмотрим: кто-кому? В «десятку» на такой высоте попасть не просто! Зато наши полутонки от них и ключев не оставят! Только бы донести их до Котки!

Да, к Пе-2 были подвешены мощные пятисоткилограммовые бомбы. Попадания одной такой авиабомбы бывало достаточно, чтобы пустить на дно моря транспорт, сторожевой корабль или даже эсминец. Но вот потопить крейсер пикировщикам еще не приходилось. Как это получится?

У самой линии горизонта показалась черная полоса – вражеский берег. Он все ближе. Внизу под самолетами потянулись прибрежные острова. Их

много. На некоторых стоят зенитки. Они сразу напомнили о себе: раздалась первая залпы. В небе по курсу вспыхнули разрывы. Но внимание Василия Ивановича Ракова привлекли не зенитки, а то, что он увидел впереди и выше: знакомые неприятные черточки. Тотчас в эфире зазвучал приказ:

– Беркут! Прогоните «фоккеров» с базы! Я – ноль один!

«Беркут» – позывной командира 4-го гвардейского истребительного полка гвардии подполковника Василия Федоровича Голубева.

– Вас понял, первый! Я – Беркут! Приступаем!

И авиаполк «лавочкиных» вслед за своим командиром устремился вперед выполнять первую часть операции – расчистить от истребителей противника дорогу главной ударной силе – пикирующим бомбардировщикам. В голубой небесной лазури Константину Усенко было видно, как тупоносые краснотелые «ястребки», разбившись на четверки, набросились на «фокке-вульфов», и в воду полетели подожженные машины врага.

Победа «маленьких» воспринялась всеми как добрый знак.

Ударная группа тем временем подлетела к острову Ренкинсаари, и Раков подал условный сигнал:

– Внимание! Ураган! Ураган!

Началась основная часть операции. По сигналу на острова и побережье – всюду, где разведка обнаружила места размещения зениток, устремились штурмовики Ил-2 и начали утюжить их, чтобы парализовать на то время, пока пикировщики будут бомбить крейсер.

Город, военно-морская база и порт все ближе. Константин привычно быстро оценил обстановку в воздухе, на воде и на земле. Уже хорошо видны городские строения, раскинувшиеся на острове Хавинсаари, портовые сооружения. Усенко и Кабанову все здесь знакомо: не раз прилетали бомбардировать военные объекты. Следы тех ударов до сих пор видны: поврежденные пирсы и причалы, разбитые железнодорожные вагоны, развалины складов и цехов целлюлозного завода, торчащие из воды мачты и трубы потопленных кораблей и транспортов. Но внимание летчиков приковано сейчас к гаваням. В Котке их три, и в каждой из них, как жуки на синей скатерти, чернеют корабли, катера, суда. Но все это «мелочь». Нужна «рыба» покрупнее. Где же она?.. За небольшим островом Муссало в восточной гавани на воде темнеет непонятный предмет. Константин вглядывается в него и за сетями маскировки неожиданно обнаруживает трубы, надстройки и орудия.

– Да вот же он, крейсер «Ниобе»! – Евгений даже вскочил и встал рядом с летчиком. – Не удрал! Ай да молодец! Дождался нас!

Зенитные средства противника придавлены нашими штурмовиками. И все же их так много, что они ожили и открыли губительный огонь. Не выдержали нервы и у артиллеристов крейсера: они тоже ударили из орудий и тем окончательно демаскировали свой корабль.

В эфире прозвучал невольно спокойный голос Василия Ивановича Ракова:

– Внимание, соколы! Я – ноль один! Произвести боевое развертывание! Атака с пикирования звеньями! Прием!

Десятки Пе-2 разошлись в разные стороны, в девятках звенья перестроились в колонну и с разных направлений и высот вслед за своими ведущими бросились на громаду крейсера. Навстречу им снизу захлебывались в неистовстве зенитные орудия. Во всем обозреваемом пространстве хлопотало пламя, и воздух перед пикировщиками превращался в комешный

ад: в каждом кубическом метре рвались снаряды, туда же тянулись светлячки-щупальца трасс от «эрликонов». Все окуталось огнедышащим облаком, и, чем ближе «петляковы» подлетали к цели, тем гуще и больше становилось это облако. Крейсер за ним почти не был виден.

Ведущие экипажи работали с предельной напряженностью: в короткие секунды атаки надо было успеть вывести звенья точно на цель и броситься на нее в крутом пикировании.

Усенко и Кабанову сегодня, пожалуй, труднее всех. Именно на их плечи ложится значительная часть ответственности за успех операции, ведь они наносят удар вслед за звеном Ракова! Несмотря на холод в кабине, летчик и штурман обливаются потом от нервного напряжения.

Константин в разрывах снарядов разглядел, что головное звено уже ринулось вниз. Пора бы... Почему штурман тянет?.. Летчик бросил торопливый взгляд на остекленный пол кабины. Там, на плексиглазе продольная красная черта. Полыхающий выстрелами крейсер двигался точно по ней. Молодец, Женя! Хорошо вывел!

– Пошел!

Навстречу понеслись клубы дыма, частые взрывы, веера и снопы огненных светлячков. Цель в прицеле! Какой же огромный этот крейсер! Константин наложил светлые линии оптического прибора на корабль. А тот стремительно растет в размерах, будто распухает, расширяется, увеличивается... Вдруг все исчезло в огромном облаке водяной пыли, огня и дыма, – это взорвались мощные бомбы звена Ракова, одна из них – летчик успел заметить – прямо у трубы!

– Выводи! – хлопнул по плечу штурман.

– Получай, фашист, привет из Донбасса! – Усенко с силой утопил кнопку на штурвале.

Освобождаясь от «полутонков», «петляков» вздрогнул и вышел из угла пикирования. Он понесся над причалами порта.

– Проходи по прямой! Сфотографирую! – попросил штурман. Схватив огромный короб аппарата перспективной съемки, Евгений вскинул его, прицеливаясь на середину корабля, защелкнул спусковым крючком. – Ах, какие снимки! Какие снимки!

Комэск оглянулся, чтобы хоть краешком глаза посмотреть, что там с крейсером? Но тут же забыл об этом и стал искать ведомых. Где они? Ах, вот! Вынырнули из пелены дыма, пристроились. «Яки» тоже над головой! Порядок! Кажется, и в этот раз пронесло...

А крейсера так и не увидел. Зато Кабанов радовался:

– Костя! Крейсер кренится! Ура-а!

– Командир! В атаку вышли топмачтовики Пономаренко! – докладывает радист Ершов. – Крейсер пошел под воду!

Усенко вывел свою группу из зоны зенитного огня, по привычке взглянул на часы, отметил: от начала атаки до конца операции прошло восемь минут. «Порядок!»

Фашистский крейсер был потоплен. Задание командования выполнено.

Родина высоко оценила мужество, храбрость и отвагу морских летчиков. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1944 года командиру операции Василию Ивановичу Ракову вторично было присвоено звание Героя Советского Союза. Высокого звания Героя Советского Союза были удостоены штурман полка Сергей Степанович Давыдов, Евгений Иванович Кабанов, командир истребителей Александр Алексеевич

Мироненко, топмачтовики Илья Неофитович Пономаренко, Иван Васильевич Тихомиров и Иосиф Кузьмич Сачко. Орденами и медалями были награждены многие техники и штабные работники.

Вспоминает гвардии полковник запаса А.Ф. Калининченко:

– Вводя крейсер «Ниобе» в зону досягаемости нашей авиации, немецко-фашистское командование, видимо, рассчитывало на силу противовоздушной обороны Котки, надеялось, что она вполне может обеспечить кораблю безопасную стоянку. Мы тоже имели о ней ясное представление. Порт прикрывался двенадцатью стационарными батареями зенитной артиллерии, а также большим количеством пулеметов. Обстрел самолетов они начинали на дальних подступах, примерно за двадцать пять километров. Только средняя и крупнокалиберная артиллерия делала до семисот выстрелов в минуту. А сколько производили их зенитки самого крейсера и других кораблей, находящихся в порту? Словом, наши легчики встречали над Коткой тысячи разрывов зенитных снарядов. В таких условиях трудно было рассчитывать на успех, посылая на задание только пикировщики. Поэтому командование решило нанести по крейсеру комбинированный удар, в котором кроме пикировщиков приняли участие и штурмовики, и бомбардировщики, поражающие цель с бреющего полета (топмачтовики), и истребители.

Операция готовилась под руководством штаба ВВС флота. Каждая группа самолетов получила конкретное боевое задание. Штурмовики должны были подавить огонь зенитной артиллерии противника, пикировщики – потопить крейсер, истребители – обеспечить надежное прикрытие.

Операция была выполнена блестяще: мы не потеряли ни одного экипажа, а кроме крейсера под воду ушли несколько транспортов и боевых кораблей противника.

Валерий Платонов

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО ЛИСТАЯ...

(Заметки историка-краеведа)

ТРАГЕДИИ КРЕСТЬЯНСКИХ БУНТОВ

До революции имение князя В.Н.Орлова в верхнем течении Битюга в месте впадения в него реки Эртиль называлась «Эртильская степь». Революционные ветры выдули многочисленных арендаторов тучных черноземов. Те земли по большей части достались хлебопашцам, проживавшим в крупных селениях вдоль живописного Битюга. Казалось, большевистский лозунг «Землю – крестьянам!» осуществился на практике и жизнь с новой властью станет краше и обеспеченней.

Но в который раз за многовековую историю хлебопашества на Руси наивные грезы обернулись трагической изнанкой. Совсем скоро оказалось, что, распоряжаясь землею, крестьянин утратил возможность распоряжаться плодами трудов своих. Деревни накрыла продрозверстка – беда похлеще голода и тифа. Алчные продагенты не знали пределов, забирая из амбаров зачастую последнее, обрекая многодетные семьи на голод и страдания. Обещанных промышленных товаров не было. Закрывали церкви, притесняли священников, забирали предметы православного богослужения.

Одна беда, как известно, не приходит. В 1921 году значительную часть европейских пространств России накрыла засуха. Государство, пережившее мировую войну и войну гражданскую, находилось в состоянии экономической агонии. На юге воронежской губернии, в трех крупных уездах тамбовщины и других местах вспыхнули крестьянские мятежи. Сопротивление продотрядам и большевистской власти росло день ото дня. Всеобщее напряжение все возрастало и разразилось открытыми боевыми действиями партизанских отрядов с частями милиции, а затем и регулярных войск Красной армии. Крестьянскую стихию вооружил и грамотно направлял бывший начальник уездной милиции А.С.Антонов.

До поры драматичные события обходили стороной эртильскую степь. Но ближе к новому 1921 году отдельные отряды «антоновцев» стали появляться в окрестностях Эртиля. Ведомые командиром 12-го Токайского

полка Константином Корешковым повстанцы ворвались в поселок сахарного завода, в Ершовку и Прокуроровку. В безумной злобе они учинили расправу над 26 рабочими и служащими завода. Производственные помещения завода были подожжены, повредили хозяйство железнодорожной станции.

Отряд Бобровского уездного военкома Я.Ф.Вотчтова вытеснил повстанцев из Эртиля, и на некоторое время все затихло. В уездах тамбовской губернии шла ожесточенная война с расстрелами заложников, применением авиации и химических боеприпасов, с пытками пленных и прочими мерзостями. Теснимые частями Красной армии «антоновские» полки и отряды стремились расширить границы мятежа.

В начале февраля полки антоновского командарма Ивана Колесникова двинулись внезапным рейдом от верховий Битюга. Они заняли Самовец, Матреновку, село Ертиль, Сластенку, Ячейку и волостной центр Щучье. По пути повстанцы разгоняли сельсоветы, реквизировали коней и хлеб в крестьянских подворьях, агитировали вступить в борьбу против большевиков. Словом, все выглядело, как в известном кинофильме: «белые придут – грабуют, красные придут – грабуют». В середине марта Колесников повторяет свой маневр, приведя в битюжские села все полки своей армии. Наступает решающий момент. Командование красноармейских частей срочно направляет сюда все имеющиеся вблизи резервы для генерального сражения.

21 марта 1921 года из Щучья в направлении Матреновки двинулся пехотный батальон красноармейцев. Его действиями руководил довольно опытный командир Александр Воловщиков. Батальон имел несколько станковых пулеметов, к нему на подмогу спешили курсанты пехотных курсов и кавалерийские полки. Вероятно, поэтому Воловщиков решился атаковать явно превосходившего его численно противника. В начале боя красноармейцам удалось занять Латовку – южную окраину Матреновки. Но полки Колесникова при поддержке нескольких пушек без труда выбили их. Красноармейцы заняли оборону на небольшой возвышенности в степи, перекрыв степную дорогу в сторону Щучья. Левый фланг их обороны расположился в балке урочища Мартемьянов отрог.

Опытный командир Иван Колесников решил не расходовать понапрасну своих бойцов. Среди повстанцев находились и некоторые жители этих мест. Он направил в обход по балке в тыл «красным» свою конную группу. Стремительный маневр удался вполне. Когда конники появились в тылу, красноармейцев охватила радость. Они решили, что к ним подоспели свои. Это дезорганизовало оборону, было потеряно время. Вместе с прозрением рухнула надежда на спасение и воля к сопротивлению. Небольшие группы во главе с коммунистами и командирами пытались как-то противостоять, но были изрублены на месте. Большинство же, побросав оружие в таявший снег, вверило свои судьбы на милость победителю.

Но колесниковцы были настроены учинить кровавую баню. Красноармейцев заставляли снять одежду, разделяли на небольшие группы и рубили шашками, кололи штыками и пиками. Большинство нашло смерть на крутых склонах надпойменной террасы. Некоторым рубили головы в лесочке, сбрасывая изуродованные тела на покрытый талой водой лед. Особенно страшная участь ожидала командиров и большевиков. Над ними издевались, гоняя по кругу и нанося удары прикладами и шашками. Некоторым вспарывали животы и оставляли умирать в страшных муках. Вешние ручьи обгарились кровью. Она хлестала повсюду. Русские хле-

бопашцы превратились в зверей и истребляли русских хлебопашцев. Спасения не было.

По свидетельству видевшего итог кровавой развязки, только в одной братской могиле зарыли потом 64 убиенных. А еще часть трупов свезли куда-то к кладбищу. При строительстве асфальтовой дороги в 1980-е годы обнаружили останки еще нескольких человек. По некоторым сведениям чудом уцелело только 17 красноармейцев.

Драма в эртильской степи не стала единственной 21 марта 1921 года. Узнав от пленных о том, что от станции Перелешино к Щучью движется сводный отряд «красных курсантов», конная группа Колесникова поспешила им наперерез. Неподалеку от поселка Веневитинка они были окружены и полностью истреблены. В сырой балке было порублено и расстреляно 204 бойца. Оказать сопротивление курсанты пехотных курсов не могли, так как оружие они должны были получить позже.

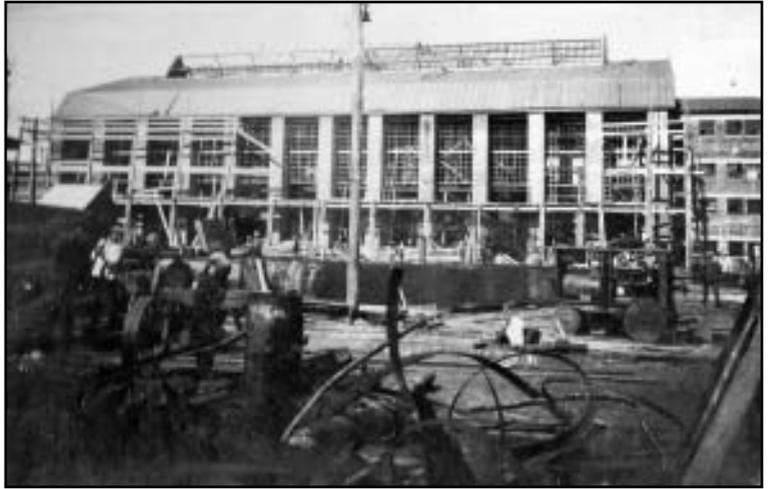
Так в течение одного только дня в эртильской степи от своих же сограждан приняли смерть сотни русских людей. Не было столь масштабной трагедии здесь никогда. В 1927 году над холмом братской могилы установили обелиск. Поступили просто, вполне в духе времени – с могилы какого-то священника утащили постамент, надписи старательно шлифовали, а на место сломанного креста встарили красную звезду. «Спите себе, братцы. Все придет опять. Новые родятся командиры ...»

ЛЮДИ И САХАР

Начало производства сахара в эртильской глубинке положили родовитые князья Орловы. На пересечении скотопрогонного тракта и чистой реки Большой Эртиль они организовали строительство крупного перерабатывающего предприятия. Завод производил сахар с 1897-го по 1920 год и ресурс его был далеко не исчерпан но «антонов огонь» спалил производственные корпуса и здорово задержал развитие поселка.

Но государству по-прежнему требовался сахар. Этот продукт входил в число стратегически важных. На восстановление и расширение сахарного производства самое пристальное внимание обратил энергичный нарком Пищепрома Анастас Микоян. Решением ЦК ВКП(б) от 1 декабря 1931 года предусматривалось приоритетное внимание развитию сахарной промышленности. В Москве вспомнили про Эртиль и поставили задачу в кратчайшие сроки построить новый, современный сахарный завод. Даже не завод, единый комплекс, включавший два больших совхоза – производителя свеклосемян и фабричной свеклы, десятки колхозов и несколько свеклопунктов в десятках километров от Эртиля, сам завод и еще завод по производству спирта и глицерина «Г-2».

Строительство началось в июне 1931 года, а завершиться оно должно было уже к 15-й годовщине Октябрьской революции. Уложиться в такие сроки при тогдашнем уровне механизации строительства и возможностями страны и региона было чистой утопией. Но место выбрали, народ свезли и согнали и ... строительство началось. Руководить им присылали из самой Москвы довольно опытных инженеров и организаторов. Наиболее грамотными в техническом отношении специалистами являлись евреи, украинцы и даже поляки, а наиболее целеустремленными и патристичными выглядела советская молодежь. На строительстве главного про-

Строительство главного корпуса сахзавода

изводственного корпуса, плотин каскада технических прудов, железнодорожного участка и множества других объектов требовалось использовать до 5 тысяч разнорабочих, но их было в десять раз меньше. Не хватало цемента, лесоматериалов, металла, гвоздей, стекла, труб и практически всего остального. Но строили...

Параллельно сооружению производственных объектов было необходимо строить жилье и все необходимое для мало-мальски сноской жизни. К весне 1932 года удалось построить примитивные бараки на 600 человек и столовую. Посланных на стройку специалистов селили в единственном бараке для приезжих по 6-7 человек в комнату. Многие из них стремились сбежать. Значительная часть обустроивала свое жилье в землянках вдоль прудов и на некотором расстоянии. Единый проект и смета строительных работ отсутствовали. Решения принимались уже по ходу. Это несло нервность и ошибки, отрицательно влияло на качество. Между дирекцией строительства и завода точного разграничения обязанностей не было. Некоторое время директором комбината являлся Иван Тарасов, но потом его назначили начальником строительства.

Используя тачки и носилки, отсыпали основу для узкоколейки, но использовать ее было невозможно. Десятки крестьянских подвод ежедневно везли со станции бревна и кирпич. Газета «Коммуна» в марте 1932 года сообщала о фактическом провале в строительстве «крупнейшего в Советском Союзе Эртильского сахарного завода». В качестве основной причины она выделяла: «На строительстве работает много кулаков и чуждых. Они разлагают рабочих. Кулаки и рвачи пьянствуют и хулиганят. То и дело приходится прибегать к помощи милиции. Недавно хулиганы до полусмерти избили милиционера-комсомольца тов. Лесных... Положение на стройке тревожное».

Стимулировать строительство взялись с помощью укрепления партийного влияния и ОГПУ. Аресты, увольнения и высылки неугодных поубавили строительную волю и неразбериху. Поспособствовала набору рабочей силы «сплошная коллективизация». После репрессий в отношении «чуждых элементов» в Эртиль охотнее побежали с тамбовских сел и

других отдаленных мест. Начальство смотрело сквозь пальцы на идеологические взгляды работников – лишь бы выполняли задания и нормы.

Перелом наступил летом 1932 года. Руководство всеми работами подчинили Ивану Евгеньевичу Седневу, а техническая часть выполнялась под зорким оком главного инженера П. Запорожца. Деятельными специалистами проявили себя Н.В. Алейников, Л.Л. Кнава, С.К. Рипо-Мельник. Укреплялись технический и кадрово сырьевые подразделения комбината – совхозы «Красноармейский» и «Ударник».

Расширенный пленум Щучинского райкома ВКП(б) 25 января 1933 года отметил достижение «коренной переделки района на социалистический строй». Главной строкой в планах на год значилось: «Завершение постройки сахарного завода с производительностью в 12 тысяч центнеров свеклы в сутки». Новым сроком окончания строительства установили 25 декабря. Под эту дату планировали поставки свеклы на призаводской свеклопункт.

Мощным толчком в выполнении планов грандиозного строительства стали посещения строительства наркомом пищевой промышленности СССР А.И. Микояном. Побывав на месте, он устроил серьезный разнос руководству области, «Сахстрою», и распорядился начать строительство типовых многоквартирных домов для специалистов и кадровых рабочих. Итогом повторного посещения уже построенного предприятия стало строительство трехэтажной красавицы – фабрично-заводской школы. Благодаря его распоряжениям построили образцовое трехэтажное общежитие, которое эртильцы впоследствии окрестили «трюльником». Приезды наркома обеспечили приоритетность поставок в Эртиль материалов, технологического оборудования и специалистов-монтажников.

К концу 1933 года основные объекты завода были построены, установлено оборудование, сформированы и обучены специалисты, а на кагатном поле имелось более 3 тысяч тонн свеклы. Завод имелся, но не работал. Требовалась отладка, настройка и приобретение бесценного опыта работы. Но победа была близка, и в феврале 1934 года Эртильский сахарный комбинат дал первый сахар и мощную перспективу развития нового по сути населенного пункта – рабочего поселка Эртиль.

В 1934-35 годы главное внимание было обращено на строительство складских помещений, подъездных путей и других объектов. Завод работал без полей фильтрации, загрязняя реку, часто останавливался из-за поломок и нехватки угля или известкового камня. Появились магазин, детский сад, баня, здравпункт, коммунальное хозяйство. Но главной радостью заводчан стало возведение домов на улицах Первомайской, Стахановской, Пионерской, Комсомольской, Красноармейской и Октябрьской. В апреле 1936 года ввели в строй предприятия Воронежского Сах-свеклотреста глициериновый завод «Г-2».

Производственные сбои, конструкционные изъяны и технологические ошибки лихорадили сложнейший заводской организм. Большинство неудач и провалов выдавали за умышленное вредительство. В июле 1935 года с комбината изгнали 42 «чуждых элемента». В 1937-38 годах многие неудачи представили как действия «проклятых врагов народа». Директора комбината И.Е. Седнева, после унижений и мучений, расстреляли и закопали в братской яме под Дубовкой. Главного инженера Н.В. Алейникова расстреляли и закопали в другом месте. Уволили с работы и судили, как ненавистных вредителей директора свеклосовхоза «Красноармейский» Н.М. Астахова и директора свеклосовхоза «Ударник» – И.С.

Карзова. На врагов трудящихся списали неудачи в строительстве «светлого будущего», а заодно и вытерли нашу добрую память о невинно убиенных.

КАК «НАХОДИЛИ» ВРАГОВ

С середины 1930-х годов в Советском Союзе набирает темп машина подавления инакомыслия. Волны политических процессов все чаще докатываются до райцентров и даже сел и поселков. Материалы воронежских архивов позволяют понять, как искали и «находили» врагов в отдельно взятом Щученском районе Воронежской области.

Старт кровавой чистки начинался в Москве, и поначалу на районном уровне требовалось всего лишь привычное одобрение партийной линии.

В протоколе заседания Щученского райисполкома 14 июня 1937 года записали: «Заслушав сообщение о приговоре военной коллегии Верховного суда СССР над бандой шпионов – Тухачевским и другими, мы, участники Пленума райисполкома, единодушно одобряем этот справедливый приговор... Смерть подлым врагам, шпионам и диверсантам. Мы еще сильнее сплотимся вокруг партии Ленина – Сталина, вокруг вождя народов, нашего великого и любимого друга товарища Сталина».

Смысл и тон постановления, принятого райисполкомом 5 сентября 1937 года, далек от формальностей резолюции. По сути это приговор тем, кто стояли у руководства районом, совершали ошибки и даже подлые поступки, но даже теоретически не могли быть виновными в том, что каралось смертной казнью, длительными сроками и муками от несводимого клейма «враг народа».

Сопина (первый секретарь райкома ВКП(б) – *прим. В.П.*) из членов президиума райисполкома исключить, как врага народа.

Золотухина (редактор районной газеты – *прим. В.П.*) за связь с врагами народа, совместную пьянку с ними, неразоблачение вредительских действий врагов народа в районной газете, восхваление их на страницах газеты «За социализм», за политическое извращение из кандидатов в члены президиума райисполкома исключить.

Полянскую (директора Битюг-Матреновской МТС – *прим. В.П.*), как врага народа из членов райисполкома исключить.

Панькина (управляющий районным отделением госбанка – *прим. В.П.*) за связь с врагами народа, совместную пьянку с ними из членов райисполкома исключить.

Квитко за связь с врагом народа Сопиным, полную бездеятельность в работе, пьянку и избивание работников Доротдела из кандидатов в члены райисполкома исключить, с работы заведующим райдоротделом снять и материал о действиях Квитко передать в следственные органы.

Сиротину (заведующая районной больницей – *прим. В.П.*), как пособницу врагов народа из кандидатов в члены райисполкома исключить.

Вывести из состава членов президиума райисполкома и членов райисполкома Полозова (заместитель председателя райисполкома – *прим. В.П.*) за полную бездеятельность в работе, систематическую пьянку, невыполнение решений президиума райисполкома.

Карзова (директор совхоза «Ударник» – *прим. В.П.*), как кулацкого и троцкистского покровителя из членов райисполкома исключить.

Отметить, что президиум райисполкома и, в частности, председатель

РИК тов. Батищев проявил политическую беспечность и не провел решительной борьбы с врагами народа.

Стенограмма закрытого партактива Щученского района от 5 февраля 1938 года фиксирует атмосферу опасных разбирательств и поисков очередных «врагов народа».

Тов. Алешников – секретарь парткома совхоза «Ударник». «Наша партийная организация совхоза «Ударник» допустила ошибку, исключив из кандидатов тов. Новикова. Он же в настоящее время везде и всюду говорит, что в политотделе совхоза сидят враги народа, что Алешников и Бородулин (начальник политотдела совхоза «Ударник – прим. В.П.) брали взятки с Карзова» (директор совхоза «Ударник» – прим. В.П.)

Тов. Шомин Д.М. «Товарищ Косыгин (председатель райисполкома – прим. В.П.) по отношению меня сказал, что мне выражено политическое недоверие. Меня обвинили в том, что якобы имел какую-то связь с врагом народа Сопиным. Панкин на меня подал материал и обвинил, как последыша Сопина».

Тов. Гончаров К.Г. – управляющий фермой совхоза «Красноармейский». «Выдвижение на руководящую работу в нашем районе идет очень слабо и выдвигать боятся. Как работают коммунисты райком партии не знает. Выдвижение в совхозе «Красноармейский» идет неправильно... как, например, товарища Зеленева на управляющего отделением, который избивал рабочих, расхищал пшеницу...» (в войну В.А. Зеленев дорастет до первого секретаря Эртильского райкома ВКП (б) – прим. В.П.)

Тов. Четвертаков А.И. «Товарищ Косыгин приводил в своем докладе о неправильном исключении из партии и клеветниках, где указал и меня. Он в этом перестраховался. По моему предложению был выведен из состава райисполкома Панкин, который получил 15 лет. Азарных И.И. исключен по инициативе Панкина (начальника райотдела НКВД – прим. В.П.). Масленников исключен по инициативе Чикунова не верно. Лесных С.Ф. был исключен, снят с работы и посажен по инициативе Панкина, которого Лесных с трибуны собрания критиковал. У нас ту или иную ошибку брали на заметку и коммунисты стали бояться выступать».

Тов. Роцупкин Ф.С. – секретарь райкома комсомола. «На меня создали материал, потому что я критиковал Чикунова. И Чикунов добился того, чтобы меня исключили из партии. Чикунов ... развалил комсомольскую организацию. Он имел связь с собутыльниками Филипповым Н.А. и Труновым, которые теперь исключены из ВЛКСМ... Меня обвинили в том, что я гулял с девушками с целью разврата. И, якобы, я нападал на комсомолок, которые не соглашались со мной гулять. Я мстил им, якобы, за невыполнение общественной работы. Чикунова я отношу к коммунистам-карьеристам».

Тов. Панкин Ф.Е. – начальник райотдела НКВД. «Мы, товарищи, за это время много сделали по очищению от врагов народа, но и сейчас эту работу надо продолжать и разоблачать оставшихся врагов народа. Я, конечно, несвоевременно разоблачал врагов народа. Проглядел. Но я не враг народа. Мне тут хотят приписать «врага народа» искусственно. Мне приписывали всякие обвинения и все приклеивали, как вражеские действия. Я не обращал внимания и работал, как чекист, что бы на меня ни говорили... В нашем районе мы посадили врагов народа порядочно. Мы должны быть еще более бдительными...»

Тов. Богатырев (бывший председатель Щученского райисполкома –

прим. В.П.) «Меня освободили от работы, как не внушающего политического доверия... Панкин спрашивал меня: «Какие у тебя есть материалы на Пискарева? (секретарь райкома ВКП(б) – *прим. В.П.)* Ты давай их мне. Мы его все-равно скоро уберем...»

Тов. Масленников – директор Битюг-Матреновской МТС. «Меня исключили по настоянию Тучина, Чикунова и Чеснокова. Эти товарищи хотели сказать, что, мол, еще врага нашли, но это не подтвердилось... и меня восстановили... назначили директором... Товарищ Чесноков охаивал огульно коммунистов, обзывал «сопинцами». У нас очень плохо идет ремонт тракторов и часть вины в этом я признаю».

Тов. Пискарев И.В. – секретарь райкома ВКП(б). «...На меня тоже был создан материал, что я ставленник Сопина... Я никогда не был и не буду врагом народа. О Ваймане и Горшкове я несколько раз ставил вопрос на собрании, что они враждебные элементы... Был материал подан на Мурзина... Со стороны Рощупкина бытовое разложение было допущено и этого отрицать ему нельзя. Пьянка с его стороны наблюдалась».

После расправ с подлыми врагами надлежало старательно стереть саму память об их существовании. В Щученском районе было 110 колхозов. В сентябре 1937 года в протоколе райисполкома появилась характерная запись: «Учитывая ходатайство колхозников и что колхоз носит имя Рябинина (расстрелянного секретаря Обкома ВКП(б) – *прим. В.П.)*, который разоблачен, как враг народа, переименовать колхоз им. Рябинина в колхоз «Власть Советов». Ну, кто бы мог усомниться в том, что колхозники жаждали переименования!

Еще веселее получилось с другим переименованием. В октябре 37-го колхоз имени Варейкиса – тоже расстрелянного руководителя области переименовали в колхоз имени Ежова. Когда железного наркома НКВД тоже расстреляли, пришлось по просьбам колхозников вновь переименовывать колхоз. Сколько их было у нас разоблачений и переименований!

ПРИФРОНТОВОЙ ЭРТИЛЬ

Трагичное лето 1942 года. Судьба и жертвенные подвиги бойцов Красной Армии на берегах Дона и Воронежа позволили эртильцам миновать «прелести вражеской оккупации». На территории района военных действий не велось. Но Эртиль полной мерой испытал участь прифронтовых районов, сверхзадача которых – обеспечение армии людьми и продовольствием.

Получив известие о захвате областного центра, руководство района отдает указание о немедленном демонтаже оборудования сахарного, глицеринового и маслоконсервного завода, а также эвакуации сырья, оборудования и всех ценностей этих предприятий. Зерно из элеватора тоже надлежало отправить вглубь страны. Уже 8 июля под погрузку должны были подать 80 вагонов.

Времени не было. Работа шла круглосуточно. На помощь заводчанам мобилизовали население окрестных сел и даже соседних районов. Вместе с оборудованием заводов в далекий киргизский город Кара-Балты со своим скарбом убывали специалисты и рабочие. В сторону Борисоглебска своим ходом гнали общественный скот колхозов и совхозов района.

Готовились к эвакуации районные учреждения, документация и другие ценности.

День ото дня становилось тревожней. В предрассветные часы и до наших мест докатывалась канонада, а небо на западе розовело от пожарищ. Из-под Воронежа двигались беженцы, гнали гурты, тянулись подводы. В строевых порядках и небольшими группами передвигались бойцы – участники сражений за Воронеж. Их вид и моральное состояние не внушали нашему населению веру в благополучный исход. Измученные люди заходили в хаты, прося хлеба, воды и ночлега, и наши сердобольные жители делились всем, чем только могли.

На территорию района передислоцировался 169-й стрелковый полк 40-й армии. Шли работы по оборудованию полевого аэродрома близ поселка Чапаевка. Отсюда пикирующие бомбардировщики 2-й воздушной армии взлетали на выполнение боевых задач под Воронежем. Воинские подразделения дислоцировались в селах Побитюжья. Готовились к активным оборонительным боям на случай прорыва фронта. Лабиринты ходов сообщения и окопы отрыли вдоль левого берега Битюга и кручам Токая. Противотанковые рвы проложили от дома «глаголь» до реки, от здания средней школы до ограды завода, а вдоль железнодорожной насыпи обустроили блиндажи и укрытия для пехоты. В заводской ограде пробили бойницы для ведения оружейно-пулеметного огня. Механический цех освоил выпуск минометных стволов, а завод «Г-2» – бутылок с зажигательной смесью.

В здании эртильской средней школы разместили походно-полевой госпиталь №4907 и один из эвакупунктов 40-й армии. Не только медики, но и население делали все, чтобы спасти и вывести наших бойцов. Большинство из них вернулось в действующую армию, но 39 человек умерло от ран. В здании районной больницы села Щучье находился походно-полевой хирургический госпиталь. Сюда доставляли с тяжелыми ранениями из боевых порядков после оказания первой помощи. Щучинцы отдали госпиталю посуду, постельные принадлежности, материал для перевязок, продукты питания, работали санитарками и писали письма на родину бойцов. На местном кладбище под обелиском в братской могиле покоится прах 42-х умерших от ран солдат.

Летом 1942-го тысячи наших земляков влились в подразделения формировавшегося Воронежского фронта, а осенью в части Юго-Западного фронта. Они восполнили значительные потери, понесенные в ходе отступления и оборонительных боев. На западе области шли кровавые сражения, а в тылу – битва за каждый килограмм продовольствия. Ее участниками стало все население, включая подростков, детей и престарелых. Для уборки урожая использовали не только весь световой день, но и лунные ночи. Техника была отдана фронту, и повсеместно возвратились к косам, крюкам, серпам и цепам.

В свеклосовхозах «Красноармейский» и «Ударник», как и повсеместно, призвали на службу почти всех мужчин. После краткосрочных курсов управлять тракторами стали женщины. Анна Фурсова из Ячейки вспоминала: «Я звеньевой была. Вот меня и еще Антонину Кубареву и Марию Тарасову отправили на две недели в МТС учиться на трактористок. А мы боимся, страшно с техникой. А потом прилипла к ней и всю войну, и до пенсии на тракторах и комбайнах работала».

Уборочная кампания 1942 года проходила в невероятно трудных условиях. Никто не был уверен, что и сам урожай не достанется врагу. Боль-

шие силы были отвлечены на создание оборонительных объектов, на демонтаж эвакуируемого оборудования. Близилась зима, хлеб осыпался, а убирать его было некому и нечем. Критическое положение сложилось и с кошкой и с вывозом свеклы. Для нужд фронта поставляли сено, обрекая на уничтожение колхозных ферм. От Эртильского района требовали увеличить на 9 тысяч тонн сдачу картофеля в основном за счет и без того скудных запасов населения.

Районная газета «Сталинский путь» в январе 1943 года сообщала: «Штабом Воронежского фронта объявлена благодарность колхозникам Первоэртильского сельсовета нашего района С.И. Юрову (к-з «Красный горняк»), М.И. Сотникову, И.И. Степанищеву (к-з «Победа»), С.В. Хрыкину (к-з «4-й райсъезд»), Д.Ф. Иванникову (к-з «Пятилетка в 4 года»), И.В. Жданову (к-з «Путь к социализму»), О.И. Какоткину (к-з «9-е Января») за доставку ими в непогоду срочного груза для Воронежского фронта.

С огромным напряжением и хорошими результатами трудились работники Эртильского промкомбината. В ноябре-декабре 42-го трое мастеров и двое учеников сваяли 107 пар валенок, а четверо скорняжных мастеров сшили 99 овчинных полушубков. В колхозах сшили 52 полушубка и 50 шапок. В одной из телеграмм, полученной в Ростошах, сообщалось: «Прошу передать рабочим, работницам, инженерно-техническим работникам Токайского райпромкомбината, собравшим 15 000 руб. на строительство боевых самолетов, мой братский привет и благодарность Красной армии. И. Сталин». Ударный труд коллектива Ростошинской школы был отмечен грамотой наркомата просвещения и ЦК ВЛКСМ.

Самоотверженный труд комсомольцев – подростков колхоза «Победа» заметили в Москве. Для вручения красного знамени в поселок Первый Эртиль приезжала секретарь ЦК комсомола. Об успехах юных патриотов писала «Комсомольская правда». Павел Огурцов, Николай Быханов, Маргарита Голосун, Михаил Алтухов и их товарищи на всю жизнь запомнили это событие. Знаком признания особых трудовых заслуг стало вручение знамен Государственного Комитета Оборона Обкома ВКП(б) и облисполкома совхозу «Красноармейский». Ответной реакцией рабочего коллектива стало досрочное выполнение плана хлебосдачи. На элеватор доставили 22 тысячи центнеров зерна. В 1947 году сразу четверо передовиков совхоза во главе с директором А.Т.Савченком стали Героями Социалистического труда, а те самые знамена теперь в числе реликвий Эртильского краеведческого музея.

Горьким был хлеб военной поры. Ветеран педагогического труда К.М. Толкачева вспоминала: «В моей родной деревне Новогеоргиевке вторая половина огородов не обрабатывалась. На этой площади росла масса сорняков, и особенно много было лебеды. И мы с бабушкой берегли, растили и ждали, когда созреют ее семена. И когда она была готова, мы срезали верхушки лебеды с семенами серпом, переносили к дому и на полотно обмолачивали эти семена цепом. Затем эти семена перемалывали на ручной, примитивной мельнице. Получалась лебедовая мука, которую добавляли в ржаную муку. Туда же терли сахарную свеклу, прихваченную к зиме на полях морозом. Так получалось тесто, которое скисало за счет свеклы».

Состояние фронта и тыла требовало выполнения приказов любой ценой, любыми средствами и способами. Условия вынуждали действовать не только по велению сердца и совести, но и под страхом неминуемого на-

казания. Без этого невозможно было двигать тысячами голодных и забытых людей, отрывать их от дома, заставлять отдавать последнее, предоставлять жилье эвакуированным, работать до изнеможения. Фронт и тыл стали единым целым, объединили единое людское желание победить ненавистного врага. Мужество, труд и вера в победу свершили чудо 9 мая 1945 года.

ДВА ХУДОЖНИКА

Скульптор М.С. Алещенко и художник В.Н. Силин. Этих людей объединяет многое. В первую очередь, конечно, принадлежность к категории талантливых творцов, художников, ценителей искусства. Оба участвовали в Великой Отечественной войне, имели тяжелые ранения. Для них обоих Эртиль – их судьба, старт в главное назначение всей жизни. Здесь жива благодарная память о них, и даже улицы с их именами расположены совсем рядом.

Правда, В.Н. Силин, было время, не хотел признавать значимости творчества Алещенко. Он отрицательно относился к экспериментам скульптора в базальте, граните и других твердых материалах. Василий Николаевич принадлежал к ревнителям русской репинской школы и ворчал, что весь авангард и сюрреализм – это уродливые плоды бездарности и воспаленного мироощущения. Но Алещенко – тоже реалист в творчестве и в жизни. Он прекрасно разбирался в стилях и направлениях. Как истинный художник Михаил Степанович пребывал в поисках различных форм самовыражения, проявлял интерес к свойствам трудных в обработке материалов.

И сегодня картины В.Н. Силина мирно соседствуют со скульптурами М.С. Алещенко в выставочном зале, взаимно дополняют тему художественного творчества и оказывают честь и музею, и нашему городу.

ЖИВОПИСЕЦ СИЛИН

Появление на свет в обычной крестьянской семье села Абрамовка подсадало Василию и соответствующую судьбу. Но в начале 1930-х над русской деревней разразилась коллективизация. Семьи Селиных попали в разряд подлежащих раскулачиванию и выселению в северные районы. Отец семейства слышал о том, что в Эртиле началось строительство завода. Решились на бегство из родного села. К осени 1931 года обустроились в землянке. Тогда-то в фамилии появилась вторая буква «и». Эртиль стал для них спасением, и будущий художник помнил об этом всю жизнь.

В фабрично-заводской семилетке задатки к рисованию и способность подмечать детали были поощряемы. Первые рисунки на тетрадных листочках, в школьной стенгазете. В документе об окончании школы ему записали: «Имеет склонность к рисованию». Поступил в Пензенское художественное училище. Было голодно, холодно, очень хотелось домой, но он держался.

По окончании училища в 1938 году вернулся в Эртиль. Его приняли в родную школу вести рисование. Это было почетно и приносило удовлетворение и средства к существованию. Во внеурочное время Василий рисовал транспаранты и лозунги, оформлял школьную сцену, на природе набрасывал эскизы, рисовал пейзажики и натюрморты. Однажды, ув-

Василий Николаевич Силин

С началом войны артиллерийский полк, в котором служил красноармеец Силин, оборонял Великие Луки, а потом отступал вместе с фронтом. На станции Мончарово в Тверской области Василий вызвался добровольцем на подрыв армейских артиллерийских складов, получил контузию, попал в плен. От расстрела спасла молодая подпольщица. Она же помогла ему окрепнуть и указала путь через леса на восток. Обессиленного, умирающего от голода и ранений бойца подобрала конная разведка. Самолетом отправили в Москву. Выжил. Воевал за столицу. Двигался на запад, освобождал Молдавию. В одном из боев получил тяжелое ранение в голову. Лишился глаза, пострадал и оставшийся глаз. Это означало крах всем надеждам остаться в творчестве. Перемочь физические и моральные страдания помогла любовь и будущая жена.

Василия Николаевича поставили руководить разграбленным республиканским музеем. Он старался: собирал артефакты и предметы живописи, формировал Союз художников. Однажды вечером к нему даже заглянул первый секретарь компартии Молдавии Л.И. Брежнев. Несмотря на проблемы со зрением, он рисовал, совершенствовал мастерство. На конкурсе народного творчества в Бендерах в 1948 году его работу «Голубь – символ мира» оценили первой премией. Вместе с успехом пришла вера в себя и способности. Но Молдавию пришлось покинуть: не давали разворота завистники, местные националисты.

В октябле 1953 года Василий Николаевич вместе с женой и сыном приезжают в Эртиль, но и здесь не задержался. Скитания продолжились. С образованием Липецкой области Василия Николаевича приняли помощником председателя Липецкого облисполкома, дали квартиру. Жена, Елена Андреевна, двадцать лет руководила облшвейбытом. Ее труд на этом поприще оценили тремя орденами.

Руководя областным отделением Союза художников СССР, В.Н. Силин находил время для творчества. В нем преобладали тема войны и мира, а также и пейзажная живопись. Но портрет его супруги тоже выразительно великолепен.

лекшись оформлением первомайской агитации, забыл о переносе одного из уроков. Опоздание в то время каралось жестоко. Но обошлось – его всего лишь уволили с работы. Директор школы и сам горевал по случаю потери одаренного учителя, но сделать ничего не мог.

Силин начал искать работу. В Борисовске удалось пристроиться художником-декоратором в местный театр. Несмотря на бытовые неудобства, оформление декораций к различным спектаклям привнесло некоторое развитие его способностей. Жаль, вот только, работать пришлось недолго. Василия призвали на воинскую службу. Товарняк шел через Мордово. Сюда из Эртиля приехал большой отец. Они виделись в последний раз. Предчувствуя скорую кончину, отец не мог говорить, только молча отдал сыну половинку арбуза...

Василий Николаевич всегда подчеркивал, что смысл его труда не в материальной выгоде, а в реализации острого желания делать окружающий мир уютнее, а мысли и чувства людей добрее и благороднее. Несколько своих картин он подарил липецким школам и клубу села Абрамовка, а с созданием в Эртиле краеведческого музея он до последних дней своей жизни был связан с ним: входил в художественный совет музея, часто бывал здесь, встречался со школьниками и ветеранами, вел переписку, дарил все новые картины. Всего их в музее более тридцати.

Память о художнике, преданном Эртилю и эртильцам человеку, жива. В 1992 году решением городского совета Василий Николаевич Силин удостоился чести открыть славную когорту почетных жителей города. На доме по улице 9-е Января, в котором некоторое время проживал художник, установлена мемориальная доска. Одна из улиц Эртиля названа в честь В.Н. Силина. Названа еще при жизни художника. Это тоже символично.

СКУЛЬПТОР АЛЕЩЕНКО

Михаил Алещенко родился в 1915 году в деревне Прокуроровка, которая теперь в черте города. Рано умершего отца мальчику заменил отчим Алексей Зайцев – известный в округе столяр и краснодеревщик. От него и воспринял любознательный малец первоначальные представления о линиях и пропорциях, о цвете и эстетике предметов. В местной школе Михаил хорошо учился и много рисовал в школьную стенгазету.

Зайцевы-Алещенко жили вполне достойно, а относительно других – даже и обеспеченно, имели двухэтажный дом. Но в начале 1930-х годов сюда постучалась беда. Пришла она, конечно, не случайно, как не явилась случайной политика подавления инакомыслия в ходе коллективизации. Алексея Карповича сослали на спецпоселение, дом отобрали, а семью обрекли на нужду и скитания. По окончании эртильской семилетки юноша устроился в лабораторию сахарного завода, а потом уехал в Москву – учиться в фабрично-заводском училище. После его окончания в 1936-1939 годах работал на заводе, используя все возможности для помощи своим родным. Но больше всего привлекали молодого человека рисование и лепка фигурок. Он понимал, что это у него хорошо получается. В 1939 году Михаил поступает в Московский институт прикладного и декоративного искусства, но окончить его помешала война.

Михаил Алещенко в числе первых добровольцев записался в 15-ю дивизию народного ополчения, которая вскоре стала кадровой частью Красной Армии. В человеке мирной профессии проявились серьезные военные способности, отвага и сила духа. Они позволили ему уцелеть, несмотря на ранения и контузии, пройти полные опасности путь от рядового бойца до командира штурмового батальона. Его наградили тремя орденами Красной Звезды, чуть не расстреляли свои же, направляли командовать шрафниками, а потом списали как негодного к дальнейшей службе из-за контузии в 1944 году. Лично для него из всех мест тяжелее всех и памятнее стали бои за Сталинград.

В 1949 году Михаил Степанович окончил МИПИДИ. Его, как наиболее одаренного выпускника, направили в аспирантуру знаменитого Ленинградского института имени Репина. Здесь он многое постиг в творческой мастерской Матвея Манизера.

После успешной защиты диссертации в 1956 году М.С.Алещенко воз-

Михаил Степанович Алещенко за работой

вратился в Москву. Полученные знания и талант он успешно реализует в области монументальной скульптуры, участвуя в конкурсах на создание памятников в разных городах России. В 1956 году в Северодвинске воздвигли его памятник М.В. Ломоносову, в 1958 году – «Жертвам интервенции 1918-1920 годов» и в 1961 году – П.Ф. Виноградову в Архангельске и А.М. Горькому в Ростове-на-Дону. В 1964 году на набережной Яузы у входа в МГТУ имени Баумана установили бюст выдающемуся советскому ученому-механику в области ракетостроения В.Н. Челомею. В 1966 году Алещенко становится автором памятной стелы рабочим завода имени Хруничева, погибшим в годы войны, а в следующем году – памятника самому М.В. Хруничеву.

Особый период в творчестве Михаила Степановича связан с работой над комплексом Волгоградского мемориала в составе коллектива под руководством Е.В. Вучетича. Работа эта продолжалась с непродолжительными перерывами с 1962-го по 1967 год. Михаилу Степановичу поручили исполнение одной из самых ответственных и сложных работ – пластическую проработку женской фигуры для вершины Мамаева кургана. Сначала он вылепил полутораметровую, а потом изготовил пятиметровую рабочую модель. Ее вывозили специальным порядком для дальнейшей проработки и корректировки на месте установки монумента уже в полном размере.

15 октября 1967 года – день открытия Мемориала с центральной скульптурой, Родиной-матерью – стал самым значительным в жизни ваятеля. Вучетич выдвинул его на соискание Ленинской премии, но потом сам же и вычеркнул из списка избранных. После работы в Волгограде Евгений Викторович позвал Алещенко в новую группу для работы над главным памятником столицы, посвященным Победе в Великой Отечественной войне. После знакомства с проектом Михаил Степанович высказал принципиальное несогласие с самой идеей и композицией. Скульпторы серьезно разошлись во мнениях, Алещенко наградили медалью «За

трудовую доблесть», что выглядело явной недооценкой его огромного труда и очевидных заслуг.

В последующие годы М.С. Алещенко преподает в Московском высшем художественном училище на кафедре академической скульптуры, становится профессором. В 1977 году ему присваивается высокое звание «Заслуженный художник РСФСР». Значительно выше становится культура его пластического мышления, внимание скульптора все больше концентрируется на задачах образности и глубинной характеристики образов.

В кругу героев портретной скульптуры М.С. Алещенко в 1970-е годы – выдающиеся деятели истории и культуры: В.И. Ленин, А.М. Горький, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, А.И. Герцен, М.В. Фрунзе, Семен Дежнев, Алексей Толстой, Юрий Гагарин, Пабло Пикассо, Илья Эренбург и многие другие. Несколько лет он возглавлял комиссию ветеранов войны и входил в военную комиссию Союза художников СССР. В последние годы жизни скульптор успел проявить себя и в медальерном искусстве. Умер скульптор 22 сентября 1981 года и похоронен в Москве.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов вдова скульптора, Александра Борисовна Алещенко, с согласия сыновей передала Эртильскому краеведческому музею значительное число скульптур, которые сегодня размещены в его выставочном зале. Скульптор никогда не забывал о своей малой родине и даже предлагал передать некоторые из своих работ для совхоза «Красноармейский», но тогдашнему руководителю не дано было по достоинству оценить предлагаемый дар. Бывая в Эртиле, Михаил Степанович останавливался в доме своего племянника. Радужно принимал земляков в своей московской квартире. Его живо интересовали новости и изменения, происходившие в жизни земляков.

Эртильцы тоже помнят о своем талантливом уроженце. Одна из улиц райцентра в наши дни носит имя М.С. Алещенко.

Дмитрий Василенко

ЭКСПЕДИЦИЯ ВОЕВОДЫ

(Поход И.И. Тевяшова на реки Битюг и Осередь)

Ш

естнадцатого августа 1698 года на имя воеводы города Старого Оскола Ивана Ивановича Тевяшова приходит грамота из Москвы с повелением ехать в Воронежский уезд, на реки Битюг и Осередь. Причиной такого задания московского правительства стали появившиеся в предыдущие два года новые поселения по берегам этих рек. Одной из главных задач, поставленных перед Тевяшовым, было установить, какие населенные пункты возникли, кто в них поселился.

Со времени татаро-монгольского нашествия на этих землях не существовало ни одного селения. Никто не решался строить здесь дом, так как всякий знал, что придут татары и сожгут его, а хозяина и семью убьют или заберут в плен. Это был южный пограничный район Российского государства, часто именовавшийся «польской Украиной». Польская – значит полевая, степная окраина. Но при совершенной незаселенности территорий по Битюгу и Осереде эти земли были частью Воронежского уезда. Тут располагались ужожаи – участки, которые любой мог взять в аренду и приезжать сюда, чтобы заниматься охотой, рыболовством, сбором меда и другими промыслами.

Битюг и Осередь дали название ужожаем, расположенным вдоль их берегов. Битюцкий ужожай включал промысловые угодья на протяжении всего течения Битюга. А Серецкий ужожай объединял земли в районе реки Осереде. С 1 марта 1697 года Битюцкий и Серецкий ужожаи взял в аренду полковник из города Острогожска Петр Алексеевич Буларт. Арендная плата за оба ужожая составляла 202 рубля в год. Однако с самого начала перед Булартом возникла неожиданная проблема – на арендованных им землях стали возникать поселения. Использовать ужожаи стало проблематично. Он жаловался царю, что новые жители «оброчныя угодья разоряют и бортные ужожья секут и в оброчных реках рыбу ловят и всем владеют».^[1] Чем бы кончилась вражда Буларта и новых жителей неизвестно; 27 февраля 1698 г. П. Буларт умер. Его вдова Анна посылает в Москву собственную челобитную и в ответ на нее приходит приказ воеводе И.И. Тевяшову отправляться на Битюг и Осередь.

Тевяшову было приказано: «Которые ужожья были на оброке за ним – Петром Булартом и в тех урочищах поселения русских людей и черкас, которые в тех оброчных ужожьях поселились насильством и оброчными ужожьями владеют, досмат-

речь и тамошних жителей допросить и про владения оброчных ухажьев розыскать». ^[2]

Перед Иваном Тевяшовым ставились три основные задачи:

1. Узнать, какие поселения существуют на Битюге и Осереды.

2. Взыскать с жителей этих поселений деньги за пользование Битюцким и Серецким ухажаями в 1698 году – 202 рубля. (Арендную плату за 1697 г. внес П. Буларт).

3. Взять с жителей обязательство, что они в дальнейшем будут вносить плату за эти два ухажая.

На выполнение задания воеводе отводился срок менее двух месяцев. В сентябре 1698 года он должен был прислать «розыск» (исследование) того, какие населенные пункты есть по Битюгу и Осереды, а кроме того деньги за аренду ухажаяв и «поручные записи» (обязательства) в дальнейшей плате за пользование ими. И Тевяшов поручение выполнил, правда, с опозданием – «розыск», деньги и «поручные записи» он отправил в Москву лишь 27 октября 1698 года. Отчет Тевяшова и «поручные записи» жителей сохранились. Сейчас они хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) – г. Москва. В бумагах, присланных Тевяшовым, можно найти одиннадцать названий новых населенных пунктов. Десять из них не упомянуты в более ранних документах, и датой основания этих населенных пунктов можно считать 1698 год, а перечисленных жителей – основателями поселений. Одно поселение – Битюцкая слобода ^[3], располагавшаяся в районе устья реки Битюг, возникла раньше 1698 г. (не позднее 1697 года). Кроме упомянутых одиннадцати населенных пунктов, в документах, посланных Тевяшовым, есть данные еще о шести поселениях. Однако о двух из них говорится без указания на их название, а четыре топонима написаны таким плохим почерком, что разобрать что-либо трудно. В общей сложности Тевяшов обнаружил семнадцать новых населенных пунктов. Те одиннадцать, с названиями которых удалось разобраться, находятся на территории современной Воронежской области.

Итак, получив задание, Тевяшов отправляется в Битюцкий ухажай. Он решает начать свою экспедицию от устья Битюга и двигаться вверх по течению этой реки, с юга на север. Сначала воеводе предстояло провести «розыск» – обнаружить все населенные пункты по Битюгу и Осереды, а потом соответственно количеству поселений и числу жителей в них определить, какую часть общей суммы (202 рубля) сможет вносить каждое поселение в отдельности. В сентябре 1698 года И.И. Тевяшов проводил «розыск» поселений, а в октябре того же года взял обязательства с жителей в уплате денег за пользование угодьями.

1 сентября 1698 года воевода прибывает в первое поселение – Битюцкую слободу. Битюцкая слобода находилась в нижнем течении реки Битюга, в районе его устья. Это было самое большое поселение из всех существовавших на Битюге и Осереды. Оно возникло в 1697 году – к этому времени относятся первые челобитные жители слободы на имя царя. Большинство слободы составляли украинцы. «Осадчиком» Битюцкой слободы был Иван Серков. Осадчиками называли людей, занимавшихся основанием нового поселения и расселением в нем жителей. Слово «осадчик» – происходит от глагола «осаживать» – оставлять на месте, поселять. Жители Битюцкой были выходцами из Слободской Украины, где было принято выбирать атаманов, которые брали на себя управленческие функции. Атаманом в Битюцкой слободе был Федор Зиньковский. Тевяшов записал имена шестидесяти семи поселенцев...

Тевяшов выяснил у жителей, что вверх по Битюгу есть и другие поселения. Ближайшим из них была названа Чиглянская слобода. В нее воевода и отправляется.

ГОД ЗА ГОДОМ, ВЕК ЗА ВЕКОМ

(Историческая хроника)

1684 г. – Раздел Битюцкого юрта на 12 отдельных юртов (ухожаев), в числе которых были Вязковский и Ертиловский юрты.

1698 г. – Обнаружение экспедицией Ивана Тевяшова селений Ертил и Вязковка.

Начало 18 в. – Основание сел Самовец, Вязковка, Матренка, Ертил, Щучье.

1713 г. – Сообщение о сожжении токайского села Ростоши и захвате в «полон» его жителей в результате набега «неприятельских людей» с Кубани.

1740 г. – Начало заселения села Ячейка.

1760-е гг. – Возникновение села Борщево-Пески на реке Битюг. Возникновение села Александровка на реке Токай.

1770-е гг. – Возникновение села Копыл и деревень Бегичево и Буравцово.

1778 г. – Екатерина Вторая пожаловала 200 тысяч десятин степи и леса графу А.Г. Орлову-Чесменскому.

1779 г. – Образование Бобровского уезда, в составе которого имелись Гнилушенская и Ертиловская волости.

1783 г. – Екатерина Вторая пожаловала 12367 десятин земли при селе Козьмодемьянском (Ростоши тож) на реке Токай отставному корнету А.М. Шмарову.

1800 г. – Освящение церкви Дмитрия Солунского в селе Щучье.

1812 г. – Отправка рекрутов из наших битюжских сел на войну против армий Наполеона.

Опрос жителей Чиглянской слободы проводился 3 сентября 1698 г. Это поселение также находилось на Битюге; сейчас это село Старая Чигла Аннинского района Воронежской области. Население Чиглянской слободы составляли выходцы из города Землянска, располагавшегося недалеко от Воронежа. Известно, что Землянск был основан в 1661 году переселенцами из Украины. Жители Чиглянской слободы, также, как и Битюцкой, в основном были украинцами. Поэтому они тоже выбрали себе атамана – Данилу Семенова. Первыми жителями слободы названы «редовые» Евсей Постольников, Иван Савельев, Артем Остахов, Данила Тимофеев, Исай Тимофеев и др. Они заявили, что поселились с разрешения П.А. Буларта. Буларту был прислан указ государя о разрешении разместить здесь 500 человек...

Тевяшов принимает решение, не выезжая из Чиглянской слободы, опросить жителей окрестных селений. 4 сентября 1698 г. на съезжий двор в Чиглянскую слободу явились 83 жителя села Тойды.^[4] Иван Соколов, Семен Малышов и другие рассказали, что переселились на Битюг с разрешения осадчика «арловца Киприяна Хромова». Он был жителем города Орлова, располагавшегося на р. Усмани, рядом с Воронежем. В тот же день в Чиглянской слободе перед Тевяшовым предстали обитатели еще пяти битюцких поселений: слободы Хоботца, деревни Кабанов Колодезь, слободы Мосаловки и двух других...

Тевяшову нужно было решить, ехать ему дальше по Битюгу или нет. Поэтому у всех, приходивших к нему новых жителей, воевода спрашивал, есть ли еще какие поселения вверх по Битюгу. И те отвечали: «Да по той же де реки Битюку в юртах Чамлыку, в Везках, в Ерытлове оброчными ж угодьи владеют розных городов многие люди, а хто имяны того де они не знают».^[5] Выяснив это, Тевяшов двигается дальше на север.

5 сентября 1698 г. воевода Тевяшов пребывает в село Борщевку.^[6] Оно располагалось в Борщевском юрте. Гавриил Щербаков, Симеон Сидоров, Лаврентий Бекетов, Игнат Котасонов, Иван Беляев, Василий Пирогов и еще 24 жителя Борщевки поведали Тевяшову, что поселились они по «приимке» осадчиков Прокофия Беляева да Клеймена Гундорова. Они также были из города Доброго, а в тот момент жили в селе Борщевке. По словам переселенцев, у Бе-

ляева и Гундорова был царский указ с разрешением селить здесь новых жителей.

6 сентября того же года Тевяшов проводит опрос жителей села Эртиль.^[7] О жителях села Тевяшов написал так: «Ертыльского юрту села Ертыла битюцкие жители»^[8]. Из их числа он внес имена нескольких: Борис Телегин, Авдей Иванов, Мирон Филатов, Максим Путимцов, Фока Колитвинов. Всего было опрошено 28 жителей Эртиля. Их осадчиками также были Прокофий Беляев и Семен Гундоров.

Последним населенным пунктом, жители которого были опрошены воеводой, была деревня Щучья.^[9] В ней жили Леон Гафонов, Ефрем Мишин, Прокофий Клеменов и другие. Осадчики села были те же, что и Эртиля.

Выяснив, какие слободы, села и деревни существуют по Битюгу и Осереду, Тевяшов в октябре 1698 года собрал с них деньги за пользование угодьями и «поручные записи» с обязательствами платить деньги в дальнейшем. Поручные записи написаны по одному образцу. Начинаются они словами: «Се яз» такой то, то есть «я» такой то. Затем перечисляется часть жителей по именам. Например, поручная запись обитателей села Тойды начинается так: «Се яз Данила Алатанцов да яз Степан Красной да яз Максим Попов да яз Савелей Сачков да яз Савелей Мещерков да яз Федот Леденев да яз Фрол Зайцев»^[10] и так далее. После чего говорится, что жители эти обязуются платить такую-то сумму за аренду угодий. Потом называются имена тех, кто будет отвозить эти деньги в Москву. Доставлять деньги надлежало ежегодно в декабре. Жители всех поселений согласились с тем, что если плата будет ими задержана, то она будет взята в двойном размере. В конце говорится, кто «сей поручной записи послух», то есть, кто свидетель поручной записи и кто ее писал. При сборе поручных записей обнаружили еще несколько поселений...

Итак, экспедиция воеводы И.И. Тевяшова закончилась. Данные о новых населенных пунктах были добыты. Выяснилось, что в этом районе в 1697-1698 гг. появилось 17 новых поселений. Самым крупным из них была Битюцкая слобода (около 2216 жителей). Затем шли Чиглянская слобода (примерно 420 жителей) и село Тойда (примерно 498 жителей). Население остальных было меньше. В трех селениях жили украинцы – слободы Битюцкая, Ширмовская и Чиглянская, остальные были населены русскими. После поездки И.И. Тевяшова на реки Битюг и Осередь стало ясно, что в конце XVII в. закончилось время совместного с татарами владения этими землями. Они твердо закрепляются за Российским государством.

^[1] Документы о заселении Битюцкого, Икорецкого и Осередского уезда /Воронежского края/ пришлыми великороссиянами и малороссиянами разных годов /конца XVII века/. – в кн.: Багалея Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний в XVI – XVII ст. – Харьков, т.2, вып.1, 1890, с.120.

^[2] РГАДА ф.210 Разрядный приказ, столбцы Белгородского стола, д. 1692 л. 117 – 120.

^[3] Слобода – род поселения наряду с городами, деревнями, селами и т.д.; происходит от слова «свобода». Жители слобод обычно имели какие-либо свободы, льготы – не платить налоги, заниматься винокурением и т.п.

^[4] Сейчас это село Тойда Аннинского района Воронежской области.

^[5] РГАДА, ф.210, Разрядный приказ, столбцы Белгородского стола, д.1692, л.125.

^[6] Сейчас Борщевке соответствует село Борщево в Панинском районе Воронежской области.

^[7] Ныне это село Эртиль в Эртыльском районе Воронежской области.

^[8] РГАДА, ф.210. Разрядный приказ, столбцы Белгородского стола, д.1692, л.126.

^[9] Сейчас на этом месте находится село Щучье Эртыльского района Воронежской области.

^[10] РГАДА, ф.210. Разрядный приказ, столбцы Белгородского стола, д.1692, л.132.

Из статьи Василенко Д.В. «Экспедиция воеводы И.И. Тевяшова на реки Битюг и Осередь осенью 1698 года». Опубликовано в сборнике «Межузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича». Выпуск 4. – Елец: ЕГУ, 2001.

Василий Разумов

НИЧЕГО НЕОБЫЧНОГО...

Священник Василий Алексеевич Разумов родился в Ростошах и служил в местной церкви Рождества Богородицы с 1889 года. Его очерки вышли в 1907 году в Тамбове и назывались они «Село Ростоши Борисоглебского уезда, его храмы, священноцерковнослужители и прихожане». Настоящая публикация представляет собой наиболее интересные, с точки зрения описания обычаев, мировоззрения и быта, извлечения из вышеназванных очерков.

О СЕЛЕ

В юго-западной части Борисоглебского уезда Тамбовской губернии верстах в четырех от границы губернии Воронежской в долине среднего течения реки Токан по обоим берегам его раскинулось большое село Ростоши (в настоящее время это территория Эртильского района Воронежской области – *Ред.*)

От всех ближних городских центров своей губернии и соседней Воронежской оно отделено значительными пространствами: от Борисоглебска находится в 80 верстах, от Тамбова – в 125, от Воронежа – в 160.

О времени возникновения села Ростоши никаких местных документальных данных не сохранилось. Не сохранило прямых указаний на это и предание. Последнее сохранило только то, что вместе с образованием села на одном из курганов по «Глазатовой» дороге была устроена сторожевая мачта, с которой караульные предупреждали ростошинцев о приближении воров-кочевников, что в середине села построен был деревянный храм во имя святых Космы и Дамиана, что за ветхостью и теснотой его в 1781 году построен был второй храм каменный, что самого построения первого храма и до половины 1841 года священническое место в Ростошах находилось в одном роду, преемственно переходя от отца к сыну.

Можно с вероятностью отнести время возникновения села к ближайшим к 1705-му году 18 столетия, когда с постройкой в 1698 году г. Борисоглебска начали заселяться дикие поля и вольные ковыльные степи нынешнего уезда.

Первоначально нынешние Ростоши назывались «Козьмодемьянск» и «Козмодемьянское – Растоши тож». Название села Козмодемьянским, встречающееся в письменных актах 18 столетия, получило свое начало, без сомнения, с постройкой в селе первого храма во имя святых Космы и Дамиана. Когда же вместо этого, за ветхостью и теснотой упраздненного храма в 1781 году был построен другой во имя Рождества Пресвятой Богородицы, то и название «Козмодемьянским» малопомалу забылось. В приходских метриках, сохранившихся с 1799 года, село называется только вторым именем «Растоши» или «Росташи» и «Ростоши». Со-

временные поселяне ростошинские, даже 90-летние старики, иного названия своего села и не знают. Их слух и язык до сих пор не могут привыкнуть к официально принятому теперь названию села «Ростоши».

Неизвестно в точности, откуда село получило такое название. По одному вероятному преданию, записанному в приходской летописи протоиереем Иоанном Успенским, название села «Расташи» или точнее «Растащи» получило начало от оврага, прилегающего к самому селу, из которого вытекает ручей, растаскивающий песок, ил, глину и прочее, по той части правого берега Токая, где ныне поселок (часть села) «Лугань». Местность эта, защищенная от западных ветров небольшой горой и растущим по ней лесом, манила к себе поселенца и природными красотами, и соседством с рекой, и близостью леса.

О СЕБЕ

Детство мое до включения в Первое Тамбовское духовное училище протекало под кровом родительского дома. Бедность отца тяжело отзывалась и на сыне. Босиком с весны и до снега, в плохой одежке зимой, иногда в материнной ватной кофтенке. Два раза я так простужался, что готовили мне «смертную» рубашку. Грамоте обучал меня отец и тем, конечно, премудрым способом, каким и его самого учили в начале прошлого века.

Включив в училище по слабости здоровья уже одиннадцати с половиной лет, отец определил меня на квартиру к одной вдове – диаконнице на Варваринской площади. И тут-то пришлось будущему ростошинскому иерею вкусить всю горечь «корня учения». В тесной квартире, без всякого, конечно, расчета воздуха в кубках, нас помещалось более 20 человек – учеников разного возраста. В наших же помещениях находилось два или три, не помню, солдата из запасных, расквартированных по домам городских обывателей по случаю русско-турецкой войны.

В одиночку спать никому не пришлось, а спали по 2-3 человека на одной кровати. В баню ходили в общую вместе с солдатами и рабочими, и самое меньшее через 2 недели, и белье, следовательно, меняли через столько же времени.

Грязное содержание квартиры и ее обитателей расплодило мириады отвратительных насекомых, которые нас и съедали заживо. Старшим в квартире был сын хозяйки, служивший псаломщиком в церкви. Мы редко его видали, а когда и занимался он с нами, то в очень нетрезвом виде. Перед Рождеством он и совсем без вести пропал, и только весной в полулю воду труп его поймали пльвщим по Цне.

Репетировали нас за него на скорую руку, то брат из низшего класса семинарии, то дядя его. К Рождеству только двое из нас, первогодков, получили билеты с удовлетворительными баллами. В течение короткого времени из моих первых соквартирантов поувольтило немало. Много сходного было в нашем житье на этой квартире с жизнью бурсы, описанной Помяловским.

Кулачки «с гужами», разные «темные» считались у нас безнаказанным развлечением. Некоторые и из среднего отделения училища уже курили, а чтобы не «вдули» их первогодки, заставляли насильно и этих курить. На отказ мой курить меня повалили, скрутили руки, сели на ноги, разжали силою рот и заставили хоть раз глотнуть табачного дыму. Весь изломанный пожаловался я на это насилие «старшему», но вышло горше того – мне устроили «темную». После ужина, когда я начал перед сном Богу молиться, сзади накрыли меня одеялом и «взбучкали» за «выслуживание» кому и сколько хотелось. И это было только в 1876 году.

После Рождества перевели меня на квартиру за девять кварталов от училища и с тех пор началось мое мыкание по разным квартирам вплоть до окончания семинарского курса.

После сорокового дня помина родителя, вступив 2 октября в брак в селе Добринские Выселки с дочерью священника Павла Алексеевича Боголепова – Александрой, я 8 октября в зимнем храме Казанского монастыря епископом Виталием

1823 г. – Освящение церкви Вознесения Господня в селе Битюг-Матреновка.

1830 г. – Основание щучинца-ми села Щученские Пески.

1832 г. – Продажа А.А. Орловой-Чесменской имения «Ертильская степь» князю А.Ф. Орлову.

1833, 1846 гг. – Годы особенно жестоких неурожаев в Воронежской губернии.

1843 г. – Открытие начальной школы в волостном селе Ростопи.

1848 г. – Начало предоставления в арендное пользование участков «Ертильской степи».

1857 г. – Появление поселка Маза.

1860-е гг. – Основание села Шукавка на реке Большой Эртиль.

1891 – 1897 гг. – Строительство сахарного завода «на степи князя Н.А. Орлова». Образование поселка при нем.

1898 – 1903 гг. – Посадка лесопарка на реке Токай в имении князей Дондуковых-Корсаковых.

1900 г. – Переход сахарного завода и его сырьевых экономий к последнему владельцу – князю В.Н. Орлову.

Лето 1906 г. – Стихийные крестьянские погромы частновладельческих усадеб.

1910 – 1913 гг. – Появление хуторов и поселков в ходе столыпинской реформы.

1915 г. – Начало движения по железнодорожной ветке «Мордово – Эртиль».

Весна-лето 1917 г. – Исход помещиков-землевладельцев с продаж усадеб.

Ноябрь 1917 г. – Начало отсчета советского периода.

Осень 1918 г. – Национализация сахарного завода и имущества сырьевых экономий. Передел земель и начало подразверстки.

был рукоположен во диакона, а 11-го числа в Крестовой церкви во священника.

Купив у брата Григория в долг доставшийся ему отцовский дом и все, что было при доме, я в течение пяти лет нес на себе всю тяготу этого долга.

Около двух с половиной лет мне пришлось служить вдвоем с о. Иоанном Успенским. Трудов было довольно много и в приходе большом, и в двух многолюдных школах. Добрые отношения далеко не равных по летам и положению товарищей иногда нарушались мимолетными вспышками недоразумений, которые, однако, не мешали нам обоим в исполнении завета Апостола носить тяготы друг друга. Во взаимной помощи один другому никогда не отказывал. В праздничные дни, когда один совершал литургию, другой отправлял в обоих приходах и молебны, и крещение младенцев.

Было бы нескромным говорить о самом себе более или писать подробную автобиографию, что свойственно только людям большим. Мне же достаточным будет привести здесь формулярный свой список. Благо, что он не особенно длинен.

С 16 декабря 1889 года – законоучитель местной земской школы. С 6 марта 1889 года по 8 октября 1892 года – законоучитель местной церковно-приходской школы. С 21 сентября 1893 года – председатель местного церковно-приходского попечительства. С 19 июня 1895 года – депутат на окружные и епархиальные съезды. С 12 декабря 1895 года по 1901 год – заведующий школоу грамоты. С 1897 года по 1901 год – член ревизионной комиссии по епархиальному женскому училищу. В 1898 году награжден набедренником, а в 1902 году – скуфьею. С 1903 года – действительный член Тамбовской ученой архивной комиссии. Детей – одна дочь Клавдия, обучающаяся в 1-м классе Епархиального училища.

Восьмого августа 1889 года священническое место иереев Поликарпа, Алексея Поликарповича, Иоанна Алексеевича, Григория Сретенского и Алексея Разумова занял сын последнего и пра-пра-правнук первого Василий Алексеевич Разумов – автор настоящих очерков.

О ПРИРОСТЕ НАСЕЛЕНИЯ

В начале 1900 года, с построением в северном конце села Ростопей Троицкого храма, к нему отделена была по Указу Священного Синода четвертая часть прихожан старой Рожде-

ство-Богородицкой церкви. При последней в настоящее время (1902 г.) на три штата причта числится 711 дворов и 4822 души обоого пола прихожан.

Все прихожане села Ростошей по своему происхождению великорусского племени, по настоящему званию – государственные крестьяне, за исключением немногих семей, бывших крепостных господ Шмаровых, по занятиям – земледельцы, по оседлости – коренные жители, за исключением около 90 человек обоого пола, временно проживающих городских обывателей, по вероисповеданию – православные.

Увеличиваясь путем естественного прироста и разделом семей на отдельные дворы, село Ростоши по занимаемой им площади за последние 40 лет увеличилось почти вдвое. Водяная «Пресняковская» мельница еще недавно, на памяти автора, отстоявшая на 1,5- 2 версты от северного конца села, ныне уже окружена крестьянскими дворами. Немало удлинилось село и по направлению к югу. Ныне с бою захватываются для поселения и такие места, которые еще лет десять назад считались совсем непригодными для этой цели.

Наибольший прирост населения за истекшее столетие падает на 1803 год, 1808-1811 годы и 1853 год, но о первых пяти годах надо заметить, что в 3-й части ростошинских метрик за эти годы не внесены почему-то умершие до 12-летнего возраста. Наибольшая убыль падает на те годы, когда Ростоши постигали голод, а с ним повальные болезни. Так, например, в 1848 году за полтора летних месяца умерло от холеры 318 человек. В 1849 году от цинги умерло 99 человек. В 1892-93 годы, последовавшие за неурожайным 1891 годом, свирепствовали холера и разные тифы. В 1897 году умерло 333 человека детей до 10-летнего возраста от скарлатины и других болезней глотки.

Просматривая записи умерших за целое прошлое столетие, нельзя не заметить, что в начале его ростошинцы жили на свете гораздо дольше, чем во вторую половину его. Третья часть метрик до 1836 года в графе о летах пестрит большими двузначными, а иногда и трехзначными цифрами (в 1822 году – 102 года, в 1825 году – 100 лет).

Как увеличивались Ростоши по числу дворов своих обывателей, это можно проследить только за последние 63 года, за которые сохранились в исправном виде исповедные росписи. В 1839 году имелось 328 дворов с 3879 душами обоого пола. Среднее число душ на один двор равнялось 11,8 человек. В 1859 году имелось 428 дворов с 4185 душами обоого пола, а среднее число душ на 1 двор равнялось 9,7 человек. В 1879 году имелось уже 716 дворов с 5400 душами обоого пола, а среднее число проживающих в них равнялось 7,5 человек. В 1902 году в Ростошах имелось 925 дворов с 6377 душами обоого пола. На 1 двор в среднем приходится 6,8 человек жителей обоого пола.

Сравнивая крайние цифры, видим, что число ростошинских дворов за последние 63 года увеличилось почти в три раза. Число же жителей за то же время увеличилось немного более, чем в полтора раза, а среднее число душ на один двор сократилось почти в два раза.

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В БЫТУ

С увеличением числа душ мужского пола постепенно уменьшились крестьянские земельные наделы, а с уменьшением наделов понижалось и благосостояние ростошинцев. Нынешние старики с восторгом вспоминают времена 30-40-х годов, когда пахотной земли у них было по полторы десятины в каждом поле на душу, а каждая десятина была в 120-150 квадратных сажень. Из числа около 12 тысяч десятин всей ростошинской земли было 400 десятин почти девственного леса. (В начале 90-х годов автор видел у одного прихожанина стол и полати из этого леса. Крышка стола была сделана из одной цельной доски вершков в 20 шириной, а полати – из двух таких же досок). Много земли было под степью и лугами, на ко-

1919 г. – Создание совхоза «Эр-
тильский» на базе бывших Бол-
ховитинской и Николаевской
сырьевых экономий.

Декабрь 1920 – март 1921 гг.
– Боевые действия в ходе крес-
тьянского восстания под пред-
водительством А.С. Антонова.

1920 – 1928 гг. – Образование
новых поселков на степных и
залежных землях.

Июль 1928 г. – Создание Шу-
ченского района в составе Цен-
трально-Черноземной области.

1929 – 1932 гг. – Сплошная на-
сильственная коллективизация
с «раскулачиванием», высыл-
кой семей и закрытием церквей.

1932 г. – Создание крупных
свекловодческих совхозов
«Красноармейский» и «Удар-
ник».

1933 г. – Жесточайший голод
и эпидемия тифа.

Июнь 1931 – декабрь 1933 г.
– Строительство первоочеред-
ных объектов Эртильского са-
харного завода.

1932 – 1935 гг. – Строитель-
ство жилого фонда завода и фаб-
рично-заводской школы.

1935 г. – Создание Токайского
района в составе Воронежской
области с центром в селе Росто-
ши.

1937 г. – Обретение Эртилем
статуса рабочего поселка. Со-
здание Эртильской МТС.

Ноябрь 1938 г. – Создание Эр-
тильского района в составе Во-
ронезской области.

Июнь 1939 г. – Начало работы
Эртильского маслоконсервного
завода.

23 июня 1941 г. – Начало мо-
билизации эртильцев в действу-
ющую армию.

Июль 1942 г. – Эртильский,
Токайский и Щученский райо-
ны в числе прифронтовых. Раз-
мещение госпиталей. Демонтаж
и эвакуация оборудования заво-
дов и скота.

торых досыта кормились большие табуны ло-
шадей и стада всякого другого скота.

Земля давала тогда «обломные» урожаи. С
уборкой ржи управлялись нередко около «По-
крова». Проса не в редкость собирали по 300 мер
с десятины, а сена собирали столько, что вес-
ной иногда выкладывали из него гуменные
валы (городьбу). Хлеб, как и теперь, складыва-
ли в «одонья», но дубовый цеп мужика далеко
не всегда добирался до них. Жилось тогда, по
воспоминаниям стариков, несравненно сытней,
чем теперь, и далеко привольней. Потребности
были ограниченнее нынешних, и они удовлет-
ворялись всем своим – не покушным: свой хлеб,
свое мясо, свой лес, своя одежда – от льняной
рубахи до овчинного тулупа. Сапог не носили,
а ходили в легких лаптях. Для освещения хат
употребляли лучину, а то возами заготавливали
на зиму «акулинник» (сорная трава), вымачи-
вали его, сушили и для зажигания вставляли в
«светец» подле чугуна с водой или лохани с по-
моями, куда следившая за лучиной «стряпшая»
счищала пепел. Потом лучину сменил «чере-
пок» с конопляным маслом или остатками сала.
Сальные свечи и в период господства их крес-
тьяне не употребляли – от «черепка» перешли
прямо на «коптилку с газом», а последнюю вы-
теснила теперь висячая лампа.

Покупали тогда только немолотую соль-бу-
зун, которую привозили из Камышина чумаки,
да деготь у Андрея Васильевича Юрьева – рос-
тошинского богатея и церковного старосты.
Ничего другого не покупали, да и купить побли-
зости было негде.

А свое все было нипочем: большая десятина
земли, кому было нужно, покупалась по полто-
ра рубля, четверть круп стоила 1 рубль 20 ко-
пеек, овес возили в Козлов, где продавали его
по семи гривен за четверть, пшеницу и пшено –
по 45 копеек за четверть и это с извозом и на
ассигнации. Рожь никому была не нужна. По-
денная цена во время покоса была мужику пя-
тиалтынный, а бабе – пятак. Копейку на подать
(1,5 рубля с души) мужик вырабатывал тогда
исключительно извозом. Возил купцам в Ко-
ломну пшено по 10-15 копеек от пуда. В дорогу
брал с собой только окорока ветчины. Ночева-
ли везде даром – бесплатно. Денег в дороге по-
чти ни на что не тратили. Покупали только хлеб
по грошу за пирог. Коломенские купцы за из-
воз платили честно и всегда одними медными
деньгами: расстилали среди двора епанчу, а на
нее насыпали ворох меди. Извозчики днями
проверяли деньги, часто путаясь в счете. Чай

мужик тогда вовсе не знал, а во дни праздников и семейных радостей угощались брагой да зеленым вином. Вино было дешевое, потому и пили его много.

С уменьшением душевого надела ценность земли стала быстро расти: 7557 десятин первой ростошинской казенной оброчной статьи в начале 1867 года по контрактным ценам сдана была в аренду в общей сложности по 1 рублю 64 копейки за десятину, а арендаторами сдавалась в розницу уже по 3 рубля 20 копеек за десятину.

Поднятие цен в 70-х годах, помимо уменьшения наделов, много зависело и от обильных урожаев льна, хорошие цены на который при сбыте на месте создали тогда местную горячку на аренду земли. Сеяли лен не одни только мужики. От них не отставали и жены, засевая его отдельно для себя. Лен родился по старопашке до 10 и более четвертей на десятине, а цена была на него за четверть по 11 рублей.

До Турецкой войны Ростоши были бойким местом по закупке льна: здесь были центральные торговые конторы греков, которые закупленный лен обозами отправляли в Борисоглебск, а оттуда на барках в Ростов. В конце 70-х годов лен не только по мякоти, но и на целинной земле перестал вовсе родиться. На смену ему стали сеять подсолнух, который в яровых полях и доселе преимуществом над другими хлебами.

С переменой времен переменились и нравы. Болезнь времени – франтовство – и к ростошинцам прилипла. Прежнюю холщевую, с кружевами домашней работы рубашку сменили кумач, бумазеи и разные ситцы. На место старинной пояровой шляпы теперь нахально лезет картуз. Корсетка из домашнего прочного сукна уступает место тонкой казинетовой поддевке, а лапти, даже и не «расписные», трудно найти и на погляденье. На 12-рублевых сапогах из шагрени и полусапожках со скрипом стала показываться, хотя и робко еще, резиновая галоша. Женская половина и давно ударилась в моду. Красивый русский из черной домашней суконной материи сарафан, украшенный спереди и по подолу красивыми узорчатыми с блестками каймами, уступает место разным бумажным, шерстяным и даже шелковым материям ярких цветов. Плисовую крышу на шубах заменили черным сукном, а вместо красивой суконной домашней корсетки лезет на плечи неуклюжая сатиновая кофта. Редкая семья ныне ест свою, непокупную «убоину», да и то только по праздникам, а ветчину – и того реже. Но зато почти в каждом дворе ныне заведен самовар.

Внешний облик села далеко не изящен. Плохие постройки, деревянные избы, соломенные крыши, плетневые дворишки. Во всем селе насчитаешь только пять десятков домов и лавок под железною крышей. Для удовлетворения местным потребностям ныне в селе насчитывается до двух десятков лавок с разными крестьянскими, бакалейными, галантерейными и мануфактурными товарами. Два раза в году – 29 июня и 14 сентября – бывает плохонькая ярмарка.

Последнее по времени кладбище обрыто канавами и обсажено редующими год от году ветлами. Никаких на нем намогильных памятников, кроме деревянных крестов, не имеется. При кладбище есть общественный сторож, который в летнее время нередко любитесь картиной пасущихся по могилам овец, коров, а иногда даже лошадей и свиней. Убеждения и замечания священников в этих случаях не достигают цели. Ростошинский мужик рождающийся, живущий и умирающий в хате, где вместе с ним мирно зимуют телята, овцы с ягнятами и свиньи-поросятницы, смотрит на разгуливающей по могилам его родных скот, как на явление обычное, ни для него, ни для памяти его родных ничуть не оскорбительное.

С проведением Царицынской линии ныне извоз ограничивается только доставкой хлеба на ближние станции, да и туда ростошинский мужик нанимается неохотно: на деньги он не льститесь и, если не случится нужды у него, проболтается дома без дела. Кроме обработки земли, других промыслов ростошинцы не знают, если не считать в зимнее время портняжничества и валки теплой обуви для

местных нужд да самого ограниченного числа, которое на месте занимается плотничьими работами. Сапожники, столяры, кузнецы хотя и существуют в селе, но все они пришлые люди.

Для размола ржи на муку в селе имеется три водяных общественных мельницы, сдаваемые обществом в аренду, до 20 мельниц-ветрянок, пять просяных рушилок и для выбивания постного масла две маслобойни.

ГОДЫ «БОЖЬЕГО ГНЕВА»

В жизни Ростошей в прошлом столетии были несколько тяжелых годин, которые остались в памяти прихожан под общим названием «годов Божьего гнева». Холерные эпидемии Ростоши пережили в прошлом столетии пять раз: в 1831, 1833, 1848, 1871 и 1892-93 годах. Первая холера унесла в могилу 51 человек, вторая – 28, третья – 318, четвертая 98 и последняя около 50 человек обоего пола. По числу холерных жертв 1848 год для стариков памятнее всех других лет ее посещения. Началась в тот год холера с 5 июня и до 20-го числа унесла в могилу только 8 человек, а с 20-го июня от холеры в день умирало от 5 до 25 человек.

Самоотверженно днем и ночью трудившееся за это время ростошинское духовенство на первых же порах появления холеры не спаслось от нее: 25 июня умер 24-летний диакон Федор Петрович Никольский. Дьячек Василий Николаевич отдался от нее только «своими лично им открытыми средствами». В семействе священника о. Алексия (Разумова) 22 июня умерла от холеры тетка его, дочь протоиерея Ивана Алексеевича – Евдокия Ивановна, а вместе с ней опустили в могилу дочь диакона Гавриила Ефимовича, вдовую дьячиху Александру Гавриловну. Для погребения умерших, которых хоронили и ночью, не хватило в то время запаса досок, почему на поделку гробов употребляли полати, распиливали избенные лавки и половые доски. Очумелый от страха народ не знал, что предпринять для прекращения мора. Уже в конце холеры «миром» решили обойти с крестным ходом село, присоединив к молебствию и свои добавления. В ночь под молебен во всем селе погасили огонь, залив водою даже и золу в печах. За селом, там, где ныне усадба Троицкого причта, вырыли ров с аркообразным в виде туннеля выходом в конце. На другой день при служении молебна около этого рва добыли через трение дерева «живого огня», зажгли им свечи к иконам, а также и бывшие в руках каждого стара и млада. А когда кончился молебен, то духовенство стало в конце рва у арки и окропило святой водою всех до одного проходивших по рву через арку, и «Божий гнев» скоро после того прекратился.

В следующем году, называемом стариками «зубным», от полного неурожая хлеба в предшествующее лето, чуть не все село переболело цингой, от которой 99 человек ушли в могилу.

1891-1893 годы также о себе оставили ростошинцам печальную память. Полная с самой весны засуха и жары, доходившие до 40 градусов в тени, засушили еще зеленые ржи и все яровые хлеба. Рожь с сороковой десятины в 1891 году дала от 10 до 20 мер яровых хлебов и того меньше, а травы совсем не косили. Недостаток хлебных запасов и корма породил полную голодовку людей и скота. Не говоря уже о коровах, овцах и свиньях. Много прирезали за этот год и лошадей, отдавая их за бесценок тарханам.

Для прокормления народа земство ссужало беднейшие семьи рожью и кукурузой, выдавая по 30 фунтов в месяц на одного едока, за исключением способных к работе. Заработать копейку мужику, однако, было негде, а цена на хлеб стояла от 1 рубля 35 копеек до 1,5 рубля за пуд, а потому голодали как те семьи, кому не выдавалась ссуда, так и те, кто получал эту ссуду на некоторых только членов. При печении хлеба голодавшие семьи пускались на разные хитрости: кто в муку подбавлял пшеничных отрубей, покупаемых в Борисоглебске, кто подбавлял просяную лузгу, мякину и даже песок и глину. Седьмого января 1892 года Ростоши

посетила вице-председательница Петербургского Комитета помощи голодающим княгиня Е.Г. Волконская, которая ознакомилась на месте с Ростошинской нуждой. По отъезде по ее инициативе на комитетские средства было открыто пять столовых для голодавших сирот, вдов и престарелых.

22 сентября 1892 года приплелась в Ростоши и спутница голода – холера. Занесли ее в Ростоши одновременно крестьянин Тит Яковлевич Жихарев, который на пути из Борисоглебска в селе Кирсановке, где свирепствовала холера, напился в одной зараженной хате речной воды, и ездивший по селам калека крестьянин соседнего села Архангельское Константин Семенович Леденев. Добрым словом благодарности и успокойной молитвой должно помянуть служившего в то время в ростошинской больнице молодого врача Ивана Ивановича Ржевкина, благодаря самоотверженным трудам которого холера эта осенью ограничилась только 18-ю жертвами.

Простой народ, безбоязненный перед всякою смертью, с появлением холеры упал духом и сробел перед нею. С 13 января 1893 года затихшая осенью холера снова появилась в приходе. Стоявшие в январе 20-25-градусные морозы не мешали, однако, ей унести в могилу до 30 человек. Прекратилась холера 22-го числа февраля. К таковому времени хотя и осталось немало заболевших ею, но все они имели благополучный исход.

Одновременно с холерой, но с большею силой свирепствовал в приходе брюшной и сыпной тиф, скарлатина и корь. Последние болезни унесли много жертв в могилы.

За эти начальные годы много семей ростошинских дошло до нищеты и только теперь обзавелись прежним хозяйством.

О ВЕНЧАНИЯХ И СВАДЬБАХ

В религиозно-нравственном отношении отличительная черта ростошинцев – усердное посещение храма Божия, исполнение таинства исповеди и святого причащения, благотворительность на пользу церкви, странникам и бедным, служение молебнов на домах и усердное поминовение умерших.

В особенном почитании у прихожан день 1-е ноября – памяти бессребреников Космы и Дамиана, который почитается в народе храмовым, престольным праздником, хотя на самом деле он был таковым более 120 лет тому назад, когда существовал первый храм во имя этих святых.

За неделю до 1 ноября ростошинское духовенство обеих церквей обходит дома своих прихожан с крестом и служением кратких молебнов, а в самый день 1 ноября совершает соборное торжественное богослужение. К этому дню у прихожан обычно приурочивается совершение браков. Хотя в последнее время соображения чисто экономического свойства стали вынуждать их отступать от этого обычая и приурочивать совершение браков к среде, предшествующей или последующей дню 1 ноября, дабы на постном столе в среду и пятницу хоть немного сэкономить в обременительных и с году на год возрастающих свадебных расходах.

Расходы эти действительно немалы. По местному обычаю, невеста берет с жениха так называемый «выговор» деньгами, верхним платьем, а иногда и обувью. Чем беднее дом жениха, тем больший бывает с него «выговор» и наоборот. С зажиточных женихов, которые преимущественно усваивают и невест в богатых семьях, «выговор» редко и берется, считается неуместным и даже обидным для обеих сторон. Одетая на свои средства невеста смело вступит в дом жениха без опасения попреков «выговором» с него. Если ей и случится после нужда – перешить и поправить верхнее платье, то в зажиточном доме без отговорок сделают это. Не то бывает в бедной семье жениха. Там по нужде молодая сноха иногда и свекует в том платье, какое сготовили ей пред вступлением в брак.

Средний денежный «выговор» с жениха – 35 рублей, а иногда доходит и до 60

рублей. Из платья обычно выговариваются два полушубка: один крытый сукном, другой нагольный, дубленый. Выговаривают иногда и валенную обувь. Вторая важная статья расходов при свадьбах – покупка вина. Количество и качество его не выговаривается, употребляется одна водка, которую без меры пьют и стар, и млад без различия пола и в среднем выпивают до шести ведер, а у зажиточных – до десяти и более. С прибавкою к этим расходам расходов на платье и обувь жениху, на мясо и другие предметы стола, на подарки родным и плату причту за совершение брака ростопинскому мужику, чтобы женить своего сына, надо в кармане иметь 150 рублей.

Сватают за жениха сами родители с помощью своих родных и друзей. Дом невесты часто бывает заранее осведомлен о сватовстве того или другого жениха услугами «свах». Сватовство ведется бесцеремонно: невесте показывается жених, обязательно спрашивают обоих о взаимной симпатии, после договора сторон о свадебном «выгоре» молятся Богу и кончают дело «запоем». На «запое» гуляют одни только близкие родные обеих сторон без жениха и невесты. На другой день после «запоя» родные невесты идут во двор жениха «смотреть заслон» у печки, в которой придется когда-то невесте стирать. На «заслон», разумеется, никто из родных и не глянет, а вся цель прихода «сватов» сводится к тому, чтобы опохмелиться после «запоя» и снова напиться допьяна.

За некоторое время до свадьбы бывает «сговор» – гулянье вовсю, на которое приглашаются и все дальние родные. На «сговоре» впервые «сводят» жениха и невесту. Характерно то, что при «запое» и «сговоре» угощение в доме невесты бывает женихово. В промежутках между «запоем» и свадьбой в доме невесты собираются ее подруги – шить приданое ей и жениху. Последнему нашивается много рубах из домашнего холста, кумача, разных ситцев, шерстяных и даже шелковых материй. Когда рубахи все бывают пошиты, подруги невесты надевают их поверх своих костюмов на себя и шеренгой с песнями идут в дом жениха, а оттуда, после угощения, с песнями гуляют по селу. Накануне свадьбы – «девичник» – родные невесты потчивают ее последним ужином. После ужина невеста прощается с родными и всеми присутствующими, голосит-причитает благодарности каждому, целуется и кланяется каждому в землю.

В день свадьбы порану «позывают» родных в дома жениха и невесты. Сборы всех званных оканчиваются не раньше полудня. К этому времени хаты жениха и невесты убираются по парадному: красный угол задрапировывается полотенцами, полотенцами же убираются и стены, образующие этот угол. Стол покрывается белой скатертью. На него ставятся хлеб, соль, две бутылки вина и закуска. Все это покрывается поверх скатертью и убирается полотенцем в форме венка. Если жених живет поблизости к церкви, то родные жениха просят священника предбрачный молебен отслужить уже тогда, когда невесту привезут в дом жениха и после молебна с крестом проводят их в церковь. Обычно же невесте молебен служится в церкви после обеда, а жениху – перед отъездом за невестой. При служении молебна рядом с женихом становится «дружок» его, будущий распорядитель свадебного пира.

После молебна все родные жениха вместе с последним длинным обозом с громышками и колокольчиками едут за невестой, сажают последнюю с женихом и «свахой» с иконой в руках и едут к церкви. За полотенца, которые в правых руках жениха и невесты, «дружек» вводит их в церковь. Невеста бывает покрыта фатой, волосы ее только у корня слабо заплетены в одну косу, концы же распущены. После совершения венчания в церкви же, где-нибудь в сторонке, голову невесты убирают «по-бабьему»: волосы невесты сваха расчесывает гребнем, кладет на голову ей крестообразно расчесанный лен, который вместе с волосами заплетает в две косы. Убранная голова повязывается платком, поверх которого надевается высокий серебряный кокошник. Причесывают голову и жениха. Затем для чего-то обоих молодых сваха окружает на минуту фатой, по уборке которой спросит

молодого: «Ну-ка, глянь. Угадаешь что ль?» Молодой угадывает жену и три раза целуется с ней. Из церкви «поезжане» с молодыми едут в дом невесты, где родители встречают новобрачных с иконой и хлебом с солью. После молитвы в хате молодых кормят. За теснотою в избе столовой для них обычно бывает печка, на которую и лезут они в своем подвенечном наряде.

Во время общего обеда гостей молодые «освещают» собой каждый убранный стол. Заходят «посолон» за каждый стол, присядут, а потом тем же порядком переходят за другой, третий и так далее, пока не посидят за всеми. На другой день после свадьбы молодые дарят родню: в доме невесты – женихову, а в доме жениха – невестину. Молодые держат бутылку с вином и стаканом, угощают каждого старика и чуть не до младенца, целуются и кланяются старшим в ноги, а молодым в пояс. Сваха при этом подает гостям подарки – рубахи, платки и тому подобное. Гости – родные – кладут молодым на тарелку деньги. Церемония с подарками у богатых бывает по два дня и доводит до изнеможения молодых, обязанных быть в душевной избе в верхнем теплом платье.

О ТРАДИЦИЯХ И ОБЫЧАЯХ

В праздник Рождества Христова у ростошинцев существует обычай «родителей греть». После утрени среди двора или гумна собирается кучка соломы или сухого навоза и зажигается, и этим будто бы согреваются души умерших сродников. Должно, однако, оговориться, что обычай этот в последние годы почти совсем прекратился. В этот же день крестьянские дети, начиная с утрени, и в течение всего дня ходят по домами славить Христа с произношением иногда старинных стихотворных, нередко бессмысленных речей. И здесь не всегда и у всех дело обходится без суеверных причуд. Первую партию христославцев сажают на порог входной двери, чтобы куры были носки, а наседки усидчивы.

В навечерие Богоявления снегом на каждой двери, воротах и оконных ставнях изображают кресты, а богоявленской водой окропляется скотина и корм.

В первый день Пасхи духовенство служит молебен в домах прихожан только по приглашению, с платой одного рубля. Обычай служить в этот день молебны по особому приглашению и с увеличенной против последующих дней платой установлен духовенством уже давно и вызван был добрыми намерениями, как духовенства, так и прихожан. В старину существовал обычай после молебна угощать родных и других гостей обедом с обильным возлиянием Бахусу, и первый день Великого праздника во многих семьях превращался в день неуместного и несвоевременного разгула. Чтобы прекратить этот обычай, духовенство прекратило служение молебнов на первый день подряд у прихожан, а стало служить только у почетных по усиленной просьбе и за увеличенную плату, которая, по установившемуся порядку, освобождала прихожан от обязательного раньше угощения, каким они и сами тяготились.

В первый день праздника Пасхи, после обеда, преимущественно женский пол ходит на могилы родных «христосываться». Кладут перед могильным крестом несколько поклонов, произносят: «Христос воскрес!», и могилу посыпают разбитым искрошенным красным яичком и каким-нибудь зерном, чтобы прилетели пташечки-птички и порадовали умерших родных.

Во всю Пасхальную неделю пение песен у прихожан не принято. Молодежь же обоего пола, если позволяет погода, развлекается игрою в лапту и горелки. У парней бывает еще развлечение «В орлянку»: ставят по яйцу, а потом бросают вверх медный пятак. Если последний упадет на землю орлом вверх, то бросавший выигрывает яйцо и бросает пятак до тех пор, пока он не ляжет обратной стороной. И так по известной очереди. Жадные на выигрыш ухитряются стачивать оборотные стороны двух пятаков и склеивают двухорловые пятаки. Если это узнается, то пощады не бывает мошеннику. Мелюзга обоего пола играет в «салки», «шары»,

9 мая 1945 г. – День Победы. День всеобщего ликования и слез.

1946 г. – Засуха, неурожай, голод, нищета.

1947 г. – Получение высоких урожаев. Массовые награждения государственными наградами. Первые Герои Социалистического труда совхоза «Красноармейский».

1949 г. – Начало посадок лесополос и строительства прудов.

1950 г. – Первое укрупнение колхозов.

1951–1956 гг. – Развитие общественного животноводства. Закладка садов. Дальнейшее укрупнение колхозов.

Октябрь 1957 г. – Упразднение Токайского района с передачей большей части его земель Эртильскому району.

1 января 1958 г. – Организация Эртильского механического завода.

1958 г. – Упразднение МТС с продажей техники колхозам.

Май 1959 г. – Начало пассажирских перевозок «Эртиль – Ростоши – Воронеж».

1961 г. – Переход к денежной системе оплаты труда колхозников. Неоправданное укрупнение колхозов.

Апрель 1962 г. – Упразднение Щученского района с передачей большей части его земель Эртильскому району.

Декабрь 1962 г. – Упразднение Эртильского района с передачей большей части его земель Аннинскому району.

1 февраля 1963 г. – Эртилю присвоен статус города.

Лето – осень 1963 г. – Футбольная команда механического завода – обладатель кубка и призер Всероссийского первенства ЦС ДСО «Урожай».

1964 г. – Сдан в эксплуатацию Дворец культуры сахарников.

«чаны» в «рядичку дергать» и в «купи дочку». Последняя игра состоит в следующем: садятся парами в круг, кроме одного или одной, которая бегает и предлагает кому-нибудь из сидящих купить себя в дочку, то есть в пару. Купленная и та, место которой она покупает собой, бегут кругом всех сидящих, чтобы занять свободное место. Кто вперед добежит до этого места – садится, а опоздавшая бегает с предложением «купить дочку».

Во все дни Пасхальной недели церковь бывает переполнена за всеми службами. С пристройкой в селе Троицкой церкви установился обычай паломничества прихожан одной церкви в другую.

В полдень на «Красную горку» на церковной площади служится общий пасхальный молебен, к которому собирается множество народа. Все приходят к целованию креста и по окроплению водой целуют вынесенные иконы и хоругви. По окончании молебна ростопинцы считают уже позволительными все удовольствия: начинаются песни и, кому только возможно, напиваются допьяна.

В понедельник недели «Жен мироносиц» молодые замужние женщины «курок молят». В чем суть этого обычая – трудно добиться толку. Главная же приманка его – гулянье молодых баб по своей воле. В складчину большими партиями они устраивают общий обед, а потом разряженные в лучшие платья с песнями гуляют по селу рядами-шеренгами.

В полночь под Преполовение «опахиваются»: крестьянские девицы в одних белых рубашках, босиком, с распущенными волосами запрягаются в соху, а впереди их в таком же костюме и виде идет вдова, часто старуха с иконой. Все поют «Христос воскрес», и сохой «опахивают» дворы, то есть вдоль порядка дворов проводят возможно глубокую борозду, а потом в удобном месте вычерчивают сохой большой круг с крестом посередине. Проведенная против дворов борозда спасет будто бы всех обитателей этих дворов – от человека до скота – от всех вражеских зол и напастей, в особенности же от повальных заразных болезней. На кругу же на другой день участницы опаживания собираются в парадных платьях, устраивают общий обед и с пением песней в течение дня гуляют по селу. И в этом обычае, подобно «молению курока», время вытеснило суеверную сторону на второй план, и он держится только, что девицам не хочется расстаться со своим девичьим праздником.

В Троицын день обычное развлечение молодежи – устройство в селе и лесу качелей, за удовольствие качаться на которых устроителям платится яйцом.

На вешнего «Николу» ростошинские крестьянские девицы-подруги «кумят-ся»: идут в лес, связывают там лентами ветки двух кустов в виде арки, меняются, с кем хотят «покумиться», лентами и кольцами, проходят по три раза через зеленую арку и целуются одна с другою. Этим и заканчивается «кумовство» – своего рода побратимство.

О КРЕЩЕНИИ И ПОХОРОНАХ

При крещении младенца родные выбирают имена самые простые по произношению. Но и из таких имен не всякое нравится. Не нравится, например, имя «Елизавета», которое переименовывается у ростошинцев почему-то в «Лисахвию» и считается однозначным с «Василисой». Случалось, что названная Елизаветой в семье звалась Василисой и наоборот. После крещения младенца, для которого матери часто справляют очень хорошее крестильное «приданое» с атласными и шелковыми одеялами, в доме родильницы бывает для родных скромный обед, во время которого гости дарят родильницу деньгами.

Умерших, кроме младенцев, духовенство всегда провожает из дома до церкви и из церкви до кладбища пешком, какова ни была бы погода, всегда с иконами и перезвоном во все колокола. Гроб умершего в большинстве случаев несут на носилках, опутанных веревкой, а иногда на холстах домашней работы. В случаях особенного почтения к памяти умершего гроб его несут на головах без особенных для того приспособлений. После погребения умершего, если не ошибаюсь, водкой, кроме могильщиков, никого не угощают, а потчивают одним только обедом. Для траура женский пол надевает белые, отделанные иногда кружевами, платки. Девицы, кроме того, имеют полураспущенные косы.

По умершим старым отцам и матерям дети их почти всегда, если только позволяют средства, заказывают «сорокоуст». По другим же – обязательно заупокойные обедни в 9-й, 20-й и 40-й дни их кончины. Накануне этих дней после вечерни, а в самые дни помина после обедни, приходское духовенство совершает по умершему панихиды на могиле и в доме. В доме служит большая панихида, а после трапезы, равно и на могиле – лития. Первый поминальный стол бывает только исключительно для духовенства. Горячих «хлебовых» блюд никогда на поминальном столе не бывает. В скоромный день подаются сразу несколько вареных и жареных мясных кушаний из свинины, говядины, баранины и курицы. Первое блюдо – ситный и мед, а последнее – блинцы (всегда обязательны и в скоромный, и в постный день). В постный день, кроме меда и постных блинцов, подают почти везде коробку сардин или какого-нибудь маринованного рыбьего консерва и жареную, по большей части, соленую воблу или леща. Почти везде перед обедом потчивают чаем, причём, чтобы вышло «приличней», чай «настаивают» густым, как черное пиво, а отказаться от такого чая опять не могли – «батюшка гребует нашим угощением». К чаю, кроме сахара, почти всегда подается мармелад, иногда белые сухари и варенье. Вилки и вместо салфеток полотенца приобрели у ростошинцев права полного господства. Вина никогда и никакого за поминальным столом не подается, и только в весьма редких случаях предлагается фруктовая вода.

Федор Понятовский

ЖИЛИ-БЫЛИ РЯДОМ СЕЛА

Историческо-этнографический очерк священника Дмитриевской церкви о селах Щучье и Ольховка (теперь Щученские Пески Эртильского района) Федора Понятовского был опубликован в 19-м и 20-м номерах «Воронежских епархиальных ведомостей» за 1867 год. Отец Федор, происходивший из села Губари Новохоперского уезда, был переведен сюда с момента открытия церкви в Ольховке в 1863 году.

Село Щучье находится на правом берегу реки Битюг. От города Воронежа отстоит на 90 верст к востоку, от уездного города Боброва в 80 верстах на север. Ближайшие к Щучью селения с правой стороны Битюга на север село Самовец в 15 верстах, на юг – Боршев в 7 верстах, с левой на северо-восток Ертиль в 5-ти, Сластенки в 6-ти, Ольховка на восток в 3-х верстах.

По рассказам старожилов, первые выходцы летом по приказу прибывшего к ним одного из начальников неводом ловили в реке рыбу. Самая большая из рыб оказалась щука. Вследствие того начальник назвал село это Щучьим (могло быть и, вероятнее, было в неводе более щук, нежели других рыб, потому что и теперь Битюг обилует в здешних местах особенно щуками).

Первоначальные жители пришли сюда из разных уездов: Задонского, Усманского и Моршанского. Все они великороссы, а малороссов нет. Побудило их к тому большое количество земли и нескудные участки лесные, которыми могли владеть первые поселенцы. Земля и теперь принадлежащая жителям сел Щучья и Ольховки совместно, простирается от запада на восток на 13, а от севера на юг версты на 4. По количеству в настоящее время жителей в обоих селах она оказывается очень скудною, потому что на ревизскую душу приходится ныне пахотной земли только около трех десятин и самая малость сенокосу. Кроме этой земли, простирающейся непрерывным холстом, предки настоящих жителей почему-то владели особым участком в 1200 десятин верст за 25 к северо-востоку от села. Но так как на нем не было никакого поселения, то впоследствии участок этот отошел в казенное владение. Сверх сего те же предки по проишкам и хитрости некоторых землевладельцев в генеральное межевание или около того времени лишились и в ближайших местах прекрасных участков земли. К общему их и потомков прискорбию лишились леса, вырезанного из их владений в пользу тех землевладельцев. Так что лес теперь у жителей перед глазами в их прежних дачах, но достается, то есть покупается ими только за дорогую цену.

Первое поселение относят, предположительно, к началу 18 столетия. Некоторые из выходцев были однодворцы, другие экономические крестьяне.

Первая церковь в селе Щучье была деревянная. Построенная старанием и изданием прихожан существовала довольно долго, но по ветхости была продана в село Зиновку Тамбовской губернии. Вместо оной сооружена каменная в 1900 году, окруженная каменною же, приличной высоты, но небольшой по пространству оградой, к которой с внешней северной стороны пристроен саженей на 17 ряд лавок для бывшего некогда около церкви базара. Колокольня при сей церкви и небольшая караульня, принадлежащая ей, также каменная. Церковь настоящая, как и прежняя, освящена во имя святого Великомученика Димитрия Солунского. Причины сего наименования настоящие жители не помнят.

Село Ольховка находится, как сказано, в 3-х верстах от Щучья на восток, на противоположной стороне Битюга. Первоначальные жители, в числе десяти дворов, переселились сюда из Щучья в 30-х годах этого столетия. Побудительная причина к такому переселению, как в тогдашнее, так и в недавнее время, кроме затруднения от реки, была та, что здесь по левую сторону Битюга находится, по словам жителей, две пропорции земли, а по правую третья, то есть одна треть.

Несмотря на такое общественное неудобство, жители села Щучье столько негодовали на первых переселенцев, что хотели их переместить обратно в Щучье, потому что последние поселились на превосходных для продовольствия местах. Но случилось напротив. Бессильные, конечно, и слабые ответом, а также финансами, а еще более умением спорить, если же нужно, и перешуметь целое общество, не решились бы на такой отважный подвиг.

Первые переселенцы, как видно из обстоятельств и рассказов настоящих жителей, обладали почетным и уважительным в каждом обществе свойством лучших людей, то есть так называемых мироедов, и потому победа осталась на их стороне. Такой перелом оказался и был признан благодетельным и для других, так что впоследствии стали сюда селиться многие. А в 1856 году, вследствие прошения некоторого числа жителей, нарезана для последних особая улица вдоль восточного берега озера Ильменя, бывшего некогда проливом Битюга, где поселено до 40 дворов. После сих переселенцев лучшие люди поселка, называвшегося Щученскими Песками, увидели неудобство обращаться в Щученскую церковь и к ее священно – и церковнослужителям для отправления христианских треб в домах своих и потому убедили все общество купить готовую церковь деревянную в селе Дмитриевском Воронежского уезда. Церковь эта оказалась очень ветхою, кроме иконостаса. Поэтому жители купили в Аннинской роще десятину прекрасного дубового леса, из которого (с небольшим прибавком леса из другой рощи) построен настоящий, довольно обширный храм и освящен в 1863 году, по примеру Щученской церкви, во имя святого Великомученика Димитрия.

Причина сего наименования двоякая. Во-первых, сельские жители благоговейно, даже по превосходству, чтут того святого, которого чтит празднеством и посвящением храмов их предки. Вторая причина – хозяйственная. Русский народ шумно празднует храмовые праздники. Не пригласить к себе в гости родных и знакомых, даже не принять чужих во дни праздника считается чем-то несвойственным имени русского человека. Но так как здесь может быть и бывает злоупотребление (так что толпа нетрезвых едва не насильно врывается в некоторые дома и производит беспорядки, а чем больше посторонних в селе посетителей, тем больше беспорядков), то некоторые благоразумные жители держатся того правила «чем более ближайших между собою сел совершают праздник в один и тот же день, тем менее в каждом из них шума и беспорядков. Значит, нужно установить праздник по примеру ближайшего селения, а тем более того, где мы родились». Таким образом, здесь не в дальнем расстоянии четыре села празднуют святому

12 января 1965 г. – Восстановление Эртильского района в его современных границах.

1968 г. – Создание строительной организации ПМК – 706.

1966 – 1970 гг. – Успешное развитие сельского хозяйства. Ввод в строй комбината бытового обслуживания. Создание дорожно-строительной организации (ДПМК), совхоза «Комсомолец» и МХП «Восток».

1972 г. – Введен в строй современный элеватор.

1973 г. – Организация лесомелиоративной станции (теперь лесхоз). Открытие современного универмага на «Сушке».

1974 г. – Открытие краеведческого музея.

1974 – 1979 гг. – Сдача в эксплуатацию типовых зданий Росгошинской, Самовецкой, Буравцовской, Щучинской, Красноармейской, Эртильских №2 и №3 школ и учебно-производственного комбината (УПК).

1975 г. – Ввод в эксплуатацию асфальтовой дороги «Воронеж-Эртиль». Открытие воинского мемориала эртильцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

1976 г. – Образование газоснабжающей организации «Эртильрайгаз».

1979 г. – Ввод в эксплуатацию больничного комплекса с поликлиникой.

1980 г. – Создание Эртильского экспериментального завода (впоследствии опытно-механический).

1982 г. – Ввод в эксплуатацию здания райкома КПСС (теперь районной администрации).

1982 – 1990 гг. – Реконструкция районного рынка с кафе, магазинами и торговыми павильонами.

1983 г. – Открытие детского кафе «Былина».

1987 г. – Сдача в эксплуатацию современного корпуса пожарной части.

Великомученику Димитрию (Щучье, Ольховка, Самовец и Гнилуша), а праздник Архистратига Михаила совершают семь других ближайших селений. Жители каждого из сих сел не отлучатся от своего праздника к родным и знакомым другого села. А жители, например, Боршева и Ертила, имея родных в Щучье и Ольховке, не станут отбывать от дома на столь долгое время, чтобы прожить весь праздник (три дня, а иногда более) у тех и других родных. Если бы в десяти, например, ближайших селах, более или менее связанных родством и дружбой, было десять разных храмовых праздников через каждые полторы или две недели непрерывным порядком продолжающихся (особенно в осеннее и зимнее время), то осень и зима были бы несчастными для крестьян временем не только растраты плодов их труда, но и задатком необходимости всегдашнего хождения с сумой по миру. (Кроме великого поста, когда с благоговением совершаются и простолудинами храмовые праздники, и времени хлебной уборки, когда крестьянин за стыд считает оставить хлеб необраннным, шататься по праздникам для бражничанья).

Так как жители сел Щучья и Ольховки составляют одно общество, управляются одним сельским управлением, имеют одну общественную сумму и даже пожарную команду, а иногда нераздельные семейства, одна половина из которых живет в Щучье, а другая в Ольховке, то о христианском веровании прихожан обоих сел, их нравах и обычаях будем говорить нераздельно.

Все прихожане Щученской и Ольховской церквей православные. В первый день Пасхи, в храмовый праздник, на Рождество, Новый год и Крещение, а также на Благовещение и Вербное едва не все считают за долг посетить храм Божий. Остаются дома только больные и младенцы или очередные поденницы. В другие воскресные и праздничные дни, особенно летом, даже на Троицу, народу бывает менее в церкви из-за отвлечения в поля и степи и иногда постоянного там жительства для работ и заработков, а еще более на базары по воскресным дням в Щучье. За то бывающие в церкви в другие времена предстоят и молятся с заметным усердием и благоговением. Но жаль, что не все исполняют ежегодно священный долг исповеди и святого Причастия, отрицаясь обыкновенно недостатком принятия сих Тайн. Многие имеют

обыкновение и считают долгом совершить, по крайней мере, один раз в год, акафист и освящение воды в домах своих. Другие отправляют сие молебствие в случае несчастных событий, как-то: внезапной кончины родных, потери собственного здоровья, падежа скота или других подобных лишений. Многие совершают путешествия в Воронеж, Задонск и Киев, а некоторые и в Почаев.

И если бывает изредка от кого-либо противоречие доброму общественному начинанию, особенно в пользу церкви, то это по простоте и недоразумению, а, отнюдь, не по вражде к правоверию, так что затейники противоречия, благодаря голосу своих собратий, преклоняются в пользу доброго общего дела. Так, в селе Щучьем около 4-х лет назад приобретен усердием тамошних и ольховских жителей большой, довольно звучный колокол в 116 с половиной пудов. Так, в селе Ольховке в короткое время построена на средства прихожан благолепная церковь и расписана живописью, а в настоящее время их же усердием, несмотря на малолюдство, отлит для церкви колокол в 81 пуд 24 фунта и приобретена довольно благолепная утварь. Была в недавнее время в Щучье по церкви запущенность, знаки которой доселе еще не истреблены. Но, если скудные числом жители Ольховки в короткое время столь много успели в пользу храма и его благолепия, то жителям ли Щучья, втрое сильнейшим по числу и сторонней от купечества и базаров помощи предаваться дремоте и беспечности? И, слава богу, они успели в последнее время расписать довольно красиво свою церковь внутри и приобрести икону Божией Матери, благолепно написанную на Афоне, снимок с которой носят по дворам и в поле, а саму икону вставили за стекло в киоту, богато украшенную резьбою и позолотой.

Вообще замечено, что жители обоих селений в религиозном и хозяйственном отношении нередко бывают внимательны к своему долгу и благоразумны. Говорят чистым русским языком. Базар особенно развивает их способности. Многие занимаются торговлей разного рода: солью, дегтем и прочим. К чести многих нужно отнести их всегдашнюю трезвость. Есть семейства, в которых или никто, или большая часть не употребляют крепких напитков.

Черта благоразумия здешних жителей видна и из того, что урочища близ реки, вопреки обыкновению некоторых, они оставляют всегда нераспаханными. Благодаря этому наши жители до 9-го мая пасут скот на этих урочищах. Отава этих лугов также идет под скот в глубокую осень.

Но перейдем и к противоположной черте этих похвальных свойств.

1. Дедеж сенокоса они оставляют обыкновенно до 29-го июня, потому что весь этот месяц проводят в запахивании пара, заработках на купеческих покосах и уборкой своего, снимаемого у купцов сена. Но нужно же делать и исключения, которых, к сожалению, у них нет. Средняя здесь пора созревания ржи и ячменя бывает 10-го, поздняя – 20-го, ранняя – 5 июня. Следственно, в первом и втором случаях для уборки сена время с 29-го июня – срок прекрасный. Но, что сказать о третьем случае, когда от жаров и засух не только трава сохнет и погорает, но вместе и рожь и ячмень, а затем и другие хлеба быстро зреют и осыпаются?

2. Не менее вредно для экономики жителей одно из их обыкновений – это не заведение стада молодых телят. Последние с начала весны и до глубокой осени ходят по воле и побивают траву и хлеб в полях, а нередко, в огородах. Польза для хозяев телят та, что их молодые животные к осени откармливаются как нельзя лучше. Но за то: а) они истребляют, как сказано, хлеб, принадлежащий не только другим жителям, но и самим их хозяевам; б) иногда истребляются сами или на огородах от побоев, или в поле от хищных зверей и людей. При том польза от незаведения общего стада этих животных касается более богатых, особенно многосемейных жителей, а вред, очевидно, достается на долю бедных. То же нужно сказать о бесполезности разведения здесь гусей и уток, остающихся всегда без общей

1989 г. – Открытие дворца культуры в селе Копыл.

Август 1991 г. – Смена власти и флага. Ликвидация райкома КПСС.

1992 г. – Начало приватизации жилья и госпредприятий. Преобразование совхозов и колхозов в акционерные общества и товарищества.

Октябрь 1994 г. – Освящение церкви Иверской иконы Божией Матери в Эртиле.

1995 г. – Издание Книги памяти об эртильцах, погибших в годы Великой Отечественной войны.

1997 г. – Сдача в эксплуатацию современных зданий Сбербанка России и налоговой инспекции. Празднование векового юбилея Эртиля.

2000 г. – Открытие памятного камня воинам-эртильцам, погибшим в мирное время. Освящение Вознесенской церкви в селе Битюг-Матреновка.

2003 г. – Ввод в эксплуатацию современного здания Соколовской средней школы.

2004 г. – Ввод в эксплуатацию завода растительных масел «Эртильский».

2007 г. – Начало газификации Эртиля и района. Утверждение герба и флага района. Открытие современной гостиницы.

Декабрь 2008 г. – Ввод в эксплуатацию современного Дворца культуры в селе Ростоши.

2010 – 2011 гг. – Реконструкция сельских фельдшерских пунктов.

Ноябрь 2012 г. – Освящение Александро-Невской церкви в селе Большая Добринка.

2013 г. – Празднование 75-летия образования района с исполнением программы благоустройства города и сельских территорий.

2014 г. – Строительство современного физкультурно-оздоровительного комплекса.

пастьбы и истребляемых также от зверей и людей.

3. Учреждение базаров в Щучье первоначально около настоящей церкви относят к 1827 году. Впоследствии за теснотою в сем месте площади базар переведен на более просторную площадь в середину села, около прежней деревянной церкви, хотя здесь издавна существуют два болота, через которые в грязное время ни пройти, ни проехать невозможно. Вдобавок летом после сильных дождей, если жара продолжается более недели, то от одного из сих болот, по случаю безмерного в нем скопления нечистоты, происходит не только вредное, но и нестерпимое зловоние. Вследствие такого затруднения с настоящего года базар переносится на выгон – место хотя возвышенное, но также неудобное по скудости воды. Жаль, что мало обращается внимания на случаи несчастных событий от огня.

4. Здешные жители считают стороннею и, как бы не к ним относящуюся, обязанность заботиться о спокойствии в зимнее время в дороге не только посторонних пассажиров и множества извозчиков, совершающих иногда трудный путь, но и собственном. Расстановка по дороге вех – самая благодетельная мера власти к спокойствию путников. Но этой-то заботливости и нет здесь. Правда, село от села недалеко. И при том путь, например, в Боршев и Эртил под горою, а так как тут же, по словам жителей, бывает проезд некоторых членов высшего правительства, то в ожидании их расставляются и вехи. А в Ольховку из Щучья лежит дорога через реку мимо мостов, которые в ясное время иногда бывают заметны. Но за Ольховкой на восток и юго-восток на 30-40 верст поля и степь и нет селений. За Щучьим на северо-запад – от 14 до 20 верст до ближайшего села. Если ж от Щучья до Ольховки в страшную вьюгу могут быть (и бывали) опасные случаи, как, например, 28 января, 15 февраля и 6 марта текущего года, когда в такую погоду в других местах под селом замерзали несчастные путники, что сказать о помянутых расстояниях на 20-40 верст, хотя бы и в благоприятную погоду? Сколько в минувшую зиму погибло бедного народу единственно от несоблюдения превосходного закона расстановки вех!

5. Недостаток благоразумия здешных жителей доказывается еще таким упущением, которое может быть вредно не только для них, но и для государства. Это – застрахование домов без

пожарной команды. Пожарные инструменты учреждены в Щучьем, а в Ольховке не только нет сарая с бочками и баграми, но нет ни одной дощечки, как и в Щучьем, на воротах с изображением орудий, с которыми должен являться хозяин на пожар. Очевидный вред для беззаботных жителей и для государства, которое вознаграждает убытки погоревших деньгами.

Но во всем этом только тень вреда в сравнении с тем, который терпят здешние жители от незаселения ими отдаленнейших участков общественной земляной полосы и от существования в Щучье базаров в воскресные дни.

6. Земля, как мы сказали, простирается здесь верст на 18 в длину, по правую сторону Битюга – на 4, по левую – на 13 или более. Ранний и, несомненно, лучший посев яровых бывает в самый разлив реки, который продолжается около 2-х недель. В это время от 3-х до 6-ти дней паром не ходит. Жители Щучья не без тревоги ждут его спуска на реку. А это бывает по довольноном слитии реки, когда последняя станет почти в берегах, и когда, следственно, по лугу бывает смешение воды и грязи, сначала трудное, а потом (до просухи) неудобное для проезда и переезда не только грузных, но и порожних телег. Сколько же пройдет драгоценного времени без посева! Хорошо, если весной перепадают дожди, и земля надолго остается влажною, но в раннюю засуху посеянный хлеб или не всходит, или всходит половинный, а это уже первый признак неурожая и, следственно, голода. Но вот спускается плохой паром и ходит по канату: жители поочередно перевозятся в числе 3-4-х повозок на этот берег. Лошади, хотя не всегда остаются на том берегу и ожидают возврата парома, на котором достигают повозок, влекут сии по топкой и вязкой грязи: истомятся, измождятся... достигают кое-как нивы, и, несчастные, тут же нередко впрягаются и в соху, потому что не на покой и на отдых приведены, когда прошло полвремени посева.

После уборки хлеба наступает егвозка. Здесь первое неудобство представляют мосты и луговая дорога на здешней стороне Битюга. Мосты плохие-преплохие. Дорога и в сухое время от глубоких колеи и рытвин неудобна для проезда, но в сырое, грязное время представляет самое жалкое зрелище. Бывают случаи, что пассажиры вынуждаются среди вязких и топких ложков слезать с повозки и возиться в грязи, чтобы помочь несчастной лошади освободить повозку из грязи. Но, что если грязь и непогода случаются в хлебную возку? В 1865 году жители Щучья терпели величайшие затруднения. А некоторые из одиноких, опоздавшие возкою, вынуждались складывать хлеб в Ольховке. В старину становили одонья в поле и окапывали рвами. Картофель зарывали также в поле и скрывали одоньями. Все это предавалось иногда травле скотом или хищению неблагонамеренных соседей. Такое неудобство было главною причиною переселения настоящих жителей в Ольховку. Это же неудобство заставляет и теперь многих из жителей Щучья желать подобного переселения. Но препятствуют тому частью жители Ольховки и самого Щучья, частью (для преданных корысти, а иногда праздности) житье при базаре, хотя последний наравне с барышом приносит и убытки. Вообще, русский народ грамоту хозяйственной пользы читает по указке. Указка со стороны правительства – лучшая мера к его благоденствию.

Все это было побуждением для жителей не только переселиться в Ольховку, но и для некоторых заводить хутора на отдаленных участках, в логу, обильном прекрасными родниками. Хутора эти приносят сколько огромной пользы для их владельцев, столько же подобного вреда для бедных жителей, особенно Щучья. Владельцы этих хуторов, называемые, как выше сказано, «лучшие люди», «нечаянно» впускают свой скот и птицу в соседние участки, а иногда эти участки покупают за полцены в случае крайней бедности жителей. Переселение половинного количества жителей села Щучья к местам заведенных лучшими людьми хуторов на означенном логу было бы благотельною мерой к улучшению в хозяйственном

отношении общественного быта здешних крестьян. Подобные переселения и в других местах, где пространство земли составляет в длину от 15 до 30 верст, а в ширину 5 или менее верст, полагая село числом от 600 до 1000 жителей мужского пола, могли бы быть полезны и в государственном, даже церковном отношении. Для государства, несомненно, полезнее подданные, которые не терпят недостатков в быту хозяйственном, а не те, которых подобные объясненным обстоятельства едва не доводят до необходимости собирать добродетельные подаяния. Служители алтаря, преимущественно священники, не затруднялись бы отправлением необходимых в приходе треб и не приглашали бы (иногда ко вреду причтов) помощников себе из заштатных, как это бывает в многолюдных одноштатных приходах.

7. Похвальную черту характера здешних жителей составляют их усердие, как сказано, к благолепию храмов Божиих и посещению их. Несмотря на это, базар всего более отвлекает их от обязанностей посещения церкви Божией. Здесь, как и в недалеком селе Бродовом, учрежден съезд для базаров в воскресные дни. Представьте же: нужны домохозяину доска, веревка, обувь, одежда и прочее. Где их взять, кроме базара? С другой стороны, сбыт излишек в домах бедных и богатых часто невозможен кроме базаров. Итак, что же делать? Идти в церковь Божию в воскресный день? Семейство будет скорбеть и изъявлять ропот, да и сам хозяин придет в раздумье: «Не сидеть же без соли, без дегтя, обуви и прочего. Наконец не лишиться же барышей и прибытков для дня воскресного. Помолиться когда-нибудь успею, а для базара назначен один день». Но ведь в продаже или покупке нередко брат не отстанет от брата, жена от мужа, отец или мать от сына, а иногда сын или дочь от пьяного отца или матери. Кто ж остается в церкви? Третий, а иногда пятый член семейства, или ни один. Пусть же будет базарным днем вместо воскресенья понедельник. Тогда крестьянин, помолившись Богу в приходской церкви во время литургии, будет выезжать к базару в воскресенье, а в понедельник он будет возвращаться домой. Но, если и кроме понедельника будет учрежден базар, например в среду или другие дни, то и здесь какое упущение для крестьянина?

Что же делают и чего добиваются учредители базаров в воскресные дни? Очевидно, желают заглушить всякое чувство богомыслия в простом народе. Священно - и церковнослужители находящиеся около Щучья сел изъявили некогда согласие представить составленное и подписанное ими общее прошение правительству о перемещении в Щучье базаров с воскресного на другой день, но голос вышеобъяснимых гуманистов (а также пошлых святокупцов), прекратил на время дело... Было бы благодетельным для религии и нравственности феноменом, если бы правительство не в здешних только селах, но и повсеместно благоволило признать священным долгом перевести базары с воскресных на другие дни.

Леонид Семаго

ОАЗИС В СТЕПИ

Ученый и писатель редкого дарования Леонид Леонидович Семаго неоднократно бывал в Эртильском районе. На встречах с ним учащиеся школ с удивлением для себя открывали, что неизведанное, прекрасное и уникальное находится рядом, за порогом дома, в котором живешь: Дундуковская дача, рукотворная нагорная дубрава, заповедные места верховий Битюга, соколовский «Парк Победы»... Сегодня мы публикуем эссе Л.Семаго – результат его эртильских изысканий и наблюдений.

В середине 1950-х годов, занявшись изучением птиц лесных полос, я не оставлял без внимания ни одного упоминания о таких насаждениях. Не помню, кто сказал тогда, что под Эртилем есть лесополосы, посаженные очень давно. Отправляясь в путь, я ожидал увидеть сохранившиеся от какого-нибудь парка остатки двух-трех аллей из погибающих деревьев, а был удивлен не менее, чем впервые увидев чудо в Каменной степи. Прекрасно ухоженные поля были расчерчены ровными полосами из старых вязов, полосы окружали сады, по склону неглубокой балки спускались к прудам.

Кто и когда создал эту зеленую защиту, настоящий оазис в совершенно безлесной степи? Именно оазис, потому что ближайшие леса находятся на расстоянии 50-60 километров, а то и дальше. Совпадение возраста эртильских и первых каменностепных полос, сходство конструкции и размещения выдавали почерк одного руководителя. Но только в Каменной степи закладывался грандиозный опыт по испытанию насаждений самой различной конструкции и размеров. Здесь же, под Эртилем, дело было сразу поставлено на практическую производственную основу: узкие длинные полосы и большие прямоугольные поля.

Следует полагать, что работа Особой экспедиции лесного департамента, начатая летом 1892 года в Каменной степи, привлекла внимание некоторых воронежских землевладельцев, увидевших в посадке лесных полос какую-то надежду в борьбе со страшными засухами. А участие в экспедиции таких ученых, как В.В. Докучаев, К.Э.Собеневский, Н.М.Сибирцев, К.Д.Глинка, убедило местных помещиков, что защитить землю, спасти урожай от ежегодных суровеев может только лес.

Так под руководством В.В.Докучаева в совершенно безлесной степи графа Орлова была создана огромная по тем временам Эртильская система полезащитных лесных полос: 42 тысячи десятин были разбиты насаждениями на клетки примерно одинаковой величины. Направление всех полос, кроме пограничных, – с

севера на юг и с запада на восток. Набор древесных и кустарниковых пород несложный: первый ярус – вяз и береза бородавчатая с единичными деревьями дуба, ясеня, груши, остролистого клена, липы. В подлеске – татарская жимолость, боярышник, лох, карагача.

На берегу одного из старых прудов уцелел питомник тех лет, где выращивался посадочный материал. Теперь питомник выглядит как роща, где растут несколько десятков деревьев самых различных пород, и среди них береза с почти черной корой.

Как ни берег совхоз «Красноармейский» драгоценные насаждения, но в трудные военные годы прошелся по ним топор, выбрав почти всю белоствольную на дрова. И лишь каким-то чудом среди вязов уцелели несколько могучих неохватных берез. Да и вязов осталось не густо. В одной километровой полосе среди подрастающего молодняка стоят сиротливо 12 старых вязов, в другой, такой же длины – 128. Наиболее сохранившаяся километровая полоса, идущая с севера на юг, состоит из 290 деревьев отличного состояния.

Весь комплекс и ранее давал ощутимые результаты (иначе бы срубили все), и теперь еще служит неплохо. В бесснежную зиму 1968-69 годов только здесь из всей округи сохранилась озимая рожь. В последние годы растущий Эртиль подошел вплотную к оазису, и от строительства заметно пострадали крайние восточные лесополосы: год от года становится в них меньше старых деревьев.

Вырастает в степи искусственный лес, появляются новые растения, новые животные, которых прежде и не знавали в этих местах. И новоселы эти приходят не вдруг, а много позднее, чем сложатся для них подходящие условия существования. Заметнее всех, конечно, птицы. Кто из них жил здесь прежде? Перепел да полевой жаворонок; по сырым балочкам выводили птенцов чибис да желтая трясогузка.

До 1955 года под Эртилем не было ни сороки, ни кобчика, ни пустельги. Ле-

Леонид Леонидович Семаго

Дуб-старожил

том того же года пара сорок вывела в оазисе первый выводок. На следующую весну было построено новое гнездо, а старое заняла семья пустельги. А через 20 лет десятки капитальных сорочьих построек были заняты пустельгами и кобчиками. Гнездились в них горлица, полевой воробей и кряква. В этих гнездах обязательно поселятся ушастая сова и совка-сплюшка, какое-то гнездо займет весной и лесная куница. Ныне в оазисе гнездится не менее 40 видов птиц. И это не предел: новые виды еще будут поселяться здесь. Примером тому Каменная степь, где, что ни год, объявится кто-то новый.

На прудах и по их берегам гнездятся черная крачка, водяная курочка, кулики перевозчик и поручейник, болотная камышевка, луговой чекан, желтая трясогузка, варакушка, коростель. Много птиц бывает здесь во время весеннего и осеннего пролетов. И уже сам оазис является центром расселения птиц. Одевается в зеленый наряд Эртиль, разросся парк сахарного завода, все выше поднимаются молодые полосы вдоль дорог и на полях ближайших хозяйств. И в них из старого оазиса переселяются на свободные места те же сороки, горлицы, иволги, щеглы, славки и другие пернатые.

ДО БОЛИ БЛИЗКИЙ ГОЛОС

О журналисте судят, разумеется, по его материалам. Но не менее ярко раскрывают человека и поступки, казалось бы, самые простые, обычные. Когда готовился этот номер, я вспомнил об эртильском журналисте Сергее Павлове. Жизнь отмерила ему немного времени на земле. О своих земляках он успел написать немало талантливых строчек. Но запомнился не только написанным.

Одно время я преподавал на факультете журналистики Воронежского государственного университета. Был куратором замечательного курса, на котором учился Сергей Павлов. Обычный студент, тихий и скромный, среди товарищей особо не выделялся. И вдруг получаю письмо от... Марии Сергеевны Шукшиной, мамы необычайно популярного тогда писателя, кинорежиссера и актера, которого любила вся Россия. Она благодарила за воспитание «душевного и доброго человека» – Сережу Павлова.

...Перед началом учебного года Сергей нашел меня в Воронеже и вручил подарок – книжку о Шукшине, изданную на Алтае: «Спасибо за разрешение – я ездил на родину Василия Макаровича, можно сказать, практику там проходил. Встречался с его мамой, родными, друзьями...»

В 1981 году Сергей окончил университет и по распределению был направлен в эртильскую районную газету. Он не только там напечатал строки о своем кумире – в «Молодом коммунаре», в железнодорожной газете «Вперед», в нескольких изданиях Тамбовской области появлялись его материалы. Эртильскому читателю он запомнился многими публикациями о добрых и трудолюбивых, талантливых людях. Писал он о встречах с артистами, поэтами, писателями. Опубликовал свои воспоминания о том, как побывал на родине Егора Исаева.

Дружил он с Андреем Марченко, который был старше его на курс. В Коршево они ездили вместе. Вот как об этом, спустя годы, вспоминал Андрей в своем материале.

Эдуард ЕФРЕМОВ

Хороший приятель моей давней студенческой юности Сергей Павлов встретился как-то в общежитии: «Слышал, нашему земляку Егору Исаеву Ленинскую премию присудили? У него мать в Бобровском районе живет, в Коршево. Давай съездим!»

Сергею, будущему журналисту, про-

фессионально любопытному и по-доброму авантюрному (царствие тебе, человеке, небесное) в такие моменты было отказать невозможно. И вот в дикую слякоть поздней осени, попутками мы отправляемся в далеко не ближнее село. Наобум...

На длинной и широкой улице ра-

зыксиваем подсказанный людьми ориентир – четыре огромных тополя, посаженных когда-то отцом прославленного поэта, а у них – ничем не приметная изба.

Гостями, ясное дело, оказались мы неожиданными, но Фекла Ефимовна, узнав, с чем пожаловали студенты-иностранники, усаживает нас на лавки и с затенной радостью начинает рассказывать о сыне. Глаза все время светятся материнской любовью:

– А плясать-то он любил! Бывало, соберутся у нас в правлении... Эг иш он маленький был. Ну, и в балалайку играют. А он в шубенке-то овчинной пляша так, прыгая, как цыганенчик... – Фекла Ефимовна откровенно засмеялась. – А кадс свадьба была у моего племянника в Москве, в энтот, в листаране, так он там с братом-т старшим плясал, с Михаилом. И петь, и пе-еть он – всегда!..

Сама она, мать его, малограмотная – не до учебы было в ее юности. Даже письма ей соседи читают. А вот Егор, сын – писатель. По всей стране говорят о его поэмах...

– Книга его у мене тут есть. Вся уж порвалась: тот – дай почитать, тот – дай почитать. Я ж ее не читаю... Ведь эт ж отец был живой, Ягор ему подарил «Суд памяти». Как-то поехал он, отец, к нему в Москву. Проведать. А Ягора к военным вызвали. Выступать. Ну, он и говорить: «Пойдем, пап, послушаиш..» Пришли. Вот один поэт вышел. Говори-ить, говорить... А народ начал уж как-т маленько и расходиться... Ну, один вышел и говорить: «Щас будет выступать Ягор Алексанч Исаев». Все, говорить, ворочаются... И вот как он вышел – вот так! Вот! Вот! – Фекла Ефимовна старалась показать, как выступал ее сын. – Все, говорить, слушают – муха пролетить, как слышно. А энти, говорить, вроде как вялыи... А он-то про «Суд памяти» выступал...

Фекла Ефимовна на минуту смолкла, перекидывая седой старушечьей памятью приятные странички давних лет. С улыбкой припомнила и сельского чудачка:

– Мужик-то тот, Балабон-то, как где

мине увидя, кричить: «Ефимовна, Ягор Алексанч не приехал?» – «Ды нету». – «Ой, поговорить хочь с ним...» А как приедя Ягор-то в сяло, выйдя всегда утром... Едуть в поле трактористы: «Ягор Алексанч! Ягор Алексанч!» Все здоровкаются... Его все любять... Он ни огорчить никого и рассказать – все от души расскажа... Да. Я говорю: хоть на энту улицу иди, хоть на энту, у любого спроси...

Долго она еще рассказывала про сына. И про его детство, и про то, как он ходил на охоту и рыбалку, и про поездку за границу с группой советских поэтов. А потом вдруг спохватилась:

– А ведь, милыи мои, а пословица-т есть: «Хороша дочка Аннушка – хвалит мать ды бабушка». Видишь, как. Так, может, и я. Ведь я мать – хвалю-т его. А вот мне хотца со стороны послушать! Как он, чаво...

Так вот нам, приедем, незнакомым, Ефимовна многое и рассказала ...

Потом мы вышли из исаевского дома, задержались у крыльца. Провожая нас, Фекла Ефимовна откровенно горевала: не поехать ли ей в Москву, ведь зовут и Михаил, и Егор.

Но она останется здесь, в Коршево. И к ней будут приезжать ее сыновья, ее внуки, их друзья.

И ее Егор, хоть и жил в Москве, но всегда всей душой ощущал знакомый с малолетства и до боли близкий голос. Матери.

«Он – голос тот –
Как вспуганная птица,
И днем и ночью
Надо мной кружится,
Зовет,
Зовет
И летом и зимой:
– Дом-о-ой!»

Коршево мы покидали ближе к вечеру. По дороге ели вкусные моченые яблоки, которыми нас угощала Фекла Ефимовна, и вспоминали о том, как она рассказывала о сыне.

Она его любила. Она его очень любила. Как и любая мать, своего сына.

Андрей МАРЧЕНКО

Оксана Сотникова

МЫ У НЕГО УЧИЛИСЬ

Ежегодный Всероссийский конкурс по истории среди старшеклассников – «Человек в истории. Россия XX век». Не ради победы решила принять в нем участие Оксана Сотникова. Ее потрясла трагедия, произошедшая в родной Ячейке – погиб любимый всеми учитель Алексей Игнатьевич Бычуткин. Жил, как все – ничего героического... Но смерть, как ударом молнии, высветила его обычную биографию: вся она – подвиг. Почему о прекрасном в человеке зачастую узнаем после его ухода? Почему нет должного внимания к ближним – среди них столько примеров для подражания, что любые литературные герои меркнут.

Как жил ее учитель и как всем надо жить – вот о чем хотела рассказать миру и своим ровесникам сельская школьница. Выведена первая строка –

«Учитель – не тот, кто учит, а тот, у кого учатся...»

Начинаю писать о человеке, судьба которого внесла такую ясность... Сам по себе человек Человеком не становится. Не слова из песни, а истина – «родительский дом – начало начал». Став взрослыми, продолжим ли мы своей жизнью эти «начала», на которых держится все лучшее в мире.

Слова остаются словами – зачастую

мы их просто не слышим. Разве «несовременные» родители понимают, как нам надо жить в сегодняшнем дне, так не похожем на их молодость, на их духовные и нравственные ценности? Мы же «продвинутые»...

Остановись и задумайся: именно в твоём роду те герои, которые победили в Великой Отечественной, подняли государство из руин в послевоенное время, освоили безжизненное пространство целины Казахстана, жертвовали многим, чтобы наука ни в чем не знала ограничений. встала на ноги и послала в космос Юрия Гагарина... Ради мира, дружбы между народами, – вспоминают взрослые, – не о личном обогащении и благополучии думали – помогали всем, кто страдал от нужды, голода, зависимости от сильных и бесчеловечных...

Родители, родные и близкие моего учителя... Игнат Иванович, его отец – молчаливый, всегда сосредоточенный на деле. В семье – главный, его слово непререкаемо. Авторитет мудрого семьянина, видно, позволил односельчанам избрать Игната Ивановича председателем сельского совета – пусть и из односельчан создает единую семью, пусть и в нашем обществе будет главным. Оказавшись «при власти», никогда не пользовался никакими привилегиями, а дети были равными всем остальным

детям села...

Не воевал – слабое зрение, но он «рвал» себя на работе так, что понимали – трудится и за отца, и за родного брата, сражавшихся на фронте. Сохранилась грамота, свидетельствующая, что Игнат Иванович в свое время школы окончил с отличием. Но даже и мысли не было – учиться дальше. Надо «на ноги ставить» семью, родных, близких, помогать обездоленным...

Трагедия в семье – умирает жена, оставив Игната с двумя малолетними детьми. В дом приходит Мария, молодая односельчанка. И у нее с Игнатом родилось семеро детей. Почти во взрослом возрасте впервые узнали Саша и Люба, что Марии Павловне они были неродными. Все в семье равны, одинаково всеми любимы...

Большая семья, в которой главный воспитатель – труд. В селе не помнят даже малого конфликта, который мог возникнуть между Марией, Игнатом и их детьми – в эту семью все всегда шли за поддержкой....

...Так сложилось, что Екатерина Павловна Усова, родная сестра Марии, не обзавелась своей семьей, поэтому любовь и заботу свою – племянникам. Она верила в Бога. Говорят, что многие в Него верят. Одно дело, говорить и просто посещать храм, совсем другое дело – жить по-Божески. Анализируешь жизнь Бычуткиных и Усовых и понимаешь, что это значит – по-настоящему быть православными...

Вот в такой обстановке, созданной честными и порядочными людьми, воспитывался Алексей, младший сын Бычуткиных. Казалось бы, он, «любимчик», должен был быть избалованным вниманием и любовью старших. Такого не случилось. Младший постоянно стремился быть взрослым. С шестого класса на летних каникулах стал работать помощником комбайнера... Старшеклассником с другом Сергеем Сотниковым и старшим братом Владимиром при клубе организовали вокально-инструментальный ансамбль, который вскоре стал самым популярным в районе.

После окончания школы поступил в Бобровское культпросветучилище...

...И вот, считаю, самый кульминационный момент не только в жизни Алексея – всей семьи Бычуткиных. Время не простое. Наши ребята гибли в Афганистане. Рассказывают, многие родители стремились любой ценой «отмазать» от службы в армии своих детей – вдруг попадет в Афганистан!

Алексей имел законные основания на службу в армию не идти – самый младший сын при больной матери. И четверо старших братьев собираются на совет. Принимают единогласное решение в поддержку стремления Алексея – тот не мужчина, кто в армии не служил. Как талисман, как «особую инструкцию» через всю службу пронес напутственное письмо брата Сергея. Он это письмо цитировал друзьям и своим ученикам после возвращения из Афганистана. «Береги честь смолоду» – главная мысль, высказанная братом. – «Но знай, всегда помни – мы тебя ждем домой живым и невредимым»...

... Важные уточнения жены Алексея Игнатьевича Натальи Юрьевны Бычуткиной:

«Как мой муж относился к службе в армии, что он считал в ней главным? Вы бы знали, как он ждал повестку из райвоенкомата. Весенний призыв заканчивался, все его одноклассники призваны. Понимает, что ему придется ждать до осени – и он едет в военкомат с просьбой: призвать как можно быстрее. На призывной пункт он отправляется в день своего рождения – 28 мая...

...Вот письмо Алексею от Сергея:

«Получил от тебя письмо. Очень рад был ему, но не очень обрадовался местом твоей службы... Тебе, младшему, выпала ответственная миссия. Переживаем за тебя, но в то же время гордимся тобой. Служи, Алексей, так, как позволяет тебе совесть... Хочу сказать одно: береги себя, ни в коем случае не делай глупости (имею в виду нарушение требований, которые к вам предъявляются), одно запомни, все беды идут из-за халатности, пренебрежения настав-

лениями. Вообще, Леша, имей всегда голову на плечах...»

Вскоре все мы, кроме его мамы, узнали, где служит Алексей. Маме не сказали, не смогли. В письме Сергей писал брату:

«Леша, спрашиваешь, писать ли домой или нет? Думаю, что надо написать, ведь все равно мама будет чувствовать. Только ты пиши домой все хорошее, ну, сам понимаешь... Мне пиши обо всем, что наболит... Береги себя. Один неверный шаг может зачеркнуть все».

Вот выдержки из писем Алексея к маме:

«Здравствуйте, дорогие, родные, любимые – мама, тетя Катя и все, кто сейчас дома... Служба проходит хорошо. Вчера весь день отдыхали. Утром и вечером ходили в кинотеатр, смотрели фильмы очень хорошие».

«...У меня все хорошо, все в норме. Со здоровьем тоже все хорошо».

«...Жив, здоров. Сегодня 19 июля. Идет второе лето, как я уехал из дому. Время прошло быстро».

«...Скоро мой день рождения – будет ровно два года, как я в армии... Год пролетел незаметно. За этот период освоился – будто всегда только и знал, что службу...»

«...Вспомнил себя маленьким... Бегал босиком по лужам. Даже не верится, что вырос. Помнишь, мама, еще в седьмом классе ты мне говорила, что надо готовиться к армии, а я отвечал, что еще не скоро... Пролетела школа и служба подходит к концу – такие-то они дела».

«Мама, Лена пишет, что ты волнуешься за меня. Это ты зря. Мне, наверное, легче служится, чем моим братьям. О том, как кормят, – и говорить нечего! Класс! Округ, в котором служу, по питанию лучше всех... Друзей здесь у меня много – всегда помогут. Три раза в неделю ходим на фильмы в ДК...».

А в письмах к Сергею:

«...Народу в роте мало. Прибыли молодые, но их никуда не ставят... Им же пока все незнакомое, непонятное... Заступая в боевой охранение, прихо-

дятся одевать бушлат, ватные штаны... Словом, тащим службу за себя и за того парня»

«...730-й день службы, который страшно вспомнить...»

В каждом послании счет дней, оставшихся до увольнения – «как же хочется домой!»

К сестре Валентине:

«Службу продолжаю вдалеке от родных мест, и вы это знаете. Жаловаться не на что. Работаем, дрова на зиму заготавливаем... Где я служу, редко воюют, поэтому за меня волноваться не надо... Меня назначили командиром отделения...»

«Маме уже написал. Я от нее письмо получил – сама написала. Я так ему обрадовался, раз десять, наверное, перечитывал!» (Дело в том, что Мария Павловна была, мягко говоря, малограмотной – писала с великим трудом).

...Служил он в ущелье Панджшер, у кишлака Руха, в разведроту. Все сослуживцы, как и он, из многодетных сельских семей. В солдатской среде говорили о том, что есть негласная установка – на службу в Афганистан призывать из многодетных семей. В случае гибели сына, родители не останутся одни...

...Место службы – одно из самых опасных. Через это ущелье шли караванные пути, снабжавшие моджахедов оружием. Сфера влияния авторитетного лидера Ахмад-шаха Масуда...

«...Первостепенная задача – поиск, обнаружение врага...Экипировка бойца весит 30-40 килограммов... С собой – только необходимое. Самое необходимое – оружие и боеприпасы... В пользу боеприпасов жертвовали продовольствием. Были бы патроны – выживешь и не проголодаешься. Отъестся можно будет после возвращения в часть...»

... Получил в награду грамоту за подписание М.С.Горбачева, медали «За боевые заслуги», «За отвагу»... Вернулся Алексей Игнатьевич из Афганистана летом 1988 года...

Вера Игнатьевна, сестра, вспоминает:

«Мы с мамой и тетей Катей долгое

время по очереди наблюдали за окном комнаты, где ночевал Алексей – он почти не спал, курил».

...Тщательно собирал газетные и журнальные статьи о бывших событиях в Афганистане. Не соглашался с «диагнозом», который пишущие ставили побывавшим там – «афганский синдром». Говорил: «Им не заболеешь, если знаешь, что выполняешь долг перед страной...»

...Окончил спортфак Липецкого педагогического института. Постоянное желание – побывать с сослуживцами без оружия в Афганистане в тех местах, где провел полтора года. Фильм Ф. Бондарчука «9-я рота» смотрел не раз и не два... Не согласен был с убийственным выводом фильма: подвиг, гибель солдат оказались никому не нужными – Афган – ошибка советского правительства...

...С пятого класса он в нашем классе преподавал географию и основы безопасности жизнедеятельности. Очень интересными были его уроки – за осно-

ву рассказа всегда брал свой жизненный опыт.

С седьмого класса стала посещать стрелковый кружок, которым он руководил. Каждый год участвовали в районной военно-патриотической игре «Орленок», в которых почти всегда были первыми...

Ребята, мои одноклассники, видели в нем идеального мужчину, защитника Отечества и справедливости. Все хотели быть похожими на него...

... Вечером 6 июля 2006 года на тракторе возвращался с сенокоса. Остановился в центре села, направился в магазин, и был сбит грузовым автомобилем...

Ушел ли он от нас? Остался. Остался в нашей памяти, в сердцах своих учеников, чтобы помогать нам жить в трудное время и воспитывать своих детей так, как воспитывал он нас, прошедший Афганистан, любивший маму, Россию, почитавший старших братьев и всех, кто жил просто и честно».

**Государственное бюджетное учреждение культуры Воронежской области
«Журнал «Подъём»**

Директор-главный редактор Щёлоков И.А.

Учредитель: Департамент культуры и архивного дела Воронежской области

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан); номер страхового свидетельства государственного пенсионного страхования; банковские реквизиты (название местного банка) СБ РФ: корсчет, БИК, расчетный счет, ИНН; в назначении платежа указывается номер филиала и лицевого счет клиента.

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

Корректор Кобелева Л.В.

Художник Зибров Ю.А.

Компьютерная верстка Вовчаренко И.К.

Адрес редакции: 394036, г.Воронеж, пр.Революции, 3а.

Телефоны : директор-главный редактор — 253-14-50, заместитель директора-главного редактора, ответственный секретарь, отдел поэзии — 253-11-28, отдел прозы, производственный отдел, корректор — 253-11-34, бухгалтерия — 253-13-77, отдел верстки — 253-14-09.

Факс : 253-11-34.

Электронная почта: podiem@mail.ru

Сетевая версия журнала «Подъём»: [http // www.podiem.vsi.ru](http://www.podiem.vsi.ru)

Электронный архив журнала с №1, 2001 г. по №6, 2008 г.: [http// www.pereplet.ru/podiem](http://www.pereplet.ru/podiem)

Журнал «Подъём» зарегистрирован в Минпечати РФ.

Свидетельство № 331 от 03.10.1990 г.

Рассылку журнала осуществляет цех экспедирования печати Воронежского главпочтамта: 394068, г.Воронеж, ул.Лизюкова, 2, ЦЭП.

Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться в ОАО «Воронежская областная типография — издательство им. Е.А. Болховитинова».

Подписано в печать 17. 03. 14. Формат 70x100 1/16 Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,00.

Перспективный тираж 3000 экз. Заказ 4302.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ОАО

«Воронежская областная типография —

издательство им. Е.А. Болховитинова»:

394071, Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73а.